

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Адрес редакции:
650099, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40.
Тел. 8 (3842) 36-85-14

Содержание

ПОЭЗИЯ

Геннадий Юров. От лица родной земли	3
Александр Ибрагимов. Я – Есть!	18
Любовь Колесник. Где-то в ржевской земле	21
Дмитрий Клёстов. Поэтическим взвесить умом	33
Владимир Каганов. Путь к далёкой радуге	36
Алексей Ерошин. Демарш	48
Анатолий Иленко. Родной деревни нужный гражданин	51

ПРОЗА

Михаил Казанцев. Здравствуй, жизнь солдатская. Рассказ	8
Людмила Танкова. Последний день его войны. Рассказ	14
Иван Тертычный. Два рассказа	23
Елена Трухан. Тальничина. Рассказ	28
Владимир Шумилов. Два рассказа	38
Владимир Каденко. Ошибка отца Паисия	53
Игорь Герман. Два рассказа	61
Марина Черноскутова. Металлолом. Рассказ	68

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Татьяна Христенко, Александр Катков, Ольга Голубева, Мария Заболоцкая, Дина Нагорнова	79
--	----

КНИГА ПАМЯТИ

Лидия Кулиничева. Война не прошла мимо	82
Ольга Крылик. В блокадные дни	86
Владимир Маурин. Второй фронт Шуры Ананьиной. Очерк	88
Татьяна Кравченко. Сыны Горной Шории – сыны России (по материалам Книги Памяти шорского народа)	92
Письма отца. Предисловие и публикация Владимира Соколова «Я живу в 45-м». (О поэте Николае Суменкове). Подготовила Вера Лаврина	96
Трофим Шалакин. Записки шахтёра	100

ПУБЛИЦИСТИКА

Эдуард Анашкин. Жить и помнить. (К 80-летию со дня рождения Валентина Распутина)	113
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Екатерина Тюшина. Заповедное пространство Геннадия Юрова	120
Лётчик Пётр Изосимович Карманов. Подготовил Виктор Арнауты	125

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Вячеслав Лютый. Поводырь	137
--------------------------------	-----

СВЕТЛИЦА

Алёна Голева. Ноты, спасающие жизнь... (Странички из дневника женщины, которая верила) Дарья Тартышина. Стихи. Анастасия Селеткова. Салют победителям. Анна Горбовская. Стихи. Каролина Митрофанова «Утро дремлет на ветках рябины». Настя Столярова. Стихи. Светлана Яковлева. Красавица-рябинка. Сказка	150
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2016 год	
Руслана Ляшева. Классика и народность – душа нашей литературы	158
Нина Сурова. Слово о поэзии	159
Евгений Чириков. Радует плюрализм	161
Николай Ничик. Разновидности подснежников. Какие они навеяли размышления?	163
Даниэль Якобсон. Письмо из Германии	164
Ольга Яковлева. Заметки пародиста	164

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий Плющев. Валентин Катаев – противоречивый и непредсказуемый	166
Галина Карпова. Шахтёр и плотник с душой поэта. (К 75-летию со дня рождения Дмитрия Клёстова)	168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	170
--	-----

Геннадию Евлампиевичу Юрову – 80 лет

(1937–2016)

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

*Нету истин бесспорных,
А есть их познания грусть,
Бремя вечных вопросов
В ребёнке, в учёном, в поэте...
– В чём же смысл бытия?
– Я об этом судить не берусь,
Но про жизнь про свою
Я, пожалуй, сумею ответить.*

*– Ну, а есть ли судьба
Или, как говорится, звезда?
– Да, я верю в звезду,
Что во мне принимает участие.
– Ты счастливый?
– Не знаю.
Порою казалось, что да.
Но с годами меняется
Наше понятие о счастье.*

*Время лечит. Всё так.
Разменявшие возраст утрат,
Не лечило бы время,
Что годы бы сделали с нами?
Но наступит предел,
За которым, сняв белый халат,
Этот доктор и маг
Разведёт безнадёжно руками.*

*– И придёт отчужденье?
– Оно не придёт никогда.
На судьбу человека
Планета богаче отныне.
Ты живёшь в чьей-то памяти.
Светит кому-то звезда.
Бремя вечных вопросов
Тебя и тогда не покинет.*

Солнце бросило впереди,
 Как жар-птицу,
 Восходное марево
 И зовёт на палубы льдин
 Ребятишек с сачками марлевыми.
 Очертанья прибрежных скал
 Будто сразу придвинулись ближе,
 И в бору парнишка сорвал
 Поцелуй у девчонки рыжей.

Всё, что нужно убрать, забыть,
 Унесут потоки весенние.
 Выметайте сор из избы
 На всеобщее обозрение!
 Кто в разладе был – разберитесь.
 Кто вражду таил – помиритесь.
 Пусть без пятен к нам сверху льётся
 Половодьем умытое солнце!

Собирайся на вече, народ.
 Неужели ещё не знаете?
 На реке ломается лёд.
 Лёд ломается,
 Понимаете?!

ВЕСЕННЯЯ УЛИЦА

Куда идёшь ты,
 улица Весенняя?
 Шаги твои воздушны и легки.
 Качельное,
 шальное,
 карусельное
 Движение к реке
 и от реки.
 Твои маршруты
 мне близки и любви,
 С собой побольше спутников зови!
 Здесь молодые
 солнечные губы
 Пронесят объяснение в любви.
 Здесь тополя исполнены значенья:
 Им дай сигнал –
 и мигом зацветут.
 Здесь детские коляски
 по теченью,
 Как синие кораблики, плывут.
 На этой улице
 все голоса созвучны.
 У неба и земли – один настрой.
 И если даже
 вас несчастье мучит,
 Её не обходите стороной,

Когда в душе
 слепая непогода,
 Когда в мечту не верится,
 когда
 В сверкающем разливе ледохода
 Видна лишь мутная и грязная вода.
 Каким бы горем
 не были вы согнуты,
 Какой вас
 не преследовал бы страх,
 На этой улице
 забудьте ваши омуты!
 Несите, люди,
 родники в глазах!
 Как верный берег, верное спасение,
 Как остров счастья
 в юношеском сне,
 Есть во Вселенной
 улица Весенняя!
 Куда ведёшь ты,
 улица Весенняя?
 И отвечает улица:
 «К Весне!»

* * *

Здесь яркое лето цветами
 Взойшло на полянах лесных.
 Когда над землёю светает,
 То это светает от них.

Составы проносятся мимо,
 Не ведая, что испокон
 На каждую женщину мира
 Здесь добрый букет припасён.

Я вышел из леса с цветами,
 Вспугнув на опушке росу.
 Я дерзкое яркое пламя
 В руках через город несу.
 Несу я дыханье просторов,
 Шум леса и всплески зари.
 На окнах раздвинулись шторы...
 Что, милая, смотришь?
 Бери!

Цветы голубого отлива
 Вплети в золотую косу.
 Красивою будь
 и счастливой.
 Бери! Я ещё принесу!

СОЛОВЬИ В СИБИРИ

Поют в Сибири соловьи
 На языке на нашем, русском.
 Как вы попали, соловьи,
 За целый материк от Курска?
 С дубравами расстались как?
 С озёрным обжитым уютом?
 На землю уронив рюкзак,
 Геолог замер на минуту.
 Над речкой замер каждый лист,
 Луну волною не качает...
 На прииске бульдозерист
 Мотор на время выключает.
 Поют в Сибири соловьи,
 Выводят трель витиевато.
 Спасибо вам, земной любви
 Искуснейшие дипломаты,
 За теплоту густых ночей,
 За горсти звёзд на небе синем,
 За ощущение России
 В краю суровых кедрочей.

* * *

Иду по Северо-Востоку,
 По краю самому земли,
 Где снеговых обвалов рокот,
 Где океан седой вдали,
 Где звёздно, где рассветы робки,
 Как передышка краток день,
 Где замер на вершине сопки
 По мне тоскующий олень.
 Где рвётся к морю Амеузма
 По перекатам громовым,
 Река, что просится в поэму
 Уже названием своим.

Вдали от детства и от дома,
 На «золотом материке»,
 Вдруг хвойный стланик так знакомо
 Оставит запах на руке.
 От снежных шапок ветви гнутся.
 И оттого острее грусть,
 Что я домой могу вернуться,
 Но в детство больше не вернуться.

Полярным днём, полярной ночью
 Длинна дорога и трудна,
 И познаётся, между прочим,
 Всему насущному цена.
 Цена жилью, теплу и свету
 В снегах без света и тепла,
 Цена любви, что рядом нету,
 Удаче, что вперёд ушла.

Я эту грусть гоню украдкой,
 Мне далеко ещё шагать.
 Присяжу у ключа Загадка,
 Чтоб ту загадку разгадать.
 Потом в распахнутом распадке,
 Где каждый камень на виду,
 На тонкий контур куропатки
 Свою «курковку» наведу.
 И не досадуя, что смазал,
 Понаблюдаю, как взлетят
 Сто вихрей белоснежных сразу,
 Лишь крылья мяеко про шумят.

И одиноко-одиноко
 За стаяей, скрывшейся вдали,
 Пойду по Северо-Востоку,
 По краю самому земли,
 Где перевал без торной тропки,
 Где спуск опасен с высоты,
 Где затаились самородки
 Скупой суровой красоты,
 Где очень трудно быть счастливым,
 Где новый зов в летящем дне...
 Ушёл к Берингову проливу
 Олень, тоскующий по мне.

* * *

Ночь незрячая сентября.
 В небе ветра осенний обряд.
 В небе поздняя стая гусей.
 Ранний снег бьёт картечью по ней.
 И в предчувствии ранних утрат
 Гуси раненые кричат.

А внизу их спасенье – река.
 Над рекой бывший лагерь, «з/к».
 За остатком колючих оград
 Ныне просто капустный склад.
 В низких окнах уютный свет...

Но для птиц пристанища нет.
 Только проволоки клочки.
 Да ружейных стволов зрачки.
 Да откуда-то со двора
 Зажигают прожектора.

Гуси слепнут, вершат круги
 И не могут найти реки.
 Только выстрелы – влёт, с плеча.
 Птицам больше не закричать.

И нахлынула тишина.
 Ничего не забыла она.
 Ночь незрячая над Колымой
 Вдруг становится глухонемой.
 Лишь тайга шелохнулась в ночи.
 Но шепнули ей сопки: «Молчи!»

ОСЕНЬ В ЖУРАВЛЯХ

Памяти поэта Игоря Киселёва

Мы попали в эту осень,
Где ромашки полегли,
Где покинутые гнёзда
С нежным запахом пера.
Потому ли, что деревню
Называют Журавли,
Потому ли, что настала
Перелётная пора...

Мы обязаны капризу
Или выбору судьбы,
Что попали в эту осень
В первый и последний раз...
Наши женщины уходят
По рябину, по грибы,
По лекарственные травы,
Исцеляющие нас.

Под осиной подосиновик
Подточен – не сорви!
Над кедровником кедровка
Прокричит издавека...
Наши женщины уходят
В поздний лес своей любви,
Где летают паутинки
И где ягода горька...

Нас безмолвно окликают
Птичьи контуры домов,
Будто стая приустиала
И присела на яру:
– Вы бежали в эту осень
От трамваев и дымов?
Ваш побег осудит Город,
Спохватившись поутру.

Вот он встал на горизонте
За излучкою реки –
Там смятеньем и восторгом
Наполняли мы весну.
Чистые – в борах и душах –
Сохраняли родники.
И выращивали строки,
И несли свою вину...

...Счёт вели земным утратам,
Сколько их – сойти с ума!
Мы бежали в эту осень,
Как бегут берёзы прочь,
Будто знали о природе
Больше, чем она сама,
Потрясенные прозреньем
И бессильные помочь.

Перелётный, журавлиный,
Бередящий душу клич.
На земле длиннее тени –
Меньше света, больше тьмы.
Мы попали в эту осень,
Чтобы истину постичь:
Знает мудрая природа
То, чего не знаем мы.

Терпеливая, позволит
Прочитать себя с азов,
В срок назначенный предъявит
Материнские права...
Мой товарищ обернулся
И пошёл на этот зов.
Только молча расступились
И сомкнулись деревья.

Только крылья прошумели
Сквозь багряную листву.
Только лёгкий бег оленя
По кустам прошелестел.
Только женский крик разлуки –
Безутешное «ау» –
Укатился дальним эхом
За неведомый предел.

Журавлиный клин прощальный
Прорезает облака.
У тебя иное время –
Торопиться нет причин.
Подожди меня в долине
У лесного родника.
Там докурим, домечтаем,
Допоём и домолчим.

Я приду с хорошей вестью:
Память о тебе светла.
Подожди меня у плёса,
У берёзовых костров...
Вот с долгами расплачусь я,
Переделаю дела.
Знаем мы – в стихотворенье
Не должно быть лишних строф.

...Пожелаем счастья близким,
Вспомним недругов незло,
И пылающую осень,
И деревню Журавли...

Улетели наши птицы.
Ну а всё же – повезло
Дорогое молвить слово
От лица родной земли.

ОЗЕРО ТАНЦУЮЩИХ ХАРИУСОВ

*А ночи не было. Был только сумрак синий,
Да на вершинах чуть заметный иней,
Да озера незыблемая гладь.
Но вот заря зарделась недалече.
И озеро рванулось ей навстречу.
И перекат запел на ста наречьях.
И хариусы вышли танцевать.*

*Я – зритель небывалого балета.
Я в зал стозвонный впущен без билета.
Мне это место кажется отменным,
На валуне у стен Аборигена,
Где рампа утра радугу лучит.
А позади, по сопкам и пригоркам,
Шумит кустов зелёная галёрка,
И по ущельям каменным торопко
На зрелище стекаются ключи.*

*Танцуют хариусы. Как они танцуют!
Они как будто белый свет целуют.
Летят по воздуху и – разом замирают,
Лишь плавников подвижны веера.
На дно ныряют, толщину замеряют,
Зарю хватают, в воду окунают
И мчатся за полётом комара.*

*О Колыма! Моя седая сказка.
Прости, я тайну предаю огласке.
Нельзя такое прятать от людей,
Нельзя, чтоб не видать такого блеска,
Нельзя, чтоб не слышать такого плеска
На озере в зелёных перелесках,
Под утреннюю музыку лучей.*

**Михаил
КАЗАНЦЕВ**

ЗДРАВСТВУЙ, ЖИЗНЬ СОЛДАТСКАЯ

Рассказ

I

«А скоро станция Калачинская», – доверительно и как добрым соседям объявляет проводница нашего вагона сопровождающим призывников сержантам. Это уже не вчерашняя, средних лет строгая женщина, а её юная сменщица, которой немного за двадцать. Она в меру симпатична, слегка подкрашена, на голове – довольно изящная стального цвета пилотка, превращённая с помощью простого утюга из положенной к её форме беретки. Она не спешит, ждёт реакции на своё сообщение и, стараясь показаться для двух потенциальных женихов более привлекательной, добавляет, что поезд будет стоять только десять минут, если они что-то захотят взять в пристанционный магазине. На призывников она внимания не обращает, мы для неё не женихи. Очень недружелюбно она относится и к дембелям, что просачиваются из соседнего вагона с опаской, чтобы не попасть на глаза нашим сопровождающим. Это дембеля из стройбата, они стараются тихонько, вполголоса выпросить у призывников что-нибудь из одежды, объясняя, что всё равно все гражданские шмотки пойдут на протирочный материал для армейской техники. Моя большая светлая кепка, которая сопровождала меня последние месяцы по полям и фермам в моих редакционных командировках, вполне добровольно перекочевала в руки малоопрятного и жалкого на вид сапёра и была им тут

же без благодарности упрятана под гимнастёрку, должно быть, чтобы бывшие сослуживцы не отняли. Слава богу, что эта памятная для меня кепка осталась на моих фотографиях той поры.

Поезд, плавно притормаживая, останавливается. Под высокой насыпью, далее за вокзалом, отдельно стоит тесный магазин смешанных товаров. Это уже Омская область, значит, к вечеру будем на месте. Последняя мятая пятёрка из моего расчёта за последний мирный труд просится и подталкивает к деревянному прилавку с ожившей от наплыва покупателей продавцом. Она привычными и ловкими движениями подаёт большинству спешащих пассажиров бутылки с недорогим вином, не обращая внимания на некоторых, пытающихся дождаться сдачи в десять-двадцать копеек. После схлынувшей очереди я уже готов был шагнуть к прилавку, чтобы купить себе прощального вина, но совсем неожиданно что-то блестящее и притянувшее мой взгляд сверкнуло в полистироловой прозрачной коробочке на витрине. Внимательно взглядевшись, я с радостью понял, да, ошибки быть не могло, это губная гармошка, причём немецкая, Weltmeister, и моей пятёрки как раз хватало на неё. Удивлённая продавец подала мне из витрины коробочку и ожидала, что я проверю или опробую инструмент, но я, расплатившись, вернулся в вагон и, слегка смущаясь вниманием своих незнакомых ещё сослуживцев, тихонько

КАЗАНЦЕВ Михаил Андреевич родился в Кемерове в 1945 году, с 1952 года жил в Калтане. Окончил истфак Томского государственного университета. Служил в армии, преподавал в техникуме, школе, трудился в шахте на подземных работах. Ветеран труда. Печатался в газете «Калтанский вестник». Живёт в деревне Верхний Калтан.

извлёк звуки, пока только гаммы от до, ре и далее. Я был доволен, гармонь оказалась любимой тональности. Поезд почти незаметно трогает, а я, постепенно усиливая звук, начинаю выводить мелодию, созвучную нашему настроению.

*Насмотришься, зорька, в реченьку,
Пока речка не вымерзла,
Пока ива над речкою
Зеленым-зелена.
Ты, хорошая девушка,
Наглядишься на любимого,
Скоро милому в армию,
Скоро будешь одна...*

Ещё задолго до Омска наши серьёзные сопровождающие предупредили, чтобы мы были готовы к высадке и не забывали своих скудных вещичек. Перед самой остановкой в вагоне вновь нарисовался капитан и проверил по списку наличие всех его подопечных. Вид его был бодр, бритые щёки гладко сияли. Высадка прошла без лишней суеты, мы, как овечье стадо, быстро выкатились на перрон и под руководством капитана вошли в почти пустой зал ожидания просторного вокзала. Сидя на массивной вокзальной скамье, под высокими старинными сводами, я пытался представить себе этот зал, каким он был полвека назад, когда мой молодой, двадцатилетний дед добровольцем отправился из этого города на фронт, где с честью погиб в бою за веру, царя и Отечество в чине младшего офицера. А капитан наш в это время по телефону-автомату вызывал из части автомобиль, громко называя свою должность и звание. Фамилия его была Кабыхнов. Я не филолог и его фамилию мысленно произвёл из выражения «кабы (хоть бы) хны», говорящего о сверхспокойствии её носителя. За прошедшие сутки мы его увидели второй раз. Должно быть, он оставался уверенным, что порученная ему для сопровождения команда призывников из сельской местности не доставит в пути беспокойства. Нам он тоже не причинил никаких лишних хлопот. Жаль, что этот здоровый спокойный капитан после прибытия в часть оказался командиром не нашей роты и даже в другом батальоне.

В заставленной железными двухъярусными кроватями казарме нас встретил пожилой неразговорчивый старшина. Лет сорока, с желтоватыми кустистыми бровями и такого же оттенка короткой шевелюрой, он довольно громко, но без

крика и лишних построений принял нашу команду у сопровождающих сержантов и разъяснил, чем мы будем заниматься в первые часы нашей службы. Самое приятное, что нас ожидало после суток, проведённых в дороге, была баня.

Снаружи казармы уже было темно и холодно, и мы, построенные в колонну, ещё не в ногу бодро зашагали во главе со старшиной за территорию части, ограждённую высоким деревянным забором. В редком мелком березняке через пару сотен метров от воинской части находилась баня. Вдоль раздевалок слева и справа стояли широкие деревянные скамьи, на бревенчатых стенах были набиты крючки для одежды, однако старшина строго объявил и повторил, чтобы все свои вещи и поклажу мы сложили на скамьи, предварительно вынув часы, ручки, записные книжки, а также «мыльно-пупырные принадлежности», к коим отнёс, кроме мыла, зубную пасту и щётку.

Первые казённо-армейские выражения, услышанные на службе от старшин и прочего младшего командирского состава, вызывали безобидную ироничную улыбку. Зато в дальнейшем хамско-матерная речь офицеров, иногда и старших, становилась такой раздражающей и унижительной, что только осознание того, что не они же главенствуют в армии, ведь есть грамотные и настоящие отцы-командиры, успокаивало и заставляло не впадать в уныние.

А пока мы, голенькие, порядком уставшие, с «гусиной» кожей, по команде старшины ввалились в «помывочный» зал солдатской бани. Унылые стандартные жестяные тазы, серые осклизлые скамьи и отсутствие парной не смогли убавить чувства радости и даже блаженства от горячей воды и её неограниченности. Однако долго блаженствовать нам не пришлось. Что-то важное торопило нашего старшину. После помывки построенные по росту в две шеренги вдоль раздевалки, стояли мы, малоотличимые, друг против друга, а между нами ходил он и сквозь рыжеватые, светлые ресницы оценивающе бросал взгляд на очередного новоиспечённого воина, при этом громко называя размер рубах, кальсонов, гимнастёрки, шапки, сапог и прочих предметов обмундирования. Его команды тут же исполнял его помощник, официально представленный как каптенармус ефрейтор Вася, который был росточком едва более полутора метров, со стеснительной детской улыбкой и явной задержкой в умственном развитии. Через пару месяцев он ис-

чез, то ли комиссовали, то ли перевели в другую часть. А обязанности каптенармуса стал исполнять наш же курсант, приглянувшийся старшине за весёлый нрав, исполнительность и расторопность, а ещё, наверное, за то, что был он светлорыж, как и старшина, у которого уже дочка была на выданье. Дурёха, с трудом окончившая после восьмилетки какие-то курсы, сидевшая на шее у папы, тоже была рыжая.

А мы меж тем, облачившись в форму, топали в часть. Я с благодарностью вспоминал мать, которая в детстве ещё научила меня правильно наматывать на ноги портянки. Наша гражданская одежонка, как и обещали дембеля в поезде, была отправлена на протирочный материал.

Прощай, одежда штатская, здравствуй, жизнь солдатская!

II

В тёплых длиннополых бушлатах или, как их называл старшина, «куртках ватных однобортных» легко и удобно шагалось в сухой холодной темноте. В громадном зале солдатской столовой нас ожидало второе удивление – команда старшины «Приступите к приёму пищи!». А следующим удивлением стала сама пища – миска «шрапнели» (перловки на воде) и чай. К каше я, и не только я один, не притронулся. Даже алюминиевая чашка тускнела слоем грязного кулинарного жира. Старшина хитро поглядывал из-под своих строгих бровей на нас, похаживая меж рядами столов, будто не замечая, как некоторые новобранцы «кочевряжатся, воротят нос» от солдатской пищи. Только через несколько дней, когда, увидев, что мы, несколько человек, ранее «воротивших нос», уллетаем «шрапнель», хитро улыбнулся, а в казарме, бесцеремонно показав на широкую угреватую морду сержанта, замкомвзвода, назидательно сказал: «Вот что значит уважать перловку». Да, спать и жрать первое время хотелось постоянно, потому что гоняли новобранцев, будущих младших командиров, с утра до вечера, как сидоровых коз. Да и вообще до принятия присяги в декабре нашим оружием были строительные инструменты для оборудования танкового полигона. Ряды новобранцев пополнялись и укомплектовывались в основном из соседних областей. Появились друзья-товарищи. За пару недель нашего пребывания в части из отпусков подтянулись командиры, от взводных до офицеров штаба. Среди командирского состава батальона только один наш знако-

мый старшина оказался бывшим фронтовиком. Кстати, когда я служил в армии, совсем немного оставалось на службе ветеранов войны, особенно среди старшинского состава. Помню трёх таких, что вызывали (и не только у меня) чувство уважения за справедливость, неспешную, немногословную мудрость и строгость. До сих пор, хотя мне уже семьдесят, помню негромкую фамилию своего ротного старшины. А вот другого, инструктора-водителя (он участвовал в сражении под Прохоровкой механиком-водителем тридцатьчетвёрки), уже тогда было слегка жалко. Дело в том, что довольно молодые бездельники – командиры подразделений – избегали к памятным военным датам делать доклады, а предпочитали пригласить «живой пример» – танкиста, участника великого сражения, с рассказом о своих подвигах. Описание подвига, кочующего от праздника к празднику из батальона в батальон, уже героическим не выглядело, даже судя по наградам на его кителе. А вот нос и щёки его всё ярче склеротически краснели прожилками от щедрых застолий, что накрывали штабные чины, не забывая поставить в свой отчёт жирную галочку о проведённой политработе к очередной победной дате. Но самым заметным и известным из старшин-фронтовиков был вовсе не танкист, а старшина учебно-стрелковой роты Солломко. Грешно не назвать имя такого человека. Его колоритная, крупная фигура и манера держаться, двигаться вызывали неподдельный интерес даже у нас, танкистов, не имеющих отношения к нему. В осенне-зимний сезон шинель его, вопреки уставу, всегда была нараспашку, шапка (а в тёплое время года фуражка) сдвинута или на затылок – признак отличного настроения, или надвинута на самые брови, что соответствовало крайнему неудовольствию. Уважали, побаивались и одновременно гордились им не только рядовые, сержанты, но и молодые офицеры. Старшие офицеры ценили его за авторитет у подчинённых и воспитательские качества, хотя, казалось бы, к воспитанию личного состава он мало имел отношения. Была в нём отеческая строгость и хозяйская заботливость о солдатах. Да, немного таких оставалось на службе.

Прошла почти неделя, и я, как и большинство, отправил письмо родителям, которые даже не знали, что меня призвали в армию. Расстраивать их тем, что на службе мне очень невесело, не стал, ведь, действительно, мне просто невесело, а не плохо. Мне уже двадцать один год, и за

плечами два курса вуза. Да и отцу, который даже в войну не служил, а работал на оборонном комбинате, вряд ли будут интересны армейские мои дела и заботы. Замполит «страшно» засекретил адрес нашего места службы. На конверте ничего, кроме «Омск-25, в/ч 42260» и литеры, обозначающей номер роты. Нынче, когда по ТВ передавали о трагедии в военном городке под Омском (обрушении трёхэтажной казармы и жертвах среди военнослужащих), я с трудом узнал место своей давней службы. При нас-то стояли ещё одноэтажные казармы, напоминающие просторные, добротные конюшни. А я в то время за физическими нагрузками и постижением воинских наук постепенно приходил в себя, становился служивым. Когда меня назначили ответственным за проведение политинформаций в роте, я сдуру обрадовался, потому что вместо беготни на три или пять километров каждое утро замполит обещал, что я буду усаживаться возле радио или телевизора и готовиться до завтрака к выступлению перед сослуживцами. Естественно, никто такой ерундой мне заниматься не позволил, но очередная галочка о выполняемой работе у замполита была поставлена. А если бы и случилось так, как обещал он, я бы чувствовал себя в лучшем случае неловко по отношению к моим товарищам. Зато к окончанию учёбы в полку, как и большинство, я получил три яркие знака военной и спортивной доблести, то есть стал классным специалистом и спортсменом-разрядником, хотя и не очень-то стремился к этому. Жёстко действовал закон военной учебы: не умеешь – научим, не хочешь – заставим! И некому поплакаться, потому что в присяге, которую мы приняли ещё в декабре, сказано «стойко и мужественно переносить все тяготы военной службы».

Снег в прииртышских степях сошёл быстро. Апрель обнажил прошлогоднюю рыжевато-серую траву. Ещё неделя, и наступит май, а там ярко и буйно зазеленеют травы под редким березняком и ультрамарином заголубеют степные цветы. А наши стриженные «под ноль» головы до сих пор не позволяют украсить даже короткой причёской, причём замполит ссылается, что это для нашей же пользы – «не будет лысины, как у меня». Это обстоятельство слегка утешало. Да и у нашего взводного лейтенанта, хотя он только на год старше меня, уже глубокие залысины, отчего он выглядит старше своего возраста. Но не только неприветливый внешний вид, а также необщительность с другими молодыми офицерами

делали его малоуважаемым даже для нас, его подчинённых. Меня, мягко сказать, он невзлюбил. Причина, конечно же, была. На занятиях политподготовки я не мог терпеть, когда он выдавал очередную порцию политической безграмотности. Будучи уличённым в глупости в очередной раз, он, разыгрывая экранного Чапаева, мог с гордостью сказать: «Мы академиев не кончали», а в дальнейшем поручал политподготовку сержанту. Обладая изрядной кривоногостью, подчёркиваемой любимыми им хромовыми сапогами, и скрипучим, как у вспугнутой утки, голосом, он и фамилию-то носил Крекотень.

Только накануне Первого мая, когда мы уже на афише прочитали, что в праздничный день в солдатском клубе будет демонстрироваться новый цветной фильм «Война и мир», нашему взводу было объявлено: завтра заступаем в караул. Мне ясно, что командир батальона так же, как и большинство, недолюбливает нашего лейтенанта за то, что тот вовсе не орёл и никогда им не станет.

Американскую экранизацию «Войны и мира» я видел во время хрущёвской оттепели, лет шесть назад, она просто очаровала меня, поэтому хотелось посмотреть широко разрекламированную версию С. Бондарчука, сравнить их. А такая возможность появилась только через несколько лет, однако впечатления от американской двухсерийной ленты к тому времени уже изгладились, изрядно подзабылись.

III

Дежурный офицер полка, который должен был проинструктировать нас, для начала и, как оказалось, окончания инструктажа бодро и весело спросил: «Ну что, орёлики, в караул ходили?» – «Так точно», – дружно, но невесело гаркнули мы. «Ну, тогда веди их в «караулку», принимай службу», – ещё веселей отозвался дежурный по части хмурому нашему лейтенанту, отвернувшись и удаляясь к штабу полка. Радостный, уже через час он поставит подпись в толстой прошнурованной книге о том, что за время его дежурства не случилось ни войны, ни других ЧП, и со спокойной совестью присоединится к развесёлой компании соседей и однополчан. Он не заметит, что рядом с его молодой женой только что сиял розовой хмельной физиономией при чёрных усиках и масляных глазках щёголь – неженатый сосед, тотчас пересевший с гитарой на диван и пытающийся подражать Высоцкому.

А понурый наш лейтенант в «караулке» не стал особо выслушивать слова сочувствия своего коллеги, начальника сменяемого караула, и, к великой радости последнего, вместо тщательной процедуры приёма-сдачи махнул рукой и, пожелав ему успешного праздника, сменил прошлый караул с его повеселевшим начальником. Тот в радостной спешке, в предвкушении праздничного застолья даже забыл взять из комнаты начкара книгу, что приносил с собой, дабы не скучно было коротать время. Лейтенант Крекотень через несколько минут, отдав распоряжение отдыхающей смене навести порядок, чтобы всё было «вылизано, как у кота...», а бодрствующей смене учить устав назубок, удалился в комнату начкара. Но пробыл он там недолго. Распахнув дверь, он появился в узкой комнате с длинным столом, за которым солдаты свободных смен обычно обедали или писали письма. В вытянутой руке он держал толстую, в несколько сотен страниц, с фиолетовой обложкой книгу. Позвав громко сержанта Лесникова, бросил её на стол плашмя и велел завтра тому после сдачи караула передать владельцу. Из того, с каким небрежением и равнодушием он держал, а затем бросил книгу на стол, становилось ясно, откуда его косноязычие и полуграмотная речь. Сержант взял книгу, бережно раскрыл её, а я уже знал, что это та самая, с «Избранным» любимого моего писателя, возвращённого читателю своей Родины всего-то лет десять назад. А сержант, мой добрый командир, возможно, впервые в жизни прочитав фамилию автора книги и название сборника (в школьной программе его не было), исподлобья своего мужицкого широкого лица хитроватыми небольшими глазками взглянул на меня и протянул её со словами: «Успевай читай, Миша». Обратился он ко мне не по уставу, назвав по имени, что допускал только при отсутствии вышестоящих командиров. Не сумев поступить два года назад в институт, он ко мне, бывшему студенту, относился очень доброжелательно, несмотря на суровый вид и огромные крестьянские кулаки.

Я, даже не присаживаясь, открыл книгу на оглавлении и жадно искал название моего любимого рассказа. О, радость и счастье! Он среди других, написанных в эмиграции. Всего два слова в названии, но они удивляли и ослепляли сознание, тянули тут же отключиться от всего окружающего, перенестись на борт летнего волжского парохода.

И вдруг что-то подтолкнуло меня обратиться ко всем, свободным от вахты, что сидели за письменным столом или пытались в комнате отдыхающей смены вздремнуть на жёстких топчанах, с предложением послушать рассказ. Как они согласились? Наверное, поверили мне, что он короткий, но про яркую и необычную любовь. А что же меня заставило увлечь своих товарищей из мрачного караульного помещения под лучи майского степного солнца? Основной причиной явилось стремление поделиться с сослуживцами тем, что мне было особо дорого, почти так же, как недавно я поделился с ними содержимым посылки, полученной от моих пожилых родителей. А в том, что сумею привлечь их внимание своим чтением, я не сомневался, потому что ещё в университете дважды выходил призёром в конкурсе чтецов. Но не мастерством чтения хотелось привлечь их, а гениальным талантом автора рассказа.

Человек пять, идя вслед за мной из «караулки», сели на скамейки рядом со входом, и я, раскрыв книгу, расположился прямо на крыльце. Из «колокола» радиовещания на высоком столбе звучала подходящая, не раздражающая музыка.

«После обеда вышли из ярко и горячо освещённой столовой на палубу и остановились у поручней», – первая фраза, медленно прочитанная мной, должна была увлечь слишком быстротечную сцену романа случайных попутчиков – возвращающейся с южного отдыха дамы и армейского поручика. В паузах между фразами я успевал бросать короткие взгляды на своих слушателей, чтобы оценить их реакцию, – доходит ли до них, трогает ли? Вася Винокуров, наш гармонист, а в миру (на «гражданке») – сельский тракторист и тугодум, внимательно смотрел в вечеряющую высь, с минимумом переживаний на круглом лице. «Сойдём, – повторил он тупо, – умоляю вас...» – «Ах, да делайте, как хотите», – сказала она, отворачиваясь». А за моей спиной тихонько отворилась дверь, из «караулки» к моим слушателям подсел сержант Лесников. Упёршись взглядом в вытопанную землю перед скамейками, он довольно быстро вник в суть повествования и, довольный тем, что уловил мысль автора, опустил голову и закрыл глаза. Всего две страницы рассказа посвящены любовной, казалось бы, мимолётной встрече поручика с прекрасной незнакомой женщиной. Но эти две страницы в считанные минуты увлекли и овладели душевным настроением моих суровых сослуживцев в такой степени, что остальные

пять страниц о переживаниях влюблённого поручика они дослушали с величайшим вниманием. Я был счастлив.

В поздних сумерках, когда уже начинали высвечиваться звёзды в майском праздничном небе, подошла моя очередь заступать на смену. Мой пост, склад ГСМ – огороженный колючей проволокой прямоугольник в чистеньком лесочке, с громадными, похожими на мамонтов, пасущихся в тёмном березнячке, цистернами с горючим. Было приятно в ночном одиночестве шагать в весенней свежести по тропинке среди ещё нераспустившихся берёз и складывать грустные строчки:

*Удары сердца в голову тугие,
И жизнь не жизнь, а смертная тоска...
Ну как, скажите мне, от ностальгии,
Какой «Зубровкой» душу заласкать?
Есть где-то дом и мать совсем седая.
Есть в горле ком невыплаканных слёз.
Есть глупость слов, и грубость назиданий,
И гром бездождевых весенних гроз.
И грозы мимо громахают где-то,
Как будто грусть о том, что я умру...
Приходит май, и скоро уже лето.
А я хочу к сентябрьскому костру.*

Поделиться своим ночным творением мне не с кем, ведь даже самые близкие мои два приятеля далеки от поэзии, поэтому оно молча уходит, как и прочие, в маленькую записную книжку и в очередное письмо университетскому другу.

Заканчивались праздничные караульные сутки. О том, что это был первомайский наряд, напоминало, как это ни странно сейчас, только немного необычное меню на обед. В те годы, когда солдаты тянули ляжку по три года, существовали «компотные» дни, когда в обед на третье полагался компот и пара тоненьких кусочков горбуши. Это было в праздничные дни. Во все остальные – кисель. Довольные тем, что скоро нас сменит новый караул и мы успеем в клубе посмотреть хоть «Чапаева», обсуждали когда-то увиденные фильмы, сидели, курили. Солнце было ещё высоко, по-майски празднично светило, а в это время сквозь плотные слои атмосферы гибельно-стремительно неслась в объятия матери-земли капсула с космонавтом В. Комаровым, у которой не сработали тормозные парашюты, но об этом мы услышим только через полчаса из того же «колокола», из которого пока гремела торжественная праздничная музыка.

Людмила
ТАНКОВА

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЕГО ВОЙНЫ

Рассказ

Семён Перевалов шёл по светлому лугу. Вокруг цвели белоснежные ромашки, и от них тянул ледяной ветер. Ослепительное солнце выхолаживало всё кругом, сковывало руки и ноги, от этого становилось тяжело идти. Ноги топтались на месте, будто пробуксовывали.

Справа на лугу каплями начали расцветать красные, как кровь, маки. Они стали перебегать с места на место. Чем ближе подбегали они к Семёну, тем больше и кустистее становились. Хотелось бежать от назойливых цветов, но ватные ноги не отрывались от земли.

Совсем рядом громадный алый мак с треском распустил лепестки, вцепился в тело колючими листьями, превратившись в чертополох. Хотелось кричать – кричал, не слыша своего голоса.

Тёплые мягкие руки оторвали колючки от тела. Это мама. Семён совсем не помнил её лица, только руки, хотя, когда она померла, ему исполнилось двенадцать лет.

«Сеня», – позвала мама. Голос становился всё грубее и скрипучее.

– Сеня, Семён, – тряс за плечо Тихон Тишakov, дорогой друг и боевой товарищ.

Сон медленно рассеивался, и сознание нехотя возвращалось со светлого алтайского луга в промозглость окопа под Грозным. Хотел оттолкнуть руки товарища, не смог. Руки и ноги оказались скованными так, будто на них кандалы надели.

– Не рыпайся сильно, – тянуче сказал Тихон, – ночью дождь моросил, как ты пришёл. Вот

а теперь морозец прихватил шинелку. Так что ты сиди, а я по тебе постучу.

– Лучше ты по нему потопчись, – пробурчал Поликарпыч, – молодость, как дурость, ни о чём не думает. Расея – это тебе не Сибирь, здесь и в феврале, как у нас осенью: дождь идёт да следом за собой мороз ведёт. Вот ты завалился мокрый спать, тебя и скукожило. Да не дёргайся сильно, а то галифе сломаешь.

– Нашему Семёну галифе сломать что до девки сбегать, – загоготал Данило Питерский.

Перевалов совсем проснулся, понял, что вся его амуниция закована морозом в ледяные латы. Пехота вокруг уже готова была потешиться над бессильем человека в морозном панцире.

– Э-э-х! – Семён подпрыгнул на месте. Как сидел скрученный да спелёнатый, так и подпрыгнул, ну тебе лягушонок на болоте.

– Эн-ка, друг мой Тишаня, поддержи-ка винтовочку да гляди прицел не сбей, а то беда будет.

– Ну и кака така беда прилетит от винтовочки? Солдаты в окопе подняли головы, что-то ещё выкамурит этот баламут Семён.

Молодой, высокий и очень худой солдат в смёрзшейся шинели подпрыгнул ещё раз, но упал на бок – ни шинель, ни галифе не хотели распрямляться. Поднялся на четвереньки и безразлично сказал:

– Собыёшь прицел у винтовки, а она и обидится. Вместо того чтобы по фрицам стрелять, начнёт пулять по Тихону Тишakovу.

ТАНКОВА Людмила Александровна родилась на Алтае в 1950 году. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Выпустила книги: рассказов – «Время светлых ветров», «Кипение крови», детские – «Снежные лебеди», «Солнечная девочка», «Обиженный гребешок». Публиковалась в «Огнях Кузбасса». Живёт в Новокузнецке.

– Врёшь... – недоверчиво пробормотал дружок, но винтовку бережно взял на руки, как берут дитё.

– Да ему соврать – недорого взять, – хмыкнул Поликарпыч. – Вон Сидорчукин до сих пор котелок носит на верёвке спереди, чтобы вражины не отстрелили его мужскую честь.

– И ничё не ношу, – быстро замигал глазами Сидорчукин, нервно щипая рыжие брови, – он сам туда сползат...

– Эн-ка, камрады, – снова подпрыгнул на корточках Перевалов, – расступись, дайте поджогать.

– Никто тебе и не застит свет, – моргал белёсыми веками Сидорчукин, – только куды уж тебе дрожать. Поди весь прикоченел.

– Вот рязанский, ты и есть рязанский, – Семён прыжками разминал ледяные оковы, – разве не знаешь, что в этом деле главное – крепко дрожать, лёд сам рассыпается, как фрицы от вида «тридцатьчетвёрок».

Солдат плюхнулся на землю и давай по ней кататься да подпрыгивать. Тишаков в это время молча сидел, прислонившись к брустверу и нежно прижимая к себе винтовку. Он с интересом наблюдал за действиями друга.

Минут через пять шинель и галифе высвободились из ледового плена и Семён смог распрямиться.

– Эх, братцы, – с наслаждением потянулся Перевалов, – сейчас бы хорошего борща да под бок тёплую бабочку. Слушай, Сидорчукин, тебе какие больше нравятся: белые или чёрные?

– Тебе-то до этого како дело?

– Мне кажется, что у нас с тобой вкусы совпадают.

– И чё?

– Да вот боюсь, что медсестричка Катя не может придумать, за кого ей замуж пойти. Когда на меня смотрит, а когда все глаза отмосолит об тебя. Но на тебя с такой лаской глядит, что я прям обзавидовался.

Сидорчукин пошмыгал веснушчатым носом, недоверчиво посмотрел на Перевалова, потом стал выглядывать из окопа в сторону блиндажа для медсестёр. Поликарпыч отвернулся от молодых солдат, вынул из кармана гимнастёрки аккуратно сложенную газету, оторвал от неё ровный прямоугольник, медленно достал кисет, выщипнул из него ароматной махорки и с наслаждением начал скручивать сигарку. Потромбовал табак пальцем, языком провёл по краю бумаги и ещё раз подкрутил, склеивая. Чиркнул спичкой по краю коробка и, пряча огонёк в плотную горсть, закурил.

– Что ж ты, Поликарпыч, друзей махорочкой не угостишь? – усмехнулся Перевалов.

– Таких друзей моя бабка продавала в базарный день по пятаку за пучок.

– Дёшево же ты дружбу держишь, – посерьёзnel солдат и, повернувшись к пехоте, командным голосом сказал: – Отныне Поликарпыча окликать торжественно и по фамилии. У рядового Пузинькова нет среди вас друзей.

– Ты, Семён, здесь человек временный, – сердито обернулся Поликарпыч, – сходил на позиции, пострелял и отбыл, а нам здесь вместе в атаку идти. Не баламуть народ.

– Есть, товарищ Пузиньков! – отдал ему честь Перевалов, потом вдруг запел частушки и пошёл вприсядку по окопу.

*Сапоги мои худые,
Больше нету никаких.
Блохи прыгали по пузу,
Я поплёвывал на них.*

Сплюнул в сердцах Поликарпыч, ткнул самокрутку ближайшему солдату и, согнувшись, пошёл в другой конец окопа, бурча: «Ну всё, попал на язык трепачу, теперь пока не перемелет».

Со стороны вражеских окопов начался ежедневный артобстрел.

– По немцу сверять часы можно, – говорили солдаты, прижимаясь к глиняному борту.

– А что, оне позавтракали, – ехидно заговорил невысокий кряжистый мужик, – а до нас никак полевая кухня доехать не может, всё ждуть, когда нас фрицы снарядами «накормят». Глядишь, и едоков станет меньше.

– Ты, Глебов, меньше трепли языком, пока свои не «накормили», а то и в бой не успеешь сходить, как за шею притянут.

– Окопная жизнь, – довольно протянул Семён, – она для пехоты самая красивая. И что в ней самое главное?

– Чтобы артобстрелов было поменьше, – проговорил Сидорчукин, всё пытаясь разглядеть медсанчасть.

– Короткий ты человек. Главное, не высовывайся, чтобы немец тебя не увидел.

– Да он чуть выше винтовки, – захохотал Данило Питерский, – где уж немцу его увидеть.

– Почему это меня не увидит немец, позиция-то недалеко, вон даже их песни слышать, – обиделся Сидорчукин.

– Если тебя увидят враги, у них прицелы сразу собьются и сразу атака начнется.

– Это почему?

– Наблюдатели ослепнут от цвета твоих волос.

Сидорчукин отвернулся под хохот бойцов.

Снаряды стали ложиться гуще и чаще.

Из-за бруствера послышался голос повара Николая Матвеевича:

– Мужики, я завтрак привёз, принимай.

– Ты бы его ещё ночью привёз, – беззлобно ругались бойцы, принимая термосы с кашей.

Но открыть термосы не было никакой возможности, комья земли сыпались так густо, что даже Семён и тот рта не раскрывал.

– Да за конину их в перехлёт! – заругался вдруг Перевалов. – Мне скоро на позицию выдвигаться, я что, голодный идти должен?!

– А ты попроси фрицев, пусть перестанут стрелять, – отомстил Сидорчукин обидчику.

– Вот ведь есть в тебе мысли, – обрадованно хлопнул бойца Семён.

Он приподнялся немного, чтобы только немного видеть вражеские позиции. Сложил руки рупором и что есть мочи закричал: «Фриц, а фриц, кончай стрелять, дай позавтракать!». Помолчал и снова крикнул: «Дай позавтракать!».

На немецких позициях наступила тишина и оттуда послышалось: «Латно, савтракай».

Ровно через полчаса вражеская артиллерия снова начала обработку местности. Снаряды ложились кучно перед окопами, не задевая боевое расположение. Особенно тщательно обрабатывали небольшой лесок на нейтральной полосе.

– Перевалов, опять народ баламутишь, – из хода сообщения появился старшина.

– Никак нет, обучаю новичков премудростям окопной войны.

– А зачем с немцами говорил? Там уж политруку доложили.

– Кушать очень хотелось.

– Кому другому уж давно бы голову отвернули, – хлопнул по плечу старшина, – тебя пока милуют, больно зоркий ты.

– Так мы, алтайские, двужильные, так ведь, Тишаня? – окликнул Перевалов своего друга.

– Хитрый ты, Семён, вовремя с позиции ушёл. Я-то думал, что ты струхнул. А немец-то по тебе долбит целый день, ишь, всю полосу перепахал.

– Ты, старшина, думай меньше. Как начнёт стихать обстрел, пошуми на левом фланге, чтобы я мог уйти.

– Капитан не велел тебе сегодня ходить.

– Может, и не надо ходить, а надо. Я там вчера заприметил – стёклышко взблёскивает. Уж не снайпера ли фрицы себе завели. Хочу приглядеться.

Семён проводил взглядом старшину, надел маскхалат и начал разворачивать винтовку.

Тихон протянул другу варежки:

– Свои-то ты потерял, а эти из посылки. Тёплые-тёплые. А то тебе сидеть-то долго.

– Ладно, бывай, – ткнул его в плечо Перевалов, – постараюсь не потерять. Да гляди не высовывайся, а то шальную словишь, что я твоим скажу?

– Сам потише, – засопел Тихон.

...Уже сидя среди ветвей старой сломанной берёзы, Семён передёрнул плечами, как-то Тихон сегодня проводил его не так: «Не высовывался бы он лишний раз, глупо в обороне погибать».

Обжил место, приладил винтовку. Эту берёзку снайпер Семён Перевалов облюбовал давно, но всё берёг для особого случая. Дерево старое, корявое, с изогнутым стволом. Ветви толстые, обломанные, так что есть где расположиться.

Особый случай подоспел. В немецких окопах появилось не только движение, но и офицерских фуражек стало много, да и стёклышко взблеснувшее его тревожило.

Если бы с той стороны выбирать позицию ему, то он бы выбрал разваленный сарай за дорогой или разбитые «тигры» на холме...

Семён в прицел медленно осматривал немецкие позиции, местность вокруг них. Ведь видел же он то стёклышко, и это не было случайностью.

Медленно шли часы, но уйти с позиции можно было только ночью. Промозгло крепчал мороз. Вроде бы и не холодно, а сырость да ветер до костей пробирали. «Н-да, Расея...»

Короткий февральский день собирался на закат. Перевалов уже совсем потерял надежду на то, чтобы обнаружить вражеского снайпера. Притулился к белому стволу, чтобы дождаться темноты. Вспоминая свою дневную выходку, усмехнулся: «Видно, не все немцы фашисты, есть среди них и люди. И чего они сюда пришли?»

Семён скользнул взглядом по полю и краем глаза увидел, как на чердаке сарая блеснуло стекло. Сомнений не было – снайпер.

Снять снайпера было делом техники, и Семён начал собираться. Надо было срочно менять позицию, рассчитывать на то, что его не вычислят, нельзя. Больно много он насыпал перцу на хвост фрицам.

Напоследок глянул в прицел, провёл по окопам...

За бруствером шёл немецкий офицер. Лощёный, в чистенькой одежке. Тросточкой помахивает. Оглянулся, словно в душу Семёну поглядел. В голове пронеслись виды сожжённого села, грудами наваленные тела пострелянных баб и ребятишек. Кровь прилила к сердцу, стало трудно дышать.

– Ах ты гада в кочерыжку, и такая мразь по земле ходит...

Палец сам нажал на спусковой крючок. Офицер вздрогнул, по лбу побежал красный ручеек... Алтайский паренёк, словно замороженный, смотрел в прицел, он ждал, когда враг упадёт.

Очнулся от наваждения, только когда услышал первый разрыв снаряда. Артиллерия была по леску, по его берёзе. Хотел прыгнуть, но рядом расцвёл огненный мак...

По хлебному полю шли навстречу мужчина и женщина. Семён уже мог различать их лица: это были его родители. Семён узнал и мать, и отца, хотя понимал, что никогда не видел отца, тот помер за три месяца до его рождения. А тут идут к нему, а видеть не видят.

Мать только голову повернула да сказала: «Не срок тебе».

...От этих слов боль резанула по голове, ухватилась цепкими, жадными лапами за тело и начала скручивать его. Перед глазами стояла тьма. Попробовал вырваться из липких объятий, но пошевелиться не смог.

«Товарищ военврач, – донёсся до слуха тоненький девичий голосок, – боец в себя приходит».

Через силу открыл левый глаз. В щель меж веками вкатился в душу свет от белого зимнего дня, что расстилался за окном полевого госпиталя. Чья-то седая голова закрыла свет. «Уйди», – хотел сказать Семён, но губы не разжались.

– Уже хорошо, – сказал мужской голос, – раз пришёл в себя, может быть, и выживет.

Сознание то растворяло мир, то возвращало его снова. Боли не становилось меньше. Появилось беспокойство: как там друг Тишаня, началось ли наступление или всё ещё часть в обороне сидит? Хотелось побыстрее снова на передовую, к своим ребятам, но для этого надо было победить боль.

Очнулся как-то обыденно, словно проснулся дома поутру. Рядом с ним хлопотала курносая девчушка.

– Тебя как зовут? – спросил её Перевалов.

– Нина.

– Сильно меня побило?

– Сильно, – обречённо вздохнула медсестра, – вон товарищ военврач собирает тебе ногу и руку ампутировать. Гангрены боится.

– Пусть и не думает даже меня резать, – хотел приподняться боец, но боль свалила его на кровать, пересиливая её, добавил: – Не дам.

– Ишь, какой прыткий, – подошёл мужчина в белом с ржавыми пятнами халате, – не успел прийти в себя, а уж командует.

– Товарищ военврач, оставь меня как есть, – прохрипел Семён, – заживёт как на собаке, я же алтайский, двужильный.

– Гангрены боюсь.

– Мы же мужики, чего же мы бабёнки испугаемся?

– Какой бабёнки? – не понял врач.

– Да гангрены твоей.

Хирург устало рассмеялся:

– Ну, раз шутить вздумал, значит, точно выживешь, а вот оперировать всё равно надо. В тебе столько железа, что на целый самолёт хватит. Вынимать надо.

...Придя в себя после операции, Семён прежде всего попробовал пошевелить руками и ногами. С удовлетворением отметил, что все части тела в наличии.

– Ну, герой, – подошёл к нему военврач, высыпал на стол кучу осколков, – ты в двух рубашках родился. Эти вот я смог достать, остальные – боялся. Особенно из головы опасно трогать.

– Мне лишь бы... к своим ребятам вернуться... Там друг Тишка... Вместе выросли... Вместе воюем...

Говорить было трудно, но бойцу хотелось объяснить доктору, что он не намерен долго прохлаждаться в госпитале.

Военврач похлопал его по здоровой левой руке и горько усмехнулся:

– Твоя война уже закончилась. К вечеру будет транспорт, отправим в тыловой госпиталь. Глядишь, сколько-нибудь проживёшь с божьей помощью. Ты парень красивый, хоть и увечный, так что бабы прокормят.

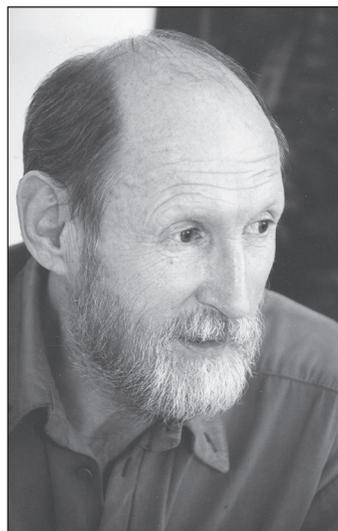
И остался снайпер Перевалов с божьей помощью в этой жизни. Он создал семью, где выросло четверо детей. Сделал всё, чтобы его дети не остались сиротами, как он, а получили образование. Работал не покладая рук, за бабьи спины не прятался, ранами своими не кичился, неправых правил, бывало и по-мужски, если слов не понимали. Дождался Семён Петрович не только внуков, но и правнуков. В возрасте 92 лет встречал 65-летие Великой Победы. Пережил свое 93-летие на два месяца.

О своей судьбе он говорил: «Врагов наших целый пульман наберётся, и все они повывелетали, как пробки, а я, Семёнушка, здесь родился, всегда был тут в этой жизни и всегда буду».

Поздравляем известного поэта, нашего друга, автора «Огни Кузбасса» с 52-летним стажем Александра Гумеровича Ибрагимова со славным 70-летием! Желаем здоровья, творчества, быть!

Александр ИБРАГИМОВ

Я – ЕСТЬ!

БЕЛОВСКОЕ МОРЕ

Памяти дяди Лёни

На берегах канала с июльскими
водоворотами
Над телескопами удочек замерли рыбаки.
Травы и облака извиваются драконьими
воротами,
И небесная голубизна расплёскивает
васильки.

Отражения многоэтажек вытягиваются
по течению
В подводных травах, зеленовато струясь.
Сквозь органные трубы ГРЭС розовеет
вечернее свечение,
И всплывают лениво то закат, то язь...

А тогда на моторке твоей –
комаре-самолётике –
Мы кружились по морю, врезаясь в клубящиеся
облака
Острым носом, разбрызгивая золотистые
лютики,
Высматривали для рыбалки заливные луга.

И тихонько с бреднем забредали по пояс
в облачность,
И вздрагивали водоросли выстрелами щурят.
Всё заканчивается. Но ничто на Земле
не закончилось –
Всё так же, сощурившись, мальчишки
на солнце глядят.

А дядя Лёня не слышал – он плавал
в открытом космосе
И руку протягивал: «Саша, давай на Вегу
рванём...»
Детская вера золотилась в дяди-Лёнином
голосе,
И на комаре-звездолётике мы стартовали
вдвоём.

Мы с дядей Лёней верили в победу чистого
разума
И в справедливый строй на Марсе у марсиан.
А над Землёй дрожало краснокирпичное зарево,
И содрогались границы пятиконечных стран.

Звёздные войны вели космические чудовища,
Оружием чистой мысли мы отражали их.
Доблесть Добрыни Никитича, смелость
Алёши Поповича,
Сила Ильи Муромца продолжались в живых.

ИБРАГИМОВ Александр Гумерович родился 28 апреля 1947 года в деревне Спиченково Кемеровской области. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. В 1965 году – первая публикация в альманахе «Огни Кузбасса». Автор книг «Буквы одуванчика», «Пусть будет каждому любовь», «Тело судьбы», «Моя трава зеленоглазая», «Это лето всех лет», «Крест русского четверостишья», «Белый квадрат. Поэт о поэте», «Избранные стихи», «Космоязычие» (в 2 томах). Его стихи печатали журналы «Сибирские огни», «Литературная Грузия», «Москва», «Наш современник», «Сибирские Афины», «Огни Кузбасса». Лауреат премии им. А. Н. Волошина. Основал творческую мастерскую «АЗ». Основатель и литературный редактор журнала поэзии «После 12». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Мы были вестниками вселенной милости
И былинных обычаев – жизнь оставлять
врагам,

Чтобы враги одумались и жили
по справедливости:
Пашни пахали и целовали жён по утрам.

Так мы ночами осматривали прифронтовую
галактику,
Чёрные дыры обезвреживая на Млечном Пути.
И под щитом Ориона натягивали

плащ-палатку,
И поджидали братьев по разуму часов до пяти.

Но тётя Аня ранёхонько вставала и выходила
на кухню,
Прямо к нашей палатке, и выключала свет –
И в электрическом вихре сердце внезапно

ухало,
И плыли перед глазами радужные вспышки
планет.

А тётя Аня выпекала золотистые
облака-оладушки
И разливала по чашкам горячий чай с молоком,
А мы с дядей Лёней проваливались в пуховые
подушки,
В заоблачный звон колокола, который звонил
ни о ком...

На берегах канала с июльскими водоворотами,
Как и четверть века назад, замерли рыбаки,
Травы и облака извиваются драконьими
воротами,
И поминальная синева расплёскивает васильки.

Воспоминания, отражаясь, вытягиваются
по течению

В подводных травах, зеленовато струясь.
Сквозь органные трубы ГРЭС розовеет
вечернее свечение,
И всплёскивают лениво то закат, то язь.

КРЕЩЕНЫЕ

Круговращенье льдинок-звёзд
В крещенской полынье –
Ночной горящий кругокрест –
Как раз по мне!

Сожмёт ледяная вода
До самых райских жил –
И вот почувствую тогда,
Как я невольню жил.

Вопьются иголки в икры ног,
И бронхи зазвенят...
И дунет изморозью Бог –
Пронзит до самых пят.

Горящей пробкой – в Оймякон –
Я вылечу на снег –
Ошпарен звёздным кипятком
Крещенский человек.

* * *

Февраль... Какое одиночество!
И март хохочет и знобит.
И ничего уже не хочется –
И вечер звёздами убит.

* * *

Вспорхнула буква на бумагу,
А слово побоялось сесть.
В бору раздымчатую влагу
Паучая лелеет сеть.

Живу на даче и мечтаю
Набрать стихов корзины две...
Сижу, гляжу и коротаю –
Катаю божье в голове.

Листва струится и трепещет,
Горит под солнцем и растёт –
Никто здесь не противоречит,
И всё само произойдёт.

ДРОЗД

Дышать в рай – и не сказать ни слова
О чувстве колокольца голубого

И о пробежке пёстроного дрозда
В густой траве, где спрятана звезда,

Где папоротник стрельчато-резной
Струится, как фонтан, передо мной.

В нём рыбки золотые – им не лень –
Порхают лучезарно целый день.

И дрозд поскачет – как с передовой:
– Долой царя! Помещиков долой!

Таков мой рай. И скачет пёстрый дрозд
Во весь нечеловеческий свой рост!

ВОТ И КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО

Вот и кончилось лето
Жёлтой каплей листка.
Паутинка ответа
Сквозит у виска.

Время позднего света,
В белых брюках – июнь.
В одуванчик рассвета
Рассмейся и дунь.

У тебя за спиною
Затаился вопрос...
И кипит надо мною
Ниагара волос.

Я задену рукою
Эти струи огня –
Ты с ответной тоскою
Поглядишь на меня.

Вот и кончилось лето,
Что ещё я смогу?
В золотых сандалетах
Я по листьям бегу...

– Вот и кончилось лето, –
Я тебе прошепчу.
Никакого ответа
От тебя не хочу.

Никакого ответа –
Только жёлтый листок...
Это кончилось лето –
Наискосок...

* * *

Я – Есть!
Я – Крест.
Я – вдруг
Очнулся в довселенном лоне.
В четыре лепестка на небосклоне
Я солнечный раздвинул Круг!

Я – Есть!
Я – Крест.
Я – неделим отныне.
Я – муравьями звезд ползу по глине,
Как будто удираю от невест!

Я – Есть!
Я – Крест –
Невесть откуда взялся...
Я в тысячах мужчин. Я в капельках воды.
Я вспыхивал в просторах бороды,
Я в геометрии античной расплескался.

Я – Есть!
Я – Весть –
Ник игло-солнечной пылинки.
Я – вновь торю заросшие тропинки
До наших журавлинских мест.

Я – Есть!
Я – Крест
В державном православном храме.
Я задыхаюсь: есть ли Кто над нами?
И понимаю: Я – и – Есть.

Я – Есть!
Я – Крест
Из довселенной Яви.
Там Мать с Отцом... И Я воскликнуть вправе:
– Отец и Мать,
Воистину,

Я – Есть!

Любовь
КОЛЕСНИК

ГДЕ-ТО В РЖЕВСКОЙ
ЗЕМЛЕ

* * *

Никто не знает имён этих серых трав,
имён солдат, их выкормивших собой.
Тут смерть бесновалась между соборных глав,
Здесь ад был – в маленьком городе под Москвой.

Пугая птиц, оробевших на берегах,
хрипел и рявкал бешеный миномёт,
и каждый солдат, затыкая за пояс страх,
шептал, что он ни в коем случае не умрёт,

домой полетит треугольник, а не квадрат,
и враг подавится волжской водой и льдом.
Но спал на брате окаменелый брат,
шепча о памяти вечной кровавым ртом.

Но памяти нет, а мёртвые не умрут.
Стоит стережёт застывший в снегу пустырь
храм, артиллерией вбитый по горло в грунт,
как безымянный каменный богатырь.

* * *

Где-то в ржевской земле он лежит,
мой ненайденный прадед,
где сомкнулись леса над домами пустых
деревень.

Престарелая яблоня в землю вросла в палисаде,
как старуха, которая стала сама себе тень,
как бабуля моя.

КОЛЕСНИК Любовь Валерьевна родилась в 1977 году в Москве. Публиковалась в журналах «Русская провинция», «Арион», «Волга», «Смена», «Север», «Наш современник», «Сибирские огни», «Дон», «Дальний Восток», «День и ночь», «КВИР», «Дети Ра», «Звезда», «Человек на земле», «Плавучий мост», «Зинзивер». Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Автор четырёх книг. Лауреат и дипломант литературных конкурсов и премий. Живёт во Ржеве.

Поджидала погибшего папку
худосочная девочка послевоенной поры.
«Ну куда ты, застудишься? Нет его!
На тебе шапку...»

Не хотела, не слушала, плакала горько,
навзрыд
и бежала, бежала туда, за околицу, дальше.
В позапрошлом году она в семьдесят три
умерла,
а деревня её умерла незаметней и раньше.

Салютуют беззвучно четыре печные ствола
в невеселое небо над маленьким городом
Ржевом,
горизонт трассировкой рассвета навывлет
прошит.
Где-то в этом суглинке, где было кровавое
жерло,
мой ненайденный прадед, меня уберёгший,
лежит.

* * *

16 декабря 2016 года –
75 лет со дня освобождения Калинина (Твери)
На мёрзлом, белом – чёрным линии.
Не спи, не думай, не гори.
Освобождение Калинина –
бывалой, будущей Твери.

Боялись танков: гады, бесятся!
В снегу лежали без земли.
Два долгих месяца, два месяца –
и вот – касатики, пришли!

Входили бравыми и правыми.
«Отстроим город, мать, не плачь!»
Дома смотрели глаз провалами,
как восвосяси брёл палач.

Как жить без памяти, без жалости,
без будущего, без страны?
Не оставляйте нас, пожалуйста!
Вы снова, кажется, нужны.

ЧУДОВИЩНОЕ

В победное утро не ждём беды,
с экранов поют и врут.
Никто уж не помнит – ни я, ни ты,
как юнкерсы небо рвут,

как пули месят плоть, как болит
оторванная рука,
как воеет кровавая соль земли
из каждого ручейка.

Как сыновья безымянных отцов –
не старше, чем вы сейчас,
мальчишки, без гаджетов и усов,
ломали себя за вас

о годы, о тьмущую тьму врагов,
о смерти своих друзей –
чтоб вы рифмовали любовь и кровь,
ходили раз в год в музей,

чтоб мёртвый никто не лежал босым
(живым-то зима лютей),
чтоб нищий старик в орденах был сыт
подачками от властей.

Он скажет: «Не пойте про ту войну,
вы не были там ни дня.
Я жизнь свою отдал за ту страну,
а эта – убила меня».

* * *

Три фонаря, один из которых горит,
на двух других вешали партизан.
Здесь ветры режут острее бритвы,
вынуждая воду скорей покидать глаза,

выливаться в Волгу для осторожных рыб
и оттуда волком смотреть на господний мир,
где острожный холод, скрип каторжанских
дыб,
колесованный голос колёсных лир.

Сто один километр, отсчитанный
от Москвы,
на окопе окоп – основами для могил.
Срама не было мёртвым, он весь перешёл
к живым,
и никто из них до сих пор его не избыл,

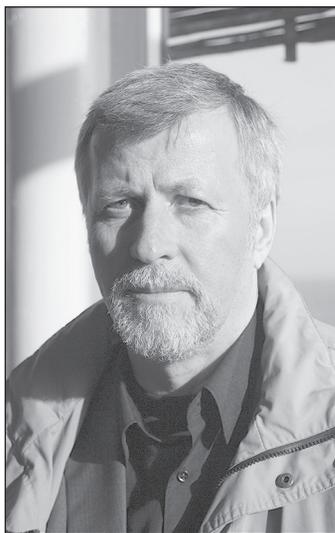
не избег его, потому что по кругу бег.
Древо раздора плодов не бросает зря.
Пешка съест короля, в избе заживёт узбек.
Никаких аптек. Ночь, Волга, три фонаря.

* * *

Ржев – роспись белого фарфора,
легка художника рука.
Висят над памятью собора
сиреневые облака.
Взвоз в обрамлении чугунном,
мосты, меж ними ледостав.
Звенит мороз по лёгким струнам
сухих и безымянных трав.
Никто не думает о смерти,
на ветках снега бахроме.
А в том проклятом сорок третьем
была такая же зима.

**Иван
ТЕРТЫЧНЫЙ**
ДВА РАССКАЗА

ЖЁЛТАЯ ЛАМПА

1

Жёлтый свет лампы, казалось ему, тихо дышал за морозными узорами окна: то мерно приближался к его глазам, то мерно удалялся, вспыхивая синими искорками в льдистых листочках и веточках...

Постояв недолго, он шагнул через сугроб и поднялся на ступеньку приставной лестницы, ведущей к дверце чердака. Теперь он был совсем рядом с окном. Через не тронутую стужей верхнюю часть стекла глазам открылось небольшое пространство комнаты: дальний сумрачный угол, справа – стена, украшенная картиной «Три богатыря», деревянный пол цвета спелой вишни и светлый прямоугольник столешницы, где по праву царила керосиновая лампа... Конечно же, он первым делом ухватил глазами лампу, единственный источник света в этой комнатке, так завороживший его, стоящего на ночной стылой улице, а уже потом он осмотрел жильё.

И вовсе она не была жёлтой, лампа. Приплюснутый зеленоватый шар её корпуса, чёрная головка, увенчанная узорчатым окружением у основания стеклянного колпака... Лампа лила свет ровно и ясно – точь-в-точь такой, как и за его спиной Луна. А мягкий лимонный оттенок придавал свету самодельный абажур – жёлтая облож-

ка старой школьной тетрадки. Тёмное колечко (он некоторое время следил за ним) вокруг раскалённого огнём колпака ничуть не ширилось; оно появляется в ту минуту, когда бумага впервые касается жаркого стекла, потом тлеет немного, чуть дымя, – и замирает. Он даже, казалось, учуял горький запах этого дымка и вдохнул его с глотком морозного воздуха...

23

Дощатая дверь (напротив окна) дрогнула, приоткрылась и, как бы помедлив, распахнулась. Детская фигурка шагнула раз, другой – и подалась влево, в сумрак. Куда это?.. «Ах да, – сообразил он, – на кухню... Попить воды, наверное...» В дверном проёме у дальней стены он увидел другой стол и другую лампу с таким же самодельным (белым) абажуром. На табуретке сидела девочка в голубом платице. Вика!.. Светлое личико, длинная русая коса... Стопка книжек на столе... Что-то пишет в тетради, шевеля губами... Готовит уроки.

Кто и как закрыл дверь, он не заметил, пока неловко, бочком, примаскивался к лестнице.

Посреди комнаты стоял коротко стриженный светлоголовый мальчик и глядел в окно. Увидел?! Он едва не соскочил со своей ступеньки. Ещё мгновение, ещё полмгновения – и он побежал бы не разбирая дороги в заснеженный сад! Но он сдержался, сообразив, что мальчик смотрит не вверх, на чистую полоску окна, а перед

ТЕРТЫЧНЫЙ Иван Алексеевич родился в 1953 году в Курской области. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор стихотворных книг «И было утро», «Рядом», «Подорожная», «Когда-нибудь...», «Лунный снег», «Живая даль» и сборников рассказов «Чёрная бабочка с белой оторочкой», «Безымянная вода». Член Союза писателей России, лауреат Международной премии имени Н. Гумилёва. Живёт в Москве.

собой – на сказочные извивы ледяных папоротников. Мальчик приподнял полу серой рубашки, вынул из кармана белую резинку-«стёрку» и положил её на стол. И шагнул к окну... Припав лицом к холодному стеклу,дохнул разок, другой, третий... Чуть вздрагивающая макушка, полусогнутые, потрескавшиеся от непогоды пальчики на замороженном окне... Да это же он, он сам!.. Он почувствовал на глазах слёзы... Да разве мог этот тихий светлогловый мальчик увидеть через оттаявший прозрачный кружок ожидавшую его неизвестную, долгую, одну-единственную, непоправимую жизнь!..

Покачнувшись на лестнице, он закрыл лицо руками и ткнулся лбом в холодную ступеньку...

2

Теплоход «Ярослав Мудрый» причалил к берегу, и любители отдыха на воде отправились любоваться старинным Плёсом и достойными примечания окрестностями.

– Мал городок, да славен – и на русской земле, и за её пределами, – рассказывала экскурсовод. – Видите, на какую кручу мы поднимаемся? Далеко отсюда видно? Далеко. И волжский водный путь, и левый берег на десятки километров просматриваются... Вот потому-то и велел великий государь заложить сей град именно здесь, дабы, говоря современным языком, владеть ситуацией, ведь охотников погулять своевольно по Руси или, скажем, торговать без пошлины водилось тогда немало...

Панков отстал от спутников, осматривая домишки на высоких каменных основаниях, уютные крылечки, резные наличники, подзоры, мощённую булыжником дорогу – то круто ведущую вверх, то (на следующей улочке) ниспадающую... Но уже там, на самом верху горы, над городом после любования старинным храмом, посещения музея и знакомства с творениями знаменитого художника, запечатлевшего для мира Плёс на одноимённой картине, он понял, что ему действительно повезло: сколько уже увидено... Углич, Ярославль, Кострома... И сколько ещё впереди городских и природных красот, ведь теплоход дойдёт до самой Астрахани... Панков стоял под сенью сосен и, сняв затемнённые очки, глядел во все глаза на солнечные просторы левого берега, на плавный поблёскивающий изгиб великой Волги, на крыши городка, на сады, на пристань...

– Э-эй! Товарищ! – певуче окликнул его женский голос.

Под одинокой сосной, похлопывая в ладоши и покачивая бёдрами, пританцовывали две женщины.

– Помогите нам, това-а-рищ!

Панков небрежно возложил на голову кепку, надел очки и неторопливо подошёл к нескучным дамам.

– Помогите нам бутылочку открыть, товарищ, – женщины вытянулись чуть ли не по стойке «смирно». Высокая, полненькая щёлкнула замком сумочки и протянула ему плоскую посудину с коньяком. – Вас как зовут? Давайте знакомиться.

– Я – Ира, – маленькая, худенькая протянула ему руку, тряхнув длинной чёлкой.

– Виктор.

– А я... Я – Наташа, – полненькая внимательно, будто припоминая что-то, посмотрела на него. – А... вы – начальник?

– Я?... Почему начальник?

– Ну... вы такой серьёзный, собранный.

– Да я такой с детства! – Панков легко, от души рассмеялся и тут же шутливо спохватился: – Ваш коньяк, однако, стынет!

Два предложенных ему глотка коньяка на царственной высоте могли бы выявить заряд веселья, сблизить с милыми спутницами, но взгляд нечаянно зацепился за неказистый белый домишко на отшибе городка и повернул его мысли в другое пространство – тихое, малолюдное, освещённое закатным солнцем... И он понял, что его дальнейшее водное путешествие вряд ли будет умирительно-ровным, что ночами, а может быть, и дневной порою его будут одолевать приступы воспоминаний.

3

Когда умер отец, девятнадцать лет назад, Панков стал чаще бывать в родительском доме; навещал мать при всякой возможности: то прибавляя к выходным отгулы, то возвращаясь из командировки, то пользуясь праздничными днями... И мать, видел и чувствовал Панков, ободряла его чуткое внимание; припадала, подрагивая, к его груди, радостно вздыхала... А по вечерам, перед сном, всё рассказывала и рассказывала ему о прошлом времени: о своих родителях, о детских забавах, о весёлых и печальных случаях, об извечном крестьянском укладе, почти истаявшем в последние десятилетия, как будто опасалась не успеть передать всё это, памятное ей, ему, наследнику, не желала унести навек с собою, расточить попусту...

А потом, на семь лет и семь зим пережив отца, покинула белый свет и она...

С той поры Панков не бывал ни разу в родной деревне. Что делать одному в опустелом доме? Только ещё непримиримее ощущалось бы чувство полного сиротства в оглушающей ночной тишине да маялась бы в голых углах душа... Даже двоюродных и троюродных братьев и сестёр не осталось вблизи, их устремления и те или иные обстоятельства разлучили кровно близких людей, скорее всего навсегда.

И выходило так, что не придётся ему больше покупать в облепленной гражданами железнодорожной кассе билет до заветной станции, не ждать с радостным нетерпением в тамбуре вагона полной остановки поезда, не поглядывать в окно переполненного земляками автобуса на обласканные солнцем холмистые поля, не гадать, волнуясь, чья там фигура маячит в цветущем саду – матери ли, отца...

Сны, только сны могут провести его незримиными тропами туда, где он жил когда-то в зелёном сверкающем мире, полном волнующих запахов и звуков, в мире, где каждый день происходили большие и малые открытия, где веяло цветущим раем...

4

Деревни Спас уже не было в числе живых. Её долгая судьба кончилась. Последние старики, рассказывал Панкову его бывший одноклассник Смирнов Вася, преподаватель вуза, умерли года три-четыре назад. Кого-то ещё раньше увезли к себе их дети, кого-то – братья и сёстры младшенькие, кого-то – добросердечные племянницы... Ну а жильё какие-то случайные люди спалили – то ли по оплошке, то ли для своей забавы. «Так-то, земля, всё вышло... А-а, нет-нет! Чуть не соврал тебе: хатёнка деда Акима на отшибе стоит, уцелела. Но деревни-то, – вздохнул снова Смирнов, глядя в освещённое закатом окно, – больше нет. Так-то, Витёк, нет у нас родного угла... Давай, брат, выпьем за память о родине...»

О разговоре с земляком он не стал рассказывать ни жене, ни дочери; судьбы глухих углов их не волновали. А он... он решил, что нужно всё же, хотя бы в последний раз, съездить в Спас и увидеть всё своими глазами.

5

Он шёл по родной улице и не узнавал её.

Печные трубы сиротливо возвышались над остатками горелых брёвен и буйными зарослями крапивы. Крапива царствовала в былых владе-

ниях человека; крапива упивалась своей безраздельной властью, торжествовала; в её духовитых чащобах сновали пчёлы, порхали бабочки, гудели шмели...

Он шёл как во сне: ноги беззвучно ступали по пышному ковру травы-муравы, лицо оведал невесомый ветерок... И тишина, тишина... Заросший холмик с трубой, и ещё холмик, и ещё труба. Не улицы, а кладбище. Кладбище деревни.

Вот он остановился у останков родной хаты, ничем не отличимых от других, соседских. Постоял-постоял и неслышными шагами направился к другому кладбищу – людскому. Благо, оно недалеко – сразу за выгоном.

Здесь, на кладбище, ему стало как-то легче. Он задержался у поросших травой родительских могил, погладил тёплые, обесцвеченные солнцем деревянные кресты. И, молвив дрогнувшими губами простецкое: «Ну, бывайте!», – прошёл по кладбищу дальше, к раскидистой дикой груше; рядом с её корнями покоился его дед и бабка. Он запомнил их, можно сказать, краем глаза (маленький совсем был), запомнил их улыбки, ласково-огрубелые пальцы... Ну что ж, и это немало для него, для нынешнего.

Рядом с травянистой канавой, разделявшей когда-то мир деревни и мир кладбища (теперь межа эта, пожалуй, и не нужна), была когда-то нахоженная тропа. По ней ребята топали в школу, в соседнее село. И вот теперь стоял он, ощущая ногами заросшее углубление былой тропы, у самого начала лощины, уходящей изгибом к невидимой отсюда речной долине. Зелёные склоны лощины по-прежнему украшены там и сям кустами дикого шиповника и орешника, жёлтыми и белыми разливами донника... Выше, у горизонта, видна длинная полоска лесопосадки. А над дальним сизым косогором плывёт в вышине коршун...

Всё так, да не так... Ни человеческого голоса, ни лая собаки, ни петушиного крика...

Есть теперь ли у него родина?

«Есть, – ответил он себе, – пусть безлюдная, пусть немая, но есть».

Эти вековечные просторы, этот текучий воздух, эти большие и малые приметы окрестного мира навсегда вошли в его память и душу, и живут, и дышат в нём вне его желания и воли.

Разве не так?

6

Хату-невеличку деда Акима время считай не тронуло: поплёкла, посерела соломенная крыша

да отвалилась местами со стен белёная глина, обнажив косые полоски дранки... Он хотел заглянуть в помутнелое от пыли и паутины оконце, да, постояв у осевшего на землю плетня, передумал.

«Ну что ж, – подытожил Панков, – вот, похоже, и завершилось моё последнее посещение родного угла, и теперь пора возвращаться в мир обыденных дел и привычной жизни». Но оглянувшись на морщинистые шеи печных труб, он вдруг понял, что предстоящая ему обратная дорога – это лишь середина или начало чего-то, чему он ещё не дал названия.

...И ткнулся лбом в холодную ступеньку.

ТАЛАЯ ВОДА

Обогнув край сырого апрельского поля, он спустился по косой тропинке в низинку просторного лога и остановился. Да, судя по названным отцом приметам, отсюда и начинал отец свой привольный путь – «путь детских открытий», как он однажды выразился.

Полая вода натащила из верховья языка пещера и глины. И хотя можно было податься в сторону и пройти краешком косогора, он всё же продолжал двигаться по рыжему киселю, наверное, потому, что отец вряд ли упустил такую редкую возможность... Там и сям на склонах лога белел в ложбинках снег; высоко над головой звенели невидимые жаворонки – вестники раздольной весны...

Так он шёл и шёл, бросая взгляды по сторонам, пока не увидел, что лог раздвоился: один рукав предлагал пологий подъём к горизонту, другой же переходил помалу в ветвящийся глубокий овраг. Саша почти не колебался: отец выбрал бы второй путь – во влажные теснины, дышащие маревом.

Отец давным-давно, в семидесятые ещё годы, окончил лётное техническое училище и потом все годы долгой службы в авиации – в Забайкалье, Средней Азии, Германии и Эстонии – занимался обслуживанием военных самолётов или, как он частенько выражался, «здоровьем летающих машин». «Ум мой – инженерный, до тошный, – говорил он, посмеиваясь, жене и сыну, – а душа – лёгкая, весенняя! Вот так и живу в двух мирах одновременно, – добавлял он, – при таких разностях в себе не мучаюсь однако... Слеплен, видимо, так». Отец любил и хорошо знал отчий угол – не только окрестности Каменки, но и те, что поодаль; карта чернозёмной области всегда висела в их жилье – будь их семья

на Востоке, на Юге или Западе. Мог почти наугад ткнуть пальцем в карту и что-то рассказать интересное о том или ином городке, о реке или речке...

У отца была малая родина, место, к которому приросла его душа с первых дней жизни. А у него, у Саши?.. Родился в одном пространстве, в школу пошёл в другом, а оканчивал её в третьем... Учёбу же в институте одолевал уже в четвёртом, на Урале. Как говорится, не золотая пора, а сборная солянка, всего понемножку.

Какой же магнит притягивал отца к его деревне Каменке? Каждый год – весной, летом или осенью – он приезжал сюда ровно на неделю, чтобы пройти «путём детских открытий», обнять оставшихся в живых немногих родных людей. С этого отец начинал отпуск.

– Ну и как?.. – спрашивала Сашина мама. – Набегался по своим холмам да перелескам?

– Набегался! – смеялся отец. – Зарядил батарейку на целый год!

Саша миновал остробокий земляной утёс, будто нарочно раскрашенный в продольную полоску (верхняя – чернозём, ниже – серый подзол, ещё ниже – коричневая глина, а ещё, ещё ниже – жёлтая с крупным песком, ну а подножие – светлые пузыри известняка), и повернул налево, туда, куда его вёл сужающийся овраг. За поворотом он едва не наткнулся на заострённое матовое брёвнышко. Ха! Да это он и есть, бивень мамонта, о котором ему рассказывал отец. Саша тут же ухватился за конец бивня и попробовал его немного раскатать... Да куда там! Многометровая земляная толща намертво держала ей принадлежащее. Ведь этот обрыв – срез истории этой земли; тут не то что века слежались – тысячелетия, эры... Да, действительно, было о чём задуматься человеку, его отцу, в прогретой солнечным теплом сумрачной глубине. Если бы не долгая работа водных потоков, то прошёл бы невдалеке прохожий по траве или по снегу и знать не знал бы, не почуял бы, что таится там, под ногами... А там – впрессованные в подзолы, глины и пески эры и эры минувшего...

Да, похоже, не одни только радости и восторги наполняли ребяческую душу его будущего отца, он уже тогда, надо думать, начал постигать время, услышал его неумолимый ход и не зря, видимо, приезжал сюда, ходил-бродил, наверняка стоял у этой многослойной, неказистой на вид, нерукотворной стены... Касался рукой ма-

того бивня... Смотрел в небо... А потом брёл дальше, срывая (летом) с зацепившегося на уступчике земляничного кустика спелую ягоду, и клал её в рот... И снова смотрел из оглохшей глубины в небо...

Так поневоле станешь тихим мудрецом.

Нет, неслучайно, вспоминал он, в глазах отца даже в праздничные минуты таилась лёгкая грустинка. Сказано же: «Многие знания умножают печали».

...Овраг стал попросторнее, и синева над голубой открылась пошире. Под ногами прибавилось луж – больших и маленьких. Овраг кончался невысоким мокрым обрывом, а за ним – ровень с глазами – тянулся длинный ложок. Уходящий, как говорил отец, к невидимому отсюда возвышенному полю, прозванному в Каменке Стрелецким. Сваленная горкой дернина – след буйства весенних вод, мчавшихся недавно в овраг, – послужила бы сейчас Саше мягкими ступенями, ведущими вверх, в ложок, но он остановился, вслушиваясь в тихое журчание воды...

Из боковой ложбинки, набитой крупитчатым снегом, бежала, серебрясь на свету, талая вода. Её широкий и мелкий ток скользил по выцветшей прошлогодней траве и, сузившись у обрыва, стекал журчащими струйками по двум косицам

безвольных стебельков вниз. Струйки пузырили крохотное озерцо у ног, позванивали, посверкивали...

Саша вспомнил, как отец с удовольствием рассказывал ему, мальчишке ещё, что он с ребятами пил из таких вот самозванных ручейков талую воду, живую сладкую водичку! Нет, поправил себя Саша, отец говорил по-другому: сладкую водичу!

Саша встал над озерцом и наклонился к стройной струйке... Пахнущая снегом и прошлогодней травой талая вода была и на самом деле сладкой. В шаге от него стоял его отец, и он тоже ловил ртом искрящуюся струйку и блаженно щурился. Отец говаривал, что, когда он, Сашка, вырастет, они обязательно станут друзьями и что у них со временем будет что-то объединяющее, как у всех настоящих друзей, может быть, хорошая светлая тайна...

Как ни старался отец, талая вода обрызгала ему щёку и две-три капли упали с подбородка в озерцо... «Как будто слёзы упали», – подумал Саша. Но какие могут быть слёзы в такой сияющий день?.. Ведь они стоят сейчас вместе под просторным небом, слушают журчание весенней воды и высокие звоны невидимых жаворонков.

Это же счастье... Так ведь?

**Елена
ТРУХАН**

ТАЛЬНИЧИНА

Рассказ

Не знаю точно, по окончании какого школьного года, пятого или седьмого, явился ко мне этот ошеломительный сон, но отчётливо помню, что случилось всё в период счастливого детского безвременья, когда ранней весной я вместе с родителями жила на скромной даче в глухом таёжном поселке.

Сколько времени утекло, а зыбкое ночное происшествие всё хранится в копилке самых сильных, как говорят, неизгладимых, жизненных впечатлений!..

Снилось мне, что я превратилась в изящную золотую птицу, несколько похожую на журавля, с гибкой длинной шеей, тонкими ногами и сильным клювом. Мои крылья и хвост, опушённые ланцетовидными перьями, мерно колыхались даже при небольшом дуновении ветра, а позади янтарных глаз задорно торчали белоснежные пучки, напоминающие пушистые серёжки.

Я летала высоко-высоко, в тёмной и таинственной глубине космоса, там, где слиты величественная тишина и покой ночи, где мреют голубые, молочно-белые, жёлтые, апельсиновые и алые кристаллы звёзд. А когда легонько касалась их крылом, на Землю падали невесомые блёстки, замирающие на спящей траве крохотными светлячками.

Как радостно и беззаботно, свободно и легко! Я была переполнена безграничной энергией: то

тянула какую-то культовую повозку, то, выскользнув из плена лёгких кожаных ремней, сопровождала небесную колесницу, то, купаясь в свежести вселенской прохлады, выделявала невообразимые кульбиты и пируэты, звонко курлыкала и не боялась никого потревожить. Я наслаждалась небом, спокойствием и силой движений, милым сердцу одиночеством и другим, неизвестным прежде, чувством – жадной вкушения беспредельного неизмеримого мира. Я жила полётом, и каждая клетка принадлежала мировым стихиям – небесной и земной, водной и запредельной...

Лишь наступающий рассвет мог прервать мой счастливый полёт. И тогда, тихо и плавно кружа, опускалась на Землю. Безошибочно держала курс на старое многоствольное дерево, растущее на покосе в нескольких метрах от дачного домика. Уютно устраивалась под его корнями, во влажной ямке с целебной болотной водой. Это был мой дом и извечный приют. Свернувшись калачиком, накрывшись крыльями, я засыпала сладким младенческим сном.

Голубовато-серая вода постепенно обволакивала меня, и я уходила под её слои всё глубже и глубже. Изгибы птичьего тела срастались с древесными корнями, а золотые легчайшие перья превращались в палый прошлогодний лист. Дерево и вода плавно качали своё дитя, обещая новые ночные полёты...

ТРУХАН Елена Дмитриевна родилась в Новокузнецке. Окончила филологический факультет Томского государственного университета. Пишет прозу, публицистику, литературную критику. Публиковалась в кузбасской и центральной периодике, в коллективных сборниках. Лауреат областных литературных конкурсов, поощрена региональными наградами. Работает заместителем директора по научной работе в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). Живёт в Новокузнецке.

Помню, в то утро я проснулась встревоженной, но невероятно бодрой и освежённой, с ощущением фантастической радости и вышедшего из берегов счастья. Утренние лучи оптимистично трубили подъём, а из распахнутых настежь окон сочился призывный горьковатый запах – смешение талой воды и ожившего весеннего тальника! Этот аромат плыл через открытое окно и наполнял каждый уголок комнаты ожиданием чуда. Он струился сквозь меня, удивлённую и ещё до конца не осознавшую: в чьём же теле очнулась душа? Вспомнив подробности ночного приключения, я пошла на зов тальника. Мне безумно хотелось узнать: сохранила ли водная колыбель следы невероятных превращений?

Сунув голые ноги в резиновые мамины сапоги, наскоро накинув брезентовую штормовку, прямо в ночной сорочке выскочила на крыльцо.

Какая благодать кругом! Запахи перетекают друг в друга какими-то дивными волнами! Буйствуют таёжные травы и цветы, вдосталь напоённые талыми водами, соперничают красками и формами и тянутся-рвутся к небу, сплетаясь в один грандиозный пёстрый и плотный ковёр! Грызник полевой, вероника, куриная слепота, зюзник европейский, калужница, кровохлёбка, прострел, болотный молочай, мать-и-мачеха, череда, огонёк, кандык – колдовские и врачующие самим сочетанием звуков названия растений приходят на ум как вековая тайна, как забытый рецепт величественного и все сильного лекаря, заговорившего на древнем отмирающем языке. За каждым ростком – своя легенда, были и небылицы, чудесные истории исцелённых недугов. Пройдёт немного времени, и я, приобщённая к зелёной аптеке, без труда смогу распознать и суховатые прочные стебли сибирского бамбука – полевого хвоща, и нахальное соцветие айра, и грязно-белые зонтики горчичника, и лихо закрученную чёлку лилии-саранки, и розовую кисточку болотной травы читец, которая всегда радостно раскидывает навстречу руки-листья, словно призывает: «Сорви меня!».

Хлюпая по болотцу, то и дело вжикая голенищами об осоку, я устремляюсь к заветной ямке под деревом. Что это было со мной: явь, видение, мечта тоскующего сердца? Или предсказание, неиспробованная доселе возможность? А если так, то должны, обязательно должны сохраниться в ничем не примечательном местечке какие-то важные знаки.

На покосе воздух был буквально напоён тальниковым ароматом. Он щекотал ноздри, пьянил, завораживал, питал каждую клетку и манил под крону представительницы доледниковых растений из старейшего влаголюбивого рода Саликс.

Высокое, метров около тридцати, с запутанными и разветвлёнными, как рога оленя, ветками, дерево одиноко возвышалось прямо у подножия косогора. Не знаю, сколько лет жило оно здесь, на брошенных почвах, среди болотных трав и луговых цветов. Но гадать о его возрасте было так же приятно, как читать легенды о всемогущих богах и непобедимых героях. Я была уверена, что взросло оно в тот момент, когда могущественная богиня Медб положила свой кнут на заветное место. Волею судеб тальниковому созданию было уготовано справляться с суровым климатом Сибири, постигать её мудрость и щедрость, мощь и духовность. Ему предстояло стать пионером глинистых и влажных таёжных земель, детищем, достойным древесных праотцов, что простирали обширные владения от арктической тундры до тропиков, от морского побережья до альпийских гор.

29

Многочисленные ивовые стволы, которые уже не могли обхватить детские ладони, росли стройными стойкими солдатами, а когда засыхали, с треском и уханьем, будто поражённые в бою, обрушивались к корням – извилистым мыслям-лабиринтам. По ним, причудливо извивающимся в спирали, узлы и косы, не имеющим ни начала, ни конца, да ещё по трещиноватой серой коре, можно было читать книгу сокровенной древесной жизни. На каждой её странице разворачивалось грандиозное непрерывное путешествие растительных соков, тянущих нить жизни из глубин и провалов преисподней через земную твердь к облакам. Любая глава этой книги повествовала об извечной борьбе с увяданием и смертью, о неизбежном и жестоком противостоянии сменам времён года.

Несмотря на солидный возраст, дерево находилось в той поре весеннего великолепия, которое с лёгкостью вдохновляет художников и поэтов. Тонкие молодые ветви сплетались в обширный шатёр. Сероватые цветочные серёжки, подёрнутые жёлтым пушком, при малейшем дуновении ветерка развевались вместе с новорождёнными удлинёнными листьями. Эту красоту хотелось обожествлять, ей хотелось поклоняться, именовать самыми заветными,

ласковыми и звучными именами: ива, ивушка, ветла, ракитовый кусточек, ракита, лоза, лозина, верба, бредина, шелюга, тальник, ракитина... Тальничина!

Да, тальничина! Гордая, великолепная и таинственная, приветливая и по-матерински мудрая, заботливая и терпеливая, принадлежащая всем и только мне. Моя тальничина!

Я чувствовала с деревом кровную связь, знала, что наш исток – у одного корня, что по моим жилам тоже мерно текут жизнерадостные тальниковые соки, и вслед за легендарными предками, свято верившими в божественную сущность растений, желала именоваться дочерью тальничины.

Как хотелось обнять свою мать, прижаться щекой к суховатой, изрытой морщинами коре, кое-где обхваченной желтовато-голубым мелким лишайником и упругими волнистыми юбочками грибов-трутовиков! А потом, плотно прильнув к самому толстому стволу, запрокинув голову, наблюдать, как сквозь солнечную листву поблёскивают крохотные осколки неба!..

Загадка сна мучила меня, но я терпеливо ждала от дерева и воды какого-то предсказания, знака. Тихонько приблизилась к краю водоёма. Главное – не спугнуть, не потревожить сон волшебной птицы! И тогда, на самом дне, может, удастся различить грациозный силуэт и золотое оперение с озорными серёжками...

Ямка под тальничинной была до краёв наполнена мутной водой. Это трудились весенние ключи, несколько дней не перестававшие бурлить из косогора. Они переполнили ямку настолько, что всё лилось через край. Воды болотца превратились в маленькое озерцо, в неиссякаемую природную чашу.

Ой, что это возле неё? Чей-то небольшой следок, словно круглое копытце. Не из него ли испил водицы неслухник – братец Иванушка? Нет, совсем не то, не моя сказка!

Я пыталась получше рассмотреть дно водоёма, но, кроме искажённого отражения, ничего не заметила: тальниковая вода была серо-голубой и до того непрозрачной, что её нельзя было пробить ни взглядом, ни лучом света. Не грязной, не мутной, а именно плотной. Таким может быть разве что... молоко! Да-да, растительное молоко, рождённое тальниковым деревом, подземными ключами и голубой болотной глиной, пласты которой перемежаются ржавыми многолетними прослойками. «Этим

молоком, наверно, питается стремительная чудо-птица, – подумала я. – Оно дарит ей силы и радость полёта».

Присев на корточки, зачерпнула в ладони мягкую прохладу, умылась, ощутив горьковатый запах тальниковой коры, и словно прозрела: на глади воды, по всему краю ямки, колыхались, зацепившись за щетинки осоки, коричнево-чёрные прошлогодние листья – всё, что осталось от сказочного оперения!

Как же я сразу не догадалась?! Значит, это была правда! Моя крылатая сущность мирно спит здесь, под водой! Только не хочет открывать свою тайну. Мать-тальничина согласно кивала в такт моим мыслям и ветру. Она узнавала меня, крылатую ночную путешественницу, даже в другом облике.

Во внутреннем кармане брезентухи застряла монетка: очень кстати! Я опустила её в болотную воду и загадала много новых встреч, во сне и наяву, с золотой птицей, с самой собой, со старым деревом и ямкой на болотце, такими далёкими и близкими, до боли знакомыми с малолетства...

Мне всегда было увлекательно замечать, как меняется тальниковый водоём в разные времена года. Зимой, занесённый высокими сугробами, вовсе не даёт о себе знать, пребывая в медвежьей спячке. С весенними ручьями и нудными дождями осени вдруг выходит из берегов, расплёскивая водные богатства и на болотце, и на тропинку, проторённую по покосу. В июльский зной внезапно иссыхает до мелкой, с глубокими трещинами лужицы, сквозь которую настырно пробиваются тонкие и острые поросли осоки. Ветры постоянно заваливают его ветками и опавшей листвой. Солнце обнажает причудливые корневые горельефы на невысоких бережках. Но он смиренно и стойко держится, сохраняет рвение к жизни; как и мудрая тальничина, несёт для страждущих чудесные капли растительного молока.

Я любила увязаться с отцом на покос, чтобы проверить: как там поживает крохотный прудик? Папа ловко черпал оцинкованным ведром воду для хозяйственных нужд – полива огорода, мытья посуды и пола. А я слушала вековечный шелест листвы, освежала лицо растительным молоком, жадно втягивала пьянящий запах коры и изучала болотных обитателей.

Как приятно играть с шелковистой тальниковой водой, ловить убегающих потешных голова-

стиком, выуживать руками, словно рыбацким подсачеком, длинные почерневшие ивовые листья и податливые, как русалочки волосы, травы!

Окунешь, бывало, руки по самые локти в бодрящую свежесть, и сразу бросятся врассыпную, как дворовые мальчишки, очень пугливые чёрные точки-жучки. Спешно заскользят на другой бережок хрупкие конструкции водомерок. Предусмотрительно опустятся в глубину маленькими субмаринами жуки-плавунцы. И только улитки никуда не будут торопиться: прилипнув к травинкам, так и останутся грузно нависать над водой, выпячивая из мельчайших и крупных домиков липкую гофрированную мякоть да две пары любопытных рожек.

Мне не терпится разглядеть улиток поближе! Беру в руки самую крупную и красивую: цвет её раковины кремово-перламутровый, напоминающий топленое молоко. Улитка тотчас прячется, тревожно застывает. Но я, будто знаменитый факир, начинаю произносить магическое заклинание: «Улитка-улитка, высунь рожки, дам тебе ракушек на лепёшки!» Подношу спиральный домик всё ближе к губам, настойчиво вызывая его жилищу: «Улитка-улитка, высунь рога, дам тебе ракушек для пирога!». И моллюск наивно верит моим обещаниям: вот задвигались где-то внутри скользкие нежные ткани, постепенно развернулось и стало перетекать из раковины на ладонь бархатисто-студенистое тело. И наконец, вот она! Во всей красе, ничего не страшась, демонстрирует себя мне и миру! Смущена и удивлённо вопрошает малюсенькими глазами-шариками: «Ну, и где твои обещанные ракушки?».

Не знаю, кто выкопал водоём прямо под ивовым шатром – природа или человек, но всем он пришёлся по душе и по вкусу. И каждый был вправе считать его своим домом: и я, и чудо-птица, и жуки с улитками. И даже усатые галлицы, откровенно подтачивающие ствол старой тальничины, опутывающие её мягкой паутиной коконов и «взращивающие» на ветвях зелёные розы, а под корой – сложносочинённые камеры с жёлтыми личинками.

С самого утра дерево и его водный источник находились в круговороте будничных дел и событий.

Вот полакомиться целебной водой прилетели сороки-белобоки. Сядет одна стрекотунья на краешке ямки, наберёт в клюв воды и будто пробует-смакует. А её подружка – рядом ждёт, голо-

вой крутит. Потом, охмелев от растительного молока, первая взмахнёт крыльями и – прыг! – на ближайшую веточку! Теперь другая приступает к дегустации. Попьёт, немного посидит, головой повертит, потом вновь вкушает болотную воду. А когда обе насытятся, встанут на крыло и с развесёлым треском несут по всему лесу: «Тра-та-та! Тра-та-та-та-та! Хороша-а-а-а тальнико-о-овая вода-а-а-а!».

В знойный полдень танцуют над сонной гладью утомлённые комарики, зудят надоедливые мухи; со злостью, прорезая воздух, проносятся коварные, обжигающие оводы и слепни.

Вечером, почуяв приближение ночной охоты, словно отзываясь на призыв влаги и свежести, из-под мясистого листа бадана выползает размлевшая от солнца жаба. Наверно, ей уже стукнуло все сорок, настолько древней она кажется. Во всяком случае, живёт она у болотца очень давно и, возможно, привыкла к людям, как и мы к ней. Она вросла в своё обиталище, в его жирные хляби с ряской и голубой глиной, в ржавые плёнки на застоявшейся, пахнущей сероводородом воде.

Неопытный взгляд легко бы мог спутать болотную хозяйку с камнем или комком засохшей грязи, настолько землистой выглядит её серо-бурая шкурка с терракотовым отливом. Неужели такую вот кожу сбрасывали с себя жабы предки, превращаясь в премудрых красавиц? Помнит ли наша жаба об этом? Знает ли заветное заклинание?

Я всегда думала, что жабы шкурка суха и шершава, но проверить это не смела, боялась жестоко поплатиться за своё любопытство. На руках, говорила мама, сразу же появятся уродливые бородавки, некрасивые пятна и хуже того – въедливые шипицы. А уж их-то даже чистотелом не выведешь! Позднее, на уроках зоологии, я узнала, что у жаб, оказывается, есть специальные железы, выделяющие небольшое количество яда. И хотя эти токсичные капельки считаются безопасными для человека, я была просто убеждена, что именно они сеют гадкие наросты!

Земноводное, как бы лениво переваливаясь, осторожно «вышагивает» по покосу к тальниковой ямке. Наверно, идёт проверить своё многочисленное потомство, барахтающееся в зарослях рогоза. Или будет ужинать у воды? Там много моллюсков, насекомых и их личинок! Хорошо, что у жабы такой здоровый аппетит! Её клейкий

язык и толстое брюхо продляют жизнь моей тальничине.

Я пристально слежу за заколдованной царевной и тихонько следую за ней. В висках стучится родительский запрет: тревожить жабу нельзя! Но меня так и подмывает провести веточкой по бугристой спинке! Острое желание пересиливает, и я, озираясь, крадусь на цыпочках к противной и такой манящей жабе...

Издали заприметив моё неестественное, подчёркнуто осторожное поведение, дворовый Бутка с лаем бросается на покос. Живой комок замирает. А когда вездесущий мокрый нос почти вплотную приближается к ней, обескураженная, начинает прыгать, унося от греха подальше и ноги, и широкое приземистое тело.

В ночную пору, когда местность озарится серебристым светом, приступят к концертной стрекот-программе у тальникового водоёма сотни кузнечиков. Ловко орудуя лапками, они возьмут

столь высокие ноты, что позавидует любой виртуоз. Изредка ухнет и вновь замолкнет тётушка-сова. Бесшумными тенями прошмыгнут и запутаются в лабиринтах ивовых побегов летучие мыши. А мать всех живых существ – священная тальничина – будет приветливо кивать ветвями, доброжелательно встречать гостей и терпеливо ждать возвращения блудной дочери в любом её обличье...

Я знаю, что однажды ускользну из городских кварталов в страну крылатых воспоминаний и снов. И по закону открытой кем-то мировой спирали монетка сработает, и всё возвратится: и золотой журавлик детства, и запах таёжной весны, и отец с полным ведром голубоватого растительного молока, и мерный шум тальничины у косогора.

Я верю: всё так и будет!..

Новокузнецк – Белокуриха – Новокузнецк, 2015

Известному поэту, шахтёру Дмитрию Петровичу Клёстову – 75 лет. Поздравляем с юбилеем! Верим в Ваш талант. Здоровья, творческих сил!

Дмитрий КЛЁСТОВ

ПОЭТИЧЕСКИМ ВЗВЕСИТЬ УМОМ

* * *

На большом именитом концерте,
На галёрке, танцует чудак.
Парни ржут, как безрогие черти,
У виска кто-то пальчиком вертит,
Он круги примитивные чертит
Современному шлягеру в такт.

Я пытаюсь к нему приглядеться,
Поэтическим взвесить умом:
То ли впал в босоногое детство,
То ли гены дурного наследства,
Или это от чистого сердца,
Или дьявол беснуется в нём?!

Пасторальная сказочка Грина
Или гоголевский шабаш?
Или вовсе другая причина...
Так кривляться достойно и чинно
Может истинный комик без грима,
Заходя в удивительный раж.

На челе червоточина шрама,
В синих крапинках впалая грудь.
Это же не семейная драма,
Не тавро спекулянтского клана,
Не с разборок бандитская рана –
Сквозь чистилище пройденный путь.
Видел я разномастных изгоев:

33

Пьяници, прочих бомжей и калек,
Тунеядцев, братков и героев
С бывших фабрик и брошенных строек,
Из халуп и боярских покоев,
Оседлавших теперешний век.

Буду я положительным сводней,
Ни себе, ни знакомым в укор:
На галёрке танцует сегодня
Возвратившийся из преисподней,
Удостоенный славы господней
Наш советский шахтёр!

* * *

Найду счастливый гривенник,
И тотчас всё исполнится:
Я буду видеть, чувствовать,
Всё зная наперёд...
Звонарь с красивым именем
С высокой гулкой звонницы
Рассыпчатыми звонами
К заутрене зовёт.

А кто-то спешно бреется,
А кто-то вяло мылится,
А кто-то водкой горькою
Уже поганит рот.
Идёт в луга альпийские
Удойная кормилица,
Она не только гривенник –
Полтинник принесёт.

КЛЁСТОВ Дмитрий Петрович родился в деревне Евтино Беловского района Кемеровской области в 1942 году. Служил командиром танка в Германии. Работал на шахтах и рудниках и в геолого-поисковой партии. Печатается в газетах и журнале «Огни Кузбасса». Издал четыре книги «Земная ноша», «Оглянись с большака», «Любо-дорого», «Избранное». Член Союза писателей России. Живёт в Гурьевске.

А вслед за ней подпаском я
Иду тропинкой росною,
Звонарь с красивым именем
Мне аллилуйю шлёт...
Довольно тешить сказками:
Ведь это у киоска – я,
Нашёл счастливый гривенник
И вот – поганю рот.

АРАПЧОНОК

Я держу на ладонях
Чернокожего братца,
Прижимаю к груди,
Воздымаю в лазурное
Небушко...
Бедуинка не ропщёт,
Зачем волноваться:
Не сурочит его
Белобрысый и
Ласковый дедушка.

Мироточат глаза –
Маслянистые финики,
Пахнут кудри елеем,
Резедой и сибирским
Воробышком.
И откуда у вас,
Побратимы-пустынники,
Несказанное это,
Незакатное солнышко?

На ладонях больших
Мужика-волхвователя
Ни одна сатана не коснётся
Прекрасного личика.
Будь спокоен, малыш,
Ведь тебя обязательно
Будут люди любить
И талантище твой
Возвеличивать.

* * *

Синь-тайга моя – с глазами,
В объективе каждый шаг...
«Ахтунг! Ахтунг! Партизанен!» –
Упреждающий аншлаг.

Вроде бы кусок фанеры,
А хранит сибирский лес:
Исчезают браконьеры,
Как лазутчики СС.

Гибнут в толях, мочажинах,
Без свидетелей причём.
То ли шорец с карабином,
То ли йети с батогом

Берегут мою округу,
Отчий дом и отчий кров.
Нынче чудь вела по кругу
Полицаев-холуёв.

Упокоила меж пнями,
Как безумного врага:
Синь-тайга моя – с глазами,
Православная тайга.

* * *

Отстегала колючими розгами
Вьюга-стужа любимые сосны
И усыпала снежными гроздьями,
Укротив свою дурость несносную.

Мы идём по волшебному кругу,
По тропинкам старинного бора,
Озаряем улыбкой друг друга,
Комплиментом, усмешкой, задором.

37

Незнакомки и наши знакомцы
Нам кивают небрежно и лестно:
Все мы пестованные питомцы
Непорочного русского леса.

Здесь царит несказанное братство,
Бор тому – круговая порука.
Слава богу, ещё улыбаться
Мы умеем, встречая друг друга.

* * *

Нынче небо и солнышко щедрые,
И душистая свежесть с утра...
Мы из шахты девчонку-маркшейдера
Подымаем с зарёй на-гора.

Обожжённые руки и личико
В сумасшедшем, кромешном аду.
Как теперь величать-возвеличивать
Вдруг погасишу нашу звезду?

Подземелье – ристалище гиблое,
И несчастьям не видно конца.
Ты сама эту долюшку выбрала
По стопам работяги-отца.

*Нищета и разруха державная
На гибель бросают людей...
Покружись, моя муза бесправная,
Над шахтёрской сестрёнкой своей.*

* * *

*Мой заветный переулочек,
Дом с окошком на тайгу.
Одомашниваю курочек,
Их пасу и стерегу.*

*Эти клоны инкубатора
Да фабричного гнезда
Выражения крылатого
Не слышали никогда.*

*И ни семечка, ни зёрнышка
Чтоб в навозе отыскать –
Не умели наши золушки
Ни грести, ни загреть.*

*Петушок, в деревне купленный
И не пакостный совсем,
Знал в округе, как в облупленной,
Каждый уличный гарем.*

*Новизна обескуражила:
Столь неклёванных невест.
А потом облагораживал
Диким курочкам насест.*

*Бесприданницы увечные
На курином на веку
Привыкают к человеческому
И мужскому языку.*

* * *

*Макушка лета. Около полудня.
В истоме душевой замирает пруд.
Проказник-гром и молния-шалунья
Над водоёмом разыгрались вдруг.*

*На головы, на плечи многолюдья –
С холодным ветром ливень-озорник.
Сумятица. Веселье. Визг и Крик.
Макушка лета. Около полудня.*

* * *

*Только прилягут снега,
В лёгкой, дремотной неге
Веки смежит тайга,
Наши землячки-леди
В сверхзвуковой телеге
Ринутся на юга.*

*Горю, тоске и боли
Русью впряжённый «Боинг»
Враз наложил табу.
Бабы в небесном поле
Прячут стыдливо боязнь,
Вверив ему и Богу
Собственную судьбу.*

*Верные наши жёны,
Скупно блюдя законы
Дружественной страны,
В тунки и хитоны
Будут облачены.
Но не позволяя «рашей»
Пачкать отчизну свою.
Врежут по морде вражьей –
Знает пускай мусью.*

Уважаемый Владимир Львович, поздравляем Вас с 75-летием! Вы являетесь давним автором журнала «Огни Кузбасса». С Вашей юности и до сегодняшней поры любители поэзии нашего края запомнили Ваше имя. Желаем Вам здоровья, успехов, творческого счастья и благополучия.

Владимир КАГАНОВ

ПУТЬ К ДАЛЁКОЙ РАДУГЕ

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ ГОРОДКА

1

Осенние этюды городка,
Где новый мир свободно расцветает,
И этот мир меня совсем не знает,
И наша связь туманна и легка.
Лишь листья, что доверчиво ложатся
Под ноги, и пространства тихий гул
Меня как будто в прошлое вернул,
С которым так не хочется расстаться.

2

Осенние этюды городка...
Постромантический порыв в былое
Горчит в душе, как некое алоэ –
Оно не возвратится никогда.
Немногие свидетели тех дней
Почти неузнаваемы, как тени,
И сам я тень для новых поколений.
Мой стих – лишь искры гаснущих огней.

2–3 октября 2016 г.,
Новосибирский академгородок

* * *

Когда смешалось всё – и Мандельштам,
и Данте,
И Галич с Городничким, грустно знать,
Что не исправить ничего в диктанте,
Что это наше время умирать.

КАГАНОВ Владимир Львович родился в 1942 году в Кемерове. Учился в Новосибирском университете. Окончил Институт стран Азии и Африки при Московском университете. Работал в научных институтах Сибирского отделения АН СССР, Доме учёных СО АН, Кемеровском университете, институте культуры и искусств. Стихи опубликованы в журналах «Памир», «Звезда Востока», «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Начало века», «Университет культуры», коллективных сборниках. Автор трёх книг: «Ночной разговор», «День осеннего равноденствия», «Осиянный шатёр». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

И вот уже живёшь как бы посмертно,
И ласточка, неслышно пролетев,
Напоминает чем-то незаметно
Полузабытый юности напев.

27 октября 2014 г.

В ОТВЕТ – ЛИШЬ МОЛЧАНЬЕ

36 Пока говорящий способен кричать,
Его не заставит никто замолчать.
И даже из области смерти и тьмы
Нам стоны сквозь ветер и бурю слышны.
Но слышит ли Тот, Кто превыше нас всех,
Наш стон и наш плач, наши пеньё и смех?
И где воздаянье за наши дела?
В ответ – лишь молчанье и звёздная мгла.

27 декабря 2015 г.

МОНА ЛИЗА

Мона Лиза теперь не Лиза,
А Элайза или Луиза,
А ещё – королева стриптиза.
Где же тайна твоя, Мона Лиза?

Растащили тебя на майки,
На футболки, на этикетки...
И летят белокрылые чайки,
Унося твою тайну навеки.

И глядит Леонардо грустно,
Утомлённо прищурив глаз.
В нашем веке его искусство
Стало китчем, товаром для масс.

И его златокрылый гений,
Бесподобная «варьета»
Непонятны для поколений,
Чья духовная жизнь пуста.

25 июня 2016 г.

* * *

Странствия во внутреннем пространстве –
От простого сна до психбольницы...
И кому-то суждено остаться,
А кому-то суждено лечиться.

Выразить в словах духовный опыт –
Часто непосильная задача.
И отсюда постоянный ропот –
Говорим и пишем наудачу.

Трудный путь от опыта до текста –
Он непроходим, как ни старайся.
Может быть, из впечатлений детства –
Бессловесных – что-нибудь останется.

Потому мы ищем в мифах, в сказках
Образы забытого былого.
Но, увы, они застыли в масках
Взрослого сознания слепого.

Как же нам прозреть, как пробудиться?
Как найти утерянное слово?
Может быть, нам заново родиться
И прожить всё по-другому снова?

9 октября 2016 г.

ПУТЬ В ГРААЛЬ

Нас не ждут ни в какой благолепной Финляндии.
Да и что нам там делать, скажи, старина?
Я мечтал об одной лишь стране – о Гринландии,
Но никто не сказал мне, а где же она.

И ни ласточкой в небе, ни рысью в лесах
До неё не добраться, как сказано в «Эдде».
Не доплыть ни на алых тугих парусах,
Не домчаться на стареньком велосипеде.

Лишь душа неустанно летит туда вдаль,
Зову музыки тайной по-детски послушна.
Может быть, где-то есть заповедный Грааль,
Где-то есть... уповаешь она простодушно.

15 декабря 2013 г.

* * *

Что музыка для разума? Увы,
Лишь числа, колебания и волны.
И пенье птиц, и тихий шум листвы,
И голос сердца для ума безмолвны.
Лишь для души, тоскующей в плену,
В волшебном мире звуков есть отрада.
Взыскав в них гармонию одну,
Она её получит, как награду.

31 июля 2015 г.

ПУТЬ К ДАЛЁКОЙ РАДУГЕ

К Далёкой Радуге я вышел в семь утра.
Она сияла прямо предо мною.
Её цветов волшебная игра
Меня манила тайною живою.

И семь цветов: Любовь, Надежда, Вера,
Отвага, Честь, Добро и Красота –
Переплелись, как символ новой зры,
Как светлая, прекрасная мечта.

Но оказался путь к мечте неблизким.
Прошли мятежной юности года.
И мне порой казалось, как Улиссу:
Я не достигну цели никогда.
Земные бури мрачной чередою
Неслись по жизни, затмевая свет.
Одна беда шла за другой бедою,
Казалось, что спасенья больше нет.

Но свет Далёкой Радуги манящий
Сиял сквозь бури, говоря: «Держись!
Ты пережил не даром день вчерашний,
День завтрашний твою изменит жизнь».

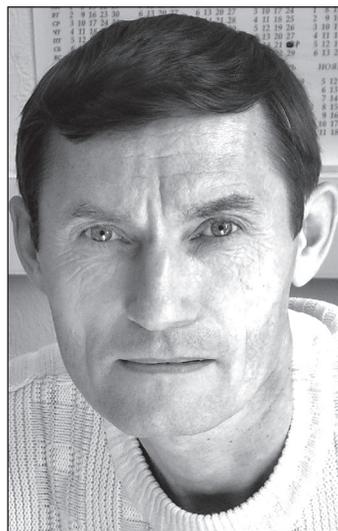
И вот, на склоне лет, усталый странник,
Я вышел к полю жатвы золотой.
И надо мной, как прежде утром ранним,
Сияет солнце радугой живой.

30 ноября 2016 г.

**Владимир
ШУМИЛОВ**

ДВА РАССКАЗА

КАНДИДАТ

Заветная мечта Ивана Петрова – служить в органах КГБ. Начитавшись книжек про доблестных рыцарей плаща и кинжала, с детства видел себя в роли матёрого разведчика, выполняющего ответственную миссию где-нибудь в далёкой Африке или Латинской Америке. После окончания школы долго выспрашивал у знакомых, что да как, каким образом можно стать разведчиком, пока сосед, дед Никита, прошедший войну и служивший в разведроту, не подсказал:

– Ванька, ты, однако, армию сначала бы понюхал. А вот когда оперишься малость, докладывай своему начальству: так, мол, и так – я, Ванька Петров, хочу работать разведчиком, а они уж там сами решат.

– Дедусь, а тебя-то сразу взяли в разведчики?

– Почти что сразу. А как же! Как только поставили нас на постой на хуторе под Киевом, я сходу заприметил приبلудившегося жеребчика. Докладаю старшине: «Не наш это жеребчик». Посмотрел он на меня, на жеребчика и говорит: «Тебе, Никита, в разведке служить». Вот меня и определили в разведроту, завхозом...

Через полтора года срочной службы в должности радиотелеграфиста Иван решил подать рапорт своему начальству, чтобы оставили на сверхсрочную службу. Прознав о мечте Петрова

работать в органах КГБ, особист пригласил к себе.

– Что, Иван Терентьевич, не даёт покоя мечта детства?

Сообразив, к чему клонят, Иван вспыхнул.

– Так я хоть сейчас готов выполнить задание Родины!

– Ну, брат, хватил через край. И так выполняешь задание трудового народа, проходишь срочную службу. Слышал, рапорт на сверхсрочную подал?

Офицер внимательно посмотрел на парня, отметил крепкое телосложение и голубые, что небо, глаза, излучающие какую-то еле уловимую искорку хитрости.

– Так точно!

– Сам понимаешь, с наскока такое не решается. Внесём в список кандидатов, а там как себя зарекомендуешь. Да, и подучиться не мешало бы. Советую в нашу школу прапорщиков поступить. Через полгода самостоятельным мужиком станешь. Звание не лишним будет, специалисты твоего профиля нам в органах вот как нужны. Электроника развивается, не угонишься.

Через семь месяцев после разговора прапорщик Петров принял под свое командование передвижную радиомастерскую. Потекли дни-денёчки в хлопотах и заботах...

ШУМИЛОВ Владимир Александрович родился в 1954 году в с. Фроловка Партизанского района Приморского края. С 1955 года проживал в с. Борисово Крапивинского района Кемеровской области. Служил в ВМФ, капитан-лейтенант, военный инженер радиосвязи. Автор восьми сборников стихотворений и четырёх книг прозы. Член Союза писателей России с 1998 года. Живёт в с. Смолино Кемеровского района.

Буквально накануне падения Берлинской стены, когда ещё партийная верхушка крепко держала свои пальчики на кнопках сдерживания народного гласа, негодующего в душе бестолковостью их правления, молодой прапорщик по ночам втихую слушал вещание Би-би-си. Именно из репортажа радиостанции первым узнал, что в дивизии сгорел продовольственный склад, а их доблестный генерал засветился на одной из квартир с молоденькой девочкой.

Что такое информация для одного? Тоска да и только. По привычке Иван периодически, словно невзначай, делился в курилке новостями, вслушиваясь в разговоры товарищей и сослуживцев. Поделиться своей осведомлённостью представился случай.

– Ну что, мужики? С завтрашнего дня на сухой паёк переходим? Грызть сухари и уничтожать запасы консервов будем, – ввалившись в курилку, проронил он.

– С чего взял? Натурального хватает, – заметил знакомый прапорщик из хоззвода.

Бросив осторожный взгляд по сторонам и не углядев ничего подозрительного, Иван выложил:

– Так у нас сегодня ночью дивизионный продсклад сгорел.

– С утра оперативного видел, Ваську Носикова, он ничего не сказал.

– А у меня свои источники. Птичка в клюве принесла.

– Знаем твоих птичек.

Иван насторожился.

– Снова Светка-конфетка из столовки нашптала. Вот сорока.

Вздыхнув, Иван закурил. Незамужняя Светка, работавшая официанткой в армейской столовой, была знакома многим.

«Что мне ваша Светка? – вертелось в голове у Ивана. – Я сам могу этой Светке подкинуть утку, пускай в массы несёт».

К обеду в полку знали о сгоревшем продскладе. Решив подлить масла в огонь, в обеденный перерыв Петров подвалил к официантке. Перебросившись парой слов и поинтересовавшись новостями, стал нашёптывать:

– Слышала, нашего генерала застукали на бабе?

– Ты что? – Светка удивлённо выпучила глаза и даже чуть покраснела.

– Вот тебе и что! Не на тебе случайно? – он подмигнул.

– Да пошёл ты со своими приколами. Делать мне, что ли, нечего, с генералами в ласки играть?

От мытья посуды руки болят. Молодых хватает. Ты бы лучше поменьше трепался. Особисты ухо остро держат. Враз язык под корень оттяпают.

– Ладно-ладно, умолкаю...

Прапорщик остановился у двери с табличкой: «Начальник политотдела войсковой части 1311».

Поправив тужурку и фуражку, постучал в дверь.

– Разрешите, – он переступил порог кабинета. – Товарищ подполковник, прапорщик Петров по вашему приказанию прибыл, – Иван вытянулся по стойке «смирно».

– Проходи, Иван Терентьевич, присаживайся.

Начальник политотдела был не один. За большим столом, по разные его стороны, сидели два офицера. Одного из них он знал: особист, капитан Смирнов. Майор был ему не знаком.

– Наш кандидат, Яков Николаевич, – представил капитан.

– Майор Бородкин, – он протянул Ивану руку.

– Прапорщик Петров, – отрапортовал Иван, отвечая на приветствие рукопожатием.

– Товарищ майор из особого отдела дивизии, – пояснил капитан. – К вам имеет несколько вопросов.

– Товарищ прапорщик! У нас имеется информация, что вы супостатов слушаете из-за бугра? Верно? И язычок свой за зубами не держите. А ещё кандидат. Как-то не стыкуется одно с другим.

Иван покраснел.

– Так я, товарищ майор, самую малость. Радиотехнику после ремонта проверяю.

– Ну и как, работает? – встрял начальник политотдела.

«Вот откуда ветер дует, – мелькнуло у Ивана. – Погоди, сам у меня попадётся. Знаю, что почём».

– Ты мне лапшу на уши не вешай. Прекращай эти дела. Вот тебе дело. Не справишься, не быть тебе в органах, а то и того хуже – на гражданку!..

Среди нового пополнения, прибывшего в артиллерийскую воинскую часть соседнего полка, выделялся крепкого телосложения, невысокого роста солдат. По лицу было видно, что он старше остальных новобранцев. Когда выгрузились из машины, раздалась команда:

– В одну шеренгу становись!

Перед новобранцами стояло несколько старшин из разных подразделений. Достав из

планшетки список, старший лейтенант стал зачитывать.

– Рядовой Никонов – первый батальон. Рядовой Кепов – первый батальон. Рядовой Петров – второй батальон...

Офицер замолчал.

– Второй батальон, за мной! – скомандовал старший сержант и, повернувшись, направился по тропинке в сторону казарм.

Иван, вскинув на плечо набитый вещмешок, последовал за старшим сержантом.

Его определили в стрелковый взвод. Командир отделения показал кровать, тумбочку, провёл в каптёрку, указав на рундук, где предстояло хранить вещи.

В первую же ночь ему устроили «велосипед». Когда Петров крепко уснул, двое старослужащих, оторвав по клочку бумаги, откинули край одеяла с ног Ивана. Продев бумагу между пальцев ног, подожгли. Стоило огню коснуться пальцев, спящий начал судорожно передергивать ногами. Со стороны всё походило на вращение педалей велосипеда. Соскочив с кровати, Петров увидел перед собой «старичков», которые смеялись от получившейся проделки.

Утром и вечером вместе с другими молодыми делал приборку на территории и в казарме. После завтрака все шли на теоретические занятия, а пообедав, на стрельбище...

В субботу после обеда к Петрову подошли два «деда».

– Ну что, салага, осваиваешь солдатское ремесло?

– Так точно, товарищ сержант.

– То-то же, молодец! Только это не всё. Пора вливаться в армейский коллектив. Мы тут подобрали немного денег. Возьми в каптёрке у ребят трико, чайник и к вечеру чтоб приволок вина. В городке за сопкой магазинчик. Там его на разлив продают. Задание понятно?

– Так точно!

– Вперёд!

«Блин! Нашли молодого, салаги», – чуть не вырвалось у него, но Иван сдержался...

Завернув за угол казармы, нырнул в заросли высокого кустарника. Оказавшись у забора, чуть помедлив, перемахнул его, словно на тренировке. Тропинка убегала в сопку. В руках он держал пакет, в котором прятал пятилитровый чайник.

Он хорошо знал место, куда его послали. За небольшим косогором, километрах в четырёх от

части располагался городок, в котором жили военные вперемешку с гражданскими. Не однажды заглядывал с друзьями сюда: то за компанию, а то по служебным делам.

Раздвигая свисавшие над тропинкой кусты акации, Иван забирался всё выше и выше в сопку. Оказавшись наедине с собой, стал прокручивать прошедшее за последние две недели события.

Вспомнил последний разговор с майором особистом. Оказалось, в полку у артиллеристов ЧП. Во время комплексных учений пропал ящик гранат РГД-2, без малого восемьдесят штук. Поиски положительного результата не дали. Тут-то и возникла мысль у работников особого отдела о подсадной утке. Так и оказался в соседней войсковой части на правах молодого новобранца прапорщик Иван Петров.

Он горел желанием обязательно выполнить первое задание, поставленное перед ним командованием.

Вот он заметил среди кустарника очертания посёлка. Немного побродив по улочкам, остановился у знакомого ларька с надписью «Вино-пиво». Залив пятилитровый чайник портвейном, отправился в обратный путь. Содержимое бутылки выплёскивая в пакет. Остановился, достал носовой платок, перевязал крышку чайника. Смяв несколько листочков травы, заткнул носик.

Самовольная отлучка прошла без сучка и задоринки. Она была у Ивана не первой. Но эта – особенная, ради выполнения задания. Следом была вторая, третья. Однако результата не было. Несколько раз в кругу молодых сослуживцев его спрашивал старший лейтенант, секретарь комитета комсомола полка, о делах. Петров, как и было оговорено, отвечал: «Служу Советскому Союзу, товарищ старший лейтенант». Для оперативника это означало, что результата по делу с гранатами пока нет.

Приближался дембель. Оставалось дней десять, когда среди «стариков» началось оживление. После вечерней поверки рядового Петрова вызвали в каптёрку, где был накрыт дембельский стол.

– Молодец, Иван, не из робкого десятка, – похлопал по плечу сержант. – Прими немного за предстоящий дембель. Скоро мы тю-тю, домой. А вам, салагам, ещё сапоги топтать. Сколько уже прослужил?

– Четыре месяца двадцать пять дней!

– Знаешь дело. Давай, – сержант протянул стакан с вином.

Ивана не надо было упрашивать. Он опрокинул содержимое. Повеселев, компания бурно обсуждала предстоящее. Неожиданно речь зашла о гранатах, кому и сколько полагается и как их безопаснее провезти до дома.

– Они хоть целы? А то делим, а они давно сплыли, – неожиданно спросил один из присутствующих старослужащих.

– Куда денутся? Весь штаб охраняет. Лестницу к столовой унесли, там и стоит. Кроме Тарзана, никто на крышу и не поднимался.

– Я уже давно придумал, как провезти, – подал голос тот, кого называли Тарзаном. – Мне много не надо, хватит и четырёх. Упакую в банки из-под кофе, а сверху малость подсыплю – и полный порядок.

Он взглянул на Петрова, спросил:

– А что тут салага делает?

– Это свой, не беспокойся, – заступился сержант и бросил: – Можешь шагать в казарму. Смори, держи язык за зубами.

Щёки у Ивана порозовели. Он был невероятно рад услышанному.

«Узнал, точно узнал, – вертелось в голове. – Скорее на свободу из этой каптёрки, не ровен час, заподозрят».

Утром в воскресенье, когда после завтрака солдаты собрались на спортплощадке, подошёл комсорг полка и спросил, как идут дела. Петров будто этого и ждал. Оглянувшись по сторонам, нет ли рядом старослужащих, произнёс:

– Хорошо, товарищ старший лейтенант!

В понедельник на построении полка несколько молодых солдат были отобраны для обучения по специальности наводчика. В их числе был и Петров. На следующий день, молодёжь покинула часть...

Кроме знакомого майора Бородкина, в кабинете находились три офицера. Настроение у оперативника было приподнятое. Ещё бы! То, что он задумал, удалось выполнить. И часть успеха лежала на плечах прапорщика Ивана Петрова, кандидата. Он так и проходил по бумагам и оперативным сводкам у Бородкина.

Ящик с гранатами, зарытый на крыше здания штаба части, возле печной трубы и заваленный списанным корпусом армейского коммутатора связи, оперативники выудили сразу после убийства молодых на «учёбу». Стремление прапорщика

и результат проведённой операции по поиску гранат не остались незамеченными командованием. Через некоторое время Петров был переведён в штаб бригады и направлен для прохождения службы в подразделение специальной связи – СПС...

О таких иногда говорят – баловень судьбы. Порой крупно везло. Через полгода службы в штабе бригады не без помощи особого отдела прапорщику было присвоено первое офицерское звание – младший лейтенант. Даже те, кто окончил военное училище, в тайне завидовали, а собравшись в курилке, ведя разговоры за жизнь, говорили: «Чёрт, везёт же Петрову. Верно говорят, что на Ивановых да Петровых Россия держится!».

В очередной отпуск Петров укатил в Подмосковье. Списавшись с друзьями-сослуживцами, с которыми учился в школе прапорщиков, решил навестить их, посмотреть, как живут, как служат. Может, что для себя присмотрит. Не вечно же сидеть в алтайских степях. Душа требовала простора, желала перемен. Накануне отпуска в бригаду прибыл новый начальник штаба. Холодок пробежал у Ивана между лопаток. Что-то подсказывало: быть беде.

Сослуживец Виктор встретил на Казанском вокзале Москвы.

– Место тебе пробил – закачаешься. Профилакторий для высшего комсостава флота, – обрадовал друг.

– А не круто?

– Что, мы лыком шиты?! Сосед по площадке у них служит. Капитан второго ранга. Договорился. Сказал ему, что ты из особого отдела бригады! Как, ничего?

– Ничего-ничего. Только всё же круто.

– А ты привыкай.

– Далеко ехать? – спросил Петров.

– Минут сорок на электричке и столько же на автобусе. Да ты не переживай. Доберёмся быстро. Это только кажется с первого раза, что далековато...

Автобус, урча, удалялся от железнодорожного полотна. Заняв места на заднем сидении, Иван и Виктор оживлённо беседовали, припоминая проведённое вместе время. Несколько раз в их сторону поворачивал голову высокий мужчина, одетый в гражданскую курточку и армейские брюки. Их взгляды встретились. Петрову показалось, что они встречались. Он прикрыл глаза, вспоминая, где мог видеть мужика.

– Ты чего так насторожённо смотришь?
 – Где-то вроде виделась с тем мужиком.
 – Так это замполит из соседней части. Подполковник.

– Во-о-он оно что! Точно, вспомнил. Он тогда капитаном был. Парторг в нашей части. Раздобыл, еле узнал. Ну и гнида был, скажу тебе! Не знаю, как сейчас. Сколько мужиков пострадало. Капал особисту, Би-би-си, мол, слушаю по ночам. Еле выкрутился. Хорошо, офицер толковый попался.

– При случае поинтересуюсь: помнит, нет, твоё Степное?

И действительно, через пару дней Виктор поведал о разговоре с подполковником. Оказывается, тот припомнил далёкий Алтай, Степное и прапорщика Петрова. Когда узнал, что Петров уже младший лейтенант и служит при штабе бригады, гордо постучал себя в грудь, выдав: «Видишь, каких людей воспитали».

Иван рассмеялся.

– Да, такие нигде не пропадут.

Прибыть из отпуска в часть вовремя не удалось. Опоздал на четверо суток. Протянул до последних дней, а тут – на тебе, как назло, билетов тью-тью. Попав под строгие очи нового начальника штаба, написал объяснительную на его имя о причине опоздания.

В комнате общежития, где жили холостяки, никого не было. Раздевшись и немного придя в себя, Иван обкатился холодной водой. Тело покрылось мелкими мурашками. Заглянув в зеркало, отметил, что глаза немного ввалились от дорожной усталости.

«Надо чуток расслабиться, вздремнуть. Завтра на службу», – вертелось в голове.

Вскрыв банку тушёнки и отхватив горбушку хлеба, наполнил половину гранёного чистогоном. Поморщился и, глубоко вдохнув, опрокинул содержимое стакана. Внутри зажгло. Через минуту в голове зашумело. Присел на кровать, откинулся на стенку. Взглянув на часы, отметил: в части – ужин. Скоро придёт со службы напарник. Не успел подумать – дверь заскрипела, и в комнату ввалился Васька Носик, недавно прибывший к ним лейтенант-техник.

– Привет отпускнику!

Скинув тужурку, он засуетился в ванной.

– Давай, Иван, рассказывай, что там, как столица, что новенького?

– Что новенького? Всё, как и у нас.

– Ты не скромничай, не скромничай. Открой свою душу – и народ потянется к тебе.

«Ну ладно. Хочешь новостей, получишь», – подмывало сказать Петрова, и он с присущей ему серьёзностью начал:

– Страсти разгораются в столице и около. А ты, Василий, Би-би-си не слушал? А зря! Там про всякое можно узнать. Заварушка готовится, вроде переворот хотят в верхах сделать.

– Ты что, серьёзно?

– Да я ж по этому делу и опоздал из отпуска. Товарищ познакомил кое с кем. Повстречались, переговорили. У них там уже организация мощная создана, «Мощь Родины» называется. Филиалы по всей стране решили создать. Я, Вася, подвизался, являюсь полноправным членом этой организации. Сам понимаешь! Только смотри, если что, мне не сносить головы, да и тебя достанут. Пока ты один здесь в курсе. В качестве их представителя здесь буду. Обещали помощь оказать. Кое-что уже подкинули, не обижаюсь. Смотришь, и наверх вытянут. Все эти политорганы по боку, говори что хочешь, слушай кого хочешь. Свобода! – Иван привстал, подошёл к двери, заглянул за неё.

– Ты серьёзно, в своём уме? Особисты узнают – такую свободу закажут! Враз загребут, из армии вытурят.

– Ну, это мы ещё поглядим. Чёрт не выдаст, свинья не съест.

Поняв, что утка попала по назначению, Петров откашлялся и, налив два стакана, предложил Василию. Они выпили.

– Дела!

– Вот и я говорю, дела! Ребят стоящих надо подыскивать, чтоб не проболтались, не подвели. У нас есть такие. А ты сам-то как, а, Василий?

– Что я? Надо подумать.

«Подумай-подумай. Посмотрим, сработает «сарафан» или лейтенант промолчит. Друзей тоже не на свалке находят, ими становятся», – мелькнуло в голове у Петрова.

«Сарафан» не сработал, но Петров ждал. Не могло это пролететь мимо ушей особистов. Или он ошибся в новеньком? Чутьё не подвело. Ещё бы! Не зря готовил себя в разведчики. Играть, так играть до конца. Про всякие штучки-жучки он знал не понаслышке. Сам мастерил не однажды, для прикола над друзьями, а потом донимал своей информацией. За это его и прозвали Ванька Жук.

Начальник политотдела дивизии был обеспокоен просочившейся информацией по поводу Петрова. Он вначале отказывался этому верить, но сомнения взяли верх, и полковник заглянул в особый отдел. Машина завертелась. Особисты оказались более решительными.

В последнее время в стране творилось что-то невообразимое. И полученная информация об антигосударственной организации вполне укладывалась в общую картину проводимых политических мероприятий.

Выслушав лейтенанта Носика и получив из его уст необходимую информацию, полковник приказал «оборудовать» комнату Петрова, организовав прослушивание. Чем чёрт не шутит, а вдруг!

На неделю командование отправило Носика в командировку в соседний полк. Иван остался в комнате один.

«Что-то не то, – заметил он для себя, когда напарник исчез из комнаты. – Точно на прослушку поставили. Ну, что ж, подыграем, посмотрим: кто кого?»

Третьи сутки специалист особого отдела лейтенант Строчков не снимал наушники с головы, вслушиваясь в мертвую тишину эфира. Стоящий рядом магнитофон продолжал безжалостно наматывать на бобины плёнку. Когда она заканчивалась, заправлял по-новому. Иногда в наушниках слышался скрип двери, звенела посуда, что-то трещало, различалась работа телевизора. Раз в сутки в спецкомнату наведывался Бородкин, интересуясь, что новенького у Строчкова, но тот не мог ничем порадовать. По истечении третьих суток майор пришёл к начальнику особого отдела.

– Что делать будем, Семён Аркадьевич? Глухо. Раскачать не можем. Может, жрицу на ночьку?

– А одной ночи хватит?

– Так впереди суббота и воскресенье. Подсуетимся, чтоб отдыхал в эти дни.

– Добро, не тяните, дело на контроле у генерала!

Бородкин, присвистнув, почесал затылок.

Вечером в пятницу к Петрову ввалился Носик с друзьями. После небольшого застолья вышли перекурить.

– Иван, мы с Нинкой скоро отвалим. Можешь располагаться с Веркой. Как, бабёнка понравилась? Смотри, в самом соку!

– А кто другое говорит? Да она вроде не против.

– По рукам. А то Верка забеспокоилась. Мол, неловко, пришли и сваливаем, бросаем Нинку.

Немного посидев, Василий и Верка откланялись.

– Хорошо провести время, молодые да красивые, – хмыкнул Василий, захлопывая дверь.

Субботу и воскресенье лейтенант Строчков продолжал слушать эфир. В понедельник майор Бородкин снова «пытал» его о состоянии дел по прослушке. Когда же выяснил, что информация отсутствует, не поверил.

– Давай свой магнитофон, что ты там записал?

Лейтенант включил магнитофон на воспроизведение. После непродолжительной тишины послышался женский смех, повизгивание, непонятная возня. Майор прибавил громкость, прислушался. По кабинету разнёсся звук скрипа железной кровати, учащённое дыхание. Через несколько минут сочный женский вскрик от получаемого оргазма и слова вздох: «Ещё, ещё!»

– Чёрт бы побрал этого Петрова. Он что, так все два дня?

– Так точно. У меня в голове от этих скрипов и стонов мозга закружились и в штанах мокро, – сказал Строчков.

Майор сплюнул.

– Ладно, продолжай. Что-то надо делать.

Полковник Скоп принял решение: на время снять прослушку, подготовить запасной вариант.

– Друзья-то у него есть? А впрочем, здесь нужен специалист. Компания нужна. Иначе не «раскачать».

– Так, товарищ полковник, через неделю праздник – День артиллерии. Может, приурочить?

– Мысль. Давай готовь своего Лыкова. Но чтоб у меня без прокола.

– Есть, Лыкова...

Капитан Николай Лыков, старший уполномоченный военной контрразведки, не раз выполнял подобные задания. Его атлетическая фигура приковывала внимание не только женщин, но и вызывала здоровую зависть у сослуживцев.

– Получишь у зама по тылу три литра спирта, – инструктировал полковник. – Вот тебе записка от меня. Есть у нас такой младший лейтенант Петров, из штаба бригады. Надо «прокачать» по схеме. Пей вместе с ним, баб любите, но выясни: кто, что и откуда? Выведи на разговор, – он вкратце обрисовал, какую ин-

формацию оперативники ждут от Лыкова. – Сам понимаешь, политика. И время поджимает. Уже три недели в пустую дудку дуем.

– Надо так надо. Не впервой. Я его хорошо знаю, ещё из прапоров.

– Вот и ладненько. Ты уж, Николай, постарайся. Тебе скоро звание получать. А этот вопрос генерал ведёт. Уловил?

– Чего уж там. Разрешите действовать?

– Давай, с богом. Время на отгул найдём.

– Есть, – Лыков лихо приложил руку к виску, отдав честь полковнику и, повернувшись через левое плечо, вышел из кабинета.

Лейтенант Строчков продолжал сидеть на прослушке, жадно вслушиваясь в бездушный эфир, моля бога, чтоб что-то случилось, а он доложил бы командованию о результате. Но эфир молчал. Как и прежде, он только слышал скрип половиц, железных кроватей.

«Разливают», – уже чётко определял Строчков, когда в головных телефонах слышалось журчанье жидкости. Пьяный говор перерастал в перепалку, затем всё затихало.

Неожиданно он насторожился, взглянул на магнитофон. Тот продолжал исправно работать.

Устав от безысходности и очумев от спиртного, Лыков пошёл в атаку. Как-то неожиданно перевёл разговор на Америку. Долго рисовал её прелести, преимущество перед вторым миром, пока вдруг не выпалил:

– Иван, а ты знаешь, что попасть в Америку просто?

Строчков напрягся, на лбу появилась испарина. В сознании мелькнуло: «Наконец, дождался!»

– Не веришь?

Петров продолжал молчать. Зато Николай расплылся, думая, что Иван сидит на крючке.

– Здание американского посольства знаешь где? Так вот, стоишь на обочине. Нет, лучше идти в сторону ворот. Как только посол подъедет и машина остановится, стучи, не боясь, в стекло. Когда оно приоткроется, передавай конверт. Да прежде не забудь написать письмо. Мол, так и так, хочу в Америку. Придумай довод поубедительней. Обрисуй вкратце себя, кто по специальности. Ты же у нас с техникой на «ты». Проблем не будет. Уже не раз таким способом уходили. И не выскребешь потом из-за ограда. Заграница, одним словом!

Строчков снова взглянул на магнитофон. Тот продолжал записывать разговор. Он почувствовал, как вспотели ладони. Часы показывали пять

утра. Неожиданно в эфире всё стихло. Через небольшой промежуток времени послышалось:

– А за каким хреном мне твоя Америка, мне и здесь не скучно. Давай подремлем.

Утром Строчков доложил Бородкину: есть кое-что интересное. Прослушав запись, майор убыл к начальнику особого отдела. Полковник долго морщился и, походив по комнате, распорядился продолжить прослушку...

Наутро у Лыкова болела голова. Взглянув на Петрова, он поморщился и, припомнив, что вечером с дуру пытался спровоцировать Ивана на разговор о тайной организации, как бы невзначай стал оправдываться.

– Слушай, перебрали мы вчера. У меня, кажется, приступ белой горячки случился. Ахинею нёс. Вот поднабрался. Давай по маленькой, а то руки трясутся и голова не на своём месте. Ты не обижайся на то, что я тебе вчера нёс, не бери в голову. Бывает!

«Свисти-свисти, – про себя думал Петров, разливая по стаканам. – Наверное, и спирт по накладной получал. Не на того нарвались. Ничего, продержусь, а нашару можно и погулять. Если что, дальше Колымы не сошлю. А вытурят из армии, так и на гражданке работу сыщу».

В понедельник полковника вызвал генерал. Скок велел принести записи, сделанные накануне оперативником. Всё, что можно было узнать и доложить по делу.

– Ну что, Семён Аркадьевич, как обстоят наши дела?

– Да похвастаться особо нечем, Леонид Николаевич.

– Ну, так и нечем?

Полковник достал из портфеля магнитофон, включил. Прослушав сделанную запись, генерал покачал головой.

– Сильны вы, ребята, однако. Вы же его спровоцировали. Знаете, что бывает за такие вещи? Белая горячка, белая горячка! Да кто в таком случае ему доверится. С вашей горячкой прокол получается!

Полковник вспотел.

– Вызывайте в управление. Пора ставить точки над и с этим «кандидатом».

Когда младшего лейтенанта Петрова вызвали в управление, он понял, что зашёл слишком далеко со своей шуткой.

– Докладывай, кандидат, куда впутался, только начистоту.

– Товарищ генерал, шутканул я. Решил немало за нос поводить, а оно вон как обернулось, – Иван чистосердечно рассказал, что и как происходило.

– Да, младшой, натворил ты дел. Гнать тебя в шею из армии надо за такие шутки.

– Товарищ генерал, только не это. Я больше не буду.

– Что ты заладил: буду, не буду. Пионер Вася нашёлся! Свободен. Иди с глаз моих.

Через две недели несостоявшийся разведчик младший лейтенант Иван Петров убыл к новому месту службы. Об истинной причине его перевода знали только в штабе бригады и особом отделе...

ФОРМУЛА УСПЕХА

Заполярный Туманный встретил Петрова своеобразно. Сойдя с трапа военно-транспортного самолёта и окунувшись в белую пелену тумана, удивился, как можно в таких непроглядных условиях посадить самолёт. Вспомнив о радарах и современных средствах связи, успокоился.

Иван поёжился. Тянуло прохладой.

После всего случившегося в дивизии, когда перед начальством встал вопрос, убрать капитана Лыкова, чтоб не дискредитировать особые органы, или отправить куда подальше Петрова, выбор пал на младшего лейтенанта. Полковник отстоял своего оперативного работника перед генералом.

– Ничего, вы ещё обо мне услышите. Мы ещё повоюем. Посмотрим, чья возьмёт, – выдал Иван кадровику, поддерживая себя. – Чего в жизни не бывает? Была бы голова на плечах.

У здания аэропорта встречал старший сержант на вездеходе.

Часа через три езды по степи очутились на территории воинской части, обнесённой проволокой. В глубине территории стояло два небольших одноэтажных строения, чуть левее них виднелись антенны и несколько небольших будочек.

– Не поскупился генерал, задвинул на полную катушку!

Подразделение, куда он прибыл, состояло из одного отделения численностью в двенадцать человек, хотя носило статус самостоятельной воинской части номер 2715. Это был метеопост, обеспечивающий сводками части Северного укрепрайона и морской авиации.

Через полторы недели, приняв дела у пожилого старшего лейтенанта, бывшего командира

части, младший лейтенант Иван Петров вступил в командование. Служба на метеопосту была отлажена. Ежедневно в шесть утра радист отстукивал на ключе, передавая подготовленную метеосводку на головной узел.

Раз в месяц выезжал Иван на вездеходе в Туманный, где со складов получал продовольствие и обмундирование.

Осенью и весной забирал в Североморске молодое пополнение. Уже дважды отправлял своих солдат на дембель. Раз в три месяца Петров слал на имя начальника штаба рапорт с просьбой о замене устаревшей техники. Кругом уже использовались современные компьютеры, а здесь всё также продолжали эксплуатировать старенький приёмник и передатчик да ещё «за-совскую» приставку для передачи секретной информации. И всё это зиждилось на честном слове, грозя то и дело выйти из строя.

Однако ему казалось, что он стучится в глухую стенку.

На третьем году службы в должности командира части попытался заикнуться об очередном звании. Начальник кадров, сурово взглянув на младшего лейтенанта, махнул рукой, отправив к начальнику штаба.

– Твой непосредственный начальник, с ним и решай. Раз не присваивают лейтенанта, значит, не созрел...

Петров призадумался.

– Решая любую проблему, – вывел он из всего случившегося, – надо быть выше неё и где-то в сторонке, чтоб была возможность посмотреть на эту проблему сверху, постараться схватить все её аспекты и особенности.

Кто владеет информацией, может чего-то добиться. «Владей и побеждай – вот она, формула успеха», – вертелось в голове...

Иван радостно потёр руки, провёл ладонью по вспотевшему лицу, огляделся. Вокруг никого не было. На столе раскиданы новенькие книжки и брошюры по радиоэлектронике, компьютерной технике. На глаза попала обложка с большими буквами «Хакер».

– Нет, батенька, я не хакер, я хороший специалист-программист, правда, может, чуток недисциплинированный. А может, и хакер! Так это вы, товарищи начальники, виновны.

В штаб 23-й бригады Северного оборонительного округа, которой была подчинена вой-

сковая часть из радиотехнического управления армии, по каналам закрытой связи поступила шифртелеграмма: «Срочно принять меры по замене устаревшего оборудования радиотехнического поста № 37/17 войсковой части 2715. Об исполнении доложить не позднее 7 ноября в штаб армии. Генерал Петров».

Младшего лейтенанта вызвали в штаб округа. Начальник радиотехнического управления полковник Шкряба вручил накладные на аппаратуру. Предстояло получить два персональных компьютера и многофункциональный радиоприёмник Р-155.

Полковник не удержался от любопытства:

– Младшой! А генерал Петров случайно не родственником приходится?

– Так дядька двоюродный, – не моргнув, выпалил Иван.

– Видный дядька! А чего молчал?

– А чего говорить? Дядька, он и есть – дядька!

– Понятно.

«Что понятно? – мелькнуло в голове. – Пять лет младший лейтенант – и никакого просвета. А может, попробовать по схеме? Ведь получилось с техникой».

Подчинённые были удивлены и рады полученной технике. Они на равных с командиром работали на ней, освоив её премудрости.

Приближался праздник – Двадцать третье февраля.

Петров знал, что существует реальная угроза вторжения не только в частную жизнь человека, но и любых систем. Петров твердил сам себе: «Вундеркиндами не рождаются – ими становятся по необходимости и потребности времени».

– Пора, – решил Иван.

Он взял в руки ручку и стал готовить шифртелеграмму в штаб округа.

«Штаб армии – штабу округа. Срочная. За достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, воспитание подчинённых присвоить младшему лейтенанту Петрову Ивану Терентьевичу внеочередное воинское звание – старший лейтенант. Командующий армией генерал-полковник Стругун».

Прочитав несколько раз текст, Петров набрал шифровку.

Когда в штабе округа получили шифртелеграмму из штаба армии, у начальника штаба чуть не выпал глаз.

– Мать твою! Вот что значит иметь дядю генерала. И до полковника дорастёт, к бабке не ходи.

Вручив погоны старшего лейтенанта, начальник пожелал Петрову своевременно получить очередное звание.

Три года пролетели на одном дыхании. На этот раз в округе не стали дожидаться телеграммы из штаба армии, включив фамилию Петрова в общий список на присвоение очередного звания – капитан.

Всё катилось как по маслу. За последние годы Иван был с компьютером на «ты», штудировав всевозможную литературу.

И хотя бог любит троицу, очередной раз рисковать со званием не стал.

Капитан Петров уловил в интонации начальника штаба округа что-то настораживающее. Как-никак, за плечами двадцать лет службы. А тут вдруг ему намекнули, в ближайшее время часть вместе с метеопостом расформируют, ликвидируют за ненадобностью и неперспективностью содержания.

Весной вместо пяти уволившихся в запас военнослужащих в/ч 2715 пополнения не поступило.

* * *

Перед майскими праздниками Петрова вызвали в штаб округа, где вручили приказ командующего армией о расформировании части. На всё отводилось три месяца. Демонтировать оборудование, сдать на склады техуправления, оформить соответствующие документы, передать не выслуживших срок солдат в распоряжения штаба.

Несколько месяцев Иван пытался вскрыть уровень полномочий доступа в систему связи генштаба армии, проникнуть в стратегическое радионаправление, служившее резервным каналом связи. Для себя он твёрдо решил: «Увольняюсь. Пора, пора на родину предков, греть косточки». За месяц до расформирования отвёз рапорт в округ, решив после дембеля устроиться в какую-нибудь коммерческую контору, предложить услуги гражданским.

В последний раз он решил попробовать свои силы и проверить полученные знания, где ещё, как не здесь? Взломать защиту этого стратегически важного радионаправления означало, что он чего-то стоит. Он начал атаку, пытаясь преодолеть систему защиты. Взломать шифрование в канале связи между узлом связи штаба округа и армии было непросто. С помощью программы, содержащей дополнительные функции для нарушения защиты, капитан попробовал использо-

вать наложение по определённому закону гаммы шифра на известные ему открытые данные.

Что ни говори, а генштаб – мозг армии. Петров хорошо это знал. Знал он и то, что за радиоэфиром и закрытыми каналами следят спецподразделения, защищая каналы от внедрения и взлома. Об этом он помнил ещё со времён срочной службы на Алтае в должности радиотелеграфиста.

Петров нарисовал схему построения защиты: объект, база, узел связи, каналы прохождения, контрольный орган.

Что-то не сходилось. Он, кажется, потерял всякую надежду на успех, когда под утро услышал незнакомые позывные. Набрав определённую комбинацию цифр и букв, взмолился:

– О боже! Получилось, честное слово, получилось. Смог! А что, если утку заслать? Сработает? Радионаправление не из простеньких...

В семь утра оперативный дежурный принял довольно странную по содержанию шифрограмму из Генерального штаба Вооружённых сил: «17 июля прибывает комиссия Генерального штаба с проверкой мобилизационной готовности армии по вопросам использования почтовых голубей и ручных чаек в качестве резервного канала связи. Принять меры по оказанию помощи в её работе. Мобуправление Генерального штаба ВС».

До прибытия начальника штаба оставалось полчаса.

– Разрешите, товарищ генерал-полковник? Оперативный дежурный подполковник Степанов. Срочная шифртелеграмма по каналу 8713. – Он протянул телеграмму генералу.

Прочитав содержание, тот почесал затылок.

– Час от часу не легче. Завтра двадцать первый век встречать. Где я им этих голубей и чаек наберу? Все голубятни давно разорили. Срочно, к 11:00, собрать офицеров штаба. Командующему доложу сам.

– Действуй, – прочитав принесённую телеграмму, кивнул командующий. – Какой-то абсурд. Я и не помню в свою бытность, чтоб какие-то документы по этому поводу были. А впрочем, и не такое, бывает, проверяют. Припоминается, где-

то в пятьдесят седьмом на Дальнем Востоке гужевого транспорт проверяли – лошадей, собак.

Вскоре генерал-полковник держал в руках секретный документ: «Мобилизационная подготовка спецчастей Северного укрепрайона РККА, 1931 год». После проведённого совещания во все подчинённые округа ушла телеграмма: «Срочно принять меры по учёту и перерегистрации имеющихся в мобрезерве почтовых голубей и ручных чаек. О проделанной работе доложить до 10 июля».

К назначенному сроку во всех округах и подчинённых частях были отловлены и поставлены на учёт по десятку голубей и морских чаек как резервный канал связи на случай мобилизации.

Пришла шифртелеграмма и в в/ч 2715, которой оставалось до конца существования пара недель. Петров понял, его утка сработала.

«Знай наших», – радовался в душе он.

Набрал номер телефона штаба округа. Выслушав капитана Петрова, полковник выругался.

– Черт, везёт тебе, Петров, как утопленнику. Никаких проблем. Ладно, сворачивайся. Да смотри, чтоб всё сдал в срок.

17 июля прошло. Обещанной комиссии не было. Генштаб молчал.

Подняв трубку, генерал армии попросил соединить с мобилизационным управлением.

– Пётр Семёнович! Пасечник беспокоит. Подскажи, дорогой, что там с комиссией вашей? Скорее бы. Уже все нервы вымотали. Ночами эти голуби и чайки снятся.

– Какая комиссия?

– Согласно телеграмме генштаба, по мобподготовке.

– Никакой телеграммы я не подписывал и не посылали. Какие ещё голуби и чайки? Вы что там, с бодуна сегодня? Ещё бы про воробья спросил...

Что произошло далее, Иван Петров мог только догадываться.

Ровно через две недели, сдав обязанности командира войсковой части 2715 и получив на руки приказ об увольнении в запас, он отбыл на родину, в далёкий и столь родной Алтай, чтобы продолжить гражданскую жизнь, а при случае ещё раз проверить свою «формулу успеха».

**Алексей
ЕРОШИН**
ДЕМАРШ

Не знаю,
Врут иль правду говорят,
Но вот уже который год подряд
По Таллиннской брусчатке
К Нарве,
К Нарве
Идёт ночами
Боевой отряд.
Чеканным шагом,
По четыре в ряд
Идут,
Пылят,
Окурками соряют,
И звёзды
На истрепанных пилотках
Рубиновыми искрами горят.
В петлицах тускло блещут кубари,
Заржавленные насмерть винтари,
Качаясь за сутулыми плечами,
Царапают штыками
Флаг зари.
Полсотни лет
Бойцы рубеж держали –
В окопе ли,
В руинах блиндажа ли.
За Родину полёгшие в бою
Лежали
Не внесёнными в скрижали,
Но не жалели,
Что не возмужали,

78

Не жали хлеб,
Девчат не провожали,
А яростный оскал
В зубах зажав,
Атаку
За атакой
Отражали.
И вот теперь,
При нынешнем режиме,
Они неожиданно сделались
Чужими.
Режимы,
Как им славно ни служи,
Перелицовкой правды
Одержимы.
Навыорот историю края,
От мертвецов
Не слышат возражений,
И павшие
С полей былых сражений
В родные
Возвращаются
Края.

ОН НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ ЭДЕЛЬВЕЙСА

Тонули горы в пене облаков.
Ландшафты были – как на вернисаже.
А лейтенант не жаловал пейзажи,
Он был таков – чудака из чудаков.

ЕРОШИН Алексей родился в с. Ленинское Новосибирской области 8 марта 1972 года. В 1991-м окончил Тогучинский лесохозяйственный техникум. В 1996 году поступил на отделение киновидеотворчества Новосибирского областного колледжа культуры и искусств, изучал историю кино, основы режиссуры, сценарного, операторского мастерства и фотографии. Трудился помощником лесничего, столяром, сторожем, дворником. В настоящее время работает дизайнером. Живёт в пос. Агрорес Новосибирской области.

Он был таков – навроде сухаря.
Он был таков – сибирского замеса.
Он никогда не видел эдельвейса,
Хотя по ним шагали егеря.

Ладони жгли горячие стволы.
Фашисты шли в атаку, как лавины.
А эдельвейсы были так невинны
И были так невысказанно белы.

Альпийский луг от маков был пунцов,
Дразня бойцов нежнейшим ароматом.
А лейтенант ругался в трубку матом
И всё просил «подбросить огурцов».

Среди огня, гранита и свинца
Не до цветов, ему тогда казалось.
Ему судьба, казалось, улыбалась,
А он, чудака, прикрыл собой бойца.

Он почитал цветы за ерунду.
Он был сухарь сибирского замеса.
Он никогда не видел эдельвейса,
Что так похож на белую звезду...

СИНИЙ ЧУЛОК

Чулок? Я их у ней не видел сроду.
Вот выдумали глупую остроту!
В придачу – синий! Эдакие шутки!
Мороз был в эту зиму просто жуткий.
Какой чулок? Вокруг одни руины.
Вокруг – снаряды, бомбы, пули, мины.
А тут – она, девчонка-канарейка,
Не по размеру ватник-телогрейка.
И сапоги таскала – сорок третий,
Поменьше не успели присмотреть ей.
И как она их, бедная, носила?
Откуда в ней была такая сила?
Неясно, чем душа держалась в теле,
Одни глазищи серые блестели.
Сама – как спичка, косы – как из пакли,
Насквозь горелым порошком пропахли.
Худая шея. Тоненькие руки.
А на прикладе – сорок три зарубки.
Солдат девчонка положила с роту,
Да только счёту не вела им сроду:
Считала от фельдфебеля и выше...
Ну, нам-то ладно, мы к смертям привыкли.
Ну, нам-то ладно, с сердцем огрубелым,
А ей бы – на свиданье, в платье белом...

Зачем, зачем, скажите бога ради,
Она осталась в этом Сталинграде?
Ну, я-то ладно: нас, таких, до чёрта
Лежит без опознания и учёта.
Так было надо, я и не в обиде.
А вот чулок я у неё
Не видел...

ЖУРАВЛИ

Глазницы окон в день вчерашний вперя,
Ещё горел расстрелянный Рейхстаг,
И гордо реял кумачовый флаг
Над логовом затравленного зверя,
А журавли,
Обняв небес простор,
Взрезая тучи поредевшим клином,
Летели
Над поверженным Берлином,
Курлыча,
К дому,
К солнцу –
На восток.
Весенним утром с привкусом полыни
Сквозь дымной гари сумрачную взвесь
Несли на крыльях дорожую весть
К могилам Лидице
И угольям Хатыни.
И, пачкая белилами мундир,
Писал солдат советский,
Слёз не пряча,
Рукой дрожащей
На стене горячей
Огромное,
Как небо,
Слово
«МИР».

ЧЁРНО-БЕЛОЕ КИНО

Водя смычком по голым нервам,
В окопе ныли комары.
Рванув ТТ из кобуры,
Старшой шагнул за бруствер первым.
Ах, как же было неохота
Навстречу смерти
В двадцать лет,
Но ротный поднял пистолет
И заорал:
«Подъём, пехота!
Вперёд! За Родину! Ура-а!»
И отступила боль и жалость,
И льдистым комом что-то жалось

Вдруг у четвёртого ребра.
Примкнув гранёные штыки,
Ощерясь яро-криворотом,
Лавиной покати́лась рота
Со смертью наперегонки.
Земля избитая сыра,
На сапогах, наверно, тонны.
Разрывы, хрипы, крики, стоны.
«Вперёд! За Родину! Ура-а!»
Свистит свинец у головы.
Протяжно завывает мина.
Разрыв. Разрыв. И снова – мимо.
Огонь. Воронки. Лывы. Рвы.
«Вперёд! За Родину! Ура-а!»
Скрежещут танковые траки.

И жаждет каждый мускул драки,
И ярость хлещет из нутра.
«Вперёд! За Родину! Ура-а!»
В штыки, братва! Вот это дело!
Железо с хрустом входит в тело.
Вот-вот прогнётся немчура...
И вдруг внезапный выкрик:
«Снято!
Спасибо всем. Гасите свет.
Массовке можно в туалет.
Курите полчаса, ребята».

Уткнув разбитый нос в платок,
Сказал статист, игравший фрица:
«Эк надо было умудриться!
Ну ты и вжился в роль, браток...»

**Анатолий
ИЛЕНКО**

**РОДНОЙ ДЕРЕВНИ
НУЖНЫЙ ГРАЖДАНИН**

* * *

*Он ушёл, как и все, на большую войну...
Прощался, в дверях оглянулся...
Защитил и свою, и чужую страну...
Кто-то смог, а вот он не вернулся...*

*Смерть настигла его в предрассветном
лесу...*

*Враг таился в укрытой засаде...
Трёх шагов не хватило пройти полосу...
И бойца потеряли в отряде...*

*Утром полк его ринулся в яростный бой...
Танки смяли укрепоборону...
А разведчик лежал...
Над его головой
Уже стаяй кружили вороны...*

*Всё могло быть не так...
Мог иным быть конец...
Миллионы сорвало с причала...
Он одним был из них...
Это был мой отец...
И кукушка-вещунья молчала...*

* * *

*В солдатской гимнастёрке, при награде,
Приняв на грудь наркомовский стакан,
Бредёт один к ухоженной ограде
Оставшийся в округе ветеран.*

*Походкою неровной, неторопкой
Шагает он, куда который год
Знакомую, до боли скорбной тропкой
Со всей деревни сходится народ.*

*Толпою тесной станут к обелиску,
Поставят ветерана на виду;
Седая туча, поклонившись низко,
Слезу обронит, помянув беду.*

*Учитель школьный тихо скажет слово
О памяти победной той весны,
А на губах, собравшихся сурово, –
Набат имён в наплывах тишины.*

*Иваны, Тимофеи да Степаны –
Отцы и деды нынешних, живых.
Уж столько лет прошло, но в душах раны
Болят, как от ранений боевых.*

57

ИЛЕНКО Анатолий Павлович родился 20 августа 1941 года в городе Таш-Кумыр, что на юге Киргизии. Детство и юность прошли на Волге, в селе Кашпир Самарской области. Окончил Безенчукский сельскохозяйственный техникум; в 1960 году в числе группы выпускников-добровольцев приехал на работу в Сибирь. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт, позже – Новосибирскую высшую партийную школу. Работал управляющим Верхотомского отделения, директором Щегловского совхоза Кемеровского района, первым секретарем Тисульского райкома партии. Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Южная звезда». Автор шести книг стихов. Живёт в Кемерове.

* * *

Поладить можно и с врагом, и другом,
С любимой женщиной, что во сто крат трудней.
Но как с собой поладить, если вьюга
В душе беснуется день ото дня сильней.

Я недоволен многим в жизни этой:
Подъёмом цен на воздух и на свет,
Не хочет брать стихов моих газета,
Растленья духа, говорят, в них нет.

Меня бросает в дрожь, когда с экрана
И день, и ночь враньё наперебой;
И чахнет рожь в объятиях бурьяна,
И чахну я в борьбе с самим собой.

Неужто ничего нельзя исправить,
Где взять мне сил хоть что-то изменить,
И как себя, такого вот, заставить
С самим собой в ладу беспечно жить.

* * *

В снегу, в дождях грустит могила мамы,
А мне туда – далёкий горький путь;
И ни письма теперь, ни телеграммы,
И поезда назад не повернуть.

Тут плачь не плачь, но никуда не деться,
На небесах земная рвётся нить.
Зачем же ты, моё больное сердце,
Само себя пытаешься казнить.

* * *

Как можно оставаться равнодушным
И не любить окрестные поля.
Дыханье трав в волнении послушном,
В задумчивости грустной тополя.

Колосья ржи и сытный запах хлеба,
Густой туман над сонною рекой,
Прощанье птиц, плывущих через небо,
Оставивших на родине покой.

Я здесь живу в простой избе не гостем –
Родной деревни нужный гражданин.
И рад, что от рожденья до погоста
Люблю всё это... И не я один.

* * *

Вожжи в руки взяла непогода:
Мокрый ветер полощет окно.
Переходное время у года,
Потому неуютно оно.

Как всегда, зима спорит с весной,
Как всегда, знаем, кто победит,
И тепло синевой озорною
Хлынет в души берёз и ракут.

Закурчавятся маревом пашни.
Пахарь щедро в них бросит зерно;
Позабудется холод вчерашний,
И свершится чему суждено.

Владимир
КАДЕНКО

ОШИБКА ОТЦА ПАИСИЯ

1

Стоит нам только в известной последовательности расположить в памяти или на бумаге обыкновенные цифры «1», «8», «1», «2», как слёзы тотчас польются из глаз. Великий год Отечества. Россия дышала пороховым дымом и ветром надежды. Сколько славы, сколько крови, разлитой на полях чести, вспомнится при этом...

Июльский раскалённый воздух был наполнен стрекотанием кузнечиков, огнями цветов и пламенным колыханием душистых трав, предвестием совсем другого смертельного пламени. К не сожжённой пока Москве приближался военный поезд императора Александра Павловича. Народ ожидал появления любимого государя с тем нетерпеливым трепетом, с той неукротимой любовью, которые свойственны лишь истинным христианам. Толпы мужиков валили ко всем городским воротам, так как неизвестно было, откуда именно царь въедет в Москву. Узнали наконец, что Его Величество приближается по Дорогомиловской дороге.

Одиннадцатого числа народное оживление достигло вершины. Размазывая влагу умиления по разгорячённому лицу, многие и многие неслись наперегонки к заставе, желая выпрячь лошадей из государевой коляски и по православ-

ному обычаю на плечах тащить её до самого Кремля...

– Не уступлю, Гаврила! Я за переднюю ось возьмусь!

– Ан нет, Савелий! Я и сильней, и ростом выше! Стало быть, и переднюю ось не отдам!

Двое мужиков на ходу толкали друг друга локтями, продолжая оспаривать право подставить жилистую выю под переднюю ось. Не добегая шагов двухсот до заставы, Савелий столкнул Гаврилу в глубокую канаву, выбравшись из которой последний настиг обидчика, задержанного встречной толпой. Произошло немалое рукоприкладство, закончившееся внезапной слабостью обоих спорщиков.

– Дышлом тебя перекрести!

– Изувер ты басурманский!

Теперь ни та, ни другая выя под переднюю ось не годились...

Возвращающийся в город господин Кокошкин велел придержать лошадей. Он заметил известного журналиста Сергея Николаевича Глинку, который бежал перед толпой горожан, размахивая тростью и посверкивая золотой медалью, недавно ему пожалованной за патриотические статьи.

– Здравствуй, Сергей Николаевич! – издали крикнул господин Кокошкин. – Куда так спешишь?!

КАДЕНКО Владимир Михайлович родился 29 июля 1953 года в Киеве. Окончил романо-германский факультет Киевского университета им. Шевченко. Автор двух поэтических сборников «Движение планет. Благовест», «На долгую жизнь» и книги прозы «Прогулка императора». Печатался в изданиях Франции, Германии, США, Польши, в антологиях русской и мировой поэзии. Поэт, прозаик, драматург, переводчик, автор песен. Лауреат литературной премии им. Юрия Долгорукого. Редактор отдела поэзии в литературном журнале «Радуга». Живёт в Киеве.

– Веду к государю народ! – с гордостью отвел Глинка и продолжил свой путь.

Народ хлынул за город...

Иные мещане, кои не были настолько смелы, чтобы предстать пред ясные очи русского царя, приняли живое участие в разгроме французского магазина на Кузнецком Мосту, тем самым проявляя умиление и показывая патриотический восторг.

Песни и крики «ура» не смолкали до поздней ночи. Россияне ликовали.

Государь, слава Творцу, въехал в город только на следующий день. Лошадей выпрячь не успели, и жизнь августейшей особы опасности не подверглась.

2

Весть о прибытии Его Величества в первопрестольную молниеносно облетела империю. Дряхлеющие офицеры Екатерининского века, вспоминая свои подвиги при Измаиле и Рымнике, вновь извлекли на свет боевое оружие. Хлебобашцы, ремесленники, купцы превращались в ратников. Началась народная война. Во многих губерниях ополчения вырастали, как грибы после благодатного летнего дождя. Под звуки флейт и барабанов, по-медвежьки размахивая огромными мозолистыми руками, потянулось по Руси, мирно дремавшее дотоле, тысячеглавое чудовище – мужичье войско.

Порыв был всеобщим. Дон и Урал, Украина и Поволжье, Буг и Лифляндия оцетинились саблями и штыками. «Германцы! – зывал к немцам, служившим Наполеону, барон Карл Штейн. – За что воюете вы с Россиею, за что проникаете через границы её и нападаете с вооружённою рукою на народы, кои в течение нескольких веков состояли с вами в приятных сношениях, принимали в недры свои тысячи соотичей ваших...» И немцы внимали его воззванию по обе стороны дерущихся армий. Российско-германский легион множился новыми и новыми воинами... Башкирцы и калмыки с копьями наперевес с гиканьем и свистом неслись на врага, устрашая неприятеля шумом и дикой наружностью...

Но всё-таки армия отступала.

3

В ближайшем к губернской Твери уездном городе Щуплове с самого июня только и разговоров было, что о войне, да о сатанинском облике Наполеона, да о тверском ополчении. Впрочем, в Щуп-

лове запись ратников производилась весьма медленно. К великому своему огорчению, за первый месяц войны командир уездной инвалидной роты капитан Крутов внёс в списки ратников только двоих, да и те были пьяницы, хотя этим грехом страдала вся мужская половина уезда. Но ещё больше огорчился городничий, отставной артиллерийский полковник Иван Христианович Фротт. Узнав, что государь в Москве, Фротт совсем приуныл. Он гулял по Купеческой улице, сухо отвечал на приветствия щупловцев и с укоризной глядел в глаза мужиков. Как-то, вернувшись после очередной прогулки, Фротт пригласил к себе капитана Крутова, заперся с ним в кабинете и велел никого не принимать. Усадив командира роты напротив себя, городничий с акцентом, лёгким и неискоренимым, завёл разговор о падении нравов и вдруг шёпотом спросил:

– Как ты тумаешь, сколько в Щуплофе осоп мушеска пола?

– Ну, если считать моих инвалидов... – начал было капитан.

– Нет. Инфалидоф не считать, – так же шёпотом прервал подсчеты капитана Иван Христианович.

Крутов сморщил и без того морщинистый лоб и зашевелил губами, загибая пальцы левой, а затем и правой руки.

– Я тепе и так скашу, – снова тихо проговорил городничий. – Рофно одна тысяча восемьдесят отин опыфатель.

– Целый полк, – шёпотом откликнулся капитан и улыбнулся, погладив крепкой ладонью седой прокуренный ус.

– Фот! Фот! – выкрикнул Иван Христианович. Крутов вздрогнул и, недоумевая, посмотрел на Фротта.

Городничий закрыл глаза и откинулся в кресле. Полное его лицо покраснелось, лысина отражала яркое солнце, а седые бакенбарды шевелились.

– Щупловский полк, – проговорил он, улыбаясь и не открывая счастливых глаз.

– Но, однако же! – забеспокоился вдруг командир инвалидов. – Так, однако же, по-моему, никак нельзя-с!

– Этто отчефо ше? – Лицо Ивана Христиановича снова помрачнело, и бакенбарды перестали шевелиться.

Капитан встал, прошёлся по кабинету, заглянул в углы, будто выискивая резоны для веского ответа.

– Записывать в ополчение обывателей из купеческого, ремесленного и прочих вольных сословий возможно токмо по вольной их воле, – медленно и осторожно произнёс Крутов.

– Крутоф! Колупшик! – воскликнул городничий. – Ушли ты тумаешь, што кто-нибудь осмелится не иметь фоли пойти ф ополшение? Та я сафтра ше опрацую к щуплофцам. Скашу: «Косудар помощи нашей просит!» Ни отна, слышишь, ни отна сфинья не пикнет. Пудет! Пудет уездный наш полк.

Но капитан неожиданно распалился, чего Фротт никак не ждал.

– А как нагрянут в уезд ремонтёры? А как спросят: «Где кузнецы? Где шорники? Где купцы?! Кто фураж заготовит?!» – беспощадно выставлял свои доводы Крутов.

Теперь забеспокоился Иван Христианович.

– Покоти! Покоти! Што ш мы так и путем ситеть слоша руки? – разочарованно прошептал он.

– Младенцев и стариков брать нельзя! – не унимался Крутов.

Фротт понял, что в своих фантазиях зашёл слишком далеко. Молчание длилось несколько минут.

– Я полагаю, што от семнадцати то тридцати лет от роту... в Щуплофе мушиков... тоше наперётся не меньше роты... – с надеждой в голосе произнёс городничий.

– Пожалуй, – согласился капитан.

По церковным книгам таковых набралось сто двадцать семь душ. И после речи, с коей Фротт обратился к горожанам, инвалиды пошли собирать ополченцев по дворам.

4

Если внимательным оком глянуть на географическую карту империи, то без труда можно заметить, что Тверь расположена между Москвой и Петербургом, но всё-таки из Твери до Москвы гораздо ближе, чем из Твери до Петербурга. У щупловского шорника Матвея Зотова географической карты не было. Но и без карты он прекрасно знал, которая из дорог короче. Поэтому появление государя в Москве было для Зотова верховным знаком. Он решился в один день. Собрался. Поцеловал жену и дочерей и отправился в белокаменную.

– В Москве ли ещё государь-то? – справлялся Матвей на каждой станции.

– В Москве, в Москве батюшка наш, – обнадёживали его ямщики. – Теперича антихристу –

смерть! Не устоять сатане супротив нашего государя.

Уже на второй день к вечеру Зотов был в Москве.

– Не выехал ли царь из белокаменной? – спросил Матвей на заставе.

– А где ж ему быть? Православный государь и должен быть в первопрестольной, – резонно отвечал старый будошник.

– Ну, слава Богу! – воскликнул Зотов, сорвал с головы шапку и осенил себя широким крестом.

Будошник одобрительно улыбнулся и сказал:

– В Кремле батюшка почивает.

Всю ночь Матвей провел у Кремля, тая слабую надежду на то, что государь выйдет прогуляться по ночной Москве, проверить, всё ли в порядке в православном государстве, не чинит ли кто обману, не замышляет ли кто чего против веры Христовой. А тут бы Зотов и рассказал царю о своей беде. Но как ни тарашил глаза, как ни вглядывался Матвей во мглу, император всё не выходил из Кремля. Один раз показалось было, что вот-де государь идёт, белой ручкой помахивает. Матвей уже и кинулся к нему, и крикнул даже: «Не погуби, отец родной! Дай молвить!». Но вдруг оказалось, что это вовсе не император, а ливрейный лакей, который строго пригрозил кулачищем и внушительным голосом произнёс:

– Я те покажу Отца, и Сына, и Духа Святого! Не озорничать мне!

Матвей остановился и кротко спросил:

– Ну как? Почивает царь?

– А я почем знаю? – грубо ответил ливрейный лакей и пошёл не оглядываясь.

5

В постоянных попытках соединиться наши армии, измученные арьергардными боями, отходили к Смоленску. С невероятной ловкостью Багратион ускользал из французских ловушек. Вхолостую лязгали Бонапартовы капканы. В то время как Россия множилась полками и ненавистью к врагам, вражеская армия таяла всё больше.

И всё-таки русские отступали. Курился Полоцк. Безрадостной, страшной участи ждал Смоленск. Пал Могилёв.

6

Вся площадь и ближайшие улицы были заполнены народом. Царь ещё не выезжал, но уже видна была та часть мостовой, очищенная, выметенная и освобождённая от людей всякого чи-

на и звания, по которой предстояло промчатся государевой свите. Матвей понимал, что именно сейчас всё для него может решиться. Поэтому, орудуя руками и коленями, оттесняя радостных и кричащих во всё горло патриотов, он продвинулся к краю человеческого беспокойного моря и остановился только тогда, когда путь ему преградила спина унтер-офицера, стоящего в оцеплении. Матвей остановился и напрягся. Ожидать пришлось долго. Очень долго. Уже кое-кто из орущих мещанок замолчал, уже кое-кто из умолкших москвичек лишился чувств от несусветной давки, крика и долгого стояния на одном месте. Уже и спины солдат, державших толпу, несколько подались, опустились и заметно ослабели. Уже и сама толпа напирала не столь настойчиво и непреклонно. Но вот едва заметной волной прошла весть о приближении императора. И тут только Матвей понял, что узнать государя среди расшитых золотом мундиров ему будет нелегко. Понял и испугался...

Царь ехал в открытой карете. Он близоруко и как-то по-детски трогательно улыбался в ответ на громогласное приветствие московского люда и тихо повторял: «Благодарю, благодарю». Резво бежали кони, вся императорская свита была великолепна. Внезапно произошла небольшая заминка. Карета на мгновение не то чтобы остановилась, а просто чуть замедлила ход. Государь удивлённо обвел толпу глазами.

Граф Фёдор Васильевич Раstopчин, чьим попечением процветала Москва, зорким татарским оком высмотрел, в чём причина вопиющей задержки, и отдал распоряжения сопровождающему его офицеру. Тот кивнул и, пришпорив коня, промчался вперёд. Всё это произошло так быстро, что в толпе почти ничего не заметили, и государь снова зашептал, тихо раскланиваясь: «Благодарю, благодарю».

Между тем граф Фёдор Васильевич Раstopчин, чьим попечением процветала Москва, велел арестовать конопатого мужика, который неизвестно с какой целью вырвался из стены патриотов и кинулся наперерез государевой процессии.

Раstopчин сопровождал Его Величество до самого выезда из города. Там хозяин России и хозяин Москвы прослезились и простились надолго.

7

Матвея куда-то тащили крепкие солдатские руки, а он всё ещё твердил, как заведённый: «Не

погуби, отец родной! Заступник, выслушай!». Со всех сторон доносились смех и улюлюканье: «Француза поймали!», «Ужо тебе, озорник!», «Шпиён! Шпиён!» Правда, вели Матвея недолго. Когда его запирали, он только и успел прокричать: «Не за себя! За дочку прошу!».

– Молчи! Опосля разберутся! – тихо, но внушительно проговорил караульный.

Щёлкнули затворы, и Зотов остался в темноте.

– Э, туа! Мюжик! Ти кто? – послышался из тёмного угла неприятный иноземный шёпот.

– Матвей Зотов. А ты кто такой?

– Маршан! Французский портной.

– Всё из-за тебя, вражина! – прошипел Матвей.

Когда глаза привыкли к полумраку, Матвей понял, что Маршан – не единственный его сосед по заточению. Кроме портного были и другие. Все имели странный иноземный вид. «Французы!» – с ненавистью и отвращением подумал Зотов. Французы, арестованные за непослушание (а были здесь повар, лакей, два учителя, торговец), всё время лопотали по-своему, и от их омерзительного говора православному человеку становилось совсем плохо. Матвей поминутно крестился, сплевывал и читал «Отче наш» и «Верую».

Время потеряло счёт.

8

И вот после долгих и искусных маневров русские армии соединились под стенами Смоленска. Казалось, что отступление окончилось. Но напрасно ожидало христоролюбивое российское воинство генерального сражения. Сожжённый Смоленск был оставлен на поругание неприятелю, а иноземец неясной нации Барклай, словно нарочно, увлекал Наполеона к сердцу империи – первопрестольной.

9

За делами, день ото дня растущими заботами, сочинением и распространением патриотических афишек, набором московского ополчения, важной перепиской и прочее, и прочее о Зотове не вспоминали целую неделю. Как-то утром его приняли за француза и пытались выпороть, но после того как Матвей был выведен на свет Божий, в нём тотчас же признали русского и выпороли уже как такового. После чего наказанию розгами был подвергнут французский

портной Маршан и ещё кое-кто из означенного басурманского племени. К этому времени Матвей ещё лютей ненавидел французов, которые мало того что лопотали всё время по-своему, но, судя по их злодейскому виду, ещё и строили дьявольские козни против России и Христа. Матвей попросил даже, чтобы ему, как истинному русскому человеку, тоже позволили принять участие в наказании врагов. Однако инвалиды, занимавшиеся поркой, только рассмеялись. «Слово и дело!» – по древнему обычаю выкрикнул Зотов и перекрестился. И хотя на сей возглас уже давно был наложен запрет, инвалидный офицер, командовавший экзекуцией, отнёсся к словам Матвея со вниманием и, ударив последнего по морде, всё же доложил по начальству...

Утром следующего дня, написав смелое донесение императору и получив доклад о происшедшем в минувшие сутки, граф Фёдор Васильевич Растопчин, чьим попечением процветала Москва, был уведомлен также о некоем Зотове, вспомнил его и приказал привести к себе озорного мужика. Но Фёдор Васильевич так уж был устроен, что только одним делом заниматься никак не мог. И хотя упомянутый мужик весьма воспламенял его воображение, но служба, а паче патриотические чувства, кроме ожидания, требовали от него и иных поступков. Граф принялся за сочинение письма князю Багратиону, с коим состоял в переписке, секретной по причине войны.

Растопчин был близок народу. Ежедневно разговаривая с ополченцами, составляя афишки, обращённые к простым людям, граф вспоминал о сладком времени матушки Екатерины и, конечно же, о своём кумире – Суворове, таком понятном всякому солдату. Поэтому и в переписке с Багратионом, любимцем великого Суворова, Фёдор Васильевич не стыдился своего обычного народного языка. Граф обмакнул перо и вывел на чистом листке витиеватым былинным почерком:

«6 августа 1812 года

Из матушки белокаменной Москвы».

Послание было таким:

«Ну-ка, мой отец-генерал, по образу и подобию Суворова! Поговорим с глазу на глаз, а поговорить есть о чём!»

Граф просто, по-свойски говорил в письме о несметной народной силе, которая собирается на защиту Москвы, слегка задел Барклая, но уж каков он ни есть, а где взять другого? Растопчин помянул старину, остановился на образах По-

жарского и Трубецкого; написал, что денег и хлеба для нужд российского воинства хватит.

«В Москве говорят, – писал граф, – дай лишь волю, и Багратион пужнёт!» Перо плавало по бумаге, как могучий корабль Петра Великого по Балтийскому морю, вводя каждое слово в историю Отечества. «Неужели и после этого и со всем этим Москву осквернит француз?!» Улыбнувшись про себя и довольный своим тактом и стилем, Фёдор Васильевич продолжил: «Ваше дело Москву сберечь, а наше – держать в чистоте...»

Но тут как раз доложили, что Матвей Зотов, виновник происшествия во время выезда Его Величества, доставлен.

«Ах, дела, дела!» – граф развёл руками и хотел было повременить с проказником, но подумал вдруг, что новая встреча с представителем народного сословия подбросит мысль-другую для письма князю Петру Ивановичу.

Матвей слегка ошалел не то от воздуха, обрушившегося на него, не то от невиданной роскоши, а главное – он совсем не знал, куда и к кому его привели. Слеплённый величием и размерами графского кабинета, Зотов не сразу заметил невысокую фигуру Фёдора Васильевича, стоящего у стола. Растопчин же, изображая на лице подобающую случаю строгость, тем не менее с любопытством смотрел на немолодого уже мужика, который с раскрытым ртом озирался вокруг.

– Ну, Матвей Зотов, с чем пожаловал? – грозно произнёс Растопчин. – Пошто под императорскую карету кидался?

Матвей вздрогнул и увидел графа.

– Не погуби, отец родной, выслушай! – Зотов с грохотом обрушился ниц.

Это было по-русски, и Фёдор Васильевич несколько смягчился. «Любят меня, однако», – подумал хозяин Москвы.

– Объяснись толком, россиянин!

– Не за себя прошу! За дочку, Василису, государь!

– Какой ещё государь?! – граф снова повысил голос. – Али ты не ведаешь, кто аз есмь?

– Царь еси, – тихо проговорил Зотов.

– Нет, россиянин! Я граф Растопчин.

Матвей заплакал:

– Прости, ваше сиятельство. Я не знал.

Простодушные слёзы Матвея умилили Фёдора Васильевича. Однако служба, а паче патриотические чувства заставляли его поспешать.

– Война, брат! А ты: «Василиса». Да ещё «Слово и дело!». За это тебя в острог надо. Говори! Только без слёз!

Матвей высморкался в извлечённый из глубокого кармана платок и, перемежая речь свою вздохами, заговорил:

– Есть у меня дочка. Осьмнадцати лет. И как родилась, наречь её вознамерился я Василисой. Да в тот самый день, когда малютку в церковь для таинства крещения понесли, священник наш приходский, отец Паисий, сильно согрешимши был... Под хмельком то есть. Ну, и с пьяных глаз, значит, записал дочку мою не Василисой, а Василием. Мальчиком то есть. И в бумагах получается мальчик, а на деле – девица.

– Ну а государь-то здесь при чём? – опешил Фёдор Васильевич.

– В том-то и дело, – продолжал Зотов. – Обратился к нам, щупловским обывателям, городничий, дескать государь с басурманской силой сражается, помощи нашей просит.

– Очень хорошо! Молодец какой! И что же?

– Мы, ясное дело, отвечали: «Не извольте сомневаться». Мужиков, которым осьмнадцать годков исполнилось, а тридцать ещё не стукнуло, порешили в ополчение определить. Всех до одного.

– Отлично! – воскликнул Раstopчин и, подскочив к Зотову, поднял его с колен и обнял. – Что же дальше, россиянин?

– Ну и пришёл ко мне солдат уездной команды и велел предоставить сына Василия для ополчения. А у меня-то не сын, а дочка, Василиса. И не отстают, – вздохнул Матвей.

– Это точно? – строго вопрошал Фёдор Васильевич. – Точно ли она девица?

– Дык-х... В строгости блюду, – пожал плечами Матвей, – мы этого никак не допускаем...

– Да я не про то! – поморщился Фёдор Васильевич. – Экий ты бестолковый. Точно ли она не мужчина?

– Как Бог свят, ваше сиятельство!

– Но в бумагах ведь написано: «Василий»! Не прячешь ли ты сына под юбкой?

– Ни-ни! Мы этого никак не допускаем. Как можно! – быстро-быстро заговорил Матвей.

– Ну, а поп этот... Отец Паисий, он ведь может подтвердить свою оплошность.

– Отец Паисий в запрошлом годе преставился, мир праху его. – Матвей перекрестился.

– А что ж ты раньше-то сам всего не устроил? А-а?! – крикнул Фёдор Васильевич.

– Так раньше войны не было, батюшка, – пробормотал Матвей.

– А может, у тебя всё-таки сын? Бумага ведь это, брат, бумага! Признайся! Сына, небось, жалко! – наступал Раstopчин.

– Ни-ни! Грех-то какой, – бормотал Зотов.

– А девку Василием называть – не грех?! Ты ведь тут не то что перед государем, перед Богом какой обман чинишь! – жутко погрозил пальцем тот, чьим попечением процветала Москва. – Да и верить тебе я не могу! Тем более сейчас!

– Верьте! Верьте! Ваше сиятельство! На вас одна надежда! – Матвей заплакал и снова рухнул на колени.

Между тем граф мерил кабинет шагами. «Любят меня, однако, любят!» Проходя мимо караульного, доставившего Зотова и неподвижно застывшего у дверей, Раstopчин в упор взглянул на него, похлопал по плечу и сказал:

– Ладно!

И непонятно было, к кому он обращался – к солдату, к Матвею, или, может быть, просто отмечал прочность и покрой военного мундира. Вдруг Раstopчин распахнул дверь и вышел. Матвей оглянулся на солдата и, теребя измызганную шапку, грустно произнёс:

– Вот ведь, служивый, как оно!

– Да-а-а! – со вздохом отвечал служивый.

Раstopчин вернулся через минуту, но был он не один. С ним вошёл молодой чиновник, повадками похожий на лису.

– Как город твой называется? – бросил граф Матвею.

– Щуплов... Тверской губернии. – Зотов поднялся с колен.

– Так вот, Лисицкий, – обратился граф к чиновнику, – повезёшь этого Зотова в Щуплов, снесёшься с городничим, найдёшь там лекаря, папа, бабу повивальную, ну и сам посмотришь, что за Василий такой. И чтоб освидетельствовать по всей форме. Надо бы тверскому губернатору написать. Да ладно. Не время. А то чуть что – сразу к государю! – Граф подошёл к столу, написал несколько слов на листке отменной бумаги и заметил своё неоконченное письмо.

– Ступайте все! Дела не терпят – война! – Раstopчин отдал бумагу чиновнику.

Ещё Лисицкий и Зотов, пятясь, покидали кабинет, а татарские глаза Фёдора Васильевича уже пробежали строки незавершённого послания Багратиону. Всё выходило складно. «Ваше дело – Москву сберечь! А наше – держать в чисто-

те. У меня здесь смирно, что я и сам дивлюсь. Счастье, что любят и слушаются. Пришалаивают французы; сперва я просил, чтобы жили смирно, потом грозил, потом посылал за город гулять в Пермь и Оренбург. Не унимаются! Ну а потом – драть! Заговорил мой повар Турне о вольности и что затем идёт Наполеон. Люди мои тотчас донесли, на другой день Турне на конной отдули плетью – и в Тобольск. Опять заговорил месье Мутон, этого люди в том доме, где он жил, сперва побили, а там привели на съезжую; этого отдают кнутом. Впрочем, злоба к Бонапарту так велика, что и хитрость его не действует; и эта пружина лопнула, а он, наверное, шел на бунт...» Настроение Фёдора Васильевича улучшалось от чистоты языка и ловкости слога. Он бросил взгляд на миниатюрный портрет Суворова и закончил письмо по-суворовски просто: «Я, право, в ус не дую, мне всё кажется, что это дурной сон; а страшен сон, но милостив Бог.

За сим обнимаю
И точно пребываю,
Без слов и без лести,
А просто по чести
Вам преданный
граф Ф. Растопчин».

10

Назначение Михайлы Илларионовича Кутузова главнокомандующим произвело общий восторг и в войске, и в народе. Поистине, в этом старце было что-то национальное, что и делало его столь дорогим для русских. В Москве радость по случаю прибытия Кутузова к армии доходила до опьянения: посреди улиц люди бросались в объятия друг другу, считая себя спасёнными. И только неумолимая судьба уже отмечала невидимыми знаками христианские и басурманские души, дома, усадьбы, благоуханные сады, всё то, чему уже совсем скоро предстояло уйти навсегда. Медленно, но верно провидение подталкивало несметные людские толпы к той точке, к тому до некоторых пор неизвестному месту, к той неприметной деревеньке, которой тысячекратным эхом суждено отозваться в сердцах историков и поэтов, господ и мужиков, царей и нищих по всей России, по всей старушке Европе ныне, и присно, и во веки веков.

11

В Щуплове графский чиновник снёсся с городничим и поведал о возмутительном случае,

приключившемся в Москве, и о непрременной необходимости освидетельствовать Василия Зотова.

Стараясь дать всем этим обстоятельствам законный ход, Иван Христианович велел завести на Зотовых дело, что и исполнили в точности. В заголовок было вынесено следующее:

«Дело о перечислении сына шорника Зотова Василия в женский пол».

На другой день утром, как и было назначено, к дому Зотова, подле которого несли караул инвалиды, в двух экипажах подкатил назначенный городничим комитет для торжественного освидетельствования стати зотовского отпрыска. В комитет вошли коллежский секретарь Лисицкий, лекарь Карл Фёдорович Шульц, настоятель церкви Святого Владимира отец Григорий и повивальная бабка Веденеевна. Пять минут спустя третий экипаж доставил самого Ивана Христиановича и капитана Крутова. Освидетельствованию более ничто не препятствовало.

В светлой горнице дорогих гостей встретил уже изрядно согрешивший Матвей, рядом с ним смирно стояли жена и младшая дочь, пятнадцатилетняя Дарья. Василиса же пребывала на другой половине.

– Я полагаю, што косподина Шульца и пофифальной шенщины дофольно, – краснея, произнёс городничий. Всем оставалось только согласиться.

Лекарь извлёк из медицинской сумки необходимые инструменты, повивальная бабка перекрестилась, и оба исчезли за таинственной дверью. Жена Зотова грузно опустилась на лавку и зарыдала. Матвей, пошатываясь, улыбался безумной улыбкой. Московский чиновник расположился за столом, он раскрыл дело и приготовил письменные принадлежности. Капитан Крутов о чём-то тихо шептался с молодым священником. Городничий, храня молчание, строго поглядывал то на Матвея, то на его младшую дочь, отчего девушка совершенно смутилась, однако и выбежать из дома было выше её сил. Дарьюшка опустила глазки. Розовые её пальчики теребили цветной сарафан, плечики слегка дрожали, даже поправить выбившуюся из-под розовой ленты прядь непослушных русых волос она не могла. Постепенно всякие звуки, все разговоры стихли, и глаза мужчин, не исключая глаз отца Григория, обратились на Дарьюшку. Мужская часть комитета как бы желала освидетельствовать и младшую дочку Зотова.

Торжественный обряд длился не более пяти минут, но ожидавшим казалось, что отсутствуют Шульц и Веденеевна бесконечно долго. Наконец дверь отворилась. Первым вышел Шульц. За ним Веденеевна вывела хорошенькую светловолосую девушку, удивительно похожую на Дарьюшку, но ещё более печальную.

– Ну што? – спросил Иван Христианович. – Какофо фаше саклюшениэ?

– Девка как девка, – пробормотала Веденеевна.

Василиса всхлипнула. Чиновник сделал короткую запись в подготовленном деле. Теперь ждали решающего слова Карла Фёдоровича.

Шульц вытащил платок и протёр вспотевшую лысину, затем снял очки, посмотрел по сторонам, глубоко вздохнул, пожевал губами, снова надел очки. Вся его тучная фигура, заключённая в глухой чёрный сюртук, изнывала под бременем важности дела и государственной ответственности.

– Итак! – не выдержал городничий, поторопливая лекаря.

– Случай фесьма любопытный, – начал Шульц, тщательно подбирая русские слова и слегка картавя. – Несмотря на мужеско имя, оз-

наченный Фасилий Зотофф имеет очень... да... очень много признаков женского пола.

Городничий кивнул. Лисицкий склонился над бумагой и внёс заключение медика в дело. Жена Зотова и обе дочери заголосили. Но городничий посмотрел на них так строго, что плач немедленно прекратился. Он склонился над Лисицким и что-то прошептал ему на ухо. Тот побагровел, но всё-таки вписал в бумаги каждое слово городничего. После чего поднялся и, пряча глаза, медленно зачитал окончательный вердикт:

– По причине простствия десятилетней давности девицу Василису Зотову оставить в подозрении мужского пола.

Присутствующие выслушали приговор с должным почтением и вниманием.

Поэтому дело так и не закрылось. Да, впрочем, и не до него было. Война.

*Всё успокоилось – лишь ветви колебались,
В зажжённых деревьях ещё огонь пылал.
Всё тихо – лишь вдали оклики раздавались,
И редкий пушек гром в долинах рокотал*.*

* Стихотворение, написанное в 1812 году офицером В. Туманским.

Игорь ГЕРМАН

ДВА РАССКАЗА

ФИГУРАНТ

Сорокапятилетний Валерий Иванович Брусникин, человек с двумя высшими образованиями, за своё неумение жить получал по шапке от судьбы уже не однажды. Последний раз его скушали с должности начальника предприятия, где он, обладая возможностями, и сам не имел, и другим не давал. Тогда, будучи автолюбителем с многолетним стажем, Валерий Иванович начал искать работу по техническому профилю и вскоре удача улыбнулась ему. Знакомые его знакомых порекомендовали хорошего честного человека заместителю мэра города в качестве водителя служебной машины. Таковую срочную вакансию заполнил Валерий Брусникин, чья скромность, интеллигентность и профессионализм пришлись по душе его новому высокому начальнику.

Когда заместитель мэра дождался своего часа и занял место главы города, он оставил при себе прежнего водителя. Таким образом, Валерий Иванович теперь значился автоперсоной номер один небольшого провинциального города. Чистая непыльная работа, хорошая зарплата, отблески почёта и уважения, распространяющиеся и на шофёра первого лица, — что человеку ещё нужно для комфортного существования?

Однако некоторым характеристикам несвойственно долго мириться с благоприятными условиями

своей жизни. Они начинают искать трудности и обязательно находят их.

У Валерия Ивановича была своя болевая точка: его совершенно не устраивало качество дорог родного города.

67

Справедливости ради надо согласиться, что их состояние и в самом деле было удручающе-печальным. Автолюбители и автопрофессионалы, трясясь на городских ухабах, ругались непотребными словами по всем адресам ответственного начальства.

Среди многочисленных городских рытвин особенно выделялась одна своей шириной, глубиной и наглостью, с которой она расположилась на центральном проспекте стодвадцатитысячного населённого пункта. Здесь нередко случались аварии, так как некоторые водители, маневрируя на опасном участке, как говорится, лавировали-лавировали, да не вылавировали. Это было проклятое место, которого чуралась вся шофёрская братия. Легковой автомобиль, случайно угодивший в эту яму, без посторонней помощи вовек бы не смог из неё выбраться.

Валерий Иванович от души порадовался, когда его начальник стал ещё большим начальником. Уж теперь наконец-то власти займутся городскими дорогами, которыми никто не занимался уже целую историческую эпоху.

ГЕРМАН Игорь Викторович родился 10 августа 1964 года в городе Топки Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный институт культуры в 1985 году. Служил в танковых войсках. Работал актёром в театрах Красноярского края, ныне в драматическом театре им. Лермонтова в Абакане. Публиковался в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Дальний Восток» (Хабаровск), «Современная драматургия» (Москва). Спектакли по его пьесам идут в Уфе, Симферополе, Оренбурге. Живёт в Минусинске.

Когда он в первый раз намекнул об этом Михаилу Александровичу, сидевшему на заднем сиденье служебного джипа, новый мэр отреагировал на глас народа легко и непринуждённо. Он ответил, что процесс в стране идёт, что из двух главных проблем России на сегодняшний день остались только дороги и что всё сразу не делается.

На повторное обращение своего водителя к этой же теме Михаил Александрович отозвался уже более сдержанно и без улыбки. Он сказал, что нужно запастись терпением и не торопить события. Всё приходит вовремя к тому, кто умеет ждать.

Честно прождав около года и не дождавшись никакого результата, Валерий Иванович, пользуясь своим служебным положением, закинул ту же удочку в третий раз. Недовольный Михаил Александрович демонстративно промолчал.

Однако летом, тем не менее, за дороги взялись. Правда, взялись за них как-то очень по-нашему. Вместо того чтобы заново покрыть асфальтом заезженные до дыр городские улицы, их решили просто заплombировать. Слегка пристукнутые лопатами, многочисленные чёрные пломбы теперь превратились в выпуклости и всё так же трясли проезжающие по ним автомобили. Ко всему прочему, перезимовав, экономно склеенный битумом щебень начал выкрашиваться под воздействием морозов, автомобильной нагрузки и, самое главное, фантастически-халтурного качества проделанной ремонтной работы. Словом, нагрывший май месяц огорчил горожан до боли знакомыми открывшимися дорожными ранами.

Валерий Иванович уже не заговаривал с начальником на злополучную тему, потеряв веру в справедливость...

В начале июня город ждал визита губернатора. В связи с этим событием на улицах закипела срочная генеральная уборка. Правда, ограничилась она только историческим центром, где располагались здания городской и районной администрации, но зато на загляденье заасфальтировали улицу, по которой предполагался маршрут движения высокого гостя. Вся прочая часть города осталась при своих, в том числе и проспект Весенний, где находилась та самая яма-чемпион. Размытая и раздрызганная, она опять устрашающе зияла на дороге.

В назначенный день губернатор прибывал из краевого центра на вертолёт. С самого утра Михаил Александрович неоднократно инструктировал начальника ГИБДД о географии следования мэровского джипа, в котором и будет на-

ходиться губернатор. С шофёром служебной машины Брусникиным так же была проведена соответствующая работа. От взлётно-посадочной площадки на окраине города автокортеж должен был держаться улицы Дружбы, после чего повернуть у центрального банка и через квартал остановиться у здания городской мэрии. Так как улица Дружбы была соответствующе подготовлена к предстоящему мероприятию, то никаких форс-мажоров маршрут движения в принципе не предполагал...

И только когда служебный джип с находящимися в его салоне губернатором края и мэром города вдруг при въезде в город свернул в сторону с новенькой чёрной ленты асфальта, Михаил Александрович откровенно забеспокоился.

– Валерий Иванович, – тревожно обратился он к водителю. – Почему не выдерживаем маршрут?

– Поедем по проспекту, – ответил Брусникин. – Так ближе.

– Что за глупость? – растерялся мэр.

Шофёр ничего не ответил, и джип, подпрыгивая на ухабах, вывернул на проспект Весенний.

Машина начальника ГИБДД, следовавшая в голове колонны до странного манёвра салона номер один, теперь оказалась замыкающей, проскочив вперёд и отстав от своих. В полном недоумении торжественная автопроцессия тряслась вслед за мэровским джипом.

– Что происходит? – спросил губернатор притихшего Михаила Александровича.

– Сам не понимаю, – удивлённо ответил мэр. – Водитель самовольно нарушил маршрут следования.

– В связи с чем?

– Пока не могу сказать.

– Надеюсь, это не похищение? – серьёзно пошутил губернатор.

– Да что вы, Павел Андреевич!.. Всё в порядке. Я разберусь.

– Ну, разберись.

Между тем мэровский джип будто нарочно собирал на своем пути все недоразумения проспекта Весеннего, вытанцовывая на его ухабах. Болтающиеся на заднем сиденье первые лица в сдержанном молчании переносили незапланированный экстрим.

Ближе к центру города автомобильное движение на Весеннем стало плотнее, так как оставшаяся в дураках служба ГИБДД караулила параллельную, идеально вылизанную и совершенно пустую улицу Дружбы.

Впереди, у светофора, зачернела печально знаменитая яма-монстр, возле которой, как обычно, совершались автоманёвры на грани фола. Высокий чёрный джип, либо не рассчитав, либо умышленно влетел в эту яму задним колесом, основательно встряхнув своих пассажиров, и остановился. Водитель заглушил мотор, и в салоне автомобиля повисла недобрая тишина.

Брусникин нашёл в себе мужество повернуться к VIP-персонам, вжавшимся в заднее сиденье, и встретиться с ними глазами. Лицо губернатора было совершенно красным, лицо мэра – зелёным.

– Извините меня, – нетвёрдым от волнения голосом заговорил водитель. – К сожалению, я не нашёл другого способа, Павел Андреевич, обратить ваше внимание на состояние дорог в нашем городе. Вот... я провёз вас по центральной улице. Что представляют собой все остальные, уже нетрудно догадаться. Правда, одну единственную к вашему приезду заасфальтировали – ту, по которой я должен был вас везти, но... я хотел показать вам правду, и я вам её показал... Извините ещё раз.

Губернатор взглянул на своего окаменевшего соседа и промолчал.

Между тем засевшую в яме машину мэра окружили люди в форме, экстренно перекрывшие движение по проспекту Весенний.

– Прошу вас, Павел Андреевич... – Брусникин приоткрыл дверцу машины. – Я хотел бы показать вам дыру, в которую мы угодили.

Водитель и оба пассажира из сумрака салона осторожно выбрались на свет божий.

– Вот... – указал рукой Валерий Иванович на глубоко просевшее в яму колесо. – Этой яме уже не один год. Она выбита в самом центре города, на соседней с мэрией улице. По таким дорогам стыдно ездить...

У Брусникина пересохло во рту и предательски похолодело в груди. Он вдруг не на шутку испугался своего поступка, и, глядя на угрюмо молчавшего губернатора, на полуобморочное состояние мэра, на стоявших в недоумении сотрудников служб безопасности, он сейчас искренне пожалел, что заварил такую кашу. Брусникин хотел ещё что-то сказать, но внутреннее напряжение помешало ему это сделать, и он, нервно выдохнув, промолчал.

Губернатор, понимая, что попал в невообразимо дурацкое положение, соображал, как из него выйти, не уронив соответствующего его стату-

су достоинства. И вот, подумав, Павел Андреевич снял с себя пиджак, ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Подержите, пожалуйста, – обратился он к одному из сотрудников в погонах.

Тот почтительно принял протянутый губернатором пиджак.

Павел Андреевич повернулся к мэру.

– Ты, Михаил Александрович, сможешь мне или будешь столбом стоять и дальше?

Пока мэр соображал, что от него требуется, губернатор попросил водителя сесть за руль. Брусникин послушно скрылся в салоне автомобиля.

Губернатор – высокий крупный мужчина, с крепкой костью и мужицкими руками. Он налёг плечом на застрявший джип и крикнул шофёру:

– Давай!..

Сообразив, в чём дело, все присутствующие, как по команде, кинулись на помощь.

– Стоп! – скомандовал губернатор. – Назад!.. Всем оставаться на месте. Всем, кроме... Михаил Александрович... прошу, дорогой.

Сконфуженный мэр, поспешно скинув свой пиджак, прильнул всем телом к прохладному металлу тяжёлой машины. Он был значительно ниже губернатора ростом, но зато ничуть не уступал ему в объёмах. Павел Андреевич дал команду, и джип закачался, подчиняясь слаженным усилиям двух дюжих мужиков. Первый подход не принёс результата. Губернатор вновь категорически отказался от предложенной помощи смущённо переминавшихся сотрудников и, отдышавшись, опять вступил в борьбу с неподъёмной машиной. Первым сломался мэр города.

– Павел Андреич... – раскрасневшийся от чрезмерного рвения и бесплодных усилий, он дышал, как паровоз. – Я больше не могу... у меня давление... хондроз... спину защемило... стенокардия... не тот возраст... Павел Андреич... извините... Павел... Андреич...

– Ладно!.. – вытер мокрые виски губернатор. – Давай сюда городское начальство.

Пошатывающийся Михаил Александрович сделал жест, и к джипу подошли заместители мэра и два подполковника: полиции и безопасности дорожного движения.

– Ну что, господа... – обратился к ним губернатор. – Три-четыре?!..

На этот раз общими усилиями застрявший автотюрик был освобождён из дорожного плена.

– Михаил Александрович... – громко окликнул губернатор мэра. – У меня к тебе огромная

просьба... Не в службу, а в дружбу... Уж постараюсь привести в порядок свои дороги. Тем более, что деньги на это, если мне не изменяет память, были выделены.

– Павел Андреевич... – слегка заикаясь, отвечал мэр. – Капитальный ремонт дорожного покрытия планировался на это лето... Мой водитель был не в курсе... Просто пока не успели взяться... Вот и всё.

– Давай договоримся так, – продолжал губернатор во всеуслышание. – Следующий раз я заглядываю к тебе в начале октября. Приеду на машине. Сам объеду весь город. И если я найду хотя бы одну ямину... Пусть твоя администрация готовит лопаты. Они понадобятся всем... но уже кроме тебя. Надеюсь, ты понял?

– Я всё понял, – с готовностью подтвердил мэр. – Сделаем, как надо. Даю слово.

Губернатор молча кивнул головой. Разгорячённые летним теплом, физическими усилиями и, самое главное, ситуацией, руководители взяли свои пиджаки, сели в ожидающий джип и VIP-эскорт двинулся дальше.

Звёзды сложились так, что вскоре Валерий Иванович Брусникин остался без работы. В собственной семье его поступок не нашёл понимания, что ещё более усугубило чувство вины бывшего первого водителя города. Помыкавшись в поисках работы и в конце концов плюнув на всё, он занялся частным извозом.

Между тем улицы города всё лето старательно облагораживались. Могучие дорожные катки стрекотали под окнами горожан до конца сентября. Городской асфальт, включая тротуары, стал новеньким, ровным и идеально гладким. Мэр города взял под личный контроль работу дорожных служб: ездил, оценивал, критиковал, ругался, принимал. Словом, данное губернатору обещание он выполнил качественно и в срок.

И поэтому, когда в октябре районная газета объявила о старте нового проекта – конкурса «Человек года», неудивительно, что первой и единственной кандидатурой на это звание стал мэр города Михаил Александрович Юшин.

Газетная статья напоминала своим читателям об огромной работе, проделанной нынешним главой за эти годы во благо горожан, о замечательных профессиональных и личностных качествах кандидата, его требовательности, ответственности, отзывчивости, конструктивизме, а также преданности своему делу, городу и народу.

Ни одна организация не рискнула предложить против такого тяжеловеса своего кандидата, заранее обречённого на поражение, как вдруг очередной номер газеты сообщил о появлении второго претендента на соискание звания «Человек года» районного значения. Этим претендентом стал некий Валерий Иванович Брусникин. В редакцию пришло письмо в его поддержку с подписями нескольких десятков жильцов многоквартирных домов проспекта Весенний. Причем обоснования заявки на данного кандидата авторами письма не предлагалось никакого, что противоречило самому принципу выдвижения. И, вероятно, это заявление никто не принял бы всерьёз, если бы в редакцию газеты не стали ежедневно поступать письма с подписями жителей самых разных улиц города в поддержку всё того же кандидата Брусникина.

Вскоре выяснилось, что этот никому не известный гражданин является главным фигурантом в беспрецедентном за всю историю города акте благоустройства дорог. Хотя и неофициально, но всё же стали достоянием гласности все обстоятельства чрезвычайного поступка этого фигуранта. Несколько благодарных горожан организовали комитет по выдвижению народного кандидата Валерия Ивановича Брусникина на звание «Человек года». Не считаясь со временем, они ходили по квартирам и собирали подписи в его поддержку. В конечном итоге за Валерия Ивановича набралось несколько тысяч голосов. Такую внушительную цифру невозможно было не заметить или замолчать.

И в то же время признать поражение главы города в открытом честном поединке было делом неэтичным. Поэтому редакция газеты, на чьей совести лежал груз ответственности за объективное подведение итогов, нашла компромиссный вариант. Так как конкурс «Человек года» выявил сразу двух победителей, то для каждого из них была учреждена своя номинация: мэр получил «За честь и достоинство», его бывший шофёр – «За гражданское мужество»...

В заключение хотелось бы заметить, что звание, конечно, хорошо, но сыт им, практически рассуждая, не будешь. Работу Валерию Ивановичу всё равно не вернули, и человек с двумя высшими образованиями всё так же таксует по городу, как бобик. А так бы жил в тепле и сытости. Ай-ай-ай... Нет, не образование делает человека умным. Согласны?..

УЧИТЕЛЬ

Дмитрий Павлович Загвоздкин был человек простой – пьющий. Если пьянство – болезнь, то Дмитрия Павловича следовало называть «искусственно больной», так как человек доводит себя до такого состояния сам.

Алкоголезависимые люди (особенно в последней своей стадии) все на одно лицо: их трудно отличить друг от друга. И уж тем более не разглядеть, какими талантами, награждёнными при рождении, они обладали и кем могли бы стать, если бы... В том-то и дело, что «если бы»!..

Не обделённые Богом, но обокраденные собой – сколько же вами зарыто талантов в землю! Сколько пользы вы не сумели принести людям! Сколько нужных дел, хороших идей, новых изобретений и творческих замыслов осталось нереализованными! А всё – водка, люди добрые!..

Получив общее среднее образование, симпатичный примерный мальчик Дима Загвоздкин поступил в Государственный институт культуры города К-во, на отделение духовых и эстрадных инструментов. Поступил без проблем, так как окончил музыкальную школу и чудно играл на саксофоне. Учился неплохо. Как иногородний жил в общежитии.

Студенчество – счастливая пора. Счастливая своим воздухом свободы. Здесь оторвавшимся от мамок хочется попробовать как можно больше всего и сразу. И не надо осуждать – все такими были.

Дима Загвоздкин сошёлся в общежитии не с той компанией, и она увела его не в ту сторону. Прежде всего, Дима, как всякий взрослый самостоятельный человек, научился курить. Это оказалось не таким уж сложным делом. Следующим этапом его личностного роста стало приобщение к пиву и вину. И, наконец, вершиной, апофеозом начавшейся взрослой жизни, как и для всякого юноши, явилось, конечно же, его интимное общение с девушками.

Голубоглазый мальчик Дима, для всех такой воспитанный и стеснительный, быстро вошёл во вкус триединого греха. Маму он обманывал только в том, что не курит. Ну, а обо всём остальном, что вытворял созревающий Дима, мама не гадалась, поэтому даже и не спрашивала.

С компанией более старших ребят её сын отрывался в комнате с теми девчонками, которые сами были не прочь оторваться. Днём учились, ночами балдели, опять учились, опять балдели и так далее, и в том же духе – красота!.. Такой чудовищный режим можно выдержать, конечно,

только в молодости. Потом, когда вместе с растраченным здоровьем приходит пора мудрости, вот тогда начинаешь... Ну, до этого в ту пору, ещё ох как далеко.

Дима Загвоздкин пользовался успехом у девчонок. Своей ангельской невинной внешностью и чистым взглядом он вводил в заблуждение старших девушек, которые сами, будучи уже с опытом, искали чистоты у мальчиков. «Где ты всему этому научился? Ты ведь такой неиспорченный», – спрашивали они у него в умиротворённой ночной тишине. Неиспорченный мальчик Дима смотрел в потолок своими наивными голубыми глазами, курил и молчал.

На институтских вечерах он со сцены актового зала исполнял соло на саксофоне – девчонки млели. И потом, на дискотеке, он мог подойти к любой из них... ну, или почти к любой – победа была обеспечена.

Ещё в школе Диму наставляли учителя:

– Дима, учись. Ты мальчик способный, но тебе не хватает усидчивости.

Хотя на самом деле Диме не хватало трудолюбия.

Диминой маме учителя говорили, что мальчик может учиться намного лучше, его только нужно организовать. Мама пыталась организовать Диму, но Дима был упрямым лентяем. Учился неплохо, но не перенапрягался. В студенчестве сразу же уяснил «принцип зачётки», отлично поработал на её первую страницу, и потом уже эта первая страница всю учёбу работала на него. И тоже рано понял, что между проблемами жизни и её удовольствиями надо выбирать удовольствия. Хотя бы потому, что проблемы всё равно никуда не убегут.

Ох уж эта молодость, друзья! Дима старался не отставать от своего товарища по комнате, который неумоимо блудовал по этажам родного общежития. Вместе с этим товарищем по имени Стась в одном и том же месте они подцепили то, отчего следовало уже лечиться. Болезнь хоть и не героическая, но утверждающая мужской статус. Даже не каждый взрослый мужчина в своей боевой биографии может похвастаться подобным трофеем.

Когда будущие деятели культуры Дима и Стась в плане донжуанства переросли родную общагу, им захотелось простора и свежих ощущений.

В студенческом микрорайоне города К-во рядом располагаются три института: культуры, технологического пищевого и медицинского. И учебные корпусы, и студенческие общежития в прин-

ципе на одном пяточке. Общаги чуть ли не через дорогу друг от друга.

Чего здесь думать?.. С общежития медицинского института и решено было начинать. Если Дима был просто симпатичный белокурый мальчик с наивными глазами, то Стась – красавец на загляденье: высокий, статный, темноволосый, румяный. А в таких ребят девчонки влюбляются. И – внимание! – влюбляются девчонки разные. И не все брошенные такими ребятами ограничиваются слезами в подушку. Обязательно найдётся обидчивая, а то и мстительная. Мстительная женщина – как энцефалитный клещ: если девятно девять этих созданий безвредны, то сотый отомстит и за себя, и за всех стряхнутых со штаннины в траву. Вот на такой женский экземпляр нечаянно и напал красивый парень Стась...

С очаровательной девушкой Аглаей они с Димой познакомились на новогодней дискотеке в актовом зале медицинского института. Впечатление произвели на Аглаю оба парня, но Стась всё же выиграл внешностью и ростом. Девушка с неземным именем Аглая в свою очередь понравилась обоим парням, но так как сама она потянулась к Стасю, то Диме пришлось смириться. И как вскоре выяснилось, Димино смирение оказалось как нельзя более ко времени и к месту, ибо Стась влетел с тихой девушкой Аглаей в очень и очень показательную историю.

Разболтанный и разбалованный Стась не придавал никакого значения тому, что чувствительная Аглая за недолгий период их общения насмерть влюбилась в него. Это, разумеется, льстило его мужскому самолюбию, но, как и всякому подлому изменщику, не помешало сказать Аглае «прощай», когда для этого пришла минута. Аглая не заплакала и не зарыдала, она просто широко раскрыла глаза и дико побледнела.

Через неделю, когда Стась уже забылся с девушкой Светой, Аглая выловила его возле общаги института культуры, предложив встретиться на её территории и в последний раз – так сказать, прощальный вечер при свечах. Она была так трогательна и мила, так убедительна в своей невинной просьбе, что красавчик Стась решил: всего одна ночь в другой постели будет не изменой подруге Свете, а просто прощанием с подругой Аглаей. Свете Стась сказал, что идёт с друзьями в пивбар – поднимать уровень тестостерона, а сам тихо зарулил в девятиэтажку общежития медицинского института.

Аглая была в комнате одна – красивая, нежная с загадочным блеском в глазах. Когда главное и бурное произошло, она усадила бывшего

возлюбленного за накрытый стол и налила вина. Стась выпил за её будущее счастье, сказав ей: «Спасибо за всё». Когда он тут же, за столом, отключился и заснул, хрупкая Аглая вмиг преобразилась: найдя в себе силы, она взвалила на себя восьмидесятикилограммового лося и перенесла его на мягкую постель. Снова раздела его. Постояла, подумала. Достала из тумбочки шприцы, ампулы, баночку со спиртом, медицинские инструменты, бинты, вату и провела небольшую хирургическую операцию, после которой блудливый Станислав навсегда лишился способности полноценно общаться с женщинами.

Этот случай имел большой резонанс в городе К-во. Потом ещё долгое время городские парни при знакомстве с девушками спрашивали, где эти девушки учатся, и если выяснялось, что в медицинском институте, то парни тут же говорили «до свиданья».

Дима, после такой беды с другом Стасем, не будучи верующим человеком, посетил церковь и поставил свечку за то, что в своё время Аглая выбрала не его. Этот из ряда вон выходящий случай заставил Дмитрия Загвоздкина впервые в жизни задуматься о взаимосвязи сегодняшних поступков и завтрашних последствий. Молодому человеку оставалось только сделать выводы...

66

По окончании института культуры выпускника эстрадного отделения Дмитрия Загвоздкина пригласили в эстрадный оркестр при К-ой филармонии. Здесь он познакомился с молодой администраторшей Ларисой, на которой вскоре и женился. Родился сын, которого назвали Артёмом.

Некоторое время обычная биография гражданина Загвоздкина не выходила за среднестатистические рамки: работа – семья, семья – работа. Ездил на гастроли с оркестром. Продолжал подрабатывать в ресторане. Попивал, как все, погуливал, как все, получал от жены, как все.

В 90-х, когда посыпалось всё, что казалось незыблемым, Дмитрий стал лихорадочно искать случая заработать на стороне. Это не грех, и этого хочется всегда и всем, разве не так?..

И вот однажды хороший приятель попросил Диму на предстоящих гастролях в другом городе купить для него на рынке дорогую вещь и расплатиться за неё крупными новенькими купюрами. Дима согласился. Купил. Расплатился. Вернулся. Приятель отстегнул ему хороший процент. Диме понравилось. В свободное время он стал теперь специально выезжать в другие города и покупать там хорошие вещи, расплачиваясь новенькой денежкой приятеля. Вот только названия городов в его поездках никогда не повторялись.

Налаженный бизнес длился какое-то время.

Дима наконец зажил как человек. Прибарахлился, одел жену, купил машину. В отличие от своих нищих коллег-оркестрантов отвоевал у жизни право на дорогой вкус. Коллеги завидовали Диминому умению крутиться, так как сами умели только гундеть, пиликать и занимать деньги.

Но, увы, жизнь устроена так, что за всё хорошее в ней рано или поздно приходится платить, а то и расплачиваться. Накрыли бизнес приятеля и, соответственно, его курьера – Димы.

На суде Дмитрий искренне возмущался и доказывал, что понятия не имел о том, что деньги были фальшивыми, что он только из дружеского расположения выполнял просьбы своего доброго товарища. Дмитрию Павловичу Загвоздкину не поверили и заперли его на несколько лет.

После отсидки Дима вернулся другим человеком: вспыльчивым, нетерпимым и пьющим без меры. В филармонию его уже не взяли, в ресторанных ансамблях все места были заняты молодыми и хваткими. Стал калымить по мелочёвке и поднимать руку на жену.

Лариса по-прежнему работала в филармонии, теперь уже заместителем директора. Жизнь с пьющим и отсидевшим мужем, конечно, не сахар, но менять что-то в своей судьбе она пока не решалась. Содержание и воспитание сына стало теперь исключительно её проблемой, впрочем, так же, как и зарабатывание денег на жизнь. Муж в семью отдавал мало, иногда не отдавал вообще ничего, приходил только переночевать, да и то не всегда.

Родители Ларисы советовали ей бросить своего дурака, пока тот не убил её и не покалечил психику сына.

Лариса несколько раз заговаривала с Дмитрием о разводе. Когда он был пьян, то кричал и ругался, трезвым же падал ей в ноги, плакал и просил не уходить. Настрадавшаяся Лариса всё же была истинно русской женщиной – великодушной, прощающей – и не могла бросить в беде близкого человека. Она продолжала с ним жить, мучаясь и страдая. Пыталась лечить мужа, сдавала в наркологию, несколько раз «откапывала», но результата это не принесло. Дмитрий Павлович был слабым человеком и поделаться с собой ничего не мог.

Родственники Ларисы качали головами и предупреждали: глядя на такой пример родителя, что станется с Артёмом? Ведь всякий сын следует дорогой отца, учитель жизни для ребёнка есть пример родителей. Половина генетики сына – отцовская, а такое семя в этих условиях даст какие всходы?

Но Артём, мальчик внешне очень похожий на папу, учился хорошо и дурных наклонностей пока не проявлял.

Несколько раз Лариса с сыном уходила ночевать к родителям, когда Митяй, в которого уже окончательно превратился Дмитрий Павлович, устраивал пьяные дебоши дома. Работать он уже не работал, как алкоголика, его надолго нигде не хватало, жил на тарелку супа жены, без конца обещая взяться за ум и заколотить большие бабки. Нигде не работая, где-то пропадал, где – неизвестно.

Попался на наркотиках и загремел за распространение.

Вышел через четыре года. Постарел, лишился зубов. В свои сорок шесть выглядел на двадцать лет старше – несправедная жизнь не способствует здоровью души и тела. Если в молодости с него можно было писать портрет ангела, то теперь он тянул только на чёрта.

Однажды вернулся домой и долго сидел на кровати, о чём-то думая. Потом исчез на несколько дней. Потом пришёл, собрал вещи в тощую сумку, попрощался с женой и сыном, попросил прощения за всё и ушёл к другой женщине. Эта другая женщина жила в частном секторе, в полуразвалившейся халупе и вела образ жизни, близкий и понятный самому Митяю. Митяй протянул там недолго. Здоровье, данное ему родителями и Господом Богом, в конце концов истощилось, и несчастный Митяй, бывший Дмитрий Павлович Загвоздкин, бесславно скончался от цирроза печени.

Лариса не плакала ни из-за ухода мужа, ни из-за его последующей кончины. Воспитав и выучив сына, она с ужасом ожидала того момента, когда плевелы, посеянные её мужем в их общем ребёнке, прорастут и дадут дурные всходы. Но время шло, а ничего такого не происходило. Артём поступил в университет, отлично его окончил, остался на кафедре, защитил кандидатскую, затем докторскую, стал уважаемым человеком в городе. Вырастил троих детей, дал каждому ума и образования, всю жизнь прожил с одной женой, никогда не пил и не обнаруживал дурных склонностей.

Однажды на одной из областных телевизионных программ, в которой принимал участие и профессор Артём Дмитриевич Загвоздкин, участникам передачи был задан такой вопрос: «Кто из великих или не очень великих людей послужил для вас примером в жизни? Кого вы можете назвать своим учителем?», когда очередь дошла до профессора Загвоздкина, он ответил так:

– Самым главным учителем жизни был для меня мой отец.

**Марина
ЧЕРНОСКУТОВА**
МЕТАЛЛОЛОМ

Рассказ

В начале осени опять объявили соревнования по сбору металлолома. Экскурсию на праздничную плавку к годовщине Октября пообещали всему классу-победителю, а не единоличникам. Мы решили, что надо прямо со старта как-то сильно потрясти противников, оглушить их такой кучей железа, чтоб от одного вида желание соревноваться отпало. Посмотреть на доменную печь и жидкий чугун, понятно, хочется, но не хочется остаться в дураках, как в прошлом году. Таскали, надеялись... Ага... Казак, тихушник, потрошил свалку за огородом и в последний момент привёз с батарей на тракторе сколько нам и не снилось.

На КМК он ездил с фингалом. Хороший такой бабон получился. Петька Хатайкин засветил. Дело не в зависти. Петька в сборе металлолома не участвовал. Он вообще ни в чём не участвует. Ему после уроков отца на пастбище менять надо (на коне кататься и бичом щёлкать, ясное дело, лучше, чем железки таскать), но даже Петька высказался:

– Ты по честности хотя бы своим-то мог сказать? Они бы не упирались. Сдали бы в самый раз, чтоб норму выполнить. Гнилушка ты, Казак.

Казак на гнилушку обиделся, в драку полез. Ну и получил. Криков и разборок с этим трактором было больше, чем металлолома. Мы с утра перед приёмкой осмотрели свои кучи, провери-

ли, всё ли на месте, спокойно на уроки пошли. А после уроков на линейке дядька с завода объявил: «Первое место занял Александр Казакин, собравший три тонны металлолома».

И грамоту ему вручил, и пропуск на экскурсию...

Первыми орать начали обалдевшие лидеры:

– Какие три тонны?

– Да он же ничего не собирал!

– Так нечестно!

– Да всегда так!

– Сроду больше собирать не буду!

Тоже обалдевший от криков заводской дядька как-то даже испуганно оглянулся на завуча, завуч выразительно посмотрела на пионервожатую, пионервожатая начала им что-то объяснять, жестикулируя и волнуясь. Но завуч слушать её не стала, а перевела выразительный взор теперь уже на учеников, улыбнулась, вскинув подбородок и всем видом показывая, что она сейчас будет говорить.

– Я думаю... – подчёркнуто вежливо сказала она и, молниеносно кинув взгляд на непонявших, что нужно замолчать, подровняться в строю и слушать, повторила тоном, который обозначал – непонятливых выведут из строя. – Я думаю... – обвела взглядом замерших нас, оценила тишину и одобрительно, уже обычным своим голосом, продолжила: – Мы не будем превра-

ЧЕРНОСКУТОВА Марина родилась в посёлке Кузедеево Кемеровской области. Окончила Тайгинский техникум железнодорожного транспорта и филологический факультет Кемеровского государственного университета. Работала электромонтёром на ПО «Азот», учителем русского языка и литературы, редактором детской газеты «Свежий ветер». Автор двух книг стихов. В настоящее время – педагог дополнительного образования. Живёт в Кузедеево.

щать общешкольную линейку в совет нашей пионерской дружины.

Тут она не то вопросительно, не то вынуждая немедленно начать кивать в согласии, наклонила голову к пионервожатой и посмотрела на неё поверх очков. Марина Евгеньевна с готовностью закивала, осознавая свою неопытность и извиняясь за шум и гам среди пионеров.

Завуч похвалила взглядом пионервожатую, ошастливив её тем самым, и продолжила:

– Меня на сегодняшний день больше интересует... – она задумалась на мгновение, что же её может интересовать (линейку-то собирали только для награждения победителей, чтобы представитель завода лично вручил грамоты), – почему у нас некоторые ученики раньше времени учебный год окончили!

Дядька слово «почему» почему-то не заметил. Он привык, что раньше времени – это о победе в соцсоревновании. Он ещё не совсем осознал, как это так волшебным образом оборвался гвалт, радушно расплылся в улыбке, ожидая, наверное, что сейчас будут чествовать вундеркиндов, которые на месяц раньше все задачи решили, все стихи и правила наперёд выучили и упражнения из учебника в тетрадки переписали.

Школьники, услышав невероятное, застыли. Никто не задавал вопросов. Вопросы сами выскочили из детских голов и рассыпались в повисшей тишине:

- Как это?
- Так бывает?
- Заболели?
- А кто?

Учителя благоразумно молчали и не выказывали эмоций. Валентина Николаевна обняла коллектив строгим взглядом:

– Почему некоторые уже на каникулах? Как на танцы приходим, а не в школу!

Она задерживала взгляд на старшеклассниках, нарушающих требования к форме. Модники опускали глаза, делая вид, что прониклись и осознают, но их распирало от внимания следящих за взглядом завуча учеников. Когда очередь дошла до Сашки Черникова, в рядах послышались смешки. Сашка, изящно выставив вперёд ногу, заложив руки в карманы новехоньких джинсов, небрежно отведя полы расстёгнутого школьного пиджака (так, чтобы крокодильчика на кармане тенниски видно было), дурашливо улыбнулся и удостоил завуча галантным поклоном. Плохо прилизанный ирокез весело подпрыгнул.

Валентина Николаевна смотрела строго, но всем было понятно, что это только так по статусу ей положено. Давным-давно прилипла и в школе, и в посёлке к завучу вторая фамилия – Гурченко, и она была достойна великой актрисы.

Все ждали, чем закончатся гляделки между завучем и Черниковым. У малявок просто дух захватывало: Сашка взгляд не отводил... Математичка, по-наполеоновски сложив руки, выжидательно прищурилась, как бы спрашивая: «Ну и что ты сделаешь с этим наглецом?»

Валентина Николаевна одобрительно вскинула брови и как будто совсем безразлично сказала:

– Вот в трусах с крокодильчиком придёшь, тогда я поверю, что герой...

Последних слов никто не услышал. Общий хохот расшугал по норам даже мышей в подвале. После первой волны хохота в образовавшейся на минуту тишине она по-генеральски коротко резюмировала:

– Штаны – форменные. Сорочки. Галстуки. Гребни убрать. Маникюр убрать. Линейка окончена. Все свободны.

Завуч повернулась к своему кабинету. Пионервожатая и уже абсолютно влюблённый в неё представитель завода поспешили следом.

Пропуск Казаку был уже подписан. На заводе как-то всё сложно. Оказалось, что легче устроить экскурсию целому классу на следующую открытую плавку, чем переделать один пропуск.

И вот мы решили, что покажем сразу всем, что победим мы, а если кто этого не поймёт, мы не виноваты. Хотите, ребята, вламывать за здорово живёшь – флаг вам, как говорится, в руки, пробуйте нас догнать.

Летом сгорел совхозный ток. Вот где железа немерено! Но всё оно оказалось неподъёмным. Мы угрюмо сидели на огромных таких весах. На таху нас даже взвесить пробовала. Её мать до пожара на этих весах работала. Всё просто: взвешиваешь машину на въезде и на выезде. Разница – вес разгруженного зерна. Но мы все вместе весили для этих весов очень мало, они ничего не показывали. От нечего делать пробовали выяснить общий вес элементарным способом сложения. Расходиться не хотелось.

Если бы не проходил мимо Шадрик, ничего бы дальше и не было. Но он проходил. И не мимо, а прямо к нам шёл. Мы удивились, что он заинтересовался нами на улице. Лёха Тарский

проскрипел ломающимся голосом: «Сейчас объяснит, вес или массу мы высчитываем». Поздоровавшись, Шадрик двинул речь, которая нас просто опрокинула:

– Вы бы макулатуру убрали из подъезда. Сколько она там мешаться будет?

Мы, конечно, возмутились:

– Какая макулатура?

– Это не мы!

– Ну ваще!

– Чуть что – седьмой класс!

Но переждав наши вопли и вообще, похоже, пропустив их мимо ушей, он сказал на прощанье: «Надо убрать» – и пошёл дальше. Мы обалдели! Физик-то с чего сдвинулся? Ему-то мы в каком месте дорогу перешли? Первым очнулся Решетов:

– Слушайте, там же макулатура бесхозная.

Почему-то очевидные вещи иногда доходят тяжело. Сбор макулатуры объявлять специально не надо. Его просто никто никогда не отменяет, но кто ж без напоминания о макулатуре помнит?

До нас начало доходить:

– Надо посмотреть...

– А что? Сказали убрать – уберём.

– Действительно. Мы дети послушные.

Пока шли к шестнадцатиквартирному (единственному в посёлке) двухэтажному дому, в котором жили в основном учителя, мы развили эту тему до абсолютной необходимости, просто до обязанности нашей навести порядок в учительском доме. Шадрик жил в одном подъезде с нашей классухой, вот и довязался до нас.

Макулатурой было забито всё пространство под лестницей. С фабрики добро. Тут и думать нечего: бумажные мешки из-под полиэтилена, полные обрезков картона да испорченных этикеток. Мы даже не договаривались, зашли и забрали по нахалке, как своё. Прошли мимо играющих за столиком мужиков из соседнего подъезда. Как-то так слаженно получилось. Только три холстяных мешка прихватили, хоть я и просила пацанов ещё в подъезде не брать настоящих мешков. Но они потом оправдывались: «Бумажных не осталось. Чё я, пустым пойду?»

Макулатуру притащили к Наташке Качиной. Тёти Гали дома не было, она со второй смены возвращалась только в первом часу. До понедельника, может, и в сарай не заглянет ни разу. Но меня беспокоили мешки. Макулатура – это фигня. Её на фабрике хоть каждый день по столько набирай – никто не остановит. А вот мешки...

– Это не вы у Натальи Сергеевны макулатуру спёрли? – приветствовала тётя Галя Наташку, вернувшись на следующий день из магазина.

Наташка и так-то соврать не мастер, а тут ещё и спросонья. Да и смысл врать, когда в любую минуту располочить могут? Стоит только в сарай заглянуть. Наталья Сергеевна – это завуч по внеклассной работе во второй школе. Тащить до другого конца посёлка мешки с фабрики тяжело, вот и оставили пионеры вражьей дружины добычу в подъезде учителя. Каждый день их завхоз ездит на коне мимо шестнадцатиквартирного в столовую за едой. Понятно, что макулатуру ему завуч заодно хотела поручить привезти в понедельник. Не случилось...

Она металась с утра в поисках грабителей или хотя бы их следов. Мужики, забивавшие козла у подъезда, уверяли Наталью Сергеевну, что макулатуру забрали её ребятишки.

– Сергеевна, ты почему ж не веришь-то? – удивлялся её сосед. – Говорю же тебе, я с ним разговаривал. Не наш пацан. Чё я, наших не знаю?

Точно. Было такое...

Мужики уже поднимались из-за стола:

– Чё? Забираете? – окликнул один из них.

– Забираем! – не растерялся Ерём, остановился, поговорил, пока мы тенями прошуршали мимо. Темнело ведь уже.

Приехали Ерёменко недавно с Алтая. Отец ветврачом работал. Мать с маленькой Танькой дома сидела. Эдька у нас в классе учился. Не примелькался ещё. Кто ж его узнает?

Наталья Сергеевна досадливо отмахнулась:

– Да не приходили мои.

В магазине она попробовала выведать у тёти Гали, не знает ли чего Наташка. Выказала предположение, что, может, Наташка приходила к бабушке, увидела макулатуру да и сказала своим. Предположение это тёте Гале не понравилось. Она оскорбилась и Наталью Сергеевну отбрила: знать, мол, ничего не знаю, и вообще, ерунда какая-то – зачем воровать макулатуру, когда на фабрике её завались.

Вернувшись из магазина, тётя Галя устроила Наталье побудку с пристрастием. Больше за выходы никто не пострадал.

А в понедельник классуха попробовала взять нас на понт: типа она знает, что это мы, что нас видели, что надо всё вернуть и извиниться перед пионерами восьмилетней школы. Ответом

ей была тишина. Уж столько раз случалось кому-нибудь впалить всех нечаянно дурацким ответом, а потом получить за это по шее. Научились отмерять слова, как шаги на минном поле. А Надежда смотрела на меня. «Интересно, я – рыжая? Или крайняя? – Понеслись мои мысли. – Ну да... Я председатель совета дружины... И что? Вот в данном конкретном случае предложила в учительский дом идти не я, придумала лозунг «Сказали убрать – уберём!» не я, мешки упереть вдохновила не я... Да, была со всеми. Да, не остановила... Но ведь не только я. Почему веселились вместе, а отвечать должна я? Почему ты смотришь на меня, Надежда Степановна? Не надо на меня так смотреть!»

– Вы не имеете права! Как вы можете говорить «вы»? Вы весь класс обвиняете? Я, например, ничего не знаю ни о какой макулатуре. Может, кто-то из вас знает? – Я резко повернулась к классу. – Ты брал? Или ты?

И они меня поняли. Подхватили игру:

– Не-е-е, я не брал...

– А у кого?

– А чё случилось-то?

Я повернулась к классу и начала её морально убивать. Я говорила, каждое слово гвоздём вколачивая:

– Что мы вам, Надежда Степановна, сделали такого, что вы нас считаете самыми плохими в школе? – Я прямо-таки сил набиралась пропорционально угасанию в ней уверенности. – Вы ни шестой класс не заподозрили, ни пятый, ни девятый...

По классу прошёл одобрительный ропот. Народ прямо-таки головы начал поднимать.

– В чём это мы так провинились, что самые подозрительные для вас? Когда и у кого мы воровали?

И опять повисла тишина. Все смотрели на Надежду. И – свят, свят, свят – она перед нами извинилась. Попросила только, чтобы мы, если знаем, кто взял макулатуру, передали этим нехорошим редискам, чтобы они вернули хоть мешки. Очень уж ей было жалко старушку Наталью Сергеевну. Как она будет перед родителями за те мешки отвечать?

Нет, мы не радовались и не праздновали победу. Многие были мне благодарны – это точно. Из-за одной Ирки Кель стоило любыми способами выворачиваться из этой истории. Иркина мать вела у нас немецкий. Единственный учитель, которого я боялась. Я не входила в число

нескольких школьных героев, которые отваживались с ней пререкаться. Позже, в восьмом классе, когда «немка», дойдя до точки от нашего тупизма и нежелания учиться, от бессилия, от невозможности наказания, треснет за всех за нас по затылку собственную дочь... да так, что Ирка ещё и лбом о парту треснет... Вот тогда я вырвусь из состояния кролика перед удавом и зорю: «Фашистка!». Но это позже. А сейчас я даже думать боялась, что будет с Иркой, с её двоюродным братом Пашкой, с Танькой Кравец... Мне всегда казалось, что наказывают их даже не за поступок, а за позор. Элита кузедеевская, фигура: учителя, врачи, продавцы...

Вовки Кузнецова батя хоть и плевать хотел на «что люди скажут», а за дело спину сыновьям ремнём в узоры разрисовывал. Зато он на родительских собраниях (а родителей в нашем классе экстренно вызывали и судилище над нами устраивали почти каждую четверть) пресекал всяческие нюни типа «плохо влияет», «втянули»... Вставал и спокойно так парировал:

– У каждого своя башка есть. Если вашего Павлика, как телка на верёвке, куда хошь, туда веди, так это его задница плохо чувствует, когда голове проснуться надо.

– Да, – ехидно поджимала губы «немка», – ещё ремень посоветуйте.

– И посоветую, – невозмутимо отвечал дядя Серёжа. – Нет другого лекарства – ремнём лечи! А голову разбуди.

В общем, счастливых, избежавших всяк своего домашнего счастья, было много, но радости не было. А, может, кто и радовался, да мне как-то сильно мерзко сделалось, не до чужих переживаний.

Сейчас трудно понять, с чего такие страхи из-за каких-то мешков. Тряпка. Копейка цена.

Каждый год перед уборкой картошки в поле мать ругала себя последними словами, что так и не собралась «сгношить» какие-нибудь мешки. Она умела шить, умела вязать, коврики плести из старого тряпья, нарезанного узкими полосками. Отличные сетки под картошку можно было забачать по типу этих ковриков. «Если хотя бы ряда по четыре каждый вечер вязать...» – планировала она. Я ещё в шестом классе посчитала, что фигня это всё. Ну, сеток десять – пятнадцать в год. А надо тридцать – сорок. Можно, конечно, превратить свою жизнь в плетение и ремонт сеток по вечерам, но тогда эти вечера должны быть

у человека. Мать работала на фабрике. Никто никогда не уточнял, на какой. Она у нас одна была – Кузедеевская фабрика детской игрушки. И почти все в посёлке на ней работали. Работа сдельная. Сколько кукол соберёшь – столько денег получишь. Она приходила домой часов в шесть. Первая задача – сварить и поесть.

Меня всегда удивляло, как можно спать сидя. Мы даже, придурки, ржали, когда мама, хлебнув несколько ложек, начинала дремать. Мы смотрели заворожённо, как ложка с супом висела над чашкой, а мама спала. Реально – спала. Рука ослабевала, ложка медленно начинала опускаться. Ниже, ниже, ниже... И в тот миг, когда ложка должна была выскользнуть, когда мы, наконец, увидим её падение, мама вздрагивала и удерживала её. Мы визжали от неожиданности. Привыкли уже, знали, что вздрогнет, и всё равно это было неожиданно. Мама бормотала: «Надо дремнуть маленько» – перебиралась на диван и отрубалась. Спала действительно чуть-чуть, а потом до ночи – огород, поросята, помыть, постирать... Это при нормальном раскладе. Чаше с порога какие-нибудь трагедии: или у Женьки задача не решается, или Серёжка опять из радио магнит вытащил, или у меня фингал под глазом... К тому же мама любила читать. Часто увлекалась и, плюнув на всё, кроме ужина, Женькиной задачи и поросят, читала нам вслух.

Когда я пошла в четвёртый, Серёжка уехал в училище после восьмого класса, а Женька – в техникум после десятого. Их нужно было одеть более или менее по-городскому, нужно было высылать каждый месяц деньги. Мама оставалась после работы ещё и цех мыть. Иногда я приходила ей помогать. Но ощутимо быстрее управиться с работой не получалось, да и не хотела мама пересудов, что у ребёнка детство отбирает. В те годы я вообще почти её не видела. Просыпалась – её уже не было. Вечером она приходила – я почти спала. Перебрасывались без особого энтузиазма: «Как дела?» – «Нормально», – «Что поесть?» – «В кастрюле», – «Как в школе?» – «Пятёрка, пятёрка, два...» – «Почему?» – «Она сама дура», – «Одна ты у нас не дура...» И отбой. Уехать-то брат с сестрой уехали, но с довольствия их никто не списывал. И надо было кормить поросят, а для прокорма будущего мяса – сажать и копать картошку.

Пока Женька с Серёжкой были дома, поездка в поле была для меня праздником, приключением, долгожданным событием.

Вся фабрика выезжала в один день. Машины, люди, суета... Запахи... Живая, отходящая от инея земля. Вывернутые клубни издают какой-то истошный подземный аромат. Увядаящий лес. Почему-то я помню не картинки и звуки, а в первую очередь запахи. Но те десять соток на двоих с мамой я не забуду никогда...

К обеду стало понятно, что мешков не хватит, хоть и брали с запасом несколько штук. Урожай выдался до катастрофической нехватки тары. У кого была хотя бы пара взрослых или парни постарше, те отправляли гонца с гружёной машиной, чтобы вывалил дома картошку в бурт и вернулся с пустыми мешками. Мама договорилась с соседями о таком же возврате. Последние сотки три я уже не работала, а ползала с ведром по полю буквально на маминых матах и пинках. Ой, вот только не надо о правильном воспитании и гуманном отношении к ребёнку. Фабричные машины выделялись всего на один выходной. Подымай, но выкопай. Мешки привезли. Даже усталость куда-то делась. Подошёл шофёр, сказал, что загружен через край, оценил, сколько нам ещё осталось. Заверил, что спокойно успеем затариться, потому что последним рейсом пойдёт Петрович, а он только уехал... Пока разгрузится, пока вернётся... У меня как-то тревожно заныло в желудке. Кроме нас с мамой, никого в поле не оставалось...

Нас забыли. Петрович не приехал. А до Кузедеево – километров пять. Ещё четыре потом до дома по посёлку... Как меня мама допинала, дотолкала, дотащила, я не знаю. Представляю сейчас себя на её месте... Вы когда-нибудь ходили в калошах по отсыпной дороге? Ночью? После двенадцати часов ударного труда? Голодные? Да ещё с ноющей и психующей канителью в придачу? Захлестнула бы на фиг. Но мама как-то нашла всё-таки, нащупала, чем поднять мой дух:

– А в войну люди как сутками иногда шли? Неделями?

– На войну взрослых брали.

– Женьку нашу уже взяли бы...

Это меня даже обидело. Дохлячку эту? Кисейную барышню?

– Да женщин не брали, – не сдавалась я, хоть и знала про тех же Зою Космодемьянскую, Лизу Чайкину, Веру Волошину. Но то ж герои! А Женьку бы не взяли.

– Да брали. Тётю Машу ведь взяли.

Вот это новость!

– Разве тётя Маша была на войне? Почему тогда у неё медалей нет? И на митинг она не ходит.

И поведала мне мама, что мобилизовали мою тётку в ФЗО на Кемеровский химкомбинат, а она оттуда сбежала с подружкой. За трое суток умудрились они пешком добраться до дома. Здесь их повязали, естественно.

– А дальше что было?

– Да что было? Посадили на пять лет за дезертирство.

Да... Это надо было переварить. Я ведь считала тётку свою настоящим коммунистом. Таким, про каких в книжках пишут: правильная, справедливая, честная до зубной боли. А она, оказывается, дезертир...

В общем, я не могла не вернуть мешки. Знала, сколько из-за них проблем бывает. А достать можно только по блату. Откуда у старушки Натальи Сергеевны блат? Да и ребятишки, взявшие те мешки из дома, как пить дать, нахлобучки получают. Если из-за того, что ты взял, кто-то страдает – это уже настоящее воровство. А я – не вор.

Операцию по возвращению мешков назначили на «когда тётя Галя во вторую пойдёт» и когда «Место встречи изменить нельзя» кончится. Оно, может, и скандал с макулатурой не очень разгорелся только потому, что по телеку снова Жеглов с Шарповым порядок наводили. Народ обсуждал и вспоминал карточки военного времени: где, чего, у кого какие случаи с карточками случались. Это накануне у шарповской соседки карточки спёрли. Про карточки – значит, и про голодуху военную. И опять, в магазине, на любом углу, на переменах: «а у меня мама рассказывала...», «а у моего деда, когда в Сталинграде...», «тютюю, да у нас, мама говорила, возле переправы жили, целая семья...» И, естественно, про ментов. Нет, не Жегловы. Жеглова на Алтай не увезёшь.

Кузедеевское мерило и оценка мента – был или не был на Алтае. До сих пор могут резануть сгоряча зарвавшемуся мусору: «Эх, проснулся бы ты раньше на Алтае».

Дорога на Алтай через Кузедеево была, но чёрт бы по этой дороге не ездил. Грузовики колоннами да какие-нибудь шальные путешественники-экстремалы. Нормальный человек добирался вкруговую поездом через Бийск. Ментов наших Алтай научил «и службу нести, и справедливость блюсти». Тут лавируй, думай:

не накажешь – с работы попрут, переборщишь – того и гляди, подкараулят около дома без формочки, когда в сортир пойдёшь, мешок на голову, алтайцам в кузов – и путешествуй... Выбросят тебя, бедолагу, недалеко от какой-нибудь алтайской деревни в кювет – учишься с народом говорить. До другой деревни – шагать не дошагать. Позвонить? А ты сначала убеди, что ты не зек какой сбежавший. И скажи спасибо, если фуфайчонку кто пожертвует, накормит. Братья милиционеры? Не во всякой деревне они есть. Кто ж тебя под бок власти выбросит? Надо, чтобы хоть несколько машин после твоих похитителей проехало. А машины по этим бескрайним полям, где от деревни до деревни пятьдесят – сто километров, ездят не так часто. Нет, мил человек, определяют тебя так, чтобы и выжить мог, но и с недельку-другую помыкался, жизни понюхал.

Но, конечно, это наполовину фольклор, оставшийся от «народных собраний» – очередей в магазине, разговоров в фабричных цехах... А народные трибуны после ста граммов за окончанием смены? О, это ответ не в бровь, а в глаз, обращённый напрямую к виновнику. Как будто он тут вот, на чурочках за магазином, рядом с перевёрнутым ящиком трапезу разделяет. И трибун, разошедшись на публику, говорит: «Ты думаешь, мы не видим?» – и грозит пальцем. Иногда я слышу в этих выступлениях чеховские фразы. Иногда Папанов с интонациями: «Тебя посадят, а ты не воруй!» По факту увозили раза три-четыре сами алтайцы. Как раз потому, что с перебором власть свою человек показывал, наступал на мозоль так, что терпелу шоферюге не оставлял. Это ж только спонтанно всё как по маслу получается. Как молния: «Ах, ты ж мать-перемать!» – скрутил и в машину его. А специально, как ни планируй, что-нибудь да не сростётся...

Вот как мы умудрились почти среди бела дня почти всем классом пройти на виду, считай, всего дома и не засветиться? Теперь мы во двор сунуться боялись, чтобы подкинуть мешки хотя бы на погреб у подъезда. Там постоянно кто-то крутился. Ходить часто тоже опасно. Вдруг Надежда в окно заметит, а потом сопоставит появление мешков с нашим дефиле. Нам же ещё как-то надо додержать марку, что это всё-таки не мы макулатуру дёрнули.

По всему выходило, раньше двенадцати соваться к шестнадцатиквартирному не резон. Из дома надо слинять, пока родители с работы не пришли, иначе потом не вырвешься.

Бывало, мы заигрывались у Наташки и очень удивлялись, когда тётя Галя приходила с работы. Пугались: первый час!!! Бежали домой по темнотище. У меня обычно была одна мысль: «Только бы она ещё не ложилась спать». Сонная, мать много времени на разборы полётов тратить не будет, а вот если поспит хоть чуть-чуть – хана, придётся отвечать и за прошлое, и за настоящее, и за будущее.

В этот раз сначала вообще не знали, чем заняться. С нами увязался Ерём. Оказалось, он даже в карты играть не умеет. От скуки дошли до философии о зря потраченном времени. Светка вспомнила, что завтра политинформация, и совсем скисла. Она забыла назначить «дежурного по событиям» и должна будет сама вещать, что в мире делается. Газет с политикой у Наташки не нашлось. По радио шёл спектакль. Телевизор из нас четверых был только у Ерёма. Мы попытались навесить политинформацию на него. Ерём ржал и кривлялся, что можно рассказать о племени мумба-юмба, пусть Надежда попробует опровергнуть эту информацию. И вдруг его осенило:

– А давайте им двери свяжем! Они в школу опоздадут, и политинформации не будет.

Мы катались от смеха. Идея была насколько бредовой, настолько и заманчивой. Начали чисто теоретически прикидывать, сколько метров верёвки понадобится. И вот ведь какая штука: газет у Наташки не нашлось, а бельёвого шнура – пять мотков. Куда они их запасали? Какой-нибудь родственник на шнуровой фабрике, наверное, работал. И всё... Как говорится, Остапа понесло. За три часа ржача и фантазий мы собрали целую сумку всякой всячины. Запакетовали мешки в посылку. Адрес на ней написали. Очень он нам смешным показался: Москва, ул. Тра-ля-ля, дом – два нуля. Чтобы мешки никто не спёр второй раз, забацили предупредительный плакат: «Банда «Чёрный кот» предупреждает! Посылку не вскрывать!». И кота нарисовали, как в кино. Ерём решил, что будет каким-то знаменитым английским сыщиком. Какую-то накидку у Наташки выпросил, старую фетровую шляпу с обвисшими полями, вместо сабли приготовил нож. Этот нож мы летом в огороде откопали. Когда-то у него было широкое лезвие, а теперь оно настолько выржавело посредине, что непонятно, как не ломалось. Мы потешались над Ерёмом. У нас не было таких пацанов. Все больше по железкам мастера. А играть в сыщиков... Детский сад. Даже не знаю, верили мы или нет, что всё получится, но реквизит в мою

сумку сложили и взяли с собой. У меня мелькнула мысль, что сумка заметная, но высказать её как-то стрёмно показалось. Ещё подумают, что выделяюсь. В общем, пошли...

В шестнадцатиквартирном было тихо. Свет горел только на кухне у Надежды (но он у них ночи напролёт горел, вся деревня задумывалась – зачем?) да во втором подъезде – у Наташкиной бабки (верный признак, что дядя Вова бухой). В общем, можно идти.

Во дворе было светло от распахнутых настежь подъездов. Моросил дождь, тревожно шелестя в листве берёз. У меня сердце колотилось почему-то в ушах. Мелькнула мысль: «Бросить на погреб, да и всё», но Ерём уже зашёл в подъезд. Тихо поднялись на второй этаж. Боялись смотреть друг на друга: страшно было до того, что пробивало на хохот. Просто каждый делал то, что ему досталось. Мы это столько раз разыграли дома, что без суфлёра знали, какую фигну куда положить или повесить.

Посылку с мешками кинули под дверь Наталье Сергеевне. Наташка с Ерёмом приклеивали плакат про чёрную кошку. Мы со Светкой связали двери напротив, прокинув шнур в дверные ручки. Двери, открывающиеся на лестницу, привязали к перилам. Пошли было на первый этаж, но в это время с улицы в подъезд пожаловала дворовая собака Герда. Она была вообще-то ничьей. Весь дом её подкармливал, но никто не претендовал на звание хозяина. А Герда честно отработывала общественный хлеб, следила за порядком во дворе. Мы замерли. Герда постояла некоторое время в проёме подъезда, рассматривая нас и решая, наверное, какого рожна мы мешаем ей спать, нормально это или нет, что мы тут ночью. Конечно, она нас знала и днём даже не оборачивалась и ухом не вела на наше появление. Наверное, если бы мы не испугались сами, она ушла бы спокойно к себе под крыльцо, но немая паника – только молчи, Герда! – её озадачила. Герда лениво вопросительно гавкнула... И мы, как солдаты по команде взводного, сорвались с мест. Вниз? Но Герда озверела мгновенно. В подъезде она не заходила – запретная зона для неё, но как-то сразу выросла до размеров собаки Баскервилей, заняв собою выход, пружиня на всех четырёх лапах, готовая к броску, взвилась в истеричном, надсадном лае: «Ааааа! Хватай! Держи! Какого хрена спите?» Я не помню, как оказалась на чердаке. Светка была рядом и помогала влезть Ерё-

му. Наташка только начала карабкаться по лестнице на стену. Я увидела, что она прихватила в одну руку мою сумку. В голове мелькнуло: «Молодец Натаха!» – и тут же – досада от собственной трусости. Наталья Сергеевна, разбуженная вознёй на чердаке (а может, и не спала старушка), дёрнула дверь. Я, свесившись, щёлкнула выключателем – если умудрится выйти, то не увидит наших лиц, – и успокоила Наташку:

– Ничего, успеешь, я жду.

После секунды непонимания, почему не открывается дверь, Наталья Сергеевна начала истерично дергать её, возмущаться и пугать милицией:

– Не смейте гадить на чердаке!

По площадке мелькала полоска света из прихожей, выхватывая Наташкин силуэт. Вот уже её голова и плечи здесь, на чердаке. От сердца немного отлегло – успеем! И тут к причитаниям Натальи Сергеевны прибавился резкий мужской мат. Что-то брякнуло. Пространство снизу на площадке осветилось. Наташкины ноги, только что остававшиеся на лестнице, промелькнули мимо моего носа. Она ринулась вглубь чердака. Светка с Эдиком сорвались следом. Я на мгновение замерла, приходя в себя после чуть не полученной плюхи Наташкиными каблучками. На площадке, как стартовый пистолет, щёлкнул выключатель, свет квадратным пучком взлетел к своду чердака.

Мне казалось, я топаю, как слон, и этот топот будит не только второй этаж, но и тех, кто под ними. Несколько раз ударившись головой о какие-то балки, я добежала наконец до спасительного светящегося проёма второго подъезда. Только бы никто не вышел! Ерём уже повернул с промежуточной площадки на первый этаж, Светка – на площадке, Наташка – на лестнице. В углу из-за какой-то калоши визжит не то пинчер, не то ещё кто – микроскопическая худющая невидаль, завезённая новой математичкой.

Только бы никто не вышел! Я ухватилась за край проёма и спрыгнула вниз, с грохотом приземлилась, шавка подпрыгнула и завизжала, шарахнувшись от меня на стену.

Только бы никто не вышел! Ступени! Дверь! Поворот налево! Справа? Никого ещё нет. Придурки! Я бы в первую очередь подъезд перекрыла и ловила, как зайцев. За угол! Ворота! Свобода!!!

– Бежим?! – задыхаясь, спросили друг друга, ни на секунду при этом не останавливаясь, только придержав немного, чтобы собраться вместе.

– В проулок! – скомандовала я, и мы слиняли из-под фонарей центральной улицы.

Темнота сразу успокоила. Остановились отдышаться. Шёпотом, сквозь вдох-выдох, перебывая друг друга, начали обсуждать самые ощутимые шишки и раны, самые офигенные впечатления.

Я посмотрела на Наташкины руки... В желудке опустело и стало до тошноты тоскливо... Спросила всё же ещё с надеждой:

– Наташ, а сумка где?

И все всё поняли. Зависла тишина. Наташка, оправдываясь, начала лопотать, как на уроке у доски:

– А я её как закинула на чердак... А потом выскочила... Я думала, ты её взяла у меня...

Бли-и-ин! Долбаный страх... Я даже не видела, как она её закинула. Как свет выключала – помню. Как Наташке помогала – помню. Как она лезла с сумкой на чердак, вижу, а вот на чердаке сумку не помню, не вижу... Только что торжествовавшие души наши ушли в пятки. Мы попали. Стопроцентно попали. Моя сумка – это такая улика, которую ни с чем не спутаешь. Вот думала же, что не надо её брать...

Оказывается, дождь не переставал, продолжал плутать в листве берёз. Вот какого фига мы просто не кинули эти несчастные мешки без всяких плакатов и верёвок?..

В начале восьмидесятых явилось к нам демократическое влияние Запада в виде ярких пластиковых пакетов. Сами мы эту прелесть – «и в пир, и в мир, и в добрые люди» – тогда ещё не освоили. Наши пакеты представляли собой прозрачные мешки с бумажными вставками внутри. Картинки эти бумажные рвались, мялись и были к тому же блёклыми. Но отношение к ним – прямо таки набожное. Пакеты эти, как чехол, надевали на ручки хозяйственных сумок, чтобы они не испытывали нагрузки. Хороший пакет был предметом гордости обладателя и зависти для окружающих. А уж импортный, с аппетитной попой в джинсах Монтана – это шик и заява о доходах.

Стоил такой пакетик на рынке двадцать пять рублей при средней зарплате граждан в районе сотни. Была ещё попытка нашей лёгкой промышленности сделать более практичный аналог пакетов: сумки из холста. В народе их моментально окрестили побирушками и именно на них стали сверху нанизывать пакеты. Дядя мой нехило зарабатывал проходчиком на шахте, каждый год

вывозил своё семейство куда-нибудь на отдых, после которого одаривал родственников дефицитами. И мне достался пакет со съёмными пластмассовыми ручками. Ёёёёё-моё!!! У дядьки был какой-то животный инстинкт на подарки. Я же сразу, не обращая внимания на сам пакет (а чего там обращать?), стала прикидывать, как использовать ручки. У мамы была торжественная клеёнка. Тоже подарок. От родственников с Урала. Завидная клеёнка. Этакий коллаж из иностранных газет. Урвать кусок этой клеёнки было не так просто, но плох тот ребёнок, который не знает хитрых, извилистых тропинок к сердцу матушки. Мы измерили полотно по столу, нашли, что можно и укоротить его с одной стороны сантиметров на тридцать. Причём по длинной стороне, а значит, захода на три мне пакетов на будущее обеспечено. Любви к рукоделию я сильно никогда не испытывала, но сшить два прямоугольника и склепать две ручки по верху – особого таланта не требуется. Сдохните, завистники! Эксклюзив!

Вот этот самый эксклюзив мы и оставили на чердаке.

И всё же оставалась надежда, что его не заметят. Мало ли? Света на чердаке нет, а с фонариком порой вдали увидишь, а что под носом не высветишь. Решили мы, когда народ угомонится в подъезде, ещё раз слазить на чердак. Стояли в проулке с торца дома и прикидывали шансы. Из дома напротив проулка кто-то вышел, хлопнул калиткой. Этот кто-то переходил центральную улицу и, кажется, направлялся в проулок. Мы насторожились, естественно. Человек приближался, а мы вполголоса договаривались стоять спокойно и продолжать так же вполголоса разговаривать. Но, спускаясь в проулок, человек включил фонарь и направил его на нас. Мы метнулись от света, бежали какое-то время, хохоча, мол, пуганые вороны, начали было приостанавливаться, но, оглянувшись, я увидела, что мужик бежит за нами, освещая себе дорогу под ногами. И это были ноги директора школы, немного косолапые в вечно коротких штанах.

– Дирик!!! – зорала я.

Мимо пролетел Ерём по луже. Он даже нас не обрызгал. С другой стороны оторвалась Светка и исчезла впереди. Видел бы их физрук! Меня разбирал смех. На физкультуре даже Наташка со своей большой печенью бегала лучше этих тайных спринтеров. Я, конечно, могла ускориться, но оставлять Наташку... Почему-то я чувствовала от-

ветственность за неё. Девочка-Мальвина. Она вечером на улицу-то ещё ни разу без матери не выходила. Даже если дир не догонит, ей же будет страшно одной. И мы бежали рядом. Наташка задышалась. Скорости явно не хватало. Фонарь уже был буквально за спиной. Тут она запнулась и исчезла – упала. Я собралась было остановиться, но дир пробежал мимо Наташки. Эх, ноги, мои ноги! Фонарь быстро начал отставать.

Впереди проулок упирался в следующую улицу. Куда свернули эти чудики? А если в разные стороны? А если я выведу на них? Я заметалась. Вправо? Влево? И вдруг решила повторить Наташкин финт: взяла и резко остановилась. Финт не удался. Александр Петрович тоже остановился, осветил моё лицо, спокойно сказал: «Всё понятно», развернулся и пошёл домой.

Ну ладно, сразу на разборки не повёл, и на том спасибо. А хитрый всё-таки. Это ведь он дом обошёл, хлопнул чужой калиткой, чтобы мы думали, кто-то оттуда вышел, и не заподозрили погони.

Я долго не могла никого найти. Потом догадалась выйти на центральную улицу и встать под фонарём, чтобы можно было узнать издалека.

Завтрашний день пока не пугал. Слишком много было впечатлений. Оказывается, Светка с Ерёмом сиганули в чей-то огород и боялись только одного: как бы хозяйская собака не сорвалась с цепи. Наташка и упасть-то как следует не успела, только оттолкнулась от земли руками, развернулась и побежала в обратную сторону. И дёрнуло меня остановиться...

После первого урока – политинформация. Приходит классный руководитель и контролирует наше политическое просвещение. Если никто к «политке» не готов, то учитель впесочивает политинформатору (должность такая руководящая в пионерском отряде) и сам рассказывает, что в мире за неделю случилось.

Надежда немного опоздала. Она так зашла, что все уши прижали. Вот ни дверью человек не хлопнул, ни слова не сказал ещё, не посмотрел даже ни на кого, но каждый понял: кердык – гроза!

– Коганова, политинформация готова? – спросила Надежда, поздоровавшись.

Светка встала и пробурчала:

– Нет...

– Ага. Как всегда. Зато у меня политинформация... – и ба-бац! мой пакет на стол. – Где Черноскутова?

Она блуждала глазами по классу и не находила меня. По рядам пробежало что-то похожее на длинный вздох, потому что сидела я хоть и не на своём месте, но рядом со Светкой. Я смотрела на Надежду, и что-то жуть пробирала всё больше и больше: вот сейчас вся эта ярость обрушится на меня.

– Ну да... Пакостливые, как кошки, а трусливые, как зайцы... Знает, когда не приходиться.

Обалдевшие одноклассники ёрзали, хихикали, шептались... Всех, конечно, просто распирало от любопытства, чего это Надежда не в себе и почему у неё мой пакет. Деваться мне было некуда, рано или поздно всё равно увидит, и я встала:

– Да здесь я.

Надежда опешила на мгновение:

– Выйди сюда.

Я вышла. Она вывалила из пакета на парту всё его содержимое. Развернула плакат с чёрным котом и двумя ударами магнитов пригвоздила его на доску:

– Вот наша политинформация!

Ничего не понимающий народ следил за действием.

– Учителей ножами пугать? – Она схватила мою руку и вставила в неё нож. – Бандитизм?! – И с размаху нахлобучила мне шляпу на голову.

Всё, что ещё хоть как-то держалось внутри: недоумение, удивление, любопытство – вырвалось наконец, как пробка от шампанского. Класс упал на парты! Это был не просто ржач, это были истерика и восторг. То и дело кто-нибудь пытался отдышаться, но, подняв голову и увидев меня с ржавым ножом в вытянутой руке и в старой, обвислой фетровой шляпе, снова заходился смехом и ложился на парту. Изверги! Мне-то смеяться ну никак нельзя. Я давилась, прикусывала губы, хрюкала, опустив голову и зажав шею собственным подбородком. От напряжения из глаз катились слёзы. Надежда немного успокоилась и начала искать следующую жертву:

– Гете! Ты куртку постирала?

– Какую куртку?

Сколько же зависти и восхищения было в Людкином голосе! Ох, как бы ей хотелось быть виновником торжества. Надежда поняла, что мимо.

– Филенко?

Наташка пружиной подскочила из-за парты:

– Я???

И тоже было понятно, что мимо. Надежда упёрлась взглядом в Светку и ехидно спросила:

– И тебя там не было?

– Я там была, – ответила Светка как-то спокойно и даже с вызовом.

– Понятно. Куда ж вам врозь. Кто ещё с вами был?

– Никого.

– А упал кто? У тебя куртки нет.

Светка пожала плечами:

– Никто не падал.

Прозвенел звонок. Все ждали.

– Коганова, Черноскутова – к директору!

Надежда подождала, пока мы соберём портфели, и отконвоировала на первый этаж.

Александр Петрович целый урок пытался вытянуть из нас имена соучастников. В конце концов сказал, что судьбу нашу будут решать после уроков на педсовете, и если не сознаемся, то поставят на учёт в детскую комнату милиции. Ага, нашёл дураков. Если поставят, так и четверых поставят, а тащить с собой Наташку и Ерёма нам резона не было. Это ж вопли начнутся – втянули, испортили, повлияли! Вдвоём по-любому выходило меньше мороки. Наташку вообще втягивать было нельзя, хоть она и хотела признаться. Мы её успокоили простым доводом:

– А про мать ты подумала? Она же, получается, наше воровство покрывала. Нам-то ни фи́га не будет... Ну, комната милиции... А она-то взрослый человек...

Нет, тётю Галю впутывать было нельзя.

– А вы Шадрика заложите! – осенило Ерёма.

– А ты сходи сознайся да сам заложит, если такой умный, – недобро прищурился Петька Хатайкин.

– Нам чё, легче станет, если ещё и Шадрику достанется? – хмыкнула Светка.

– Ага, Шадрик пока молчит. Впалим – ему же придётся говорить, кого в подъезде макулатуру убирать отправлял.

– Ну ты мудрый, Ерём! Это ж весь класс заложить!

– Не, ну мы-то в это время металлолом собирали! – как-то не очень возмущённо возмутились Людка Гете, Наташка Филенко и ещё несколько человек, которым идея с совхозным током не понравилась.

– Вот вы с этой сушилкой... – как будто продолжила старый спор Филенко, – послушали бы нас – ничего бы и не было...

– Если бы да кабы...

– А мы, между прочим, уже больше, чем Казак в прошлом году, натаскали.

– Ого! Откуда?

– А там, знаешь свалку за совхозной заправкой? Там колёс – завались!

– Ага, и болванки какие-то тяжелючие...

После уроков мы сидели со Светкой на подоконнике напротив учительской. Учителя проходили мимо, и никто не делал замечания. Персоны нон грата, фиг ли. Почему-то, когда смиришься с неминуемым наказанием, оно волшебным образом тебя обходит. Мы сидели со Светкой на подоконнике уже больше часа, а нас всё не вызывали. Не было ни любопытства, чего там происходит, ни страха, что будет. Какое-то ватное равнодушие.

Сначала слышны были возбуждённые голоса, а потом всё стихло. И мы сидели. Наконец дверь учительской открылась, вышла математичка старших классов, но прошла мимо, мельком взглянув на нас. Через некоторое время она вернулась, взялась уже за ручку двери и оглянулась:

– А вы чего тут сидите?

– Нам сказали – вызовут, – удивились мы.

– Да всё про вас решили давно. Домой идите. Нас ветром сдуло. Было бы сказано.

На следующий день жизнь шла себе, как всегда, только одноклассники на переменах спрашивали, чего да как, снова и снова вспоминали фетровую шляпу с ножом и раззуживали себя до прежнего смеха. Мы попытались выяснить свою судьбину у физрука. Виталич только хохотнул и отмахнулся:

– Если поставить на учёт председателя дружины, – посмотрел на меня и засмеялся, – то дружину-то куда девать?

Но постепенно всё равно всплыло, что и как решали на педсовете. Учительские дети выведали у родителей.

Жажущие нашей крови оказались в меньшинстве. Виталич выступил как раз с доводом, что ставить на учёт в милицию председателя – это себе же дороже. Завуч вообще мало вдавалась в подробности: «Внутри что хотите делайте, а школу позорить не дам!» Александр Петрович, хоть и директор, но её бывший ученик, да и директорствовал без году неделя, согласился сразу. Последнюю точку поставил и умиротворил всех физик. Он развернул всё так, что мы ещё чуть ли ни праведниками оказались. Главное – возвращали, а не воровали. И если уж наказывать, то за воровство, а воровал почти весь класс, так как двое такую прорву макулатуры спереть не могли физически. С этим согласилась даже Надежда. Всегда говорю: логика – страшная сила. Всю эту историю спустили на тормозах. Никто из учителей ни разу не напомнил. Что на чердаке с нами были Наташка и Ерём, Надежда Степановна узнает только после школы на вечере встречи. И сбор металлолома тоже тихо замяли. Ежу же понятно, что мы никого бы не пропустили вперёд, а награждать нас поездкой на юбилейную плавку вместо наказания за сворованную макулатуру – это уж совсем святотатство. Так я и не увидела, как выпускают из домны чугун.

Наша куча металлолома несколько лет одиноко красовалась за школой. Металлолом в последние годы пионерии уже не собирали. Потом и пионерии не стало. А сейчас и металлургического комбината в Новокузнецке нет. Раздербанили его на какие-то маленькие предприятия. Доменные печи не дымят.

Кстати, макулатура так и осталась у Качиных. Тётя Галя с Наташкой года три ещё не знали проблем с бумагой для растопки печи.

Татьяна ХРИСТЕНКО,
пос. Краснобродский

* * *

Эпизод из детских воспоминаний моей тётки
Александры Акимовны Бушуевой.
Посвящаю ей это стихотворение, с любовью

Победили! Кончилась война,
Возвращались по домам солдаты,
И на мир слетела тишина
В тот далёкий славный сорок пятый.

Эшелоны ехали домой,
Со слезами счастья их встречали...
У девочки маленькой одной
Замирало сердце от печали.

Не дожидаться, знала, ей отца,
Потому что в доме – похоронка.
Потому что с мамкой у крыльца
Голосила тётка почтальонка...

У подружки был отец живой.
Он вернулся целый, невредимый.
Свой мешок солдатский вещевого
Водрузил на стол, посередине.

Доставал подарки не спеша.
Не забыл о кукле для дочурки.
Как была та кукла хороша!
Эх, и повезло подружке Нюрке!

Звал к себе отец, да только зря,
Ей в ручонки куклу подавая.
Встала и потупила глаза
И молчала, будто неживая...

А подружка дочки подошла,
Тронула несмело портупею
И сказала чистая душа:
«Я хочу быть дочкою твоею».

Обнял он чужую и свою,
Посадил обеих на колени.
Хоть не плакал никогда в бою,
Покатились слёзы от волнения...

Заигрались дети до темна.
С куклой спать легла одна подружка.
А к другой вкатилась в сон луна,
Как большая папина игрушка.

ОН СРАЖАЛСЯ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Памяти моего дяди
Михаила Демьяновича Сапуткина

Бой на улицах Сталинграда
Для него был уже не первым.
Но осколками от снаряда
Этот бой оказался прерван.

Беспрерывно пули свистели,
Засыпало ноябрьским снегом.
Он лежал на тонкой шинели
Под осенним холодным небом.

Политрук ободрил: «До ночи
Потерпи, брат, тебе привычно.
Переправим, и, между прочим,
Будешь жив. Обещаю лично!»

Продолжала сраженье рота.
Громыхали повсюду взрывы.
Наконец, он услышал кто-то
Окликает его: «Здесь живы?».

На носилках, от крови тёмных,
В медсанбат принесли солдата.
Кто спасал – не знает имён их,
Да и живы ли те ребята?

Бомбы падали в Волгу... Мимо!
Только помнилось всё так смутно...
В лёгком был осколок от мины.
Врач: «Счастливей!» – сказал наутро.

Тот осколок на память дали.
Он в шкатулке лежал с наградой,
С дорогой для него медалью –
За победу под Сталинградом!

Александр КАТКОВ,
Кемерово

СНЕГА СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Я, Алёша из Вязников,
И Серёжа из Бугульмы,
в эти горькие праздники
к вам обращаемся мы.

Оттуда, из-под Можайска,
вгрызаясь в промёрзший наст,
вам говорим: «Мужайтесь,
не забывайте нас!»

Над Волгой, Леною, Томью ли
падает серый снег.
Неужто вы не запомнили,
уже ли забыли всех?

И этих, беду отринувших,
там, в сибирских снегах,
девочек наших, стынувших
в кирзовых своих сапогах?

Неужто в своих «победах»
вы забыли уже,
как нас накрывало снегом
на истринском рубеже?

Какие у вас там погоды?
У нас в юдоли земной –
Снега сорок первого года
И Родина за спиной.

Ольга ГОЛУБЕВА, Симферополь

* * *

Я ничего не знаю о войне –
Я не бывала никогда на ней:
На фронте, в оккупации, в плену,
Не провожала мужа на войну...

Я ничего не знаю о войне –
Я не жила в том самом страшном дне,
Когда пришла беда на всех одна,
Когда на мир обрушилась война...

И всё-таки в вечерней тишине
Я плачу, вспоминая о войне,
И всё тревожусь посреди весны –
О Боже, лишь бы не было войны...

* * *

Ещё будет весна,
А не только горячее лето.
Ещё будет луна
В звёздном блеске гулять до рассвета...

Ещё будут цветы,
А не только шиповник колючий.
Ещё будут мечты
Пробиваться сквозь серые тучи...

Сотни ласковых слов
Заглушат вдруг раскаты орудий.
Ещё будет любовь –
Как не быть, обязательно будет!

Мария ЗАБОЛОЦКАЯ, Кемерово

ПИСЬМА ФРОНТОВОГО ДРУГА

Письма фронтового друга,
Мелких строчек быстрый бег.
За окном гуляет вьюга,
Плачет старый человек.

«Здравствуй, Саша! Как здоровье,
Сильно ль сердце барахлит?
Мой привет тебе с любовью
Твои боли исцелит.

Помнишь, вместе мы шагали
По разрушенной стране?
Помнишь, как мы немцев гнали,
Не сгорали мы в огне?

Помнишь, молоды мы были?
Помнишь, смерть по следу шла?
Но не ныли мы, не ныли –
Смерть тащила, жизнь звала.

Помнишь Митю Иванова?
В сорок пятом, в мае, пал.
Он вчера мне снился снова,
Он мне, Саша, так сказал:

«Не сдавайтесь, не сгибайтесь
Перед хворой и хандрой,
Гордо спины распрямляйте,
Как в строю!» И с неземной,

Точно ангельской, улыбкой
Зашагал куда-то вдаль,
Растворился в сини зыбкой,
Как в бессмертии в тот май.

Не болей, пиши мне, Саша,
Вместе вспомним о войне,
Фронтовая дружба наша
Согревает сердце мне...»

Письма фронтового друга,
Мелких строчек быстрый бег.
За окном гуляет вьюга,
Плачет старый человек.

Свет в ночных окошках меркнет,
Спит спокойно вся страна. Мир.
А у солдата в сердце
До сих пор гремит война.

**Дина НАГОРНОВА
(САБЫНИНА),
Прокопьевск**

* * *

*Спелый колос клонит ветер.
Над полями тишина.
Места лучше нет на свете,
Чем родная сторона.
Так и жил бы год за годом,
Чашу дней испив до дна,
Под лазурным небосводом.
Жил бы... Если б не война.*

*Вдруг осколками шрапнели
Полоснуло по душе.
Сорок первый. Я в шинели,
На кровавом рубеже.*

*Смерти-ведьме в пасть глядели –
За детей, за мать с женой!
Сёла и хлеба чернели,
Опалённые войной.*

*Воевали, погибали...
Не жалеть себя – приказ!
Взрывы воздух сотрясали,
Как траву, косили нас...
Вот и смерть! Комбата голос
Затихает вдалеке...
Я сжимаю спелый колос
В окровавленной руке...*

*Дни парадов отшагали,
Не стыдясь счастливых слёз.
Мы своё отвоевали,
Тихо спим в тени берёз.
И в салюта взрывах тонет
Эхо горькое войны.
Спелый колос ветер клонит
На полях родной страны.*

Лидия КУЛИНИЧЕВА

ВОЙНА НЕ ПРОШЛА МИМО

Нина Николаевна Зайцева родилась в июле 1932 в селе Лебедянка Яйского района Кемеровской области. В семье было пятеро детей. Отец работал в артели шахты 5/7 – возил на лошадах лес, мать трудилась в колхозе. Жили как все: держали небольшое хозяйство – корову и овец, кур, сажали огород. Хлеб и картошка на столе были всегда.

В 1939 году Нина пошла в первый класс сельской школы. Первую учительницу звали Наталья Константиновна Лазарева. Когда у девочки палочки и нолики выходили за линейку, учительница брала руку девочки, держащую карандаш, и аккуратно выводила нужное. На уроках рассказывала им про животных и птиц. Весной всем классом ходили на луг, и Наталья Константиновна учила ребят распознавать разные травы. Ох, как ей это потом пригодилось!

В июне 1941 года Нина, как все деревенские мальчишки и девчонки, работала в поле – помогала матери зарабатывать трудодни.

– Двадцать второе число помню как вчера, – рассказывает Нина Николаевна. – Был солнечный ясный день. На закате возвращались домой вместе с мамой и сестрёнками. Мы несли собранную на бугре землянику и брата Мишку, которому было от роду девять месяцев (в хорошую погоду мы всегда брали его с собой, делали лежанку из мешковины в тени берёз и нянчились по очереди). Возле здания сельсовета было много народу. Все стояли, подняв головы, и смотрели на радио – тарелку над входом. Вдруг она заговорила: «Передаём последние известия...» Дальше я увидела суровые лица деревенских мужиков и услышала не просто бабий плач, а бабий вой, который понёсся по деревне и заполнил всё пустое пространство возле сельсовета.

Нина Михайловна на минуту замолчала, крупные слёзы заволкли её глаза.

– Что было потом?.. В июле отца забрали на фронт. Мама, провожая его, не плакала, свои слёзы она выплакала в поле. Отец, прощаясь,

поцеловал поочередно Валю, Марину, меня, Галю, потом, взяв на руки маленького Мишу, подкинул, обнял мать и сказал: «Береги детей».

В комнате воцарилась тишина. На диване рядом со мной – маленькая седая женщина с добрыми глазами. Нет, она не носила военной шинели, на их родную Лебедянку не сбрасывали бомбы, на её улицах не стояла трескотня пулемётов, но это не значит, что война прошла мимо их дома.

Когда началась Великая Отечественная война, Нине Беляевой было девять лет. Ей приходилось работать в тылу наравне со взрослыми: вязать колхозные снопы, копать землю под огороды и окучивать картошку у чужих людей. Глядишь, и дадут кусок хлеба или несколько картофеля для похлёбки. В остальное время в пищу шло всё: добытая из-под снега гнилая картошка, крапива и щавель, лебеда и разные высушенные травы, из которых мама пекла лепёшки. А если удавалось наскрести овса на земле – там, где стояли лошади, – это считалось и вовсе небывалым везением. Лютый голод дополняла нищета: ни одежды, ни обуви.

В военные годы почта приходила с большим опозданием, и семья Беляевых, бывало, получала одновременно сразу несколько солдатских треугольников. Отец писал, что бьёт фашистов и очень скучает по дому. Слава Богу, из фронтовой мясорубки ему удалось выбраться живым, вернулся в 1943-м с ранением в грудь и вырванным плечом. Чуть оправившись от болезни, подшил дочкам продырявленные валенки и вышел на работу – в колхоз трактористом. Позже, в 46-м, устроился слесарем на пилораму при шахте 5/7.

– Вот так мы и выжили, – сказала женщина и, встав с дивана, достала из шкафа аккуратный свёрток. Развернула белый платок. – Вот трудовая книжка моего отца, в ней всего две записи: принят в 1946-м, уволен в 1964 году в связи с уходом на пенсию. О том, что работал в колхозе, выдавалась справка.

Сама Нина после окончания семи классов сельской школы и работы в колхозе, устроилась в 1949 году на стекольный завод, боевозом в машинованный цех. Потом, когда цех закрыли на ремонт, её перевели в транспортный цех грузчиком. Вручную хрупкая девушка выгружала из вагонов лес, песок, доломит.

– Но самой тяжёлой для меня была разгрузка соды, – вспоминает Нина Николаевна. – Она приходила в мешках. Только представьте, у меня

вес – шестьдесят килограммов, рост – сто пятьдесят, у мешка – пятьдесят.

Добрый начальник цеха старый Трубицин, увидев однажды, как девушка завалилась с мешком, вызвал её к себе и сказал: «Пойдёшь, Нина, в районную прокуратуру – машинисткой, я договорился. А то здесь от тебя ничего не останется, а тебе ведь ещё замуж выходить, детей рожать».

В 1952-м Нина Николаевна начала осваивать печатную машинку. Первое время работу приходилось брать на дом. А так как жила она в общежитии стекольного завода, то попросилась у секретаря парткома Артура Адольфовича Карро печатать в их кабинете по ночам. Правда, уже через четыре года, когда произошло объединение районной прокуратуры в городскую, она снова вернулась на родной завод.

– Ездить надо было в город, зарплата маленькая, да и коллектив у нас на заводе был замечательный, – пояснила Нина Николаевна. – Взяли меня в бухгалтерию. Получать дополнительное образование для этого мне не пришлось, я была самоучкой. В этом же, 1956-м, на новогоднем бале-маскараде в Доме культуры познакомилась со своим будущим мужем Николаем Григорьевичем. Он пригласил меня на танец, потом пошёл провожать до дому. Выяснилось, что жили мы в одном селе. Правда, его дом стоял рядом с сельсоветом, а наш на окраине. Коля был старше меня на шесть лет, поэтому раньше мы друг друга и не знали, – с этими словами Нина Николаевна протянула мне военный билет супруга и трепетно разложила его награды: орден Отечественной войны, медаль «За победу над Японией», юбилейные медали.

Рядом с наградами мужа – её собственные: удостоверение «Труженик тыла», юбилейные медали, медаль «Ветеран труда» и значок победителя социалистического соревнования.

В армию Николая Зайцева призвали в январе 1944-го. Служил в стрелковой войсковой части 18076 стрелком-пулемётчиком.

– В составе этой воинской части мой муж воевал с Японией. Из армии пришёл спустя шесть лет после окончания войны. Восемнадцатого мая исполнится 16 лет, как Николая нет на этой земле...

Вспоминая о том, как они прожили вместе 41 год в мире и согласии, моя собеседница улыбнулась:

– Тогда ведь как было? Один и на всю жизнь. Вместе воспитали и выучили двух дочерей. Одна живёт в Санкт-Петербурге, другая в Тольятти.

Сорок шесть лет трудился её Николай Григорьевич шофёром в Судженской автобазе. Когда заработал первый отпуск, поехал к брату в Донбасс и привёз оттуда статуэтку «Солдат Василий Тёркин на войне». По сей день она стоит в спальне на комодe.

– В 1979 году мне пришлось на время уволиться, пока дочь училась в институте, я сидела с маленькой внучкой. В 1982 году устроилась в ЖЭК № 1 бухгалтером. Оттуда и ушла на заслуженный отдых, – рассказывает Нина Николаевна. – Находясь на пенсии, я прочитала много военной литературы и поняла, что даже до сегодняшнего дня точно неизвестно, сколько жизней нам стоила эта Победа: сколько героев погибло на фронте, сколько умерло от ран в госпиталях, сколько солдат вернулось домой искалеченными... Очевидно только одно, что эти потери – гигантские. Я, пользуясь случаем, желаю всем участникам войны и труженикам тыла здоровья и долголетия. А ещё, – продолжила Нина Николаевна, – хочется, чтобы молодёжь любила родной край. Что ни говори, а он у нас замечательный. Проходя по городу, я радуюсь, видя, как он молодеет душой, прирастает новостройками. И очень надеюсь, что подрастающее поколение будет чтить память всех, кто воевал за Родину, кто погиб, её защищая.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

В стихотворении «Мать» С. Острового есть такие строки: «Репрессирован муж, ты с тех пор ни жена, ни вдова, а потом сыновья от тебя на войну уходили...» Так случилось и здесь.

В 1938 году, когда младшей Наде – из десяти детей в семье Рыхлинских – было три годика, как-то поздно вечером в окно их дома громко постучали. И грубый мужской голос по ту сторону скомандовал: «Открывай!» Отцу, работнику сырзавода, велели одеться, с собой ничего не брать и увели. Как выяснилось позже, отправили в Кировскую тюрьму, где в сорок втором он умер от цинги.

Вся семья держалась вместе. Так легче было пережить навалившееся горе. А потом...

Июнь 1941 года стоял жаркий и безветренный. Мать и старшие дети уходили на работу, а дома оставались Надя да её брат и сестра, которые были чуть постарше. Однажды играя во дворе, ребяташки увидели, что их мать не идёт, а бежит по дороге, на ходу поправляя платок. Добежав до калитки, она остановилась.

– Ах, детки мои, детки, – сказала мама незнакомым им голосом, прижимая ребятишек к себе, – война началась.

Пятерых Надиных братьев сразу забрали на фронт. Мать не плакала, не причитала – выплакала все слёзы за четыре года, что жила без мужа. Она собрала котомки и, крестя каждого из сыновей, говорила: «Береги тебя, Господи!».

Вот уже и 71 год прошёл с того дня, как отголосила война бабьими причитаниями, как залечила раны израненная земля, а она, Надежда Ивановна Рыхлинская, не может без слёз смотреть фильмы о войне, передачу «Жди меня». Бережно хранит почётные грамоты за труд в годы советских пятилеток, орден «Знак Почета» и награды, среди которых есть одна, особенно дорогая сердцу – медаль «Непокорённые». Много, очень многое пришлось ей пережить.

В зелени садов утопало их село. А по улице, поднимая клубы дыма и треща, неслись немецкие мотоциклы. Выгоняя женщин и детей на улицу, фашисты располагались в крестьянских домах. В отстроенном недавно здании сельсовета они устроили свой штаб. Из местных выбрали свою власть, назначив бургомистром Романова. Это про него мать ещё до войны говорила детям: «Увидите его – бегите подальше». А теперь куда убежишь – он у немцев на службе. Про каждого селянина всё знает: кто ушёл на фронт, кто в партизаны, у кого корова, у кого нетель.

Двое Надиных братьев стали партизанами. С матерью осталось только трое детей. В доме Рыхлинских тоже поселились два немца: один постарше, жирный, который кричал на хозяйку, а другой молодой. Он каждый вечер выносил во двор табурет, садился, закидывая ногу на ногу, и, показывая что-то матери жестами, повторял: «Киндер, киндер». Мать шла в хлев, крепко ругаясь про себя. Брала Надю за руку и выводила во двор. Немец, приложив к губам гармошку, играл какую-то мелодию, а девочка танцевала. «Гут, гут!» – говорил он, улыбаясь во весь рот, и протягивал Наде ароматную конфету.

Мать очень боялась за детей. Двенадцатилетнюю дочь измазала золой, «нарядила» в несколько юбок и привязала ей горб, чтобы скрыть от немцев яркую красоту девочки, а десятилетнего сына натёрла коровяком. Толстый немец при виде мальчика кричал: «Руссиш швайн!» – закрывал нос и уходил прочь. Впрочем, сберечь сыну жизнь во время немецкой оккупации женщине не удалось: он умер от воспаления лёгких,

которое подхватил, когда ловил на реке рыбу, – больше есть тогда было нечего.

Чтобы отвести беду от детей, мать Нади и ещё несколько женщин в конце села, за огородами, на пригорке, где вплотную лес подходил к полям и протекал ручей, вырыли среди берёз и лип землянку и спрятали там ребятишек. Немцы боялись леса. Он своими шумами наводил на них страх. Поэтому сюда же, в построенный из берёзовых веток шалаш, перевели корову, и, чтобы она не мычала, дети кормили её листьями.

Но про всё это пронюхал бургомистр Романов и донёс немцам. Женщин поместили в сарай и сказали, что если к утру не приведут детей, то их всех расстреляют. А выступившего в защиту односельчанок старика Изотова бургомистр на глазах у женщин стегал по спине шомполом так, что на месте ударов лопалась кожа.

Партизаны, узнав, что произошло, потребовали, чтобы оставшиеся на свободе женщины вывели детей из землянки: наши знали, что немцы готовят отправку мирного населения в Германию, и были уверены, что смогут освободить односельчан.

Женщины пошли за детьми, следом – бургомистр. Он завалил шалаш и вывел корову. Держась один за другого, дети покидали убежище. А матери ждали их у стен сарая под дулами автоматов.

На ночь всех поместили в сарай, а утром согнали сюда остальное население. Перед сараем висела петля. Матерей в одном нательном белье вывели наружу, построили в шеренгу. За ними вывели детей. Немец в зелёном мундире что-то приказал, и другой фашист толкнул на землю с подводы, стоящей у угла сарая, худенького парнишку. Одежда на нём была грязная и разорванная. Немец на ломаном русском языке приказал ему встать.

– Это партизан! – кричал во всё горло фашист и, толкая, вёл несчастного мимо женщин и детей.

Указывая на каждого из селян пальцем, лютый немец требовал от паренька ответа:

– Этот или этот давал продукты партизанам?
– Нет! Нет! – повторял мальчишка.

Тогда немец накиннул пареньку на шею приготовленную петлю, запрыгнул на лошадь, сильно стегнул её кнутом и помчался по дороге, волоча за собой беспомощное тело. Раздался одиночный женский крик. Толпа селян сомкнулась плотнее. Наступила тишина.

Проклятые жёлтые гимнастерки и зелёные мундиры!.. Они сначала кричали, потом стали сортировать людей, как скот: молодых – в Германию, стариков, маленьких детей и их матерей – в концлагерь для военнопленных в Смоленской же области. Сюда попали и Рыхлинские: Надя, её мама и старшая сестрёнка, которую фашисты не угнали в Германию только потому, что из-за грязного лица, нелепой одежды и горба приняли за маленькую старушку.

Колючая проволока под током, злые немцы и собаки – воспоминания детства, которые Надежда Ивановна сохранила навсегда. На территории лагеря нельзя было разговаривать.

...Советские войска шли в наступление. Фашисты, удирая, жгли дотла деревни, гнали с собой людей и скот, забирали с крестьянских дворов всё, что могли. Была сожжена и деревня Степановка. От неё осталось только название. Освобождённые в сентябре 1943 года из плена Рыхлинские нашли на месте родного дома лишь пепелище. Будто огненный смерч прошёл по селу. Там уже не пели соловьи, всё заволочло дымом... Только в болоте, что в километре от их деревни, верещали одинокие лягушки, жалобно и тревожно бормотали дикие утки.

Когда кончилась война, в жизни Надежды Ивановны Рыхлинской началась новая глава. После Победы костяк семьи во главе с любимой мамой обосновался в городе Калач-Воронежский, начав строительство дома. Туда возвращались с войны и остальные Рыхлинские – кто в 48 году, кто в 49-м, а кто и в 50-м. Там Наденька пошла в школу, где вместо парт стояли длинные столы из нестроганных досок. Писали школьники на газетах, на обложках книг. Чернила готовили сами из сока черемухи, а ручки мастерили из деревянных палочек, к одному концу которых прикрепляли перо, фиксируя его нитками.

Со временем судьба разбросала семью по большим и малым городам. В 1951 году Надежда Ивановна поступила в медицинское училище, а по окончании его приехала по распределению работать заведующей медпунктом в Псковскую область, в село Родовое Брицковского сельсовета Каченовского района. Обслуживала сразу несколько хуторов. На территории бывшей Латвии жили эстонцы, латыши и русские.

В 1958 году после срочной службы на несколько дней в Псковскую область заехал к сестре – подруге Надежды Ивановны – храбрый солдат. Так девушка встретила своего будущего му-

жа, с которым вскоре переехала в Сибирь, которой она так боялась. Почему? «Да ведь сюда ссылали декабристов», – отвечала она, когда её спрашивали. Приехав в Анжеро-Судженск, молодая чета первое время жила у родителей мужа на улице XXII Партсъезда. Работала Надежда Ивановна в Судженской поликлинике, потом – заведующей здравпунктом на стекольном заводе, а в марте 1992 года ушла на заслуженный отдых.

Много лет на месте сожжённых фашистами деревень и сёл не росли даже сорняки, не были запаханы траншеи. Это были следы войны, следы убитых грёз.

В 2008 году Надежда Ивановна Рыхлинская решила во что бы то ни стало побывать на своей малой Родине и показать её взрослому сыну.

Она приехала туда, где прошло её детство. Там, на месте Степановки, – огромная поляна, покрытая цветами. За десять километров от неё – атомная станция. Здесь город Десногорск.

Где стояли знакомые избы, хозяев которых Надежда Ивановна помнит по фамилиям, выросли большие деревья. На месте школы – зверобой и одинокая липа... А вот здесь стоял дом Рыхлинских. Тут старший брат Надежды, вернувшись с войны, посадил сирень. Прогулялась женщина по большаку, по которому во время войны шли обозы, повидалась с сосновым бором, куда ещё ребёнком ходила за черникой. Из года в год иглы хвойных деревьев, падая на землю, прикрывают земляные бугорки – могилы неизвестных солдат, стараясь сравнять их с землёй. Сегодня здесь работают поисковые группы.

Спустились женщина и её сын к речушке, которая не замерзала зимой, раньше здесь стоял солдатский блиндаж с печкой и лежанкой. После освобождения из плена Надя жила здесь с матерью и сестрой, пока один из братьев не нашёл и не увёз семью в Калач-Воронежский.

Встретилась Надежда Ивановна и с подругами детства. Посетила она и братскую могилу... В этот день моросил дождь, и казалось, что его капли – это материнские слёзы той далёкой войны.

Много лет прошло с той войны. Выросли внуки. А Надежда Ивановна Рыхлинская нет-нет да и зайдёт в магазин «Детский мир». С волнением наблюдает, как какой-нибудь молодой папаша покупает погремушки или бабушка – подарок внуку. «Как хорошо, – думает Надежда Ивановна, – что у матерей и отцов сегодня есть возможность дарить детям красивые игрушки». А вот её детство опалил огонь войны.

Анжеро-Судженск

Ольга КРЫЛИК,

главный хранитель
городского музея им. В. К. Плотникова

В БЛОКАДНЫЕ ДНИ

НА ОКОПАХ

22 июня 1941 год. Ленинград. Пляж у Петропавловской крепости (напротив Зимнего дворца). На днях у Клавы Кулешовой (в замужестве Захаровой) был выпускной бал в школе, а теперь она со своими, теперь уже бывшими одноклассниками, отдыхает на берегу Невы. На этом пляже закончилось для Клавы безмятежное время – по радиопродуктору, установленному возле реки, объявили, что началась война.

Июль и август 1941 года Клава работала на окопах в черте города. В это же время она поступила в электромеханический институт на факультет проводной связи. Но учиться не пришлось. Сентябрь и октябрь студенты института копали противотанковые рвы в районе пригорода Средняя Рогатка. В это время Клава часто видела фашистские самолёты, летевшие бомбить Ленинград. Бывало, что бомбы сбрасывали и на ближайшие деревни.

Готовые противотанковые рвы принимали со всей строгостью – измеряли глубину, угол уклона. Если что-то не сходилось, заставляли переделывать. Жили студенты в довольно холодных сараях возле своей работы.

Однажды группа студентов, среди которых была и Клава, промокнув под холодным осенним дождём, решила попроситься на ночлег в ближайшую деревню, чтобы обсушиться и согреться. Подошли к дому, из которого вышла бабуля, попросились на ночлег. «Окопщики? Окопщиков не пуцу. С солдат хоть тушёнку можно взять, а с вас что? Ещё и картошку у меня начнёте просить». А ребята действительно мечтали о картошке. Пошли дальше. Зашли в дом, в котором уже никто не жил – хозяева эвакуировались. У соседей попросили картошки. Истопили печь, высушили одежду, согрелись, поели. Остались в тёплом доме ночевать. Однако спать спокойно не пришлось, ночью была

бомбёжка, взрывы были совсем рядом. Выходить из тёплого дома под холодный дождь не хотелось, решили – будь что будет. Утром, уходя из деревни, увидели, что дом, в который вчера вечером просились ночевать, разбит бомбой. Под бревном лежала мёртвая старушка. Один из парней встал перед ней на колени и сказал: «Спасибо тебе, бабуля, что ты непустила нас переночевать, а то бы и мы сейчас здесь лежали». После этого случая студенты уже не ходили искать тёплый ночлег.

К ноябрю вернулись домой. Из-за частых бомбёжек города учебный год в институте отменили, студентам посоветовали найти работу рядом с домом. Клава устроилась на завод, который выпускал крупнокалиберные снаряды.

ВИЛЛИ

Когда Клава была ещё ребёнком, у неё был друг-защитник Вилли, по национальности немец. Он жил со своими родителями и сестрой в одном подъезде с Клавой. Это был высокий парень. Если Клаву во дворе обижали мальчишки, то она кричала: «Вилли!» Он выходил из подъезда, и мальчишки разбегались. А ещё он учил её ездить на велосипеде.

В начале первой блокадной зимы с чердака дома, в котором они жили, кто-то сигнализировал ракетами во время бомбёжек. Подозрение пало на Вилли. Приехал «воронок», и его арестовали. Когда повели к машине, Клава заплакала и закричала: «Вилли!». Он обернулся и крикнул: «Не верь тому, что обо мне говорят, я не делал ничего плохого!» Его подтолкнули к машине. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно.

СТАКАН СУПА

Всю зиму в квартирах Ленинграда не было электричества, не работали водопровод, канализация, отопление. Город подвергался бомбёжкам. Но тяжелее всего был голод. С 20 ноября 1941 года и до апреля 1942-го по продуктовым карточкам можно было отоварить только хлеб – 250 граммов на рабочего, 125 граммов – на иждивенца, в день.

Клава работала на заводе в смену по 12 часов. Всё время хотелось есть. Мать советовала Клаве не есть сразу весь хлеб, а половину брать с собой на работу. Клава отрезала половину кусочка и убирала в буфет. Но что бы она ни делала, её мысли всё время возвращались к этому кусочку. Она отрезала от него немного, перекла-

дывала в другое место, но опять возвращалась и съедала остаток. Ни разу не получилось у неё взять на работу хотя бы чуть-чуть.

В начале зимы беременная сестра Клавы Анна лежала в больнице. Мать дала Клаве трёхметровый отрезок крепдешина и отправила на рынок – обменять ткань на хлеб для сестры. Так удалось раздобыть 125 граммов хлеба (иждивенческую пайку). В больнице Клава передала хлеб сестре. Там же на ступеньках лестницы она увидела мёртвого мужчину, лежавшего на спине. Возле него сидел мальчик, лет десяти, и проверял карманы. Клава выяснила у мальчика, что умерший мужчина ему незнаком и что он ищет у него хлебные карточки. Карточки он не нашёл. Клава сказала: «Иди домой. Тебя, наверно, мама ждёт». Мальчик ответил, что мама умерла, но находится в одной комнате с ним, отец погиб на фронте, сестра вышла из дома и не вернулась, наверно, умерла на улице (весной 1942 года на улицах Ленинграда собрали около 13 тысяч трупов, оттаявших из-под снега). Клава помогла мальчику устроиться в детскую комнату, в которую собирали одиноких детей. Он спросил: «Можно, я скажу ребятам, что ты моя сестра?» – «Говори, что хочешь, но ходить к тебе у меня нет сил». За много лет имя его уже забылось.

2 января этот мальчик пришёл к Клаве домой. В этот раз он был чистый, взгляд его – просветлённый. Он стал рассказывать: «Вчера у нас был праздник – Новый год. И нам всем подарили по тарелке макаронного супа. Я и тебе немного принёс». Тут он достал из-за пазухи завернутый в маечку гранёный стакан, в котором было немножко супа. «Я хотел больше принести, да ночью вставал проверял, цел ли суп, и понемножку ел», – объяснил малыш. Клава принесла чайные ложечки. Мальчик не заметил, как сам съел суп. Вскоре его эвакуировали.

НАС ОСТАЛОСЬ ДВОЕ

В январе 1942 года завод, на котором работала Клава, остановился из-за отсутствия электричества. Клава стала работать на разных работах, куда направят: носить воду в стационар, топить печь в котельной, выносить трупы из квартир.

За зиму в семье Клавы умерли от голода четверо: бабушка, отец, племянница-младенец, родившаяся в это тяжёлое время, сестра. Погиб, защищая Ленинград, муж сестры. В апреле 1942 года Клава с матерью эвакуировались из окружённого города по Дороге жизни. Ехали в кузове грузовой машины. Поверх льда уже была вода, машины ездили в последние рейсы.

Побывать в Ленинграде Клавдии Алексеевне пришлось только через 30 лет, по туристической путёвке. Без труда ориентируясь в городе, она быстро нашла двор и дом, где прошло её детство. Во дворе дома всё ещё стоял тополь, на котором знакомый мальчишка когда-то написал ножом имя и фамилию Клавы. Эту надпись на коре дерева она прочитала через 30 лет.

В том месте, где Клава копала противотанковые рвы, сейчас парк Победы и мемориальный комплекс.

После войны Клавдия Алексеевна Захарова жила в Киргизии, работала бухгалтером. После распада СССР переехала в Берёзовский. Она награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «300 лет Санкт-Петербургу», «За веру и добро» и другими. Пятнадцать лет Клавдия Алексеевна сотрудничала с нашим музеем (мужественная блокадница умерла в прошлом году в возрасте 90 лет). На встречи с ней приходили учащиеся школ, и эти встречи остались в их памяти как пример героизма ленинградцев.

Берёзовский

Владимир МАУРИН

ВТОРОЙ ФРОНТ ШУРЫ АНАНЬИНОЙ

Очерк

«То, что только ударным трудом можно помочь фронту быстрее сокрушить врага, понимали все – от мала до велика. На шахтах и заводах развернулось движение «Работать за двоих, троих, ушедших на фронт!».

«Кто норму свою выполняет вдвойне, тот доблестный воин в священной войне» – под таким девизом трудились оставшиеся в тылу. Каждый старался внести свою лепту в общее дело победы».

«Сложное положение на фронте вынуждало страну призывать в армию высококвалифицированных специалистов. Так, к концу 1941 года в тресте «Анжероуголь» кадровые рабочие составляли 86 процентов по сравнению с довоенным временем, к концу 1942-го – 54, в 1944-м – 28, в 1945 году – около 23 процентов. С уходом кадровых рабочих на фронт дела в тылу складывались сложно, особенно на шахтах. Под проблемы военного времени женщины-сибирячки подставили своё плечо, заменив ушедших на фронт мужей, отцов, сыновей, братьев. С первых дней войны они стали осваивать горняцкие профессии – забойщика, навалоотбойщика и другие, считавшиеся «мужскими». В марте сорок второго на шахтах Анжеро-судженска работали уже 1 532 женщины».

Всекузбасская книга памяти, том 5

Одна из них – Александра Григорьевна Ананьина.

Восемнадцатилетняя Шура училась на курсах счетоводов. Деньги за учебу нужны были по тем временам немалые – триста рублей. Где взять? Семья многодетная – семеро, хоть уже и не «по лавкам». Жили бедно. Отец уже старый

да и на шахте порядком изувеченный. Наделись только на себя. Каждый выбирал и пробирав себе дорогу самостоятельно. Николай учился в Москве. Павел – в Томском университете. Иван служил в морфлоте на Тихом океане...

Шура, чтобы не быть обузой и самой зарабатывать деньги на учёбу, пришла в бытовой комбинат шахты 9/15 чернорабочей. Было это 1 марта 1941 года. Днём она могла учиться, а ночью делала всё на свете: выдавала и принимала спецовку, приводила в порядок мойку...

Окончила курсы и получила желанное удостоверение. А работать счетоводом не пришлось. Мужиков, работавших на поверхности, почти всех забрали на фронт. Четыре брата тоже уже воевали. Даже Павла (в университете он заболел туберкулёзом) мама привезла домой, немножко подлечила и устроила в ОТК на шахту. Потом признали годным и послали учиться на лейтенанта. Там простыл. Вернули домой, где вскоре и умер. Младший братишка тоже получил скоротечную чахотку. Малолеток уже спускали в шахту. Когда порожняка нет, установки стояли, не качали, они и ложились покемарить в укромном местечке. Вот и простыл парень...

И на фронте один брат погиб. Другой, как сообщали, пропал без вести. Семья поредела. Горе приходило во многие дома.

Как-то Шуру вызвали к главному инженеру Константину Пименовичу Воронину.

– Знаю, девушка ты грамотная, старательная, крепкая. Не пойдёшь ли десятником на погрузку? Или на лесной склад? Ума не приложу, кого поставить...

Шура сразу согласия не дала, ответила, что подумает, посоветуется с родителями.

Опытные дядечки подсказали: только не на погрузку! Порожняка, мол, дают мало, угля – горы, а как поставят вагоны – нельзя мешкать ни минуты. Иначе загремишь в место не столь отдалённое – Мариинск...

Так оказалась на лесном складе. Начальник Влас Иванович Шевелев понравился. Но рабочая сила – одни женщины. Работа тяжёлая – разделять долготёе ручными пилами на стойки. А на круглой пиле получать однорезку, или, по-другому, горбыль. И надо так выкроить, чтобы не было отходов, больших обрезков. Если сильно толстый лес, посерединке ещё плаху прогнать. Ладно хоть старичок – пилоточ – добросовестно справлялся со своими обязанностями.

Вроде бы хорошо – на свежем воздухе. А зимой морозы-то жуткие! Шура думала, что на всю жизнь останется с чёрными щеками и никто её замуж не возьмёт. Если не морозы, то буран – свету белого не видно. По колени, по пояс в снегу расчищали узкоколейку. Подгонят электропоезд с участка транспорта – надо помогать грузить. Сидеть в избушке некогда. Разве что к телефону когда крикнут. Звонит главный инженер: «Твою мать! Давай скорей стойки на два тридцать!» Или орёт десятник участка транспорта: «Давай затяжку, горбыль!» Мат стоит – уши вянут! Поначалу девятнадцатилетняя Шура скромненькая была, спокойненькая, мордастенная. Потом тоже насобачилась. Иначе не понимает никто. Тем более киргизы, привезённые прямо в халатах. Рабочая сила – одно горе. Уйдут в комбинат, где сушилка, лягут, там тепло! Главный инженер, сочувствуя Шуриным мытарствам, советовал: «А ты их ... затяжкой! Выгоняй на ...». Однажды, разгружая долготё, один зацепился за бревно халатом. Не заметив, так вместе с бревном и скинули с вагона. Все сбегались: неужто убился? У Шуры лошадка была для подвозки материалов. Быстренько в больницу. Живой остался.

Однажды не убереглась сама. Установили новую «майку» – круглую пилу. Включатель – на столбе. Когда пила останавливается, она почему-то под конец ещё больше оборотов делает. Шура в тапочках на опилках возьми и поскользнься. Руками взмахнула – и один палец, мизинец, отрезало напрочь. И безымянный немножко задело. Её сразу же в горбольницу. Вместе с завёрнутым в тряпочку пальцем. Хирург предложил: зашью рану, и, дескать, всё. Пальцы пришивать, мол, не приходилось. А Шура как закричит: «Н-е-е-т! Меня тогда замуж никто не возьмёт!» Ладно, говорит, попробую, что получится. Пришил. Правда, видимо, не совсем удачно. Стоял стоячком и не сгибался. Сильно мешал, например, при стирке. Привыкла, приспособилась. И ещё ноготочек медленно рос.

Трудовой фронт – он и есть трудовой фронт. Как и на боевом, и раненые, и погибшие бывали. Особенно, если не обращать никакого внимания на технику безопасности. Правда, никто никогда и ни о чём не инструктировал.

Почти два года проработала Шура десятником на лесном складе. Бывали у неё и ребята-комсомольцы, вывезенные из шахты по травме на «лёгкий труд», то есть без мытья. Тогда же

бюллетень не давали. На комсомольском собрании эти ребята и предложили: «Слушай, Шур, такая здоровая девка... Давай к нам в комсомольско-молодёжную бригаду!». Илья Прибытько её возглавлял.

«Не отпустят, наверное...» – засомневалась, хотя в душе была не против. Что соблазняло? Хлеба получала бы кило двести, а не восемьсот граммов, как сейчас. И заработать можно было в два с лишним раза больше, чем на поверхности, где один оклад. Да и людей в шахте очень не хватало: на фронт призывали уже даже тех, кто находился на брони.

С Власом Ивановичем завела разговор – и слушать не хочет: ценный кадр, жалко. Пошла к секретарю парткома Иноземцеву. Встретил тот приветливо – вежливый, культурный дядечка.

– Знаете, зачем я к вам пришла? Работаю десятником на лесном складе. Но хочу пойти в шахту. У меня братья на фронте...

Нашла понимание. Перевели в шахту. Да не куда-нибудь на моторы, где «сидели» одни женщины, не на качающие конвейера (скребковых ещё не было), где тоже в общем-то нелегко. Уголь шёл горой, сваливался, надо было вовремя подчищать. Прокараулишь – заштыбует всю установку. А это, считай, авария, простой. Были женщины и на других вспомогательных работах. Не только местные, но и эвакуированные – курские. Одна татарочка, Зиной звали, некоторое время работала даже навалотбойщицей. Чем она хуже?

Вставала раненько, чтобы светильник аккумуляторный достался: их на всех – работали тысячи! – не хватало. С лампой Вольфа, по сути дела керосиновой, которую в шахте, опасной по пыли и газу, и применять-то нельзя, не то что много не наработаешь, а и далеко не уйдёшь.

У них на участке использовался буровзрывной способ. Отстреляется запальщик – и начинается работа до самого жаркого пота, до полного изнеможения в конце смены, которая – не поверите! – двенадцать часов! И так – изо дня в день. Без выходных! Без отпусков! Без праздников! Трудно представить, откуда силы брались у шахтёров. Это уж потом запретили двенадцать часов работать. Но сделали график «внахлёстку». Это когда одна бригада ещё работает, а другая уже приходит, и некоторое время они вместе.

Отец сделал Шуре аккуратненький череночек с удобной наколюшечкой на конце. Конечно,

первое время было особенно тяжело. Руки аж горели. И потом ещё остались рубцы на месте мозолей. Потом втянулась. Тонн двадцать надо было перекидать! Делала больше. Когда 20-й участок объединили с 7-м, оказалась в бригаде Григория Фёдоровича Яковлева, которого за роскошные усы звали Чапаем. Когда его награждали, мужики то ли в шутку, то ли всерьёз сказали: «Слышь, Саш, орденок-то надо было тебе...» Начальник участка Александр Иванович Лукошкин награждался орденом Ленина дважды. Начальник есть начальник. Они больше на виду и на слуху. Им и слава. А угля давали море. Ужас сколько. Добыча доходила до десяти тысяч тонн в сутки! Недаром за высокие показатели в октябре 1943 года шахте было вручено Красное знамя ВЦСПС и Наркомата угля с денежной премией. За самоотверженный труд в годы войны она получила на вечное хранение Знамя Государственного Комитета Обороны.

Шура была бесхитростная, сильная. Цепь порвётся – бежит вместе со всеми: пыжится, приподнимая рештак, полный угля. Не будешь же стоять и смотреть, как другие корячатся. Предупреждали: это даром не пройдёт. Попомнишь, мол, без ног останешься. И точно. От тяжёлой физической работы развился страшный варикоз. Даже операцию делали. И потом, может, оттого и детей не рожала. Бог не дал. Тоже, наверное, сказало. Кто знает.

Случались и аварийные ситуации покруче. Когда загорелся трансформатор, им бы бежать спасаться дыму навстречу, на свежую струю прорываться, а они поёрли на основной штрек. Дым-то за ними. Догоняет. Опережает даже. Тянет хорошо – вентиляция нормальная. Слава богу, выскочили. Ну, ладно – Шура молодая, неопытная. Мужики – не чета: видали всякого. Но не клевал ещё, знать, жареный петух как следует, хотя и привыкли уголь давать любой ценой. Обходилось без жертв, во всяком случае – без массовых. Пласты мощные: Петровский, Андреевский, Десятый... Не сгибались шахтёры, всегда работали в полный рост. А Десятый вообще под уголь крепили, полностью не выбирали. Закрепить – тоже немалая сила нужна. Порой стойка – настоящее толстое бревно больше двух метров длины. И горбыль тяжёлый. Шура за один конец берётся, напарник – за другой, и поднимают на вытянутые руки. Третий меж ними посередине стойку прилаживает, а потом уже и на концах. И дальше, дальше, дальше...

И вот на такой работе была с 28 августа 1943 года до января 1946-го. Приходила домой и валилась замертво. Мама подойдёт: «Дочка, сядь, побудь немножко со мной живой...» Сильно жалела её, ведь та только и знала: дом и шахта, дом и шахта... Даже на концерт артистов, среди которых находилась сама Клавдия Шульженко, не удалось сходить. Пела та для раненых в эвакогоспиталях, исполняла весь свой песенный репертуар. Бойцам трудового фронта не до развлечений. Факт остаётся фактом: пока наши союзники медлили с открытием второго фронта в Европе, советские женщины с первых дней войны открыли его у себя дома своим героическим трудом на полях и фермах, на шахтах, заводах и фабриках, работая сёстрами милосердия в эвакогоспиталях... Но и на фронте их было немало. Они верили: наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Только вот не совсем согласна Александра Григорьевна с тем, что пишется во вступительной статье пятого тома «Всеузбасской книги памяти»: «...на шахте 9/15 успешно трудились женские комсомольско-молодёжные бригады». Да, создавали такую бригаду, но она сразу же распалась. Кто крепить будет? Одним женщинам, будь они трижды мужичками, невозможно. Опять пошли мотористками. Или вот пишется об Аизе Азаровой. Чем прославилась? За что вошла в историю? У неё же семеро детей было! Из декретов не выходила! Потом начальником бытового комбината работала. А это – большая разница! И вот кому-то понадобилось вывести её на авансцену!

– Кто ещё, кроме меня, во время войны на вальщицей угля работал, не знаю, – рассказывала Александра Григорьевна. – Была Жиганова Аграфена Гавриловна, хорошая женщина такая. Постарше меня. Член партии. На собраниях всегда слово брала, недостатки критиковала. Но она всю жизнь проработала мотористкой, грузчицей.

Ещё из воспоминаний. Встреча бригад по выезду из шахты – прямо в грязном – с духовым оркестром. Наиболее отличившихся, конечно. Бывало и приз учреждали – жареного поросёнка. Но Александра Григорьевна в таких застольях не участвовала.

Или вот о том, как приходилось мыться. Мыла-то не было. Давали какую-то глину в жидком виде. Разве ею отмоешься? А в мойке с чётёрьюмя краниками вода течёт нередко только из

одного. Мужики перебежали из своей мойки. Встанут и стоят. Не выскажешь!

Особый разговор насчёт обуви. Чуни. Рваные, запальным проводом перевязанные. Без портянок. По основному штреку канавы, как правило, редко чистились. Вот и начерпаешь воды. Так смену и работали. Привыкали. Как будто так и надо.

А воровали как! Всё на свете. Один раз Шура вышла из мойки, а одежды нет. Украли всё. Упросила знакомую сбегать домой. Мама собрала, что нужно, принесла. Спецовку как выдали – так на все четыре года. Латана-перелатана...

Так что не стоит особенно из шахтёров делать героев. Они тоже люди, со своими недостатками.

Как-то опять палец раздробило упавшим куском породы. Орала от боли, пока хирург складывал косточки. Уродцем стал палец. И ещё на руке кусок угля надолго оставил чёрную метку.

– Вот так и работали, – итожила воспоминания Александра Григорьевна. – Война есть война. Работать надо кому-то было.

А потом и за столом довелось посидеть, 21 год нормировщиком. Хотя какой там стол!

Начальник шахты Иван Андреевич Сухачёв до чего же был жестокий! Плана нет – аккумуляторы не принимать, пусть едут в шахту! Какое-то время в ламповой сидели на полу. Чего в шахте делать писарям, как он их называл? А какие они писари, когда полмесяца в шахте пропадали? Даже свой участок имели. Уголь гребут, крепят, все на свете! И это после войны! Угля-то по-прежнему надо было много. Шахта и тогда давала пять тысяч тонн в сутки. А то и больше. Всё время – повышенная добыча, повышенная... А то и в колхоз отправят на уборочную. Вроде бы городские, а знали, как хлеб достаётся.

Ну и в конце концов заработала Александра Григорьевна, кроме болезней и увечий, медаль «За трудовое отличие». Получив её в Доме техники вместе с заместителем главного инженера Красицким, по пути домой обмыли награды в ближней забегаловке. Положено!

Всё это осталось в сердце, в самом укромном его уголке. Можно ли забыть героев трудового фронта нашим и последующим поколениям?

Кемерово

Татьяна КРАВЧЕНКО

СЫНЫ ГОРНОЙ ШОРИИ – СЫНЫ РОССИИ

(по материалам Книги Памяти
шорского народа)

К сожалению, последнее время мы всё чаще сталкиваемся с фальсификацией истории Великой Отечественной войны. Историю переписывают, меняют, преступно искажают факты. Что такое история? Это прошлое, сохранившееся в памяти (*одно из определений толкового словаря*). Забыли – значит, не было... Ну или было, но кто его знает как, может, так, а может, эдак...

Один из рецептов не забыть – перечитывать письма прадедов, листать хроники тех лет, читать книги-воспоминания, посвящённые подвигу земляков, говорить с нашими бабушками и дедушками, которые, хоть и были тогда детьми, а самое важное помнят. Святая правда о Великой войне надёжно хранится в историях простых воинов, которые, не имея за душой ничего, кроме веры в Отечество, ценой своей жизни защищали наше с вами право на мирную жизнь.

В 2014–2015 годах я была участником команды, работавшей над Книгой Памяти шорского народа. Мои задачи были привычными: подготовить электронный макет для печати, обработать фотографии, оформить обложку, форзацы и т. п. В 2015 году книга вышла в свет тиражом тысяча экземпляров и почти тут же растворилась-распространилась по шорским семьям. Часть тиража попала в библиотеки города Таштагола и Таштагольского района, в других городах области найти книгу крайне трудно.

Книга Памяти шорского народа издана по инициативе внуков и правнуков шорских героев. Деньги, необходимые для издания, собирали кто сколько сможет. Основную организационную и редакторскую работу взяли на себя писатель Татьяна Васильевна Тудегешева и паштык общественной организации шорского народа Таштагольского района Мария Ахрановна Идигешева.

В издании в алфавитном порядке перечислены имена шорцев-воинов, погибших и пропавших без вести, сведения о которых удалось найти в результате поисковой работы.

О поисковой работе стоит сказать особо. Автор-составитель книги – Николай Геннадьевич Кискоров. Бесценный материал он стал собирать после поездки с бабушкой Варварой Николаевной Кисковой в Центральную Россию. В 1989 году они посетили братскую могилу, в которой был захоронен дедушка Михаил Иванович Кискоров, погибший в Смоленской области. После поездки Николай Геннадьевич решил выяснить судьбу четверых участников войны, которые ушли на фронт из родного аймака Парушка и пропали без вести. Так началась его работа по поиску земляков-шорцев, участников войны, постепенно она переросла в масштабное дело. Он работал в военкоматах и архивах городов, собирал по крупицам информацию из газет, книг, встречался с родственниками пропавших и погибших. Николай Геннадьевич выявил 71 награду (ордена и медали), так и не врученную шорским воинам. В 2007 году поисковая работа прекратилась в связи с трагической гибелью Кисгорова. То, что удалось собрать за 18 лет, и было издано в 2015-м в Книге Памяти.

Во второй части книги собраны воспоминания о шорцах – участниках Великой Отечественной войны, статьи из газет, письма фронтовиков. Вот лишь несколько историй.

О ПЕРВОМ ДНЕ ВОЙНЫ

Из воспоминаний учительницы Зинаиды Афанасьевны Куспековой:

«21 июня день был тёплый, солнечный. День прошёл в хлопотах, готовилась поехать в дом отдыха «Ашмарино» – школа дала путёвку. Вечером ходила на танцы. Утром 22 июня проснулась от того, что плакала мама, отца дома не было. Его вызвали в райком КПСС, а по радио передали, что началась война».

Из воспоминаний ветерана Николая Семёновича Кызынгашева:

«22 июня в посёлке Спасск секретарь парткома Алтайского прииска Евгений Павлович Кропотов на стадионе собрал на митинг жителей и зачитал обращение главы Правительства СССР В. М. Молотова. Мужчины слушали серьёзно, а женщины плакали. Нам, кому только только исполнилось четырнадцать, было обидно, что не достанется войны».

ШОРЦЫ – ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ

Войны хватило на всех. Как писал с фронта шорец Порфирий Михайлович Майнаков: «Здесь люди со всей Земли собираются, все народы здесь».

Шорцы – прекрасные охотники, с детства знали ружьё, умели снайперски стрелять, сибирская тайга закалила характер. Шорцев можно было встретить под Москвой, под Сталинградом, под Курском, в Прибалтике, в составе Тихоокеанского флота, словом, почти везде.

Из письма Н. Г. Кисорова генеральному секретарю Лиги малочисленных народов и этнических групп Е. А. Гайер: «117 шорцев были офицерами, двое имели звание майора, командовали батальонами. Четыре человека (Николай Ильич Сыркашев, Семён Михайлович Тенев, Алексей Ермолаевич Токмагашев, Андрей Иванович Шипеев) представлялись к присвоению звания «Герой Советского Союза», но по различным причинам так и не были удостоены».

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ МИХАИЛА КУЮКОВА

Михаил Михайлович Куюков – воин, посмертно получивший звание Героя Советского Союза, ставший символом патриотизма и героизма шорских солдат в Великой Отечественной войне.

По материалам статьи Л. Чульжановой (бюллетень «Туган Чер», 2005 год):

«Михаил Куюков был родом из деревни Старое Абашево (ныне станция Карлык). В семье – четверо детей. Мать Анна Куюкова умерла, когда Михаилу исполнилось 10 лет. Отец Михаил Николаевич работал в колхозе имени Коминтерна.

После окончания начальной школы Михаил работал в колхозе, помогал отцу. Его отправили на курсы трактористов, но работать трактористом не пришлось, так как тракторов в колхозе не было – пахали на лошадях и быках.

Отец принял решение учить сына дальше, и Михаил поехал в Мыски. Там он учился и одновременно работал в лесничестве. Когда отец тяжело заболел, Михаил был вынужден вернуться домой, окончив только 6 классов.

О начале войны в Старом Абашеве узнали от Михаила Ефимовича Куюкова – он, бывший радист, сделал себе радио и первым услышал, что началась война. Потом стали забирать на фронт мужчин. Почти все они погибли, приходили только похоронок. В 1942 году на фронт ушёл и 17-летний Михаил Куюков. Воевал пулемётчиком в 194-м Краснознаменном Ташкентском пол-

ку Центрального фронта. Погиб в 1943 году, освобождая Белоруссию.

Из письма отцу Михаила Куюкова от боевых товарищей:

«В ночь на 30 сентября батальон вёл тяжёлый бой с фашистами (в ночь на 30 сентября 1943 г. 3-й стрелковый батальон, в котором воевал Михаил Куюков, получил задание атаковать деревню Скиток на реке Сож). Немцы укрепились на берегу реки и поливали из пулемётов наши боевые порядки. Полностью пренебрегая пулемётами, Михаил Куюков выдвинулся вперёд и открыл по гитлеровцам шквальный огонь. Примеру Героя последовали бойцы. Они любили его за мужественное сердце и весёлый характер, знали, что у Михаила есть отец и любимая девушка... Бойцы бросились в атаку и выбили немцев из траншеи. Но враг не хотел с этим мириться, пошёл в контратаку. На каждого красноармейца приходилось 5–6 гитлеровцев. Одну за другой бойцы отбили три контратаки...

В этом бою пали смертью героев любимые товарищи, среди них Михаил Куюков. Он вёл губительный огонь, пока вражеская мина не разбила его пулемёт. Затем Михаил взял бронебойку убитого товарища и, пока не кончились патроны, не переставал бить из неё немецких зверей. Вражеские пули пробивали обе ноги. Немцы подходили вплотную, но Михаил решил бить до последнего. Он взял автомат и стал стрелять, а когда кончились патроны, крикнул: «Прощай, Родина!».

После гибели о подвиге Михаила Куюкова было известно в каждом подразделении полка. Его именем названы улицы в Междуреченске и Мысках, в честь него проводится Всероссийский турнир по боксу в Междуреченске, его бюст установлен в Мысках у Мемориала Славы, в память о нём – мемориальные доски на фасаде школы в Мысках, на здании станции Карлык, в Омске на здании военного училища, в селе Староабашево. Помнят о подвиге Михаила Куюкова в Беларуси – там ему поставлен памятник.

СЫНОВЬЯ ПЛАВЬЯНА

По материалам статьи А. Амзорова (бюллетень «Туган Чер», май 2005 г.):

«Небольшое приискское селение Ивановка терялось среди гор в верховьях Усы. Жили здесь охотники, золотоискатели, рабочие прииска. Плавья Егорович Чудояков был здесь старожилом. Здесь выросли сыновья Андрей, Фёдор и Порфишка и теперь помогали отцу добывать золото.

Соседи с завистью говорили Плавьяну:

– Счастливый ты человек, Плавьян. Вон каких работников вырастил. Горы свернут.

Отец расплывался в улыбке:

– Слава Богу, не обижаюсь.

Незадолго до войны Фёдор окончил курсы взрывников и стал «переворачивать горы», добывая марганцевую руду.

Надвигались тяжёлые тучи, грянул гром войны. Чудояковы провожали на фронт старшего сына Андрея. Спустя небольшое время пришло извещение о его гибели в боях под Сталинградом.

Почти в один год провожали на фронт Фёдора и Порфишку.

Отец, украдкой смахивая с лица слёзы,ставлял сыновей:

– Олларым (*сыновья*), не посрамите честь своего рода и славное звание охотников. Не робейте перед врагом, бейте его изо всех сил.

И бились сыновья Плавьяна не на жизнь, а на смерть. Фёдор был автоматчиком. Метко бил фашистов, показывая пример мужества и отваги однополчанам. Но не суждено было солдату вернуться на Родину. В жестоком бою с противником на польской земле, в г. Зонвальнинге сложил он голову и похоронен в братской могиле.

Порфирий после призыва в армию в 1943 году был зачислен в 39-й учебный танковый полк, а в начале 1944 года уже воевал на передовой в звании сержанта. Был трижды ранен: на подступах к селу Красинскому Черниговской области, под Яссами в Румынии и в 1945 году, после взятия Будапешта, у озера Балатон.

После последнего ранения 15 суток лежал в армейском госпитале без сознания. Одну ногу до бедра оторвало снарядом, а другую выше колена – ампутировали врачи. Сознание вновь покинуло его, и в таком состоянии он был доставлен в Тбилиси, в госпиталь.

Воин-сибиряк вернулся на родину лишь в 1946 году. Дома его встретило ещё одно неутешное горе: умер отец от несчастного случая. Оставил Порфирий на поле брани двух братьев и половину самого себя».

ПИСЬМА ШОРСКОГО ПОЭТА

По материалам статьи Л. Чульжановой (бюллетень «Туган Чер», 1995 год):

«Моисей Иванович Апонькин родился в пос. Устюнгал (ныне Чувашка) в 1914 году. Работал учителем. В 1935 году Моисей Иванович был арестован за стихи и отправлен в ссылку в Киров-

скую область, где работал бухгалтером. Потом его за растрату посадили в тюрьму в Архангельской области. В 1942 году взяли на фронт в армию Рокоссовского, которая набиралась из заключённых. Как имеющий образование, он был назначен командиром отделения артиллерийской разведки в звании старший сержант. Воевал на 3-м Украинском фронте в районе Кривого Рога. За героический подвиг с него сняли судимость».

Из писем Моисея Ивановича Апонькина матери:

«Осень, дождик домахивает. Немец, отступая, сжигает на своем пути всё: дома, хлеб и т. д., расстреливает жителей, скот. Взрывает колодцы, нет воды. Кое-когда достанешь, напьёшься и лошадей напоишь. <...> Между собой разговариваем шёпотом, но зато очень отчётливо отдаются свист и вой пуль из пулемётов <...> Жить хочется, но шансы на жизнь плохие».

Из письма боевого товарища Моисея Ивановича Апонькина – Н. Антонова, адресованного матери 13 мая 1944 года:

«1 января 1944 года был сильный бой. Немец наседавал. Но все мы держали крепко рубежи обороны. Вражеский снаряд разорвался вблизи нас, и Моисея осколком убило наповал. Он даже не ахнул и упал на землю, как подкошенная трава. Мы вывезли и похоронили его на кладбище в Бузиново, Большая Белозерка. Пишите. Покуда жив – отвечу».

Если бы Моисей Иванович остался в живых, то, вероятно, стал бы шорским писателем. В ссылке он написал повесть о днях, проведённых в тюрьме, описывал фронтовую жизнь в письмах, которые отправлял матери.

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА У ПЕЧУРКИ

Из воспоминаний дочери фронтовика Антониды Егоровны Тунековой (Башевой):

«Отца Егора Ивановича Тунекова призвали на фронт из посёлка Калары Таштагольского района. Пошёл воевать, не зная ни единого слова по-русски. Принимал участие в Сталинградском сражении. Вернулся с фронта весь в ранениях.

Вечерами мы любили слушать рассказы отца о боевых действиях. Трещат поленья в железной печурке, мама хлопочет у русской печи, вкуснейший запах по всему маленькому дому. Мы, старшие, сидим на полу, окружив отца тесным кольцом, младшие сидят на коленях. Отец не всегда охотно соглашался рассказывать о войне, ему, видимо, было тяжело вспоминать.

А мы, глупыши, постоянно просили. Вот одно из его воспоминаний:

«...Прошёл бой. Очнулся – вокруг мёртвые. Наклоняюсь, слушаю – не дышит. К следующему подхожу – не дышит... Вот только несколько минут тому назад с одним, с другим разговаривал – и уже их нет! Иду по направлению линии фронта, кругом убитые. Наступили сумерки. Смотрю, в лесочке светится небольшой огонёк. Подошёл поближе, вроде русская речь. Вокруг маленького костра собрались те, кто остался жив. Увидев меня, все поднялись. Схватили на руки, начали подбрасывать: «Ура! Ура! Ура! Шорец живой! Шорец живой! А мы тебя помянули!» Боялись громко говорить: как бы немцы не услышали».

Почему были рады живому шорцу? Да потому, что отец всех смешил своей речью, как что-нибудь скажет – все валились от смеха. Только на фронте начал обучаться русскому языку. Да и плюс к тому, отец не курил, и его очередная норма махорки доставалась следующему по очереди, кто оставался жив».

С ТЕЛЕФОННОЙ КАТУШКОЙ ЗА СПИНОЙ

По материалам статьи Л. Чульжановой (бюллетень «Туган Чер», 1995 год):

«Арсентий Николаевич Антонкин родом из посёлка Усть-Мрасс. В 1942 году окончил семилетку на Ивановских приисках. В этом же году семья получила похоронку на отца, а через год умерла мать. Недавний выпускник школы, Арсентий Николаевич работал секретарём в Мысковском нарсуде. Весной 1944 года, когда исполнилось 18 лет, ушёл на фронт, воевал связистом в составе 3-й Ударной армии 2-го Белорусского фронта. С телефонной катушкой за спиной дошёл до самого Берлина.

Арсентий Николаевич участвовал в боях за освобождение Польши, Варшавы, Берлина. Фронтовик вспоминает, каким приподнятым было настроение у советских солдат, когда форсировали Одер, когда до Берлина оставалось 130 километров! «Даёшь Берлин!» – такой ло-

зунг был на многих боевых машинах. На пули и взрывы не обращали внимания – все жили близкой победой над фашистами.

Памятен эпизод встречи с американцами под Магдебургом. Два пролёта моста через Эльбу были разбиты, но канаты висели. Надо было восстановить связь с другим берегом, на котором были американцы. Арсентий Антонкин попросил верхонки и на руках и ногах с катушкой за спиной добрался до другого берега. Его окружили восторженные американцы, среди которых были и негры, – их Антонкин увидел впервые. У одного из них на руке до локтя были надеты трофейные часы. Одни он снял и подарил Арсентию. Американцы подносили ему виски, но он отказался, так как его предупредили, чтобы не пил.

Арсентию Николаевичу не пришлось расписаться на стене Рейхстага. В двухстах метрах от него боец был тяжело ранен осколком мины в ногу и отправлен в госпиталь за 11 дней до окончания войны. День Победы он встретил в госпитале».

Шорские сыны России сражались плечом к плечу с солдатами нашего многонационального Отечества. По данным архивов, материалов, собранных поисковиком Н. Г. Кискоровым, шорский народ потерял в войне более 2 тысяч человек. Для малочисленного народа это невосполнимая утрата.

Многие представители шорского народа стали жертвами политических репрессий в 1930–1940-е годы, в начале 1950-х годов. Никто не исследовал эти данные. Не закончена и поисковая работа Н. Г. Кискорова, судьба многих шорцев, ушедших на фронт, до сих пор не известна. Кто знает, может быть, Книга Памяти шорского народа ещё пополнится именами и ценными материалами, большое дело найдёт своего достойного продолжателя, и ничто забыто не будет, и никто не будет забыт.

Кемерово

ПИСЬМА ОТЦА

Моего отца звали Бой Владимирович Соколов. Его выцветшие ветхие письма прислала из Бреста моя тётя Женя, сестра отца. Я их опубликовал в интернете. Были отклики:

«Мы знаем главные сражения Второй мировой войны и их историческое значение, а о войне в душах солдат, в душах и судьбах их родных и её последствиях знаем ничтожно мало. Бесценные письма с фронта – живая история».

«Потрясающе! Как удалось это сохранить?»

«Какая ценность у вас в руках! Спасибо, что поделились».

Мой отец был просто рядовым той войны. Ему приписали год: дед, занимавший высокий пост, боялся репрессий. А так – сын красноармеец. Отличился отец при прорыве на Фастов. Общаясь с местными жителями, он нашёл объездную не нанесённую на карты дорогу. По ней в конце концов и рванулись войска, которые до того нещадно бомбили и обстреливали немцы. Командир дивизии объявил, что он будет представлен к высокой награде. Но не сложилось.

Отец увидел солдата, несшего два ведёрка меда.

– Где взял?

– Да вон же пасека.

После того и он нарезал бидончик сот. Он даже не знал, что дивизия на днях была снята с самообеспечения – вошли в районы, где даже немцы не особенно грабили. Его хотели расстрелять. Показательно. Как мародёра. Именно на него показали хозяева пасеки. Но командир дивизии заступился за отца. Он остался живым. А о дальнейшей его судьбе он сам рассказывает в своих письмах с фронта.

Добавлю только, что после демобилизации по ранению он учился в Томском университете, но учителем не стал, очень увлёкся живописью, делал в основном копии картин Шишкина, Репина, голландцев... А также занимался резьбой по дереву. Однажды он провёл рукой по сверкавшей крышке пианино и сказал мне: «Играть не умею. А так сделать могу». Вот такой он был, красноармеец-краснодеревщик...

Владимир СОКОЛОВ

ПИСЬМА БОЯ ВЛАДИМИРОВИЧА СОКОЛОВА

«Здравствуйте, папа, мама и другие. Пишу с г. *(удалено военной цензурой)*. Работаю шофером. Вы, наверное, много кой-чего передумали за этот период, когда я не писал вам. Причины: сперва был в зенитном полку, потом на Орловском еще направлении, отстал от своих вместе с машиной и попал в автороту, из этой автороты в другую автороту... Из автороты последней опять с машиной был передан в артдивизион, где и сейчас воюю с немцами. Я вам примерно дней 20 назад послал коротенькое письмецо с адресом последней автороты. Я после боев опять отойду туда, потому что я придан к артдиву. Сейчас я сообщу адрес и артдива, и роты *(удалено)*. Вы в газетах примерно числа от 3–12 октября читали, наверное, о взятии деревни Григорьевки на правом берегу Днепра. Вот, действительно, где были бои. Я переправился на правый берег еще на пароме вместе с машиной (ночью). Я опишу: левый берег страшно песчаный, правый также песчаный и к тому же – отвесный яр, примерно высотой метров двести. Отсюда исключительно трудно было выбить немцев, но их выбили. После Григорьевских боев мы брали *(два населённых пункта, названия удалены цензурой)*. Не было бумаги да и некогда было. Сейчас имею свободное время. Достал также очень много трофейной бумаги. Передавайте привет всем моим знакомым и близким. Особенно Сашке. До свидания. Ждите со скорой победой. Бой Соколов».

* * *

«Здравствуйте, мама, папа и все остальные. Всё в порядке. Воюю на правом берегу Днепра, отвоеванном у немцев. Работаю шофером. Движемся по побережью к *(удалено)*. Много писать не буду. Получили ли вы мою фотокарточку? Мой адрес: 28118-Ш, Соколову Б. 20.10.43 г.»

* * *

«...Пишу из г. Москвы. Сейчас сидим в поезде. Едем в место расположения. Адрес пока не знаю. Но этот новый адрес долго не удержится. Я сфотографировался в Городце как раз перед самым выездом. Мы выехали 10.07.43. В Городце получил твой второй перевод на 1 000 руб., но издержал его в Городце и очень хорошо сделал. Фото посылаю одно, второе у меня. За 4 штуки заплатил семь руб. Пока. Б. С.»

* * *

«Здравствуйте, мамочка, папа и все остальные. Папу поздравляю с получением ордена, Женю с переходом в 4 класс. Мама, все твои письма я получаю. Я уже писал тебе, что посылку и 2 денежных перевода по 300 р. так и не получил. Очень хорошо, если бы ты выслала мне сейчас денег. Они очень необходимы. Необходимы и на пищу (молоко, хлеб, яйца, лук). Молоко – литр 25–30 руб., яйцо – 15 р., хлеб 100 гр. – 10 р., лук – 5 р. пучок. Кормят нас неплохо. Жить, в общем-то, можно. Но, конечно, с домашним питанием нет никакого сравнения. Признаюсь, я делал так: продавал утреннюю пайку хлеба. 200 гр. за 20 р. А в обед купил пол-литра молока и пучок лука и замечательно пообедал. Я получил также письмо с 2 фотокарточками. Недавно пришло письмо от Зои Давыдовой, за что благодарен ей. Позабыл ее адрес и написал письмо на наш домашний, в том письме в отвлеченном виде написал свой новый. Но ты не вздумай писать, как тогда. Пиши просто на (адрес). Сашке не писал. Но напишу скоро, привет ему от меня. Б. С.»

* * *

«Мама, писал из Горького, теперь привет из Курска. Как я уже рассказал в предшествовавшем письме, был ранен в г. Фастове, в 60 км от Киева, при бомбежке. Я должен был отвезти раненых. В это время налетели гансы (не стоит писать с большой буквы). Бомба разорвалась в полутора метрах от машины, с левой стороны. Я был выкинут волной из кабины метров на шесть за правую обочину дороги и, кроме того что получил контузию, был ранен еще в голову. Осколок не вытащили пока... После контузии не говорил и не слышал дней 25. Левым ухом и сейчас не слышу, но отойдет. На это письмо не отвечай. Жди из госпиталя. Привет Сашке. До свидания. Б. С.

Адрес госпиталя я вам не дам, так как не знаю его. А чтобы дошло письмо, то я напишу

адрес того подразделения, где находился до ранения. Так что вы не пишите мне. Так как без пользы».

* * *

«Рана на голове зажила, но лысина осталась, и, наверно, волосы расти не будут. Как раз на макушке ямина. Рана меня меньше беспокоит, чем контузия. Ведь я 25 дней не говорил и хорошенько говорить стал только числа 09.12.43 г., и то такая вещь: утром не говорю, сижу, как идиот, смотрю куда-нибудь, а под ночь сознание начинает проясняться, и тогда отвечаю на вопросы. Но сейчас это прошло, не прошли только еще иллюзии. Иногда и очень часто кажется, что меня кто-то окликает, или идешь где-нибудь, и вдруг откуда ни возьмись забор поперек, и тогда я начинаю перелезать через него, а в действительности ничего нет.

После фронтовой обстановки мне кажется скучно в госпитале. И когда вспоминаю, то мне хочется опять на фронт. Тогда просто не нахожу себе места. Как на пружинах. И кажется, что весь горишь. Если бы не потерял сознание, то ни за что не уехал бы из дивизиона... Вот так. Проехал почти всю Украину и был ранен... Пишет ли вам Илья Николаевич? Мне хотелось бы узнать его адрес.

Я беспокоюсь о вашей жизни. Главное боюсь, чтобы мое молчание не подействовало на ваш разлад. Я предупреждаю вас, что случайность возможна. И если мне придется умереть в жестоком бою с врагами, то знайте, что я не опозорюсь, но обеспечу вам гордость сознания за себя, я находился с первых и до последних боев в гвардейских полках. За взятие г. Киев нашему корпусу присвоено звание Киевского, а бригада – Фастовская. Пишите мне немедленно.

Адрес: Горький, 11, часть 313. С. Б. Почему мне папа не написал ни одного письма? Или слишком занят? Пусть пишет. Может, придется гордиться».

Подготовил В. Б. СОКОЛОВ, Кемерово

«Я ЖИВУ В 45-М»

Николай Сергеевич Суменков родился в 1926 году в Омской области, в селе Новосергиевка, в многодетной семье. Отец, Сергей Степанович, был партийным работником, корреспондентом районной газеты.

Николай со школьных лет мечтал стать агрономом. Но война изменила все планы.

В 1943 году, после окончания 9-го класса, его призвали в армию и отправили учиться на авиамеханика. Тем, кто окончил авиашколу на отлично, предоставлялась возможность выбрать любое место службы. Николай вместе с другими отличниками выбрал фронт. С мая 1944 года Николай Суменков служил авиамехаником в 32-м истребительном авиаполку 256-й истребительной авиадивизии 1-го Украинского фронта.

Он принимал участие в освобождении Западной Украины, Польши, Чехословакии. Участвовал в Львовско-Бродской операции, в сражениях на Сандомирском плацдарме, освободил Прагу, брал штурмом Берлин. День Победы встречал на аэродроме Хальбаум, недалеко от столицы поверженной Германии.

После войны Николай Сергеевич продолжил службу в Чехословакии, Польше, затем учился в Рижском военно-политическом училище. Здесь он встретил свою будущую супругу Александру.

После окончания училища служил в Иркутске, Краснодаре, Новосибирске, Крымске, Павлодаре, Перми, Семипалатинске, на Камчатке. Когда служил в Казахстане, окончил факультет русского языка и литературы Петропавловского пединститута.

В 1969 году Николай Сергеевич на год был направлен во Вьетнам старшим офицером Генерального штаба СССР для разведывательной работы.

После возвращения из Вьетнама он продолжил службу в Кемеровском военно-командном училище связи. Здесь супруги наконец-то получили квартиру.

Военные заслуги Николая Сергеевича отмечены двумя орденами, многочисленными медалями, в том числе от вьетнамского правительства.

После выхода на пенсию в 1971 году Николай Сергеевич нашёл себе занятие – стал лектором общества «Знание». А затем обрёл и новую профессию – библиотекарь. Как-то Николай Сергеевич пришёл записываться в областную библиотеку и увидел объявление о том, что требуются библиотечные работники. Ветеран, орденноносец, разведчик не посчитал недостойным для себя труд библиотекаря, он обратился к директору и был принят в штат. Многие годы работал в библиотеке КузГТУ, печатался в вузовской газете «За инженерные кадры», в альманахе литературной студии «Лист». Много писал о войне. Издал два сборника стихов: «Я живу в 45-м» и «Проснитесь, люди!». Отечественная война была сквозной темой его стихов:

*Я седой уже давным-давно.
Видно, годы в этом виноваты...
Сколько их мелькнуло, как в кино!
Но всегда живу я в сорок пятом!*

*В день вхожу, как в праздничный парад,
Сердцем чую – будет радость, будет!
Сорок пятый много лет подряд
В День Победы превращает будни.*

Николай Сергеевич ушёл из жизни 22 августа 2003 года.

СТИХОТВОРЕНИЯ Н. С. СУМЕНКОВА

УТРО ПОБЕДЫ

*Пропахший махорочным дымом,
В звенящем сосновом бору
Подземный блиндаж под Берлином
Гремел от острот поутру.*

*Победа была где-то рядом,
Вот-вот завершится успех.
И пусть пролетают снаряды –
Сильнее снарядов был смех.*

*Вдруг кто-то, как пуля, ворвался
И замер у самых дверей,
В мгновение смех оборвался:
– Что? Где? Говори поскорей!*

*Но тот как-то судорожно-странно
В ракетницу правил патрон,
Глаза – как глубокие раны –
В них боли и радости стон...*

*И вот пистолет наготове.
– Победа... – охрипше сказал.
И это охрипшее слово
Гремело, как горный обвал.*

*– Победа, Победа! По-бе-да!
В мгновенье блиндаж опустел,
А в небе над лесом ракета
Рассыпалась тысячью стрел!..*

ВЕСНА 1945 ГОДА

*В чужую землю втягивалась рота.
Ещё закат в снегах не отпылал,
И где-то бил фашист из пулемёта,
И «Як» вокзал горящий штурмовал.*

*А ночь в полях сгущала свои краски,
И шпиль костёла отсверкал вдали...
Шла рота, сняв шинели, куртки, каски,
И пар над нею облаком валил.*

*То здесь, то там в ночи горели доты,
Краснели мины в отблесках огня,
Трещали туши жёлтых самолётов,
Чернела танков рваная броня.*

*Взрывались смерчи орудийных залпов,
Ракеты с визгом освещали высь,
С железным лязгом, скрежетом и храпом
Громады танков в темноте неслись.*

*А рота шла, как будто ей нет дела
До этих всплесков яростной войны...
Так третьи сутки под туманом белым
Бойцы в строю досматривали сны.*

*И ночь прошла, и солнце запылало.
Ручьи под танки ринулись, звеня,
А в валенках заныла, застонала
Воды и снега жгучая квашня.*

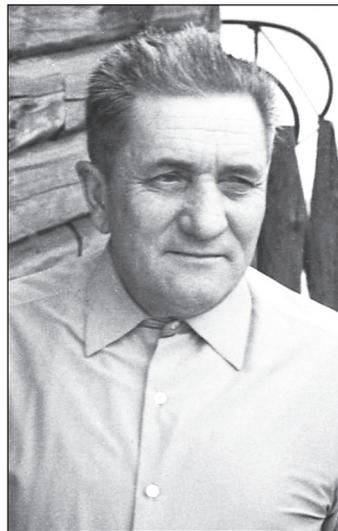
*А рота шла. И виделось ей лето,
России милой синие края...
Дымилась и чернела на рассвете
Чужая и враждебная земля...*

Подготовила Вера ЛАВРИНА

Трофим ШАЛАКИН

ЗАПИСКИ ШАХТЁРА *

Глава пятая НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ 1941–1945 годы

Туча страданий

После недолгой и относительной стабильности опять наступила жизнь нехорошая. Загремел гром. Объявили о начале войны. День 22 июня 1941 года мне не показался особенным. Помню, шел я на работу с девяти часов вечера. По радио выступал Молотов. Говорил, что всех запасов – на 10 лет. Пошел на работу, утром вышел из шахты. На участке выдавали уже хлебные карточки – по 800 граммов хлеба в сутки на шахтера. Кого прикрепили к столовой, кого – к магазину.

Меня прикрепили к столовой. Она рядом с комбинатом. Там было два отдела. Технический, где питались от горного мастера и выше. И общий отдел – для всех рядовых. Очередь громадная. В квартире в бараке я почти не находился. Был на работе и в столовской очереди. Газеты только и писали: «Не опоздай, не уходи раньше времени». Получалось не 12, а 15 часов работы. Так что иногда ночевать приходилось в мойке, где появились крысы и были вши. Но бежать от них некуда.

Каждый день митинги: надо давать угля больше. Потом уголь брать перестали, и он в огромных кучах загорелся. Начали посылать людей перекидывать его с одного места на другое. В то время я работал коногоном и меня никуда не посылали лишь потому, что на мою работу охотников мало. И, где мы уголь грузили, над нами слишком много контроля было.

* Продолжение. Начало в журнале «ОК», № 1 за 2017 год.

Тыл ослаб

Пресс войны давил, продукты на шахте оказались на исходе. Бывали такие дни, что хлеб вообще не привозили в магазин, где отоваривали карточки. А на шахте в столовой его сразу съедали. В войну людей убавилось. На фронт мало кого брали из шахтеров, потому что на них распространялась бронь. Наша семья состояла из 5 человек. Пошел брат Павел работать в сапожную мастерскую. К нам подселили квартирантов. Но вскоре им дали другую комнату.

Записался добровольцем

В 1941 году я без чьего-либо нажима подал заявление, чтобы пойти добровольцем на фронт. Подали заявление мы четверо. Мне было отказано. Из-за арестованного в 1937-м отца, наверное. По слухам, те трое, которые подавали заявления со мной, через три дня были взяты в армию, а потом погибли на польской границе.

Я знал дорогу только на работу и на койку, где мог приготовиться к следующей смене. Но некоторые молодые люди после ночной ходили отдыхать в Зенковский парк, на озеро, и оттуда шли в ночную смену на работу. Этого я не делал, не хотел над собой, обессиленным, издеваться.

Цыганка Яда

В начале войны в Прокопьевском горном техникуме закрыли кое-какие факультеты. За счет этого мне прислали помощников чистить подземные железнодорожные пути и в шахте грузить уголь. Среди них были две девушки. Одна цыганка. Ее имя – Яда. Она невысокого роста и не черная, а русая. Я их принял в компанию как своих людей. Они думали, что шахта сразу их задавит. Мне пришлось показать, что они должны делать, где им от бесконечного сильного

ветра можно укрываться. Стали мы весь страх переносить вместе. Такая жизнь отчасти сплачивает людей. Одну студентку потом взяли в контору, а Яда осталась грузить уголь. Она жила в соседнем городе – Киселевске. Семья у нее: два старших брата. Но я ей был не рад. Она приходила на работу раньше меня, потому что мы с лошадьми спускались позже.

Когда я приходил с лошадьёю на рабочее место и не было посторонних людей, она подавала сверток. В нем кусок кролика, или кусок конины, или сваренная большая свекла. Отвязаться, не взять из ее рук тормозок было просто невозможно.

Однажды братья принесли ей одежду к шахте и увидели меня. Младший ничего не сказал, а старший спросил, почему я не хочу брать то, что она для меня приносит. «Нам о тебе она много говорила, – сказал он, – поэтому ты бери тормозок. Мы знаем, что тебе многого не хватает и негде взять, а у нас это есть. Ты бери, что сестра приносит, а ее не обижай и не трогай». Подумал, зря я побаивался цыган. Эти люди, я знал, шутики шутить не любят. Пришлось брать из рук молодой цыганки дополнительные харчи. Вскоре и ее перевели на работу в контору шахты.

Сломал ногу

Работал в ночную смену и получил тяжелую травму: сломал правую ногу. Произошло это 27 августа 1941 года, часа в три ночи. Стал инвалидом. Это хуже или лучше, богу знать. В то время коногонам лошадей давали самых разных. И к каждой нужно было приспособливаться. А в ту ночь мне дали лошадь, которая бьет задом, о чем я от других коногонов слышал. Пришел на место работы, одел на лошадь цепи и стал развозить порожние вагоны. В один момент побоялся лошади, на ходу состава неправильно поставил ногу около вагонетки, и мне ее сломало. Спрыгнул на одной ноге с вагона, отполз в сторону от путей и стал ждать появления какого-нибудь человека. Мимо шла мотористка, спросила, что случилось. Сказал: «Сломал ногу». Боль ужасная.

Появился мастер, позвонил дежурному по шахте. Пришли люди с носилками, на ногу положили доски, и все забинтовали, вполз я в вагон, лег на носилки. Довезли меня электровозом до клетки, а потом, как груз, выдали на поверхность земли и занесли в здравпункт. Там уже трое охало, я стал четвертым. Подошла машина, поставили носилки со мной в кузов, а те трое сели рядом. У двоих были сломаны руки, у одного повреждено плечо. Тронулась машина по ухабам в больницу. Время было пять часов утра. В шесть утра привезли. Пошла сестра за врачом. Пришел мужчина, посмотрел и сказал: «Даже в коридоре места нет». Да и видно было в дверь, что завалены большими весь коридор и все лестницы. В каких только тряпках люди там ни лежали.

Попал в госпиталь

Врач пошел звонить в госпиталь, чтобы там хотя бы двух травмированных шахтеров приняли. Там согласились. И нас двоих привезли в госпиталь. Показали мне ванну: «Мойся». Помылся. Опять на носилки, переодели в больничное, понесли в палату. Палата предназначена для двух человек и была свободной. Положили на койку. Часы показывали восемь часов утра. Помещение госпиталя теплое, чистое. Видел, что лежали здесь и люди, обгоревшие в шахте после вспышек метана.

И вот время подошло к 10 утра. Пришли с носилками, на них понесли меня в операционную. Там три врача: двое мужчин и женщина. Подошел к голове мужчина и сказал: «Ты молодой, и косолапому тебе долго ходить придется. У тебя вывих и перелом. Нам нужно восстановить вывих, потом посмотрим перелом, так что терпеть надо не меньше часа. Надеюсь, ты вынесешь, а обезболить у нас нечем». После этих слов он ушел к ногам, там все навалились на меня. Нога в одно мгновение затрещала. Меня бросило в жар, выступил мелкий пот. Дальше что делали, я уже не чувствовал. Когда загипсовали ногу, тот же врач подошел к моей голове и сказал: «Все возможное сделали, поправляйся».

Принесли в палату. Там уже была койка с аппаратом, куда нужно привязать ногу. Все время лежал на спине. Боль бесконечная.

Кормили, с голода умереть нельзя. Если у повара госпиталя оставалась каша, был совет, кому ее добавить. Мне передачи не приносили, да и носить нечего было. Родным взять еду негде. Получали норму. Кое-когда придут с бутылкой молока, но та дорого стоила: половина литра – 20 рублей. А ведро картошки – 400 рублей.

Переночевал с усопшим

Первые три ночи в палате находился один. На четвертую – в два часа – принесли второго больного. Ему отняли ногу, санитары положили человека на кровать и ушли. Он стал биться, дергаться. Вошла медсестра, потом побежала за врачом. Врач посмотрела на происходящее и сказала: «Он сейчас умрет, все порвал». И мой сосед по палате притих, два раза потянулся и богу душу отдал. Они решили, что я сплю. И между собой договорились: «Пусть лежит до утра». Хлопнули дверями и ушли. Я остался с покойником один на один. Боялся? Нет. Всему бывает предел. У самого были ужасные боли. Да и какая мне разница, живой или мертвый лежит на соседней койке? Утром пришли с носилками и унесли умершего.

Проглотил окуроч

Дня через четыре положили в мою палату деда со сломанной ногой. Его фамилия Самодуров. До

него я в госпитале не курил, хотя до этого смолит. Просто в больнице негде было взять курево, да и боль мешала думать об этом. С дедом познакомился. Он тоже был неходячим. После врачебного обхода он спрашивает: «Трофим, можно мне покурить?» Я говорю: «А есть ли у тебя, что курить?» Он ответил: «Есть». Я ему: «Кури, оставишь немного». Дверь закрыта, я палкой отворил форточку. Дед закурил, оставил мне, я докурил – голова кругом пошла. Успокоился, вошел в себя. Курево пошло два раза в сутки – днем и поздно ночью. И так стали мы темы для разговора находить и покуривать. Утаить дым нельзя, запах никуда не денешь.

Однажды зашел главврач и сказал, что ему доложили, что от нас пахнет дымом и табаком, а тут люди лежат с ожогами. «Если захвачу, – предупредил он, – выгоню обоих». Что делать? Стали только ночью смолить. Но это занятие затягивает. И вот в воскресенье после обхода дед предлагает: «Давай по маленькой искурим». Я палкой открыл форточку. Завернули по маленькой. В это мгновение открылась дверь. И – главный врач стоит в дверях. Дал приказ перевернуть постели, найти окурки и табак. Сразу к каждому из нас подскочили по две сестры, вытащили из-под нас тряпки, все перетрясли. У деда нашли окурки, у меня – нет. Я его проглотил. Деда выгнали, но он не сказал, что я курил. Кончилось наше курение в госпитале тем, что меня пере-

102

Биография Наполеона

В новой палате нас лежало трое: двое из них – некурящие. Среди них был еврей. Я не помню, с какой болезнью он попал в госпиталь. Ему приносили книги. Он их не читал, а клал под подушку. Однажды я увидел у него солидную книгу. Попросил посмотреть. Книга оказалась о Наполеоне Бонапарте, со дня рождения и до смерти. Спросил соседа по палате: «Вы будете ее читать?» Он ответил: «Нет, я беру книги, чтобы дочь не обижать». Я переспросил: «Так мне можно эту книгу почитать?» Он сказал: «Пожалуйста». Так я нашел занятие вместо курева. То был неплохой писатель. Кто, не помню, но такой книги больше я не встречал.

Встал на костыли

Через 15 дней убрали из-под моей висячей ноги станок, дали костыли. Нужно учиться ходить заново. Встал около койки, голова кругом идет. Постоял, немного успокоился, пошел вдоль стены в направлении туалета. Дошел, слава богу. Зашел в туалет, постоял немного, двинулся назад в палату. Дошел и сразу рухнул на койку. Всё нужно начинать сначала.

Нога больная моментально опухала, и здоровая пухла вслед за ней. Но ходьба началась, ходить учиться надо было во что бы то ни стало. День ото дня все легче и ловчей получалось. Через неделю стал пользоваться костылями так, как будто с ними родился. Однажды забыл, что сломана нога, и наступил на нее как следует. Меня бросило в жар. Скорее в палату, на койку. Соседи сказали, что я побледнел. Но с каждым днем я ходил лучше. Боль уменьшалась.

Не познакомился с вдовой

В моей палате люди часто менялись. И вот однажды положили одного больного со сломанной рукой. Он лежал на койке рядом. Ему передачи приносили каждый день. Богатые были передачи. Однажды утром этот человек меня спросил, женат я или нет. И сказал, что у его жены сестра вдова, потому что муж погиб. Она в своем доме живет, обута, одета. У нее двое детей, работает в магазине. Не увидев моей реакции, он стал мне говорить, что нога у меня не скоро заживет, что видно, что у меня ничего нет. Он сказал все правильно и оценил правильно. Только не знал одного: согласен ли я стать богатым за счет такого сватовства? Так я ничего ему и не ответил. И не подошел к окну посмотреть на овдовевшую даму и потенциальную невесту. Я понимал хорошо, что я нищий, хотя в то время таких немало было.

Домой в больничной одежде

Шло время к выписке из госпиталя. И вот настал этот день. Меня привезли домой на подводе в больничной одежде. В таком виде из лечебных учреждений в то время возвращались многие, потому что потрепанную шахтерскую амуницию, в которой привозили травмированных горняков, в больницах не сохраняли. И вот около нашего барака в Березовой Роще остановилась лошадь с телегой. Я встал на костыли и зашел в барак.

В то время в нашей квартире жили подселенные: бабка с дочерью. Дочь работала на шахте, бабка сидела дома. Нам приходилось ходить через их комнату. У них было чисто. Соседи ждали, когда у нас кончатся харчи и мы начнем умирать. Но напрасно. У нас был посажен картофель в двух местах. В одном месте его украли, с другого места мать накопала ведер 50. Помимо того, нам давали хлебные карточки. Мне 800 граммов хлеба в день, матери – 800, Павлу – 600, Ивану – 400, Василию – 400 граммов.

Мы продолжали жить в тупиковой маленькой комнате – пять человек. Сначала я лег отдыхать со

сломанной ногой. Еда – одна картошка с хлебом. В общем: ни поесть толком, ни покурить, если брат Иван не наберет на улице окурков. Улегся я на топчан, пролежал месяц. Рассчитывал через месяц встать на ногу больную. Пошел в больницу, спросил у врача. Он сказал: «Надо парить ногу и вставить на нее». Пошли мы с братом Иваном в баню. Думал, попарю ногу и пойду. Не тут-то было. Мне пришлось из бани домой ползти на карачках. Потом пришлось брать руками покрепче костыли и больше двигаться.

Пирожки с ливером

За больничный лист уплатили 25 процентов от заработка. Признали: сам виновен в переломе ноги. Пришел на костылях на шахту на свой участок, где работал до травмы. Начальник участка дал мне хлебную карточку на ноябрь 1941 года на 800 граммов хлеба в день. Там же помощник начальника дал мне талоны на пирожки с ливером. Талонов дал много и сказал: «Приходи, еще получишь». Пирожки привозили с мясокомбината и в шахтовом дворе раздавали по талонам. Я набивал ими сумку и двигался до топчана, это – не картошка, и на утро было совсем другое самочувствие. И так стал привыкать корм добывать, окурки собирать. Нужно было много двигаться, иначе – гибель. А куда было деться, если расстояние от барака до шахты «Коксовой» – четыре-пять километров в один конец.

Срезали паек

В конце ноября 1941 года врач из госпиталя направил меня на ВТЭК – на медкомиссию, и там дали вторую группу инвалидности на три месяца. Выписали хлебную карточку на 400 граммов в сутки. И за больничный лист снова заплатили 25 процентов. Жаловаться было нельзя и некуда. Но я уже стал ходить с палкой, бросив костыли, хотя сама ходьба была все еще тяжелой. Еще через какое-то время мой начальник участка на шахте сказал: «Рабочую карточку не могу выдать, только иждивенческую на 250 граммов хлеба в день». Это усложнило дело, так как с харчами стало еще хуже.

Поселился на базаре

Пришлось переселиться на базар, где всегда толпился народ. Базар к бараку немного ближе, чем моя шахта. Ходил к торговым рядам каждый день, знал цену каждой пуговицы. Сначала нашел на рынке голову от рыбы, какой – неизвестно, и съел ее. Потом нашел дохлую курицу, сварил и съел. Остался жив. Стал даже привыкать к базарной жизни. Голодным не был. На второй день попытался помогать другим продавать тряпки. К вечеру на заработан-

ные деньги поел на базаре кислое молоко и пирожки с картофелем.

Следующие дни я также помогал кое-кому вести торговлю. К вечеру подходил к продуктовой ларьку. Покупал банку меда, выпивал мед и сутки есть не хотел. Так это – спасение. Привык, освоил дело. Вставал утром в бараке, брал костыли и двигался на рынок. Торопился, чтобы без меня люди не сумели купить подходящий товар. В него входили спецодежда, белье, мыло, чулки, носки, ботинки, сапоги. И так – с утра и до темна. У меня, как у помощника продавца, дела шли нормально. Я уже знал, сколько стоит иголка и за сколько ее можно продать. Кое-что приобрел для себя. Купил себе штаны, куртку, часы. Ходил с палкой. Что поделаешь? Жить нужно.

Мыло из глины

Прошли три месяца, снова – ВТЭК. Медицинская комиссия признала меня здоровым только для работы на поверхности шахты. Оформился в механический цех на пресс. Делал гвозди, вырезанные из старых труб и не очень похожие на обычные. Работа нетяжелая, но весь вымажешься в мазуте, а мыла нет. Глиной мылись. Но отмыть мазут ею просто невозможно. Нога по-прежнему давала знать о себе. Записался на курсы электрослесарей. Курсы двухмесячные, быстро получил права. Записался на курсы машиниста подземного электровоза. Окончил и получил права.

На базар ходить было нельзя, потому что работа без выходных и к ней добавились курсы. Появилась слабость, и кое-когда шла из носа кровь. Написал заявление начальнику шахты о переводе кондуктором. Он подписал. Не нужно комиссию проходить. На следующий день пришел в личный стол, переложил карточку на участок транспорта. Хотя там нужно ходить больше, но все же свежий воздух, больше паек и за перевыполнение плана – дополнительные харчи. Хлебная карточка – один килограмм в день. Находились в шахте по 12 часов и больше, через два дня полагался выходной. Можно было в выходные ходить на базар, где я стал специалистом.

И вот однажды на базаре меня попросила женщина закатить бочки с медом с улицы в ее киоск. Согласился. Было пять бочек по 200 килограммов. Вместе закатали одну, открыли. Она мне налила пол-литровую банку меда. Сказала: «Тару вернешь». Вышел из киоска, за углом выпил мед, сполоснул банку водой – тоже выпил. И до следующего обеда есть не хотел. Подумал, какая выгода.

Когда было время, заходил в этот киоск. Продавщица меня знала, наливала банку меда, я выпив-

вал, отдавал банку и 150 рублей денег. Булка хлеба стоила 300 рублей, картофеля ведро – 300, мед – 300 рублей за один килограмм. Через неделю кровь из носа перестала идти. Вылечился. Работа на участке транспорта была не такой тяжелой, как прежде. Кое-когда оставляли на две смены, но сутки потом отдыхал.

Увеличили добычу угля

Крутые пласты Прокопьевского угольного месторождения требовали оригинальных методов добычи. Поэтому шахта «Коксовая» стала полигоном для испытания и внедрения передовой техники.

Впервые в стране здесь была внедрена щитовая система отработки угольных пластов крутого падения, которая в четыре-пять раз подняла производительность труда. К 1942 году с помощью щитов в Прокопьевске добывали треть угля, а на «Коксовой», шахтах имени Калинина и Ворошилова – почти половину.

Живительная сила

Вот чем мне запомнился январь 1942 года. Утром, в полшестого, поднялся дома с нар, надел на себя тряпки. Помню также свои брезентовые ботинки. Мне было 24 года. За окном – пурга. Харчи – холодная вода. Принял 400 граммов воды. Сам не помню, для чего так сделал. Вышел на воздух, нужно до шахты бежать пять километров. На работу бегом, иначе замерзнешь. Обут был в упомянутые кирзовые ботинки, одет в фуфайку.

Пробежал расстояние, зашел в мойку, надел еще хуже тряпки и чуни. И живой спустился в могилу на официальный горизонт 50 метров (на самом деле это – триста метров глубины и больше под землей). Отработал 15 часов, выгрузил кучу леса из «коз» с напарником немцем.

Иван Семенович Лейман – советский немец. Ему было лет 20. Чудо-богатырь. Выгрузили 50 кубометров леса. После я норму хлеба съел. Это были годы молодые. В настоящее время возникают сомнения в том, как можно было столько часов работать без еды.

Машинист подземного локомотива

В 1942 году после всех перипетий с переломом ноги стал работать машинистом подземного электровоза. Поступил приказ: передать трех машинистов на участок доставки леса в забои. Среди них оказался и я. Здесь было тяжелей. Под землей машиниста локомотива заставляли выгружать лес из вагонеток, помогать двум доставщикам леса. Смена 12 часов, через два дня – выходной. Наряд проходил так. Спускался в шахту,

принимал электровоз. Эта машина небольшая, весила семь тонн вместе с батареей. Работала она от аккумуляторов. Если слабая батарея, ехал в депо для замены.

Со мной все время был бригадир. Это – контроль. Зачем он едет? Чтобы я не пробыл лишнюю минуту там, где потеплее. Из депо подъезжали под лесной уклон. Это место, где в шахте принимают лес с поверхности. Тут температура воздуха доходит до минус 30 градусов. Открывали перемишки – деревянные двери большие – и сильной струей шел воздух с поверхности земли напрямую в шахту. Его вихрь нес за собой пыль, щепки, проволоку и прочий мусор. Прицеплял прибывшие «козы» с лесом к электровозу. В «козу» вмещается до трех кубометров леса в среднем. Прицепляют «коз» штук восемь, чтобы получился состав. Подают мне сигнал: поехали. Я включаю электровоз. Из-под колес искры сыплются потому, что «козы» застыли на морозе, колеса у них не крутятся. Но я все же вытягиваю состав на главный квершлаг. Там потеплее, колеса отходят и начинают нормально крутиться. Еду до назначенного места. Бригадир идет впереди, я за ним еду. Этому человеку было много дано прав. Оговариваться не положено. Он был выше мастера в то время.

Каждая минута была на счету. Нас гоняли в 10 утра утреннюю смену с девяти часов утра до девяти вечера. Это было самое тяжелое время. Ни хлеба, ни капусты, ни картофеля. Что получали, все сразу съедали. Ночью собирались и шли в степь, где была посажена капуста. Здесь мерзлые кочаны собирали, накладывали в мешки и несли домой. Потом парили капусту мерзлую без соли. Это – еда. Ее можно и лишнюю порцию съесть. Желудок был не пуст, а это много значило. Тот год – самый голодный. На рынке цены были такие. Ведро картофеля – 400 рублей, хлеб – 400 рублей булка, мед – 1000 рублей килограмм. Однажды брат Павел предложил завести в стайке около барака кроликов, но я отказал ему в этом из-за их прожорливости.

Ревтрибунал

Все еще шел самый тяжелый для меня 1942 год. Мне пришлось увидеть судью военного трибунала. Это было в моей смене, когда я работал машинистом электровоза. Подсудимый и после суда продолжил работу в нашей смене. То был Александр Курочкин, человек неграмотный. Он ходил в шахту и домой в одной и той же одежде: брезентовые брюки, на ногах чуни, сверху – брезентовая куртка, внутри которой была пришита большая заплатка. Это был карман, где хранились харчи. Он оттуда еду ни-

когда не доставал. И никто не видел, что там было. Когда выпадала свободная минута, он опускал над этой заплаткой голову: жевал немного и снова работал. Ходил до шахты пешком пять километров. Жил в землянке, трудился без хитрости. На любых работах он не мог себя проявить, а там где мог, честно выполнял долг.

В 1942 году на Пасху, это было воскресенье, он не вышел на работу. Нам на наряде объявили, что завтра его будет судить военный трибунал. И, действительно, утром подъехали сани, запряженные парой лошадей. Из них вышли лейтенант лет 30 и два солдата с оружием. Зашли в контору, и сразу к столу. Лейтенант снял шинель, положил бумаги на стол. Сначала он рассказал свою биографию. Мы поняли: образование у него 9 классов, но сейчас он председатель революционного суда. Лейтенант приказал подсудимому встать. Тот встал. Велено было подсудимому подойти ближе. Он подошел. Задали ему вопрос: «Почему не выходил на работу?» Курочкин ответил: «Был божий праздник». Далее последовало порицание: «Идет война, а тебе – праздник». Александр ответил: «Бог не заставляет воевать»

Судья посмотрел на этого человека, приказал ему сесть. Народу объявил: «Суд закончил работу». А начальнику лейтенант пригрозил: «Если будешь вызывать таких людей судить, сам пойдешь под трибунал». Хочу сказать, этот судья с большими правами был, но оказался справедливым. Если бы гражданский суд в то время судил нашего работника, то обязательно дал бы срок. Судья дальше свои минуты не тратил. Вышел, сел в сани с солдатами и уехал.

А Курочкин как был, так и остался в бригаде. Дошли слухи, что позже его арестовали за хранение трупа у себя дома в погребе. Я видел после отбытия наказания его на базаре. Лет через 15. Он был в той же одежде. Поздоровался с ним. Он сказал, что отбыл срок. Других подробностей не знаю. Бог знает, может быть, и живой этот человек. Мне и сейчас не верится, что он был способен убить человека и спрятать труп.

Бригадиры

Семен Костенков – мой бригадир. Я работал с ним с декабря 1941 года по февраль 1942-го. Он на четыре года моложе меня, но начальник сказал мне, что все его распоряжения должны выполняться. Он был ростом 175 сантиметров, одет в хлопчатобумажный костюм, синюю рубашку, всегда чистую, и фуфайку. Он жил с сестрой и матерью, а женился в начале войны. Был еще один бригадир. Вызвал

меня начальник: «Шалакин, вот твой бригадир, его распоряжения выполнять».

Этот человек по имени Александр был моложе меня года на два, выше среднего роста, сухощавый, работал проворно. В шахте мой бригадир ходил, как и все: в чунях. Это – литые сапоги-калоши, лужи не обходил, шел напрямую. 12 часов по колено в холодной воде. Он всегда шел впереди состава. Однажды я вынужден был остановить электровоз. Сказал ему, что воды по колено, замкнет электропроводка, а электровоз сгорит. Подошел какой-то начальник и сказал ему: «Дальше ехать нельзя». Я два страха сразу пережил: мог электровоз сгореть или могло обрушиться крепление выработки. На следующий день в этом месте с нами поехал наш начальник и сказал: «Сюда на электровозе не ездить». Как он отчитался за это, бог знает.

Шея у Александра всегда была забинтована чистым бинтом. Он со мной был не в плохих отношениях. Я его спросил, зачем ему повязка? Он сказал: «Я тебе покажу, что к чему». Когда мы с ним выгружали лес, он раскрутил тряпки: из его шеи тек гной. Господи, каких только людей нет. Он мне давал талон дополнительный на хлеб или на чулки. Говорил: «Продашь чулки, купишь хлеба».

Он был чересчур горячий. Припоминаю, как будто он попался с какой-то кражей. И больше я его не видел. Такой своеобразный начальник мне больше не встречался. Он первым прыгал в воду, в огонь. Себя не щадил. Попроси у него что-либо, последний кусок отдаст. Такие люди долго на одном месте не задерживаются.

Он весел был, всегда смеялся. Погода – под 40 градусов мороза, метель, голод, чему смеяться, зачем веселиться? А он был веселым. Почему смеялся и весел был? Это знал только он.

Думаю, что сама природа создает таких людей. Что это за люди были? Что у них было в глазах? Терпение. И большинство боролось, чтобы остаться в живых. Через три месяца бригадира вывели из шахты на поверхность. По слухам, он погиб при спасении людей на пожаре.

Хватались за соломинку

Большинство людей в войну хваталось за соломинку, лишь бы остаться в живых. Спасались кто как мог. Были верующие католики. Это люди с запада страны. Они собирались в круг и молились. На это никто внимания не обращал. А новых людей на шахту везли. Каждую неделю было пополнение.

В 1942 году свободного времени у меня не было. Трудился. Если есть что, то покушал. Нет –

съел пайку, отдохнул – и снова за труд. Если я за-паздывал с работы, оставался в мойке ночевать до следующей смены, хотя грязно было, но пол теплый и людей много. И при такой жизни кое-где молодость брала свое. Нельзя говорить, что так было у всех. Были люди в то время, которые не знали, что такое голод, нищета и жили в достатке.

На фронт провожали из госпиталя

В 1942 году мне пришло письмо с приглашением на вечер в госпиталь, где я проходил лечение сломанной ноги. Там были гражданские люди, медсестры, люди из НКВД, солдаты и офицеры, которым нужно было в армию возвращаться. Все организовали хорошо. Кто-то должен был сидеть на мероприятии из гражданских. Я не один был, еще было человека четыре таких, как я, – бывших пациентов госпиталя. На столе – спирт, водка бочковая. И нам по бутылке водки нужно было принести с собой. На базаре она стоила 250 рублей за один литр. Вечер длился до утра. И после гулянки я едва при-тащил домой свои ноги.

Скрасил одиночество

Как-то зимой шел с работы. Время было 10 вечера. Дошел до одноэтажного барака. В одном окне горел свет, напротив лампы стояла женщина. Подошел к свету, подошла ближе дама и спрашивает: «Откуда идешь?» Я тоже спросил: «Зачем вам нужно это знать?» Она объяснила, что у нее день рождения, но не с кем его провести. Просто привязалась, чтобы зашел. Бояться ничего не боялся. О болезни думать не думал, да и в голове этого не было.

Зашел к ней в комнату. Там стоял стол, он был прикрыт газетой. Печь топилась, плита краснела. Недалеко от нее стоял топчан под легким старым одеялом. Она узнала и была довольна тем, что мне только утром на работу, что я готов посидеть с ней за столом, а к тому же еще и холост и никто меня не ждет. Женщина задернула занавески на окне, подняла газету и пригласила к столу. С собой она была не худа и не толста, средняя женщина, может быть, постарше меня года на четыре. На столе увидел картофель, селедки штуки две, капусту и бутылку водки бочковой. Нормально пробыл здесь до утра, а потом понес свои кирзовые ботинки в сторону шахты. Больше эту мимолетную подружку не встречал.

Отказался от хорошего

1943 год. Была зима. Я шел с работы в 11 часов вечера. Пурга разыгралась такая сильная, что в некоторых местах нужно было двигаться ползком. Вы-

ход был: оставаться в мойке ночевать, но там – море вшей. Как оденешь спецодежду, чешется все. Когда сдашь одежду в прожарку и потом получишь ее пропаренную, то дня два терпишь. И я все-таки решил идти домой на свой топчан. Двигался согнутым в дугу, кое-где перебирался, прижимаясь к земле. Почти добрался до шахты № 5-6. В районе железнодорожного переезда обгонял женщину. Она зашумела: «Постойте».

Я остановился. Она подошла, спросила: «Куда идете в такую пургу?» Сказал ей куда. Она ответила, что ей со мной по пути. Двинулись вдвоем. Оказалось, она работала в школе учительницей и шла после уроков второй смены домой. Жила в своем доме с отцом и матерью. У нее был ребенок, и она попросила проводить ее до дома. Я это сделал. Около дверей она мне сказала: «Заходи к нам, попьем чай, у нас все есть, что надо». Поблагодарил ее за приглашение и пополз дальше, к топчану, где меня ждали картофель, лапша или каша. Там я мог дать передышку самому дорогому – моему здоровью. Бывало и так, что приходили вдвоем к топчану. Молодые годы ничем не заменишь. Утром вставали и шли в шахту. И большую часть суток находились под землей.

Тем временем происходили общественные изменения. 26 января 1943 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР была образована Кемеровская область. Ее выделили из состава Новосибирской области, и она стала самой густонаселенной частью Сибири и азиатской территории России.

Под колеса попадали лошади

Лошадей спускали в шахту штук 35 в смену, но слишком точно знаю, но где-то около этого. А людей в то время – тысячи три. И вот мне не повезло. В декабре 1942 года работал в ночную смену, с девяти часов вечера до девяти утра, машинистом электровоза. Мой напарник был постарше меня.

Часов в 12 ночи мы везли груз к стволу. Было вагонов 30 двухтонных. Проезжали мимо уклона, где встречался холодный воздух с теплым. Стоял туман, ничего не было видно. Но я почувствовал, что что-то мягкое тронуло меня. В это же мгновение электровоз наш на что-то мягкое наткнулся. Еще метров 30 состав продвинулся и встал. Я вышел и начал ощупывать электровоз. Оказалось, под электровозом – лошадь. Электровоз весил семь тонн и лошадь задавил. Она была мертва. Доложили диспетчеру шахты. Дел оказалось много. Нужно было лошадь вытащить из-под электровоза. Пришла комиссия. Осмотрела место. Принесли ваги, рельсы,

стали поднимать электровоз. Провозились часа два-три. И людей человек 12 было. На меня вину не возложили. Никто никуда не вызывал и ничего не сказал. Так что на лошадях мне не только пришлось работать, но и две лошади при мне смертельно травмировались.

Дети-сироты

В бараке, в котором я отдыхал после трудовых будней, за стенкой нашей квартиры жила женщина лет 40. Муж у нее был забран органами НКВД в 1937 году. У них было трое детей: две девочки и мальчик. Она работала в мойке на шахте. В 1942 году заболела. Мне в их квартире быть не приходилось. И вот однажды часов в 12 дня подъехала телега, на ней кучер и мужчина лет 45. Он пошел к больной. Там никого около нее не было. Он подозвал соседку и спросил: «Есть ли кто в этом бараке, кроме женщин?» Она указала на меня, что я пришел с работы, отдыхаю. Он попросил разбудить меня. Пока я надевал рубаху, этот мужчина сам к нам зашел, поздоровался и спросил: «Ты один в квартире?». Я ответил: «Пока один».

Он заставил женщину выйти. Она ушла. Он спросил, был ли я когда-либо в той квартире, где больная. Я ответил: «Нет». Он: «Тогда пойди со мной, посмотрим вместе». Пошли, там лежала женщина в соломе, прикрытая тряпкой. С соломы что-то капало, под вид гнили. Он меня спросил, видел ли я такое. Я ответил: «Как умирают – видел, а такое – нет». Он сказал, что он директор школы и местный депутат, что ему об этом доложили. Он говорит, что сам нищий, знал нищих, но такого не видел.

Оказывается, когда она почувствовала, что беременна, то что-то приняла – какой-то состав. Сказала, что все сделала сама. Уехал депутат. К вечеру приехала какая-то женщина, привезла матрац, набитый соломой, подушку, тоже соломой набитую, старое одеяло, простыни и что-то из пищи: сахар, хлеба полбулки и консервов одну баночку. Женщины из барака сняли больную с топчана, убрали старую солому, постелили постель, положили на сухое, напоили чаем. А через недели две она умерла. Дети остались. Как им пришлось жить дальше, не знаю.

Не теряй хлебную карточку

Кто терял хлебную карточку, тот погибал. В нашем бараке в поселке Березовая Роща в одной семье был студент сельскохозяйственного техникума. Он потерял хлебную карточку и умер в 18 лет. Когда труженик клал в сумку свою норму хлеба, привязы-

вал ее к шее и работал по 14 часов в сутки. Положить сумку было некуда, могли украсть хлеб. Бывало, что это происходило и на моих глазах.

В тюрьму за прогул

В 1942 году арестовали брата Павла. Приговорили к четырем месяцам тюрьмы за прогул в сапожной мастерской. Пришел милиционер и увел его. Одет он был так: фуфайка и еще что-то из тряпок. Дома корки хлеба не было. Он в городе Гурьевске срок отбывал. Остался жив, потому что молод был. Гнали их от города Белово до Гурьевска (это километров 20–30) своим ходом при температуре минус 40. Охрана была – овчарки и сотрудники НКВД. Когда освободился, брал табуретку и шел на трамвайную остановку просить милостыню для того, чтобы не умереть с голода. Потом я устроил его на лесной склад шахты имени Сталина учетчиком. Он до сего времени доволен этим.

Дали растительное масло

Стало немного с голодом полегче. Кое-что стало выдавать, хотя бы масла растительного по одной бутылке на месяц на человека и еще кое-какие продукты. А работали в семье трое. Я, мать и брат Павел. Братья Иван и Василий собирали, что найдут или заработают от того, что продадут. Помочь некому. Брат Василий ходил в школу, учился плохо. Мать моя тоже отдавала все во имя спасения домочадцев. Боролась со вшами, тряпки парила в чугуне, иначе ничего не сделаешь. Работала по 12 часов и более, как вздумает начальник. С собой домой приносила комок угля и дрова, чтобы детей обогреть. В ней была богатырская сила.

Не все так существовали, как мы. Были люди и обутые, и одетые, и сытые.

Американское сало

К весне 1943 года еще лучше стало. Американцы прислали нам свиное соленое сало. Его выдавали по 30 или 50 граммов на день, были еще талоны на горячее второе блюдо ввиду нашей тяжелой работы. И еще нам каждый месяц стали выдавать по талону на 100 рублей для покупки ткани. Это тоже помощь. Осенью 1943 года тем, кто исправно ходил на работу, дали по два килограмма из того, что было: по полкилограмма масла сливочного, печенья, пряников и сахара. Все это – бесплатно, а кто подарок сделал, нам не говорили.

Сказали также на наряде, кто будет выполнять задания, будут дополнительно давать: забойщику 50 граммов сала и 200 граммов хлеба, остальным – по 30 граммов сала, 200 граммов хлеба и по талону

на горячее второе блюдо. Поэтому кое-кто остался в живых. Тем, кто в шахте возил лес, выгружал его, добавку давали каждый день. Это многое значило.

Желудок так не сосало. Работать заставляли не по-человечески. Но деваться было некуда. И хотя был тот же голод весной, но солнце стало теплее, и как-то оно нас бодрило, только не говорило, когда конец этим адским страданиям будет.

Бизнес грозовых лет

Брат Иван в войну торговал папиросами. Брал по 100 штук, продавал по одной, себе на кусок хлеба зарабатывал. Он же собирал мерзлый картофель. Дома его мыли, толкли и пекли оладьи, называя их тошнотиками. Василий вешал сумку через плечо, милостыню просил у прохожих. А я выполнял задания в шахте. С питанием стало лучше. Только нужно работать, хотя работа низкооплачиваемая, но другую малограмотным никто не даст.

Если к сегодняшнему дню (1980-е годы) перевести, то у меня был самый низкий тариф – 2,1 рубля за смену. Работали по 12 часов. Эшелоны с новыми людьми на шахту продолжали приходить. Видимо, уже с военнопленными. Перед спуском в шахту в клетки людей загоняли, как скот. Кое-где применяли палки.

Ягодный кордон

Выходной день в войну давали один раз в декаду. В 1943 году некоторые люди в сезон регулярно ходили за ягодой в тайгу, благо она не так далеко. Ходили в тайгу после ночной смены. После этого на работе спотыкались суток двое. И вот наберем мы ягоду, а как пройти к дому из тайги? Везде выставляли посты и там собранное отбирали. Но мне не приходилось наткаться на охрану лесов, потому что я знал, где ее обойти. Дома ягоду смешивали, кто с чем. Большинство – с крахмалом. И варили кисель. Это уже была поддержка.

Сажали картофель. Давали нам землю невспаханную по норме – две сотки на человека. Вскapывали землю лопатами. Семена для посадки возили на тачках. И были довольны тем, что много делали и приходили на работу уставшими. При первой возможности в шахте дремали. Это великое счастье было, если дома удавалось на топчане поспать сытому. Нужно было бороться за жизнь каждый день.

Судьба занесла в морг

В те годы случайно пришлось сопровождать погибшего шахтера. Когда мы со смертельно пострадавшим горняком приехали в больницу, нам сказали, что в подвале трупы класть некуда, сначала

нужно разобрать завалы из покойников. Повели нас в подвал морга, открыли дверь. Это помещение глубиной четыре метра, забетонированное, 10 метров ширины и 25 метров длины. По обеим сторонам – двухэтажные полки. Все забиты трупами разного пола, разного возраста. Убрали трупы с лестниц, занесли те, которые только что люди привезли. Нам дали справку, что мы сдали шахтера. Мы ее отвезли в здравпункт. И пошел я искать свой домашний топчан. Боже мой, почему на меня не подействовало увиденное? Наоборот, была радость. Ведь вместо 12 часов на работе я отбыл всего пять. Трупы мне не чудились, не снились.

Лишний кусок хлеба

Работал в те непростые военные годы я и машинистом, и бригадиром. Шел 1944 год. На работе по-прежнему без перемен, но появился лишний кусок хлеба. Голоден уже не был да и забот особых не чувствовал. У машиниста электровоза работа тяжелая. Нас четверо. Привозим лес, я выхожу из кабины машины, выгружаю вместе со всеми лес. Выгрузим, сажусь в машину, еду снова за лесом. И так – все 14 часов. Раньше времени с работы не отпускали. Не по-человечески требовали, а платили мало. За ту месячную зарплату мог купить только ведро картошки. Уже выдавали талоны на штаны, рубахи, ботинки.

Но это решал начальник. Кому хотел, тому и давал талоны. Были лимитные талоны на сто рублей. Можно было ткань, выкупленную в магазине, продать на базаре за 1 000 рублей. Сначала так и делали. К примеру, продашь материал, купишь картофель на посадку. С питанием стало лучше. Начали положенную норму отдавать. Голод стал исчезать. Можно было по карточке в магазине купить костей. При добавке пайка, упали цены на базаре. Можно купить картофельный пирог уже не очень дорогой. В то время появилось на базаре много старой одежды, обуви. Барахолка работала чуть ли не сутками: с рассвета до темна. Появились денежные игры. Отбирали, кто у кого что-то мог отнять. Даже стреляли друг в друга.

Чуть не потерял палец

В 1944 году на работе мне чуть не оторвало палец на левой руке – указательный. Проще говоря, на нем слезло мясо с кости. Было где-то 10 утра. Около ствола прицепа к электровозу порожние «козы». В это время с хвоста по вагонеткам ударил другой электровоз. И у меня мясо кисти руки осталось в рукавице.

Рядом стоял десятник и все видел. Вышел из шахты, помылся. Стояла осень, но уже выпал снег.

Пришел в 12 дня в медпункт шахты. Врач посмотрела на руку и предложила отнять палец. Я им поработал, палец шевелится, хотя и без мяса. Поэтому сказал: «Нет». Она мне говорит: «Давай отнимем палец – рука быстрее заживет». И опять сказал: «Нет». Она: «Не имею права настаивать на своем». Помазала, засыпала чем-то, и пошел я в больницу. Там отправили на перевязку. Рассекли бинт. Очень больно было. А вторая перевязка прошла легче. Дала комиссия больничный на 10 дней. Но всего проходил я по больничному два месяца. За это время отдохнул, увидел солнце, как оно всходит и заходит.

Стал десятником

В конце 1944 года ходили в шахту в ночную смену по 15 дней. И вдруг не вышел десятник на работу. Он шел по улице, упал, потому что что-то у него заболело. Я, работая с девяти часов вечера до девяти утра, в конторе обычно садился на пол около печки, когда народа много, а его всегда было много. Здесь было теплее и подремать можно было. И от глаз начальника дальше. На полу можно выпрямиться. Ты отдыхаешь, пока другие выступают. Наряд шел целый час, пока больше сотни человек отметят. Однажды прозвучал приказ: «Всем – подъем, а Шалакин – останется». Зачем? Вышли все, человек 160. Мне сказали подойти к столу. Подошел, начальник говорит: «Сегодня будешь за десятника, он заболел». Я сказал, что малограмотный. Но отказаться было невозможно. И вот эта ночь – мое первое руководство.

Десятник – самый маленький начальник. Он всегда находится среди рабочих, с ними выполняет наряд, который дали на смену. Это – работа с людьми. Есть один закон для всех: сумеешь – будешь работать, не сумеешь – тебя уберут. Я стал десятником, когда был еще молодым. У меня в кармане – талоны на добавочный хлеб. Около людей стоять не надо, они работу сделают и подойдут за талоном. Для меня не было трудностью, кого куда поставить. Я знал, кто где сможет работать, да и люди меня уважали. Расставлял людей. Подходил к ним по-человечески. Что же получилось? Наряд мы в ту ночь выполнили. Пошел на отчет к начальнику. Он сказал: «Молодец, ты, оказывается, можешь руководить. Отдохни, а завтра зайдешь, напишешь рапорт – отчет о работе – и будешь знать, как его писать».

Рапорт стал проблемой. На второй день я зашел, начальник пригласил нормировщика. Он был мужик хитрый, говорит мне: «Пойдем со мной, я тебе дам старый рапорт и все расскажу». Пришли к

нормировщику, он дал мне старый понятный рапорт, и пошло дело. Так я проработал десятником месяца два. И так началась моя новая профессия. Она физически нетяжелая. Да сначала с меня и не требовал многого начальник. Но все возможное делал, и люди слушали меня. Среди них были немцы, русские, военнопленные. Одеты были кто в чем. Питались тоже так: кто как сумеет. Наряды (задания) были большие. За 14 часов делали немало. Но с каждым днем требовали больше.

Люди – это не вороны. Перо в перо не рождаются, но делятся на медь, серебро, золото, янтарь и ангелов. Слово короткое держат в руках по-разному. Золото – у кого золотые руки и трезвая, умная голова. Он не оскорбит ни малого, ни старого. Так он и жить должен богаче. Я обязан называть его господином лишь потому, что я так не сделаю, как он. Ангел умный, хитрый и хочет поспорить с природой. Таких людей можно редко встретить. Это, по моим наблюдениям, каждый 113-й человек.

И вот выздоровел тот десятник, который до меня был, но его не поставили и меня сняли. Поставили человека с аттестатом. Стал я снова машинистом подземного электровоза. Возил лес и выгружал, кое-когда что-то побаливало в груди.

Потом меня поставили диспетчером. И без конца ставили, снимали, потому что прав на более высокие должности у меня не было. В то время было принято снимать с работы не великих начальников, а таких, как мастера. И была травля друг на друга. Приходишь на смену – вместо тебя уже есть человек.

Непосильные задания

Наряды давали непосильные и требовали их неукоснительного выполнения, оскорбляли. Шахта «Коксовая» была показательной. Кто грубо с людьми обращался, того хвалили.

Да, я еще подробно так и не описал, кто такой десятник. Этот человек пользовался большими правами, и на него кому-то жаловаться не положено было. С полочки ему рабочие давали деньги – по 25 рублей. Да и сам он мог взять. Кто с ним спорил – или погибал, или нес тяжелую кару. Когда он получал деньги, то день или два смотрел по-человечески на людей, а потом снова давил, чтобы получить прибавку в следующий месяц. Мне тоже давали, но я не брал ни водки, ни денег. В мои годы, когда я служил, десятник – старший над людьми – обязан был обеспечить людей местами и заставлять их работать, проводить наряд. Задание было написано на две смены, а выполнять его обязаны были за одну смену.

Садился я за стол, брал журнал, где записаны все. Рядом садился парторг, роста невысокого – 160 сантиметров, откормленный, отдохнувший при полной силе. Ему лет 45. Первое мое слово: «Наряд сложный, постараемся выполнить». За мной вставал парторг. Его слова: «Наряд любой ценой выполнить, да здравствует вождь!» На этом заканчивается наряд. Парторг не умел согнуться. Он мог стоять по стойке смирно, сидеть, лежать. Он не умел за собой окурок убрать, не умел взять в руки метлу, веник. Он знал два слова: «враги», «кулаки». Он знал свой кабинет, квартиру. Его до квартиры провожали. Скажи ему: «Иван Петрович, вот веник, подмети в своем кабинете, убери порожние бутылки». Он этого не сможет сделать. Это называлось – партия. Так было. Он не способен в стакан для себя плеснуть кипятку. Все это делали умелые руки присланных людей. Меня спросят внуки, откуда брали таких людей? Ответить можно. Привозили из Воронежа, Тамбова, Курска. А как их подбирали, не могу знать.

Мне скажут, дед, зачем ты слушал лодырей и дураков? Что ответить? Был молодой, хотел жить. Позже довелось встретиться еще раз с одним, теперь уже бывшим, парторгом. Служил я в то время на лесном складе десятником. Дело было в первую смену. Подходит ко мне бывший парторг. Начальника не было. Он показывает мне документ на дрова. Мой ответ: «Грузите, отпустим». Он говорит: «А людей для погрузки?» Мой ответ: «Не имею права, вы это знаете».

Он замолчал, походил-походил около машины, согнуться сам не мог. Приехал начальник, дал людей, погрузили. И его увезла машина.

Эти люди без ангелов-работников не способны существовать. Кто давал таким парторгам портфель? Мне некуда деваться, я к старости стал коммунистом. Стало быть, тут и моя вина есть. Сейчас, в октябре 1988 года, идут перевыборы в моей партии. Не желаю, чтобы парторгами избирали таких, которые периодически попадались на моем трудовом пути.

Женский труд

Были ли в войну женщины в шахте или их там не было? Конечно, были. И немало. На участке подземной доставки леса шахты «Коксовой» трудились примерно восемь женщин. Они большие труженицы. Как делал я? В своей смене ставил одну старшей и говорил всем: «Вы хозяйева работы, я к вам ходить не буду». И они все делали на большом морозе. Когда какая из них скажет мне, что она не может, потому что больна, как-то шел навстречу и отпущал. А начальнику говорил, что больна.

Оплаты не делал, просто ставил в табеле букву «б». Так это всего один день, и недомогающая женщина была довольна. Не отпусти – это верная болезнь или смерть. Я не злоупотреблял, в гости к ним не ходил и не требовал никакой отдачи. Сейчас в 1980-х годах я здороваюсь с ними, встречая на улице. Боже мой, а сколько осталось неженатых мужчин и незамужних женщин? Причин много. Одни ненавидели нищету. Другие понимали, что мало чего хорошего приносит женитьба при такой скудной жизни.

Молниеносный рейд начальства

В моей памяти сохранился такой случай. Дело было ночью ближе к концу войны. Я был бригадиром на поверхности шахты. Мела пурга, лес быстро подвозить невозможно. В это время мы принимали и развозили лес на горизонт минус 200 метров – действительная глубина от поверхности земли – больше 400 метров. Под уклоном, который с поверхности вел в шахту, был сильный сквозняк. Леса для погрузки в вагонетки временно не было. Получился перекур незапланированный. Мы пошли, где потише, и присели там. Кто дремал, кто бодрствовал. Нас было человек 12.

И вдруг появляется в белой спецодежде начальник шахты. Это был человек выше среднего роста. Говорили, что он татарин, но с фамилией русской. С ним было еще человек семь. Захватили нас врасплох. Мы бежать, обойти их негде было. Они вытолкали нас толчками на открытое место. Мы разбежались, заняли свои рабочие места. Начальник шахты спросил: «Кто старший?» Указали на меня. Он спросил, где я в то время был, когда все дремали. Я ответил, что ходил смотреть порожние «козы». Из этих людей никто не сказал, что я был с ними и также дремал. Он сказал: «Всем срезаю паек хлеба. Было 800 граммов в сутки, будет – 600».

Утром позвонил мне начальник и сказал, чтобы я зашел на отчет к нему. Мы наряд все же выполнили и закончили работу не в девять утра, а в 11 часов. Пришел к начальнику, рассказал, как было. Он говорит: «Что делать? Завтра урежут паек, иди к директору, проси прощения за всю бригаду, а я буду у телефона. Как позвонит, тоже просить буду». Пошел я. Директор был один. Принял меня. Он позвонил начальнику. Мне не было слышно, о чем они говорили. Когда он положил трубку, сказал: «В последний раз прощаю». Я вышел из комбината, пошел в мойку, где меня ждали все, кто попал в переполах. Я сказал им, что мне сказали. Пошли мы отдыхать. Все были довольны.

Еще одна травма

В ночную смену мы выгрузили лес и ехали в пустых вагонетках под лесным уклоном. Время было два часа ночи. Видим: на путях стоит человек, машет головой. И руки его тоже на голове. Пришлось остановиться. Мужчина высоко держал в одной руке свою вторую травмированную руку. Когда я подошел к нему, он сказал: «Подвезите меня, голова кружится». Спросил: «Что случилось?» Он показал руку. Ладонь до кости была разорвана. Мы подвезли его, помогли выбраться из вагонетки. Когда он пошел дальше, то сказал, что рад случаю. Каждый из нас тратил на работе 14 часов и больше в сутки. Если человек добывал себе еще и пищу, чтобы сытым быть, он спал на ходу при любой обстановке. Но не оговаривался, все старался выполнить, но любую свободную минуту спал. Все ли так жили? Нет. Начиная с горного мастера и выше, снабжение – особая столовая, где они могли свободно попить чай и покушать. К начальнику прикрепляли кучера с лошадью и повозкой. А людьми он мог распоряжаться, как хотел. Это на самом деле были очень тяжелые годы.

Грубая ошибка

Услышал, как один человек, по национальности немец, сказал, что наше государство – страна дураков. Думаю, эти его слова – грубая ошибка. Причесывать всех одним гребешком не положено. Мне довелось служить с людьми многих наций и народностей. Всех их долго перечислять. Каждый человек имеет свою голову, свой характер. Не признаю хорошей или плохой нации. Все из одного теста. А прожить свою жизнь короткую и сказать: «Прожито хорошо» – невозможно. Необходимо много учиться. Нужно, например, уметь правильно открыть и закрыть кран, правильно набрать в стакан воды, утолить жажду, чтобы к этому лежала душа и было красиво.

Выбрал спутницу жизни

В 1944 году мне исполнилось 26 лет. Стали бабы спрашивать у моей матери: «Будет Трофим жениться или нет?» Женщины и девки вокруг меня были, конечно. Можно было уйти из своей семьи к какой-нибудь подруге, но нельзя было вырваться из шахты. Однако в январе 1945 года произошла моя женитьба на Татьяне Ивановне Головяшкиной. Как ее нашел? Я возил в шахте «Коксовой» лес на электровозе. А она заряжала батареи для него. Была старшей зарядчицей в подземной мастерской при локомотивном депо. Один раз сходили в кино, всего-то знали друг друга две недели. На ее участке

работал мужчина старше меня годами. Он уже имел свою семью и говорил мне: «Трофим, бери Татьяну, она работает хорошо и небессовестная». Он уточнил, что сам живет рядом с ними. Вот так нашел я Татьяну Ивановну Головяшкину. Она родилась 10 сентября 1924 года в селе Долганка Крутихинского района Алтайского края. Во время индустриализации их семью более-менее организованно делегировали с обских просторов в Прокопьевск. На вид Татьяна Ивановна была, нельзя сказать, что плоха, но тоже – нищая. Я догадывался, что еще и неважно видела.

Подошло время сватовства. Пошли со мной к сватам мать и товарищ по работе. Он старше меня был лет на 12. По пути он мне говорит: «Трофим, давай не пойдем Татьяну сватать, а пойдем в другое место, это для тебя будет лучше». Я ту даму тоже знал, видеть видел, но говорить с ней не говорил. Я сказал: «Нет, пошли к Татьяне Ивановне». И сосватали ее. На следующий день я взял у начальника лошадь, чтобы перевезти богатство невесты в наш барак в Березовой Роще. Там везти было нечего: маленький сундук полупустой. Она жила недалеко от шахты «Коксовая», около ее терриконика в полуземлянке. Уголь они не покупали, а носили с этой горы, там его можно было набрать сколько угодно. В их землянке невест много было набито, как селетки в бочке. Когда на подводе ехали через городской базар, купили койку, из труб сваренную.

И вот приехали в Березовую Рощу. Поставили койку, покрашенную белой краской, в комнате. Привез на этой лошади я и уголь. Стал хозяином. На следующий день пришел брат Татьяны Ивановны – Михаил, хотел узнать, где и как живет сестра. Пообедал, выпил и ушел. Через день сестра Татьяны Ивановны пришла пол мыть, но моя мать быстро ее отправила восвояси. Хотели справить вечер. Дал я 1 000 рублей теще Ульяне Ивановне Головяшкиной. Поехала она с сыном Михаилом в Новокузнецк, чтобы купить там хорошей водки. По дороге 200 рублей пропили, остальные вернули. Вот так и повечеряли.

Свободный гражданин

Я пережил то, что не каждому удалось прожить. Считаю, как будто вышел из могилы. К концу войны я был уже свободный гражданин Советского Союза. Как же это получилось? Я уже говорил, что когда учился в вечернем техникуме, учительница русского языка сказала мне написать письмо в Верховный Совет СССР о том, что я никакой не враг ни себе, ни стране. Прощение о разъяснении моего положения

было написано и отправлено в Москву. Но об этом я со временем забыл.

И вот в марте 1945 года мне пришла повестка с распоряжением: срочно явиться в Прокопьевский городской отдел милиции. Подумал: «Может, это по поводу пострадавшей лошади вызывают». Пришел в горотдел к указанному времени, предъявил повестку. Мне сказали: «Заходи». Кабинет длинный. За столом сидел мужчина лет 40. Я был от него в четырех метрах. Он поинтересовался, подавал ли я когда-нибудь прошение в Верховный Совет. Припомнил и сказал:

– Давно.

– Почему не получал документ?

Я сказал:

– Мне никто не говорил об этом.

– Чем занимаешься?

Ответил:

– Работаю.

– Может быть, войны боялся?

– Записывался добровольцем.

Тогда он запросил мои дела. Принесли. Хозяин кабинета посмотрел их и сказал: «Ты не виноват, сейчас тебе принесут три справки. Получишь свободный паспорт и будешь свободным гражданином СССР». Долго ждать не пришлось, скоро выдали справки, я расписался за них.

На следующий день пошел в милицию, где была огромная очередь, и сдал те справки. Через неделю пришел за свободным паспортом. А вечером мне подали паспорт без права выезда. Такой же, какой у меня до этого был. Я паспортистке сказал: «Такой паспорт мне не нужен, я сдавал документы на другой». Но говорить с ней было бесполезно. Тогда я пошел напрямик к начальнику милиции и отдал ему одинаковые паспорта. Через месяц мне дали временный волчий билет на шесть месяцев, а после – с какой-то ограничительной статьей, но с тем паспортом уже можно было свободно ездить по Советскому Союзу.

Кто и за что воевал?

Войну описывать не желаю. Я ее слегка касался, да немного боюсь правды. Мне говорили, что про войну много написано, но так, как Лев Толстой, вроде бы не написал никто подходяще. Не написал бы и он про ту войну, при которой я существовал на планете. Не написал бы и то, как я ее понимаю или представляю. А сам не хочу царапать о своих понятиях.

Мне скажут, чего бояться? Не могу ответить на этот вопрос. Нельзя без конца упираться в войну, ее понимают по-разному. Поэтому боюсь о ней писать. Недавно встретил двух фронтовиков. Спрашивают: «За что мы воевали?» Каким был мой ответ? Прошел мимо молча.

Есть погибшие на войне и вернувшиеся с полей сражений в нашей родове. По линии Ивана Федотовича Шелакина – Федор Павлович Андреяшин, награжденный орденами Красной Звезды и Отечественной войны. В Польше погиб Григорий Васильевич Левченко, брат моей матери. При перегоне бомбардировщика на фронт в 1943 году погиб борттехник Николай Иванович Шелакин. Не вернулся с фронта журналист Николай Софонович, сын моей тети. Прошел фронтовыми дорогами и вернулся к мирной жизни брат матери Дмитрий Васильевич Левченко. И это далеко не полный список.

Знамя ГКО

В годы войны шахта «Коксовая» являлась крупным поставщиком коксующихся углей. За пять военных лет здесь добыли для промышленных предприятий более 11 миллионов тонн топлива. За это шахте передали на вечное хранение Красное знамя Государственного Комитета Оборона. В городе Прокопьевске за 1941–1945 годы выдали на-гора 25 миллионов тонн угля. Его жители в фонд обороны собрали более 36 миллионов рублей – астрономическую сумму. А Кемеровская область за годы нарастила производственные мощности вдвое.

Публикация Григория ШАЛАКИНА

Эдуард АНАШКИН

ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

К 80-летию со дня рождения Валентина Распутина

15 марта Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось бы 80 лет со дня рождения. Судьба распорядилась так, что день рождения и день памяти нашего классика стали одной датой. И в этом ещё одно подтверждение мистики судьбы Распутина, невольно наводящее на глубокие раздумья. По долгом размышлении я решил опубликовать фрагмент своей будущей книги «Валентин Распутин. Жизнь и творчество. Наши встречи за 50 лет». Над книгой ещё работаю, торопиться в таком деле нельзя, суеты осмысление значения Распутина для России не терпит. Но, думно мне, юбилейная распутинская дата – значимый повод представить читателям этот материал.

Казалось, как вчера, имел я счастье встречаться и беседовать с Валентином Григорьевичем! И по прошествии нескольких лет никак не могу поверить, что его нет среди нас. То, что мне его очень не хватает – встреч с ним, разговоров, писем, просто дружеского общения – полбеды. Распутин очень не хватает России на её очередных непростых исторических путях.

Как утешение достаю и перечитываю его письма ко мне, перечитываю дневниковые записи и словно бы въяве слышу его голос, вижу его внимательный, доброжелательный взгляд. Эта книга и этот материал по праву моей памяти общения с выдающимся русским писателем, быть может, последним русским классиком в смысле верности Распутин великим заветам русской литературы.

* * *

В пору, когда Валентин Григорьевич работал над повестью «Мать Ивана, дочь Ивана», нам как-то довелось с ним неспешно прогуляться по парку в Доме творчества Переделкино. Остановились около пруда. Погода была прекрасная – лёгкий морозец, ни ветерка.

– Эдуард, – обратился ко мне Распутин. – Я заметил, что ты, когда приезжаешь в Переделкино, обустроиваешься в старом двухэтажном корпусе. Но ведь там, в номерах, нет условий проживания таких, как в новом корпусе. Может, тебе не хватает денег снять номер в новом корпусе? Так я помогу!

От такого вопроса-предложения я немного растерялся, но решил ответить, как есть:

– Видите ли, Валентин Григорьевич, в старом корпусе даже стены пропитаны, намолены присутствием в них в разное время великих писателей... Они здесь

жили, общались, работали над своими знаменитыми произведениями, подходили к телефону около дежурного и вели разговоры с родными, издательствами, редакторами. А в новом корпусе, признаюсь, хоть и условия хороши, да вот того писательского духа нет, который бы подзаряжал творческой энергией. Не пропах ещё в полную силу новый корпус писательским духом!

Валентин Григорьевич задумчиво улыбнулся:

– А ты, наверное, прав... Вот ты сказал про великих писателей прошлого, а я вспомнил Читку и давний-предавний семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, где мы с тобой познакомились. Там тоже было немало выдающихся писателей...

Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полвека назад. С тех пор каждое его письмо, каждый личный и телефонный разговор с Валентином Григорьевичем становились событием в моей жизни, о котором я долго помнил. Порой некоторые писатели, зная нашу с Распутиным дружбу, косились, мол, Анашкин, видимо, Распутину надоедает, пытаясь просочиться на страницы журналов. Но, честно скажу, мне и в голову никогда не приходило просить Валентина Григорьевича помочь мне напечататься. Не хотелось тратить драгоценное время, отпущенное на общение с ним, на такие житейские темы. Пересеклись мы как-то в Правлении Союза писателей России, на Комсомольском проспекте, на втором этаже, около приёмной. Поздоровались, пожали друг другу руки. «Как дела? – спросил Распутин и вдруг поинтересовался: – А где новая рукопись? С собой?»

Рукопись у меня была с собой. Кто из нас, писателей-провинциалов, приходя в главное писательское Правление, не берёт с собой произведения в надежде, а вдруг да случится познакомиться с редактором издания, которому как раз в это самое время ты позарез нужен со своими «нетленками»? Я протянул Распутину папку с рукописью.

– Посмотрю, скажу своё мнение, – сказал Распутин и начал спускаться по лестнице на первый этаж, на ходу добавив: – Время и желание будет – приходи ко мне домой. Всегда рад встрече. Надеюсь, найдёшь, не заблудишься.

Заблудиться я не побоялся, а вот опасение показаться навязчивым оказалось. На квартиру Валентина Распутина в Старокопюшенный переулок я пойти не осмелился.

Возвращаюсь домой в Самарскую область. Через несколько дней после возвращения домой от Распутина звонок: «Ты почему не пришёл ко мне? Я разыскивал тебя в Переделкино, не нашёл, сказали, что уехал. К твоей новой книге я написал короткое предисловие. Когда получишь письмо, позвони, если с чем-то не согласен. Буду ждать звонка. Смотри не зазнайся у себя в деревне (в трубке раздался смех). Светлане Ивановне очень понравились твои рассказы, она даже плакала». Может, и нехорошо в том признаваться, но, услы-

шав слова о том, что фактически я довёл до слёз Светлану Ивановну, я обрадовался!

Подумалось, что, наверное, не со мной одним, как автором, он поступал как врач, главная заповедь которого: «Не навреди». Памятно мне одно письмо Валентина Григорьевича от 28 ноября 2001 года. Вот цитата из него: «Вполне может быть, что моё суждение о рукописи Вам не понравится. В таком случае откажитесь от него, а с моей стороны никаких обид быть не может. Повредить Вашей книге было бы для меня неприятно...»

Вообще каждое его письмо становилось для меня событием. Вот цитата из письма от 5 июня 2002 года из Иркутска: «Очень виноват перед Вами за молчание. Свой юбилей (тогда Валентину Григорьевичу исполнилось 65 лет. – Прим. авт.) праздновали с вашим гостинцем-степным мёдом во главе стола. 15–16 марта уже у меня были тяжёлые, я уже 17-го отправился на поезде в Иркутск. Дома пришёл в полную негодность и два месяца не подходил к письменному столу ни для «художеств», ни для писем. Забросил всё, даже деловую переписку, так мне достаётся Москва. Полная психическая немощь. Только теперь начинаю с трудом отзываться на своё существование, виноват перед многими за своё «небытие», но что делать!.. И ещё одно: когда дойдёт дело до книги, для которой я писал свои два или три листочка, дайте мне, пожалуйста, знать предварительно. Чтобы я мог свои листочки посмотреть...»

До чего обаятельны были распутинские письма, добрые и самоироничные, кратко талантливые, но при этом такие ёмкие по смыслу: «Я в своём духе, т. е. умею надолго пропадать. Наконец недостающие строчки для начала предисловия отправляю. Что выбрасывается, пометил. Удач Вам! В. Распутин».

И вот на излёте 2002 года Самарское отделение Литературного фонда России выпустило мою книгу «Запрягу судьбу я в санки» с предисловием Валентина Григорьевича, которое называлось «На добро – добром!». Привожу его полностью вовсе не из авторской гордыни, а затем, что в этих строчках живёт взгляд нашего классика на непростую жизнь народа, из гущи которого он никуда не выходил. А жил в народе и потому стал народом любим. А я что? Я лишь один из предшественников русского народа, которому повезло познакомиться и общаться с Распутиным. Вот что он написал:

«В этой книге всё, казалось бы, просто и нарочно обыденно. Простые люди, простые характеры и жизнь как жизнь, без стремительных и оглушительных подъёмов и падений. И пишет автор простодушно и незастейливо, обыденно, но и бережно, как-то по-отцовски вникая в каждую предложенную судьбу. И герои его не врываются в читательский мир, а входят с осторожностью, как и полагается гостям, и уж после неторопливого общения появляется к ним дружеское расположение. В литературе, кроме техники письма и степени доверия к героям, есть ещё одна составляющая, от которой ничуть не меньше зависит конечный резуль-

тат. Техника может быть безупречной, события могут происходить как наяву, в самой естественной, не вызывающей подозрений форме, но у читателя тем не менее доверия к происходящему не будет. Он станет наблюдать за ними как бы со стороны, не решаясь войти внутрь и отдаться сопереживанию, потому что книга, в которую его приглашают, по профессиональным качествам котирующаяся высоко, написана холодным сердцем. В ней нет ни тепла, ни уюта, ни дружеского расположения, там по душам не поговоришь и душу свою не полечишь.

Эта книга написана бывшим детдомовцем, и вся она – от начала до конца – посвящена им же. Надо ли говорить, что это особого психического склада люди, униженные своим сиротством и оскорблённые той жестокой действительностью, которая с каждым годом всё беспощадней продолжает плодить сиротство. Спасти их может только совокупное добро, получаемое от государства, от воспитателей и учителей, от окружающих и от таких же, как они, покинувших детдомовские стены прежде. Не воз гуманитарной помощи со сникерсами и кока-колой, доставленной из Америки или Европы, не компьютер, привезённый богатым дядей, который купил и огородил забором пустошь за холмом, где детдомовцы собирали грибы для общего стола, не пакеты со сладостями, выпадающими раз в год, и не бесплатный Дед Мороз к Новому году помогут им смягчить боль своей раненой души. А повсеместное и сознательное наше родительство, не скупающееся на ласковое слово и поощрительный взгляд, деликатная поддержка, целительное внимание, охранение от зла. По отношению к ним не должно быть чужих и посторонних. Все мы вольно или невольно виноваты в их сиротстве.

В этой книге из всех литературных достоинств есть самое главное – она удивительно добра. Добра, в некоторых случаях может показаться даже чересчур, добро неестественно, неоправданно, несовместимо с тем, во что сегодня превратилась Россия и во что превратился в ней человек. Но вот вопрос: разве может быть где-то, в том числе и в литературе, излишнее добро? И как это – много? Разве мы уже, как у Достоевского в рассказе «Сон смешного человека», всё зло преодолели и погрузились в сияющую, как солнце, нравственную гармонию? Напротив, мы погрязли во зле, у нас огромная, бесперебойно работающая идеологическая система, вырабатывающая зло. И за всякий лучик добра мы хватаемся, как за спасение.

А вот герои книги Эдуарда Анашкина живут добром так же естественно, как все мы дышим воздухом, – и никаких! «А всё-таки она вертится!» – сказано было одним упрямым о нашей планете, считавшейся в его пору центром Вселенной. «А всё-таки добра больше!» – с тем же упрямством уверяет автор этой книги. И что бы вокруг него ни говорили, какие бы ни вели подсчёты, а он прав. Без любви к человеку и без веры

в него жизнь теряет всякий смысл. Поверим же ему. В любой области человеческой деятельности, если она терпит крушение, начинать следует с азов. И всюду эти азы – одно: любовь и вера. Валентин РАСПУТИН».

* * *

Конечно, сразу же после выхода книги я отправил одну с дарственной подписью Распутину. А 19 января 2003 года, в день Крещения Господня, Валентин Григорьевич пишет мне письмо: «Поздравляю Вас с выходом книги; это всегда событие для писателя из глубинки, а для Вас, должно быть, событие вдвойне, потому что уж очень с большими трудностями она выходила. Это-то ладно, и вышла, казалось бы, и хорошо, но что-то уж очень поскупились с тиражом. Что это за тираж – 500 экз.! Ох, и комментировать не хочется! Я искренне рад рождению Вашей книги. Это хороший Ваш новогодний подарок. Будьте здоровы и новых Вам книг!»

Видимо, с лёгкой руки Распутина моя книга пошла по России. Иначе, как же она попала к главному редактору журнала «Уроки литературы» Надежде Леонидовне Крупиной? Хотя уточнять этот вопрос я не стал ни у Валентина Григорьевича, ни у Надежды Леонидовны, а только однажды получаю бандероль, в которой несколько номеров журнала «Уроки литературы». Начал перелистывать страницы журнала и обомлел: мой рассказ «Вовкин поцелуй» журнал «Уроки литературы» не только опубликовал, по этому рассказу, оказывается, во многих школах России прошли уроки. И учителя средних школ на страницах журнала делились своими впечатлениями о проведённых уроках.

Позже многие рассказы из сборника «Запрягу судьбу я в санки», крёстным отцом которого стал Валентин Григорьевич, были напечатаны и в других столичных журналах: «К единству!», «Россия молодая», «Наша улица». А Николай Дорошенко опубликовал все рассказы в нескольких номерах газеты «Российский писатель». Уверен, что именно предисловие Валентина Григорьевича Распутина к этой моей книге проложило ей такую широкую дорогу к читателю!

* * *

Валентин Григорьевич был настоящим русским интеллигентом. За все годы нашей дружбы я не слышал от него ни одного скверного слова. Помнится, однажды после ужина в Переделкино я провожал Распутину до нового корпуса. О чём-то разговорились, и я, возмущённый несправедливостью по отношению ко мне персонала, загнул по-русски. Валентин Григорьевич вдруг резко остановился, поднял голову, и я увидел его глаза, испытующе глядящие на меня:

– Эдуард, никогда не пачкай душу об эти слова. У нас такой богатый язык. Следи за своей речью. Не забывай, что ты писатель!

Его удивительный талант, конечно, не мог оставить равнодушным никого. Одни его пламенно люби-

ли, другие писали на него доносы за его гениальные, но якобы «антисоветские» повести. Когда начальник политического управления Советской армии и Военно-морского флота А. А. Епишев узнал о повести Распутина «Живи и помни», то запретил подписку на опубликованный эту повесть журнал «Наш современник» для библиотек воинских частей.

Известный русский поэт – иркутянин Владимир Скиф вспоминает о Валентине Распутине: «За чаем (этот разговор произошёл на даче Распутиных в порту Байкал. – Прим. авт.) я спросил у Вали: «Я знаю, что тебе пишут очень много доброжелательных и восхищённых писем. А есть ли письма, в которых тебя ругают?» – «Случается», – коротко ответил он. Однажды пришло просто разгромное письмо. Это было после публикации повести «Живи и помни». В нём автор разносил Распутину в пух и прах, грозился обратиться с письмом в соответствующие органы за подрыв советской идеологии и с просьбой, чтобы его наказали за разрушительную работу против СССР. «И что? Ты ответил?» – спросил я. «А зачем?» – Валя замолчал. «А подпись? Подпись была? И кто автор письма, он указал, кто он?» – «Некто Иванов Николай Петрович, фронтовик, орденосец», – «Тебе, наверное, стало худо от этого письма...» – «Было, конечно, очень неприятно. Но потом я привык. Такие письма теперь для меня не редкость», – «Да, странно». – «Ничего странного. Мне-то понятно, кто водил рукой того же Иванова», – «А где это письмо?» – «Я выбросил. Я всё выбрасываю...»

* * *

Когда в ноябрьском номере журнала «Наш современник» за 2003 год была опубликована повесть Валентина Григорьевича «Дочь Ивана, мать Ивана», то очень точно высказался заслуженный деятель искусств России, академик РАЕН, искусствовед, историк, писатель, лауреат многих наград Савва Васильевич Ямщиков: «Читая о дочери и матери Иванов, я отчётливо понял, откуда глубокие борозды и тени на лице их создателя. Пропустить через себя такие коллизии не каждому под силу. Уверен, что критики немало слов напишут о новой распутинской повести. Наиболее шустрые враз прорезались. С лёгкостью необыкновенной вездесущий Дм. Быков, не поняв и малой доли многоосмысленности классического сочинения, успел уличить писателя в «русифильстве» и свысока поучить «товарища по цеху» «уму-разуму!» Прав оказался Савва Васильевич Ямщиков!

Сначала, после публикации новой распутинской повести, воцарилась тишина, как всегда она воцаряется после редкого в море разливанном лжи правдивого слова. А затем началось. И по нарастающей. Не только в столице! Судили-рядили об этом новом детище Распутина все кому не лень. Местные писаки, ничтоже сумняшеся, сравнивали Валентина Григорьевича с местными гениями, а в каждом регионе эти местные-помест-

ные, как известно, свои. Попутно вспоминали предыдущие повести Распутина, особенно «Живи и помни». Даже сибиряки не остались в стороне, тоже захотелось лягнуть выдающегося коллегу-земляка, видимо, за то, что «посмел» стать классиком при жизни.

Так, некий, никому не известный далее города проживания (город Черемхово. – *Прим. авт.*) Александр Серёдкин в статье «Предательство возвели в ранг доблести» («Литературная Россия», № 13 от 31.03.2006 года) пишет о фильме «В круге первом» Глеба Панфилова, экранизовавшего десять серий Солженицына: «Книги Солженицына читают немногие. И он решил на-верстать не мытьем, так катаньем, чтобы донести до граждан поверженной России свои не востребуемые тома сериалами». Я не большой поклонник идей и творчества Александра Солженицына. Но пресловутый Серёдкин зачем-то попутно не преминул лягнуть Распутина, проводя, мягко говоря, сильно натянутую параллель между творчеством Солженицына и Распутина, писателей, несопоставимых по уровню художественного таланта. И литературная Самара, увы, не осталась в стороне в попытке низвержения Распутина. Одна из самарских газетёнок (потому что уважаемые газеты вряд ли позволят себе такое отношение к признанному во всём мире классику), рассказывая об экранизации режиссёром Прошкиным повести Валентина Распутина «Живи и помни», назвала распутинскую повесть «непопулярной»... Как говорится, хотели обидеть, а получилось наоборот, если учесть, что сегодня популярны лишь вышедшие в тираж безголосые певцы и певички.

Но это я сейчас, по прошествии лет, понимаю умом всю глупость самарских «популистов». А тогда так меня задело это интервью самарской журналистки со столичным режиссёром Прошкиным, что не смог я промолчать, написал статью «Популярно о непопулярном», отправил на сайт «Русское Воскресение» Союза писателей России.

ПОПУЛЯРНО О НЕПОПУЛЯРНОМ

Стыдно за самарское околотературное хамство

С печалью приходится констатировать: околотературный моськизм, когда местечковые «журналишки» считают хорошим тоном гавкать на прижизненных всероссийских писателей-классиков, стал одним из принципов самарской журналистики. Намедни одна из самарских «жёлто-бульварных» газет*, рассказывая об экранизации режиссёром Прошкиным повести Валентина Распутина «Живи и помни», назвала повесть «непопулярной». По всему видно, что определением «непопулярная» горе-журналистка Татьяна Си...кова, яко моська слона, хотела укусить современного русского классика Распутина. Но не подраассчитала силёнок и попала впросак. Впрочем, о чём я? Где Распутин и где эта жёлтая газетка, коих в одной Самаре многая мно-

жество?! Видимо, обаяние популярности, помноженное на одичание поп-культурой (культурой поп, как её ещё называют), среди журналистов дошло до такой степени, что они уже не в силах отличить хулы от хвалы. По себе, бедолаги, судят! Но разве уважающего себя и своих читателей художника может порадовать принадлежность его творчества к «культуре поп»? Не буду называть имя «популярной» газеты (на которую почему-то на селе заставляют подписываться в добровольно-принудительной журналке!). Не буду порицать иных особей местной журналистики. Сам я одно время работал в газете и знаю, как легко отупить на журналистской работе, которая приучает человека к цинизму и поверхности суждений. О каких приоритетах можно говорить, когда пресловутая газетка пафосно пишет о проводимом их редакцией среди сотрудников и авторов газеты чемпионате по пьяным шашкам и даже называет имя победителя чемпионата по пьяным шашкам, не понимая тем самым, что дискредитирует человека подобной «похвалой».

Странно мне только, что сия газета, которая кормится с руки государства в лице областного правительства Самарской области, считает при этом хорошим тоном лягать это же государство в лице Президента России, который в 2004 году наградил «непопулярного писателя» Валентина Распутина премией. Но странностей у нас сегодня в России предостаточно, никакого Салтыкова-Щедрина не хватит, чтобы их описать! Позабавило в этом материале, посвящённом самарской премьерке фильма по повести Распутина «Живи и помни», интервью режиссёра фильма Александра Прошкина. Сразу скажу – точность этого интервью, якобы данного Прошкиным газете, оставляю на совести пресловутой «популярной» журналистки Татьяны Си...ковой. Цитата из Прошкина: «У Распутина вообще много литературщины, которую в фильм нельзя ставить. Повесть ведь очень принадлежит своему времени, невозможно сегодня читать её...» Подивил режиссёр так подивил! Снял кино, а о чём оно, так и не понял! Разве предательство, являющееся основным предметом художественного исследования распутинской повести, невечно на нашей земле? Господин Прошкин, да оглянитесь же вокруг – тотальное предательство стало едва ли не нормой жизни современной России. Президент Медведев едва ли не за голову берётся, когда говорит о неискоренимой коррупции в России. А коррупция – это то же предательство государственных и национальных интересов! Да если бы только коррупция была ныне единственной формой предательства на Руси!.. Далее популярный режиссёр, экранизовавший «непопулярную» распутинскую повесть, якобы говорит «популярной» журналистке: «Вообще я стараюсь с авторами не общаться и предпочитаю экранизировать произведения уже мёртвых писателей...» Конечно, куда как легче режиссёрам иметь дело с покойными гениями. Покойные классики смол-

* Симакова Т. Очень немодное кино // Волжская коммуна. 2009. № 130.

чат и не смогут отстоять своё детище – это нам показала недавняя премьера «Тихого Дона»... Насколько полнокровен «Тихий Дон» Сергей Герасимова, подбирать актёров для которого помогал сам Михаил Александрович Шолохов, настолько же выхолощен «Тихий Дон» Бондарчука... Я вообще уверен: чтобы экранизировать классику на должном уровне, надо быть режиссёром, который по таланту сопоставим с экранизируемым писателем, как художник. Гениального писателя должен экранизировать гениальный режиссёр, иначе будет ситуация, когда сапожник пытается судить произведение искусства «выше сапога», налагая свои «сапожные» критерии на понятия художественности.

По иронии судьбы кинокартина Прошкина по «непопулярной» повести Валентина Распутина «Живи и помни» получила Гран-при как лучший фильм 15-го российского кинофестиваля «Литература и кино» в Гатчине. Операторы Геннадий Карюк и Александр Карюк награждены специальным призом фестиваля за лучшую операторскую работу. Роман Дормидошин отмечен призом жюри имени композитора Андрея Петрова за лучшую музыку. Но вряд ли бы хороший фильм состоялся, не будь изначально хорошего литературного произведения, положенного в его основу. Даже либеральная кинематографическая «тусовка» не смогла при всём желании замолчать фильм по гениально «непопулярной» повести Распутина «Живи и помни». Фильм получил сразу несколько призов на фестивале «Тэффи» у Михаила Швыдкого... Короче, фильм высоко оценили и красные, и белые, и почвенники, и либералы – все, но только не самарская бульварная газетка! Я считаю себя писателем-почвенником, поскольку всю жизнь живу на этой самой русской почве и тем горд. Чтобы посмотреть фильм, вынужден был купить видеодиск. После просмотра, положив руку на сердце, не могу сказать, что прошкинская экранизация достойно выдержала конкуренцию с гениально самодостаточным распутинским текстом. Это тема отдельного разговора о том, насколько вообще нынешние режиссёры способны подняться до уровня экранизации «непопулярной» классики. Возможно, если бы я смотрел фильм на широком экране, он бы мне понравился больше. Но если впечатление от фильма кардинально зависит лишь от размера экрана, то... Знаю одно: если встанет вопрос, что лучше – посмотреть фильм или перечитать повесть, однозначно предпочту второе!

Валентин Распутин категорически непопулярный писатель. Само сопоставление Распутина и популярности кажется смешным. Не придёт же нам в голову поверять критерием популярности наследие прижизненных классиков Габриэля Гарсиа Маркеса или Мориса Дрюона! К ним можно отнести немало эпитетов, но эпитет «популярный» будет едва ли не последним в этом ряду. Оставим популярность голосистым певичкам, сочинительницам дамских романов да журналисткам жёлтых провинциальных газеток. Популярность

преходяща. Приходят и уходят идеологии, мировоззрения, президенты. А «непопулярная» классика переживает всех. И повесть Распутина о таком непреходящем, увы, явлении, как предательство, останется в веках, потому что помогает нам постичь суть этого явления. Что касается Распутина, то категорически не может быть «популярным», как червонец, писатель – Герой Социалистического Труда, имеющий два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден «Знак Почёта». Писатель, впервые лауреатом Государственной премии ставший ещё тогда, когда наша страна называлась СССР. И ставший лауреатом именно за «непопулярную» повесть «Живи и помни!» Спустя десять лет Распутин – вновь лауреат Государственной премии. Менялись властители, режимы, идеологии – на смену партократам пришли демократы. В 2004 году, как я уже упоминал выше, Валентин Распутин был награждён премией Президента России. В марте 2007 года Президент Путин наградил Валентина Григорьевича орденом «За заслуги перед Отечеством»... Можно долго перечислять награды «непопулярного» Валентина Григорьевича Распутина. Но сам он не любил этих перечислений. А я по опыту своего с ним общения знаю, что наиболее высоко наш классик ценил Международную премию имени Фёдора Михайловича Достоевского – куда более скромную в материально-финансовом выражении, нежели другие его премии, но зато освящённую именем «непопулярного» Достоевского. Того самого Достоевского, который несколько лет назад был так гениально экранизирован режиссёром Бортко. И не помешали режиссёру Бортко, который поставил «Идиота», сделать гениальный фильм пространные монологи, что произносят герои Достоевского. Может, режиссёру Прошкину лучше не гоняться за призрачной популярностью, а у режиссёра Бортко поучиться умению понимать и ставить классику?

Зачем пишу эту статью? А затем, что стыдно за родное самарское околотературное хамство и истекающее из этого хамства стремление своим региональным обывательско-бульварным аршином изменять явления всероссийского и всемирного масштаба. Так ведь и аршин сломать недолго.

* * *

Когда статья была напечатана на сайте «Русское Воскресение», я получил много писем и отзывов со всей России, авторы которых горячо меня благодарили. Неожиданно откликнулся и Валентин Григорьевич:

«Дорогой Эдуард! Спасибо за поддержку в Самаре моей работы и моего имени. От Симачовых никуда не деться. Эти безграмотные и подловатые люди для того и существуют, чтобы защищать дурное и набрасываться на иное. За последние десятилетия в России расплодилось столько Татьян Симачовых, что как-то и стыдно иной раз становится за Россию. С них, как говорится, взятки гладки. Но меня удивил так называе-

мый режиссёр Прошкин. Кто его, интересно, заставлял брать мою повесть «Живи и помни»? Кстати, текст её от начала и до конца должен быть мой, если Прошкин не напортил что-нибудь. Не годился он для Прошкина – зачем брал, кто его заставлял? Меня это удивляет больше всего. Коли взял, да ещё по своей воле, ты и только ты несёшь ответственность за неё. Эта Татьяна Симакова и подобные ей могут говорить о ней всё, что угодно, а ты уже не можешь. Ну их подальше! Всё, что требовалось сказать, ты сказал в своей работе. Я недели через две собираюсь лечь опять в больницу. А затем уже буду собираться в Иркутск. Но это уже ближе к маю. Работа твоя – я имею в виду «Популярно о непопулярном» – серьёзная и о многом говорит помимо моих с Прошкиным отношений. Серьёзная работа. Кланяюсь. В. Распутин».

* * *

В золотой юбилей – 50 лет совместной жизни – Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна решили обвенчаться.

12 октября 2010 года Распутины венчались в храме в честь иконы Божией Матери, именуемой «Касперовская», расположенном рядом с Князе-Владимирским храмом, в лесочке, на улице Лесная, 145. Таинство Венчания совершил протоиерей Алексей Середин.

...В конце сентября 2013 года я принял участие в работе замечательного праздника «Дни русской духовности и культуры» в Иркутске. Однажды, когда гости праздника завтракали, в гостиничный комплекс «Русь» пришёл Валентин Григорьевич Распутин. Накануне по телефону мы с ним договорились встретиться. Распутин сел на кожаный диван, я присел рядом. Валентин Григорьевич, это уже было заметно, очень изменился, измученный борьбой с недугом, он, и без того никогда не отличавшийся лишним весом, ещё более похудел. Глаза были усталы и печальны.

Я спросил:

– Валентин Григорьевич, а почему вы венчались со Светланой Ивановной в храме Касперовской иконы Божией Матери на окраине города, а не в своём любимом храме – Михайло-Архангельском, рядом с домом, где вы живёте?

– Это наше со Светланой Ивановной общее решение. Венчаться в Москве мы не захотели, решили совершить таинство на Родине, на иркутской земле. Да, старинная Михайло-Архангельская, её ещё называют Харлампиевская, церковь рядом, мы её любили. Многие знают, что в этой церкви венчался и Александр Колчак. Я видел в церкви запись о бракосочетании в марте месяце 1904 года лейтенанта флота Александра Васильевича Колчака с дочерью действительного статского советника, потомственной дворянкой Подольской губернии Софьей Фёдоровной Омировой.

– Мы с женой, – продолжил Валентин Григорьевич, – не хотели, чтобы на нашем семейном празднике

присутствовали журналисты, фотографы. Они бы сделали из этого, Эдуард, шоу. Потому всё произошло скромно, по-хорошему и, главное, тихо...

15 марта 2012 года, в день 75-летия Распутина, Валентин Григорьевич и тяжелобольная Светлана Ивановна покинули Москву, вернулись в Иркутск. Светлана Ивановна покидала Москву навсегда. Валентин Григорьевич старался всё время проводить с женой. Когда наступили самые трудные дни, вообще не отходил от постели жены. И, конечно, постоянно рядом со Светланой Ивановной кто-то был: то сын Сергей, то его жена Елена.

Скончалась Светлана Ивановна 1 мая 2012 года, в день рождения своего отца, – известного сибирского поэта, первого председателя иркутского отделения Союза писателей СССР Ивана Молчанова-Сибирского. Отпели её в Богоявленском соборе областного центра 4 мая. Похоронили рядом с дочерью Марией на Смоленском кладбище.

* * *

Позволю себе немного хронологии из моего дневника. Вот что вспоминает друг Распутина – охотовед-биолог, предприниматель, меценат Николай Васильевич Терещенко из города Тулуна Иркутской области. Николай Васильевич прислал мне свои воспоминания о встречах с великим писателем земли русской: «У меня есть фотография с Валентином Григорьевичем за полгода до его смерти. В сентябре 2014 года мы с ним созвонились. «Я в больнице лежу», – сказал мне Распутин. Набрал гостинцев – сок, фрукты – и к нему. Взял он пакет с гостинцами. Я ему предложил: «Давайте на память сфотографируемся». Тогда я не знал, что эта фотография с ним окажется последней. На фотографии хорошо видно, что рубашечка на нём застёгнута неровно. Мы посидели с ним в вестибюле, поговорили. Он мне признался: «Я, Николай Васильевич, ничего не помню. Сосуды головного мозга совсем отказали. Ничего не помню. Лечат меня, системы ставят, только улучшения нет».

Сравниваю эту запись со своими дневниковыми.

9 октября. Разговаривал по телефону с Валентином Григорьевичем. Сразу же после выписки из иркутской больницы и по приезду в Москву он попадает в столичную клинику.

15 октября. Распутин: «Эдуард, ничего не помню. Голова не работает».

25 октября. Опять позвонил Распутину, но он ещё в больнице.

23 декабря. На мой звонок ответила внучка Антонина, пригласила Валентина Григорьевича. «Эдуард, прости, у меня гости. Позвоню сам».

27 декабря. Распутин выполнил своё обещание (внучка напомнила). Поздравил с наступающим Новым годом. Жалуется на страшную головную боль и потерю памяти. Спросил меня про статью о читинском семи-

наре молодых писателей: «Пришли мне, посмотрю, добавлю фотографии к материалу...»

...Последний раз я дозвонился до Распутина 21 февраля, в субботу. Ответил женский голос: «Что передать Валентину Григорьевичу? Он говорить не может, болеет сильно...».

* * *

Немного отвлекусь от грустного, чтобы вспомнить о праздновании Дней духовности и культуры «Сияние России – 2016» – праздника, обязанного своим появлением на свет несколько десятков лет тому назад Валентину Распутину. Получив приглашение на этот литературный праздник, я, не раздумывая, дал согласие на участие в нём.

Вот уж праздник так праздник! Мы, писатели России, вместе с иркутскими товарищами по перу проводили встречи с общественностью, школьниками, студентами. Побывали вместе с творческим коллективом иркутской филармонии на родине В. Г. Распутина, в посёлке Усть-Уда. Восхитились концертом «Встань за веру, русская земля» заслуженной артистки России, замечательной певицы Татьяны Петровой, посетили литературные места в посёлке Листвянка, были на месте гибели известного советского драматурга Александра Вампилова. Большая работа по подготовке и проведению праздника проделана иркутским отделением Союза писателей России и особенно поэтом Владимиром Петровичем Скифом.

Душевный подъём вызывали встречи с иркутянами и сибиряками. Однажды после обеда мне в номер позвонил дежурный и попросил выйти в холл гостиничного комплекса, сказав, что меня ждут посетители. Подумал, что это кто-то из читателей или коллег. Я был изумлён, увидев красивую женщину и молодого мужчину, с роскошным тортом в руках. Это оказались известный иркутский модельер, ученица знаменитого Вячеслава Зайцева Людмила Васильевна Карелова и её сын Руслан, известный скульптор и ваятель ледяных фигур. Огромный именной торт гласил: «Эдуарду, дружески, с надеждой на встречу в Иркутске».

«Вы не удивляйтесь, – сказала женщина. – Я прочитала вашу статью о нашем любимом земляке Распутине. Вы в ней приводите автограф на подаренной вам книге «Прощание с Матерой», выпущенной к его 75-летию издательством Геннадия Сапронова у нас в Иркутске. И я испекла этот торт и перенесла на торт этот автограф. Торт из измельчённой иркутской черёмухи. Примите его, пожалуйста, вы же сибиряк, и этот торт передаст вам запах и вкус Сибири».

Проговорив это, она вручила мне кулинарное чудо, взяла сына под руку, села в машину да и была такова. Вконец изумлённый, я даже не помню, успел ли её поблагодарить! Так и остался стоять как вкопанный с тортом в руках, где кремом был нарисован один из распутинских автографов...

Номер, где мы жили с поэтом из Братска Владимиром Корниловым на празднике «Сияние России», сразу стал местом паломничества. Весть о торте разошлась мгновенно, многие приходили посмотреть на кулинарное чудо!

Однако торт под свою ответственность взяла моя любимая певица, друг Татьяна Петрова. Она попросила персонал ресторана, где мы питались, поставить торт в холодильник. Чтобы за праздничным столом досталось всем писателям.

* * *

В понедельник, 26 сентября 2016 года, мы, писатели, должны были посетить некрополь Знаменского монастыря, побывать на могиле В. Г. Распутина, где должно было состояться открытие памятника.

Народу в некрополе собралось много. Удалось лишь мимоходом пообщаться с сыном Валентина Григорьевича – Сергеем, младшей сестрой покойной Светланы Ивановны – Евгенией Молчановой... Когда Владыка Ангарский и Иркутский Вадим закончил службу и с памятника упало покрывало, я немного оторопел – на могиле стоял огромный, из серого камня крест, более похожий на европейский, нежели на православный – тот православный деревянный крест, который прежде стоял на могиле Валентина Григорьевича Распутина. Многие переглянулись и опустили головы. Знаю, что работу по изготовлению креста оплатил сын Распутина – Сергей. Сумма не малая. А вот кто автор проекта памятного креста русскому классику Распутину, так и не удалось узнать. Впрочем, если мы говорим о памятнике, то лучшим памятником великому печальнику земли русской – Валентину Распутину стали его прекрасные книги о России, написанные с такой правдивостью, что порой вызывали яростные споры, как всегда вызывает яростные споры русская правда, сказанная с гениальной простотой.

Я рад, что мне удалось довести в целостности бюст Распутина, вылепленный заслуженным художником России, московским скульптором Николаем Селивановым. Теперь этот бюст красуется в Распутинской комнате Иркутской областной библиотеки им. Ивана Молчанова-Сибирского. И у праздника «Сияние России» появилась новая традиция – все писатели-гости расписываются на колонне, что находится в этой комнате. Бюст мне был подарен самим скульптором Николаем Селивановым, знакомым со мной заочно, по моим материалам о Распутине.

И всё-таки лучшим памятником Валентину Григорьевичу будет наша память о нём. Когда мы откроем его прекрасные книги, наполненные любовью к России и большой за неё, когда перечитаем пронзительные его повести, чтобы жить и помнить то, что завещал нам Распутин своими строками.

Самарская область

Екатерина ТЮШИНА

ЗАПОВЕДНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГЕННАДИЯ ЮРОВА

Поэт Геннадий Юров стал легендой Кузбасса ещё при жизни. Он был настоящим патриотом родного края, написал много стихов и статей, посвящённых сибирской земле. Геннадий Юров – автор гимна Кемеровской области, который знает каждый кузбассовец.

Родился он 14 марта 1937 года в городе Кемерово, на Красной Горке, в том самом месте, где Михайло Волков в начале XVIII века нашёл уголь и положил начало Кузнецкому каменноугольному бассейну. Здесь, под сенью чудесного векового бора, воспитого Юровым впоследствии в своих стихах, прошло его детство. Отсюда начались и все его дороги, стихи, книги...

*Здесь однажды
С ночной высоты
Я в долине своей обозначил
Очарованный берег мечты
И сверкающий берег удачи.*

Красная Горка навсегда вошла в сердце поэта, ей Геннадий Юров посвятил немало стихов: «На Красной Горке замерли века», «Берега» и др. Все жители Красной Горки знали друг друга в лицо, со всеми здоровались и здесь Юров всегда чувствовал себя своим.

*Где слово тёплое – не чудо,
Где без прищуря злого взгляд,
Я буду здравствовать, покуда
Мне люди «здравствуй» говорят.*

Родители Юрова были педагоги. Отец Евлампий Гаврилович преподавал историю и географию, был директором кемеровской школы № 16, а мать Ксения Трофимовна работала учительницей начальных классов. Школу, где работали его родители, Геннадий Юров всегда считал родной и, являясь известным поэтом, был частым гостем в школьном музее и на уроках.

После школы, в 1954 году, Геннадий поступил в Томский университет на историко-филологический факультет, после окончания которого несколько лет работал в молодёжных газетах Томска и Кемерово.

Первая литературная публикация Юрова появилась в 1956 году, когда он был студентом. Томская молодёжная газета «Молодой ленинец» напечатала его стихотворение «Осеннее солнце».

*До чего же оно озорное,
Это солнце, лишённое зноя!*

*С выси прямо в лицо смеётся:
«Ну-ка, кто пересмотрит солнце!»*

На втором курсе института Геннадий сделал русский перевод старинной студенческой песни «Гаудеамус игитур», который считается наиболее точным и до сих пор используется в вузах Сибири.

*Славься, университет,
Высься величаво.
Слава вам, профессора,
Стойким рыцарям пера,
Всем студентам слава!*

В апреле 1959 года Юров принял участие в межобластном совещании молодых писателей Кузбасса и Томской области, которое проходило в Кемерово. Его первый сборник «Синий факел» вышел в 1964 году. Вскоре молодой поэт уехал на Чукотку. Туда Юров поехал не за экзотикой, а как сам считал, для самоопределения. Работа в газете «Магаданская правда» учила его суровой правде жизни, стала вторым университетом. В холодных северных краях людей привыкли оценивать не по бравате, а за дела. Здесь сама земля отталкивает тех, кто слаб духом. Об этом и стихотворные строчки Юрова, написанные в те годы:

*Полярным днём, полярной ночью
Длинна дорога и трудна.
И познаётся, между прочим,
Всему насущному цена.*

А ещё там, в суровом краю, особо ценится природная красота. И только здесь можно увидеть такое чудо, какое описал Геннадий Юров в стихотворении «Озеро танцующих хариусов». И совсем с другой стороны открывается эта северная земля.

*Танцуют хариусы. Как они танцуют!
Они как будто белый свет целуют.
Летят по воздуху и – разом замирают,
Лишь плавников подвижны веера,
На дно ныряют, толщю замеряют,
Зарю хватают, в воду окунают
И мчатся за полётом комара.*

Именно здесь, на северной земле, и стала проявляться главная тема поэта Юрова – экология, которой он посвятил всю свою жизнь. Наверно, надо было съездить на Колыму, чтобы понять, как мало в стране осталось нетронутой, неискверканной земли, по которой ещё не прошли стальные гусеницы.

*Но я теперь совсем иначе слышу
Значительное в сводках слово «вскрыша».
В нём столько хруста, скрежета и ран...
Я знаю, как мучительно и трудно
Следы от гусениц залечивает тундра,
Когда по ней промчится вездеход.*

В Магадане в 1968 году вышел второй сборник Геннадия Юрова «Убегающая даль». А третий – «Берега» был издан в 1970 году, уже в Кемерово, где он работал редактором в Кемеровском книжном издательстве. В январе 1976 года Геннадия Евлампиевича Юрова приняли в члены Союза писателей СССР. С 1979 года он стал руководить литературной студией «Притомье», организовывал литературные праздники «Весна в «Притомье».

В эти же годы стал активно заниматься экологической деятельностью. Вернувшись в родной край, Юров увидел: с одной стороны – индустриальную мощь Кузбасса, а с другой – губительные последствия научно-технического прогресса для природы. И больше всего для поэта стало то, что сильно пострадала и его любимая река, главная артерия Кузбасса – Томь.

*И вот отняли у реки излуку,
Как будто ампутировали руку,
Которую хирургам не спасти.
И мчась в пространстве гибнущей кометой,
Моей реки тринадцать километров
От боли корчатся...*

На берегу Томи прошло детство Геннадия Юрова. С Томью была связана вся жизнь поэта, здесь он когда-то обозначил свой берег мечты и удачи. И куда бы впоследствии его ни забрасывала судьба, он всегда чувствовал притяжение родной реки, с её пересохшими отмелями и исчезнувшими островами. В каждой поэме и в каждой книге поэт возвращался к своим берегам, говорил о главной реке Кузбасса. Потому что в судьбе Томи, как в зеркале, видна судьба всей Сибири. Об этом он писал в поэме об университете «Альма-матер», это выразил и в поэме «Абориген». «Мы все перед рекою виноваты, – говорил Юров. – Мы сами, своим неразумием и бесхозяйственностью сотворили нынешнее безобразие в природе». С рекой поэта связывали почти родственные узы, он считал себя её сыном. «Речку мы не выбираем, как не выбираем родителей. Она дарована нам судьбой», – писал Юров.

*Я – сын реки,
Чей берег стал жестоким,
Я говорю – чисты мои истоки.
Я говорю – светлы мои ростки.*

*Не нужно безысходности в укор,
От одного произрастают корни
Слова «река» и «речь».
Я – речь реки.*

О многом размышляет поэт в своих стихах, и главная его мысль – о людях, о родном крае, о любимой России. «Твёрдо знаю, – убеждённо говорил он, – пока живу, не будет у меня ничего дороже, чем эта российская земля, чем эти родные мои берега!» Поэтому большую роль в его творчестве играет образ родника,

ключа, источника, откуда и берёт свое начало река Томь!

*На Красной Горке царственно возник
И нам навстречу хлынул взглядом синим
Врачующего знания родник,
Росе созвучный, Родине, России.*

Вместе с единомышленниками Геннадий Юров совершил поход на горный массив Карлыган в поисках истока Томи. Прошёл десятки километров по опасным таёжным распадкам горной Хакасии и напился из первоисточника. После похода он написал серию очерков про Томь, которые были напечатаны в «Кузбассе», а затем в журнале «Москва». Позднее они вышли отдельной книгой «Труженица Томь». С этого времени экологическая тема навсегда стала главной в творчестве Г. Е. Юрова, ей он посвятил и другие книги: «Река родная», «Какого цвета Томь-река», «Печальная повесть о Боге Погоды», «У родника на Красной Горке», «Заповедное пространство» и др. Книги проникнуты тревогой поэта за то, что человек в своей деятельности порой бездумно губит природу, сыном которой является. Вырубаются под корень прибрежные леса, загрязняются реки, воздух. Защите окружающей среды посвящена не только поэзия, но и вся публицистическая деятельность Юрова.

«Суть его творчества всё та же: человечность, гражданственность, глубокая любовь к природе, к родному краю, к реке Томи...» – так охарактеризовал творчество Геннадия Юрова известный кузбасский поэт Игорь Киселёв.

Глобальные экологические проблемы поэт старается решить путём искоренения конкретных бед своего родного края. Ведь давно известно, что если хочешь исправить мир, то подмети сначала у своего порога!

*Я зов к людскому разуму и воле.
Я боль реки и врачеватель боли,
Тоска реки и жертва той тоски.
Я облечён доверием высоким
Увидеть устье чистым и глубоким.
Тогда отпустит боль.
Я сын реки.*

Судьба родной земли вытеснила из стихов Юрова даже такую вечную тему любого поэта, как любовь. У него и любовь неотделима от того места, которому он всем обязан:

*...Всем хорошим, что я людям дал,
Всем добрым, что со мной происходило,
Я городу обязан,
И друзьям,
И женщине, которая любила.*

В его творчестве постоянной стала совсем другая «вечная» тема – тема бережного отношения к окружающей природе. Ведь с детских лет сама природа разговаривала с ним стихами:

*Страницы милые листаю
И понимаю алфавит.
Листвою,
Травами, цветами
Земля со мною говорит.*

Любовь к природе у поэта настолько сильная, что он готов не только раствориться в зелёном шуме заповедных чащ, «где в кронах птицы не боятся петь», но и сам согласен быть кем угодно в лесу.

*Пень берёзовый подгнил,
В нём такая прель и сырость,
Если б я опёнком был,
Неприменно здесь бы вырос.*

Самым заветным желанием Геннадия Юрова всегда было – дышать хвойным воздухом тайги, ходить по цветочной, васильковой дороге и трогать горизонт рукой. А вместо этого жизнь заставляла его переживать за реку, на которой зажигают прожектора, звучат выстрелы и мечутся в их свете ослепшие раненные птицы. И звучат трагические строки поэта:

*Ночь незрячая сентября...
В небе ветра осенний обряд.
В небе поздняя стая гусей.
Ранний снег бьёт карточью по ней. <...>*

*Только выстрелы – влёт, с плеча,
Птицам больше не закричать...*

Когда читаешь стихи Юрова, посвящённые природе, то сразу перед взором предстаёт короткое сибирское лето, зелёные луга, усыпанные цветами и ягодами. Однако поэт не просто любит природу, он любит её красотой. Как сыну Земли, сыну реки, тайги, всей русской природы, ему очень жаль стонущую под бульдозером землю, в которой ищут золото и добывают уголь, жаль реки, куда сливают нечистоты. По мнению Геннадия Юрова, без общения с природой жизнь человека пуста. «Что наша жизнь, – спрашивал он, – не что иное, как общение с природой. Что подарила нам она изначально? Леса без просек, реки без плотин. И горные массивы без карьеров. И жили мы, не зная слов «Охрана окружающей природы...»

*Чистый камень сердолик
В чаше родника алеет.
Я б отдал тебе родник,
Только речка обмелеет.*

С 1983 года жизнь Геннадия Евлампиевича Юрова была тесно связана с литературной деятельностью. Он работал ответственным секретарём Кемеровской областной писательской организации, активно участвовал в организации всероссийских традиционных литературных праздников: «Фёдоровские чтения в Кузбассе» и «Чивилихинские чтения в Кузбассе». Являлся членом ревизионной комиссии правления Союза пи-

сателей России, работал редактором газеты «Родник сибирский», собственным корреспондентом журнала «Российская Федерация» по Западной Сибири, был членом редколлегии российского журнала «Сибирские огни», членом редколлегии альманаха «Огни Кузбасса». С 1995 по 1997 год занимал должность главного редактора журнала «Огни Кузбасса». Затем перешёл работать в музей-заповедник «Красная Горка».

С 2001 года стал выходить краеведческий альманах «Красная Горка», главным редактором которого был Г. Е. Юров. Издание альманаха стало очень важной страницей в жизни Кемерово. На его страницах воссоздаётся историческая и современная история города Кемерово; освещается деятельность Копикуза и АИК «Кузбасс»; рассматриваются главные этапы развития угольной и химической промышленности, градостроительства, архитектуры, среднего и высшего образования, защиты окружающей среды. Альманах уже давно стал визитной карточкой музея-заповедника «Красная Горка» и города Кемерово.

Однако Геннадий Юров не только издавал альманах, он постоянно писал и сам. Все его творчество посвящено городу Кемерово и Кузбассу. А героями его поэм и стихотворений всегда были сами жители края, труженица Томь и богатая природа Кузнецкой земли.

Интересовали его и такие вечные вопросы, как: в чём смысл жизни, есть ли судьба, что такое счастье? Не мог оставаться равнодушным поэт и к теме войны. Хотя и был он маленьким, когда отец уходил на фронт, но и ему пришлось узнать, как самоотверженно трудились кузбассовцы для приближения Победы. Об этом говорят его строки:

*Я создаю портрет родного края.
Его война сурово освещает:
Звучит в долине музыка войны;
И помнят благодарные солдаты
Кузнецкую надёжность автоматов,
На танках сталь кузнецкого проката –
Бронированный щит для всей страны.
Был подвиг тыла равен битве ратной.
Когда Донбасс топтали оккупанты,
Не просто шахты – горные гиганты
Построила Кузнецкая земля.
Вскрывала горизонт за горизонтом.
Звучал набатный лозунг «Всё для фронта!»
Приказом для добытчиков угля.*

Без памяти о прошлом невозможно жить нормальной жизнью. Вот и поэма Геннадия Юрова «Планета Кемерово» начинается с истории родного края, с истоков, в которых формировался характер сибиряка. Исследуя эти истоки, поэт приходит к выводу, что сибирский характер был сформирован самой суровой природой. В нём незримо присутствуют черты рудокопов, декабристов, народовольцев. Ковался он на стройках и в шахтах. Поэт рисует такой образ строителя, горняка, мастера на все руки, который воплотил в себе все самые

лучшие духовные свойства сибиряков. Вот только быть сибиряком совсем непросто. Необходимо не только строить и добывать, но и иметь мужество признать свою вину за содеянное зло. Ведь там, где были построены заводы и работают угольные разрезы, осталась исковерканная земля, исчезли леса, луга, речки. Поэтому и нет особой радости у сибиряков от покорения природы, какими бы громкими ни были победы.

*Когда взметнулись взрывы по отрогам,
Земля смотрела с болью и тревогой.
Огни горели яростно в ночи.
Потом смотрела с горечью и страхом.
Шла под застройку,
Как идут на плаху,
В черте разрезов становилась прахом,
Теряя колки, речки, кедрачи.*

«Планета Кемерово» – это своеобразное обращение поэта к современникам, призыв к ответственности за настоящее и будущее родного края. Поэт верит, что разум всё-таки возобладает и на месте сегодняшних городов далёкий потомок обнаружит не безжизненную пустыню, а «сибирский пласт таланта и труда», «прозрачный пласт любви», «пласт совести, и дружбы, и нежности».

*Пласты под грузом времени слежатся,
Наверняка потомкам пригодятся.
В столетии, неведомо каком,
Их обнаружат где-нибудь под кручей.
И обнажат,
И тщательно изучат.
Потом из них тепло и свет получат.
И обогреются.
И вспомнят нас добром.*

Все поэмы Юрова очень автобиографичны. И самым ярким подтверждением этому является поэма «Берега». В ней рассказывается об истоках жизни поэта, о месте, где он вступил в мир, о городе и реке, которые ему дороги. Жизнь казалась поэту выбором между берегом мечты и берегом удачи. Но в конце пути он делает открытие, что это противопоставление было мнимое.

*Ни к удаче уйти, ни с мечтой расстаться.
Ты прислушайся, Томь, к моим гулким шагам.
Потому что куда б ни пришлось возвращаться,
Я всегда возвращаюсь к твоим берегам.*

В 90-е годы XX века, когда жизнь миллионов людей большой страны кардинально изменилась, в своей статье «Духовное поле провинции» Геннадий Юров искал духовные источники, которые помогают людям выжить в такой нелегкой ситуации. «Важно вернуть людям Родину, – писал он, – или хотя бы убедить, что это возвращение началось и что оно необратимо. И

тогда вернётся мелодия в песни наших молодых. И любовь вновь назовут родниковой. И зов романтики не вызовет ни у кого иронической улыбки».

И, действительно, в России есть, говоря словами поэта, «заповедное пространство, такая сфера земного существования, доставшаяся нам по судьбе или по выбору, которое формирует в нас нравственные основы жизни и смерти, понятия добра и зла, любви и верности, красоты и совершенства...» Это оно и помогает выстоять народу в любое лихолетье.

В книге «Заповедное пространство», вышедшей в 2012 году, поэт продолжил тему духовных исканий и нравственных основ жизни. «Все законы долга, совести, чести, заповеди от родителей и дедов передаются детям, – утверждал он. – Заповедное пространство – это часть мироздания, согретая моим присутствием, соучастием, любовью. Оно может быть только моим, а может быть общим, заповедным пространством земляков и сограждан. Оно нас воспитывает, выстраивает, формирует в нас нравственные основы жизни и смерти, понятия добра и зла, любви и верности, красоты и совершенства. В стихах можно найти заповедные пространства улицы или города. Это и есть наша малая родина. Заповедное пространство страны и есть наше Отечество».

*Потому что, какую бы даль ни осилил,
На какой бы черте ни ступала нога,
Твёрдо знаю: пока я иду по России,
У меня под ногами твои берега!*

723

Всей своей жизнью, стихами и публицистическими статьями Геннадий Евлампиевич Юров стремился пробудить в людях совесть, взывал к доброте и благоразумию, призывал к бережному отношению к природе. В его работах чувствовалась огромная душевная боль, тревоги и волнения за будущее родного края. И иначе жить он не мог.

*А я живу на перекрёстке
Событий, судеб и дорог.
Здесь неуютно и непросто,
Я б жил иначе, если б мог...*

У Геннадия Юрова вышло более 20 поэтических и публицистических книг: «Песня о городе», «Прогулка», «Доверчивое русло», «Товарищеский круг», «Планета Кемерово», «Музыка снега» и др.

Его стихи, поэмы, очерки публиковались в журналах: «Наш современник», «Москва», «Роман-газета», «Смена», «Работница», «Наука и религия», «Российская Федерация» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), альманах «Палоцфельд» (Венгрия), «На Севере дальнем» (Магадан), «Огни Кузбасса» и др.

Стихи Г. Е. Юрова вошли в коллективные сборники: «Сибирь поэтическая»; «День поэзии»; «Рабочие плечи Кузбасса»; «Дыхание земли родимой»; «Руку

дружбы подали»; «Песнь о Сибири»; «Северное притяжение: Стихи поэтов Северо-Востока»; «Рабочая мелодия Кузбасса. Стихи о родном крае»; «Дороже серебра и золота»; «Писатели Кузбасса. Проза. Поэзия: хрестоматия»; «Русская сибирская поэзия. Антология XX век»; «Шахтёрская доля такая...»; «Энциклопедия писателей Кузбасса»; «Поэзия Кузбасса: XX–XXI век. Т. 1. Поэты 60–70-х» и др.

*Друзья мои!
Как выстраданный факт
Вам сообщить пришёл я через годы,
Что наша жизнь – не что иное, как
История общения с природой.*

Творчество Геннадия Евлампиевича Юрова отмечено многочисленными наградами. Он – лауреат премии Союза журналистов СССР за книгу очерков «Труженица Томь» (1973); лауреат премии Кузбасса за текст песни «Рабочая мелодия Кузбасса» (1977, 2005); лауреат премии Министерства России по делам СНГ за большой вклад в дело духовного сближения народов (1997). В 2003 году решением Президиума Российской академии естественных наук (РАЕН) был удостоен юбилейной серебряной медали В. И. Вернадского; награждён юбилейным гражданским орденом Серебряной Звезды «Общественное признание» в связи с 60-летием Великой Победы (2005). За книгу стихов, поэм и разысканий «Заповедное пространство» получил Орден Почета Кузбасса (2012). Награждён медалями: «За особый вклад в развитие Кузбасса» II и III степени, «60 лет Кемеровской области», «За веру и добро» и многими другими наградами. Г. Е. Юрову были присвоены звания: «Заслуженный работник культуры России», «Почётный гражданин города Кемерово и Кемеровской области». Он являлся членом Совета старейшин при губернаторе Кемеровской области.

Каждое утро на «Радио Кузбасса» звучит гимн Кемеровской области «Рабочая мелодия Кузбасса». Песня была написана композитором Евгением Луговым на слова Геннадия Юрова. С декабря 2002 года она стала гимном Кузбасса, победив в областном конкурсе.

«Я не посылал стихи на конкурс, – признавался Геннадий Евлампиевич. – Это была просто хорошая песня. Но кто-то расслышал в ней гимн, и многие с этим согласились. Я же считаю, что писать гимны о Родине, когда в ней так много того, о чём болит душа, не только бессмысленно, но и непатриотично. Что касается песни, ставшей гимном, видимо, в ней были обозначены ценности, которые не меняются со време-

нем. Я считаю, что такие понятия, как «Родина», «мать», «добросердечие», «добрососедство», «нравственность», «патриотизм», даются человеку от рождения, в семье...»

В песне «Рабочая мелодия Кузбасса» отразилась вся трудовая биография Кузнецкого края, его история и сегодняшний день. В этой мелодии звучит труд шахтёра, металлурга, химика, строителя, в ней шум тайги и птичьи голоса, в ней стук сердец тружеников Кузбасса. Наверно, поэтому она и стала гимном Кузбасса.

*Вы видите: горят огни в ночи,
На землю небо звёздное упало.
Вы слышите: мелодия звучит,
Поёт земля восточнее Урала.
Где города по берегам реки
Тепла и света создают запасы,
Её добыли в шахте горняки –
Рабочую мелодию Кузбасса.
Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден.
Земля открыла людям свой талант,
И свой талант земле открыли люди!*

Гимном «Рабочая мелодия Кузбасса» сопровождают все торжественные мероприятия, которые проходят на территории Кемеровской области. Он прозвучал и во время прощальной церемонии с Геннадием Евлампиевичем Юровым. Поэт ушел из жизни 7 марта 2016 года.

Ушёл человек, который ещё при жизни стал культовой личностью для Кузбасса. Вся жизнь и деятельность Геннадия Евлампиевича была связана с Красной Горкой. Здесь он начинал свою жизнь и здесь её закончил. И может, когда-нибудь именно здесь, где стоитobelisk в честь первооткрывателя кузнецких углей Михайлы Волкова, поставят памятник и поэту Геннадью Евлампиевичу Юрову. Так и видится образ этого человека с необычной внешностью: большой, спокойный, с густой бородой, он стоит на высоком берегу его любимой реки Томь, смотрит вдаль и беззвучно читает строки своих стихов:

*Непреднамеренно, непрошенно,
От сердца к сердцу – по прямой,
Скажи мне что-нибудь хорошее,
Желанный собеседник мой.*

*И не молчи так огорошенно.
Дай лучик от своих щедрот.
Скажи мне что-нибудь хорошее,
И пусть оно произойдёт.*

ЛЁТЧИК ПЁТР ИЗОСИМОВИЧ КАРМАНОВ

*Он – памятник ныне,
Он – память отныне
И орден, в конце концов...*

Юрий Визбор

О человеке, о котором пойдёт речь далее, я неоднократно слышал от своего давнего, ещё со студенческих времён, приятеля Александра Петровича Карманова. Наконец-то мы, люди, родившиеся в довоенное, военное и послевоенное время, стали интересоваться своими родословными и родственниками. Как сейчас пытаются определить политологи и государственные мужи менталитет русского человека и нашу национальную идею – всё это лежит в плоскости ПАТРИОТИЗМА. А патриотизм невозможен без знания истории и обращения к своей малой родине, к своей РОДОВЕ.

Увы, принимаемся мы за розыски своих корней, как правило, с запозданием, когда уже не у кого спросить. А потому, многое остаётся для нас загадкой или домыслами. Тем не менее случается иногда, что вдруг обнаруживаем мы хранящиеся дома или у родственников раритеты – в виде фотографий, пачек писем, старинных книг, отдельных вещей.

Так случилось и в этой семье – семье Кармановых. Мама Александра и Евгения Кармановых – Валентина Ивановна – тщательно собирала и, многократно перечитывая, всю оставшуюся жизнь бережно хранила более сотни писем мужа, Карманова Петра Изосимовича, написанных им с фронта. А ещё – газетные вырезки, где хотя бы одной строкой упоминалось о нём. Вот по ним-то и попробуем воспроизвести хотя бы некоторые вехи биографии Петра Изосимовича Карманова.

МИРНОЕ ВРЕМЯ

Родился Пётр Изосимович Карманов в ещё дореволюционное время, в 1913 году, в Сибири в многодетной семье. По словам Александра Петровича, у отца было ещё восемь сестёр и братьев, которые все погибли во время войны.

Его предки были выходцами из Западной Украины, с Черновиц. Во времена поисков лучшей доли отправились его родители в благодатную Сибирь и обосновались в районе Барабинска. Днём своего рождения Пётр Изосимович считал 10 мая, в паспорте, выданном ему в Кемерове 25 января 1938 года

сроком на пять лет, значится лишь год рождения – 1913-й. Там же, в паспорте, указывается и место рождения: ЗапСиб край, село Осенкритово (Асинкритово) Барабинского района.

К сожалению, о детстве и юности Петра ничего не известно. Можно лишь делать некоторые предположения. Скорее всего, занимался он крестьянским трудом, помогая родителям. Образование, судя по письмам, было у него на уровне 4–6 классов. В его трудовой книжке подчёркнуто слово «начальное».

Служба в рядах Красной армии проходила скорее всего в авиации, где ему пришлось осваивать теорию и практику летательных аппаратов того времени. По три треугольника – отличительных знака воинского звания на петлицах шинели и гимнастёрки – у воина к концу действительной службы.

После демобилизации, видимо, в конце 1937 года он оказывается в городе Кемерове. Согласно штампу в паспорте и записи в трудовой книжке, имеется отметка о том, что 10 января 1938 года он был принят на работу в Кемеровский аэроклуб ОСОАВИАХИМА. И принят был уже на должность лётчика-инструктора. А это свидетельствует о том, что за время службы в армии он приобрёл навыки полётов на аэропланах.

1941–1942 года. Семья Кармановых: Валя, Александр, Пётр.

В предвоенное время в нашей стране развёртывается крупномасштабное движение за освоение молодёжью навыков лётной практики. Только на территории одной нынешней Кемеровской области тогда действовало шесть аэроклубов.

С предприятий, организаций и учебных заведений городов в эти аэроклубы набираются передовики и отличники производства и учёбы – добровольцы среди комсомольцев и молодых членов ВКП(б). Кто ж не помнит знаменитый бравурный мажорный марш авиаторов, где «вместо сердца – пламенный мотор».

Выпускники таких курсов, успешно прошедшие программу обучения и лётную практику, получали звание «пилот запаса».

Лётчиком-инструктором Кемеровского аэроклуба П. И. Карманов проработал почти три с половиной года, до 24 июня 1941 года.

О том, каким инструктором был П. И. Карманов, свидетельствуют газетные заметки из «Кузбасса» и скромные записи поощрений в трудовой книжке.

Газета «Кузбасс» от 18 августа 1938 года в заметке молодого лётчика-инструктора, командира звена А. Н. Сидорова «Курсанты и командиры» сообщала:

«...Большую, исключительно плодотворную работу по досрочному выпуску курсантов проделали лётчики-инструкторы моего звена.

Инструктор тов. Карманов после окончания действительной службы в РККА, направлен инструктором-лётчиком в Кемеровский аэроклуб. Не имея инструкторских навыков, но благодаря упорной работе над собой, тов. Карманов в минимально короткий срок сумел передать знания, которые получил в РККА, своим курсантам».

«Кузбасс» от 20 августа 1938 года. Статья «День авиации в Кемерово».

«...Над аэродромом звено самолётов. Начальник лётной части аэроклуба тов. Кузьмин, инструктора тт. Карманов и Курилов уверенно ведут машины. Скользящие единой волей три самолёта несутся по воздушному океану уверенно, гордо, стремительно...»

Газета «Кузбасс» от 27 июля 1939 года поместила большую фотографию молодого лётчика-инструктора в военной форме с двумя парами звёздочек в петлицах. Внизу, под портретом подпись: «Комсомолец Пётр Карманов – лучший отличник, инструктор-пилот Кемеровского аэроклуба. К 25 июля тов. Карманов в самостоятельный полёт выпустил 85 процентов из своей группы курсантов».

«Кузбасс» от 9 августа 1939 года. Статья Ив. Мусатова «На аэродроме».

«...За последнее время заметно выдвинулось вперёд звено инструктора Петра Карманова. Пётр Карманов считается одним из лучших инструкторов аэроклуба».

В трудовой книжке П. И. Карманова в разделе «Сведения о поощрениях и награждениях» есть записи о благодарностях, грамотах, и премировании денежной премией в размере от 150 до 500 рублей, с формулировками: «за хорошую подготовку курсантов», «за образцовую работу с курсантами», «за безупречную посадку самолёта при аварии мотора», «за хорошую организацию лётной работы». В том числе есть пометка о поощрении путёвкой на курорт.

Молодому и красивому лётчику-инструктору аэроклуба частенько приходилось ходить на работу по улице Угловой, где находился аэродром. В доме под номером 115 на этой улице проживала семья Гусевых, и ему приглянулась красивая двадцатилетняя девушка по имени Валя, которая после окончания Кемеровского педагогического техникума и десятимесячных курсов подготовки учителей неполных средних школ работала учительницей русского языка в школе № 18. Между молодыми людьми возникли взаимные чувства, и 8 августа 1938 года они поженились, зарегистрировав свой брак в Кемеровском ЗАГСе.

А через неполных два года, 16 мая 1940 года, у них родился первенец – Александр, которого по-домашнему все называли Алек. Семейную идиллию прервала развязанная фашистской Германией война. И лётчик-инструктор П. И. Карманов уже на третий день войны Кемеровским военкоматом был мобилизован в ряды РККА. Через некоторое время его направляют в город Канск Красноярского края для переподготовки на военного лётчика. Туда же выезжает и его жена Валентина с маленьким сыном, беременная вторым ребёнком. В Канске 5 июня 1942 года у них рождается второй мальчик, которого назвали Женей. Это семейное счастье не могло продлиться долго. Завершена переподготовка бывшего лётчика-инструктора, далее – дорога на фронт. В конце августа 1942 года отдел НКВД по Красноярскому краю выдаёт Валентине Ивановне Кармановой пропуск и разрешение на приобретение железнодорожного билета для проезда от Канска до Кемерово на постоянное место жительства (с двумя сыновьями возрастом 2 года и 3 месяца).

Так снова Валентина Ивановна с детьми оказывается в Кемерово, у своих родителей Гусевых, на улице Угловая, 115. Здесь же 10 сентября 1942 года военный лётчик Пётр Изосимович Карманов в последний раз видится со своей женой и малолетними детьми.

Далее – лишь многочисленные, едва ли не ежедневные, письма, открытки и телеграммы с ностальгическими строчками о мирном времени, с воспоминаниями о любимой жене, сыночках Алеко и Жене...

Передо мной – почти две сотни порушенных временем листков пожелтевшей бумаги, с затёртыми на сгибах строчками и обмахрившимися кромками стра-

ниц. Это настоящий раритет! Им нет цены! Это истинные свидетели трагедии мировой, глобальной и трагедии лично-семейной. Это – письма с фронта... Были написаны они с 10 сентября 1942 года по 5 марта 1944 года. По содержанию этих писем можно писать роман. Жаль, они односторонние. И лишь в некоторых из них можно узнать, а что же делалось в это время тут, дома. И многое приходится домысливать или читать, как говорится, между строчек.

Некоторые из них написаны на серо-жёлтых ученических тетрадных листках в линейку. Отдельные – вообще на каких-то случайных листках бумаги, вплоть до обёрточной или вырванной из блокнотика или записной книжки. Есть несколько телеграмм.

Более десятка открыток, или, как их тогда называли, почтовых карточек. На лицевой стороне одной из них – плакат с девизом «Завоевания Октября не отдадим!». На нём нарисован красноармеец, штыком винтовки поражающий фашиста. А внизу – покорёженный танк с фашистской свастикой. В верхней части плаката – символы нашего социалистического Отечества: кремлёвские башни, мухинская скульптура «Рабочий и колхозница» и высоковольтные опоры электростанций и ЛЭП. На другой карточке – чёрно-белая фотография (с синеватым оттенком-виражом), на которой запечатлены дети-сироты, а с ними рядом приёмные родители – стахановки. И надпись: «У нас нет чужих детей – все свои, родные».

Ещё одно послание. И тоже уникальное, написанное на стандартной заготовке под военное письмо. Розовая бумага. На лицевой стороне, сверху, над адресом – девиз: «Смерть фашистским оккупантам». Ниже, под обратным адресом, синими буквами цитата Сталина: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти». А под нею – опять-таки плакатные красноармейцы и военные моряки, идущие в атаку на врага. Страничка эта заполнялась адресами туда и обратно, сворачивалась пополам, заклеивалась сверху и без конверта посылалась по военной почте. Само письмо – на обороте, на 25 строчках-линейках. А над верхней и под нижней строками предупреждения: «Выше черты не пишите» и «Ниже черты не пишите». Всего-то 25 строк. Что в них можно было написать? Да и так ли важно это было для адресата: главное – жив-здоров, или, по крайней мере, ранен, на излечении, но всё же жив... И любая такая весточка с фронта или от воюющего бойца – великая радость и счастье для получателя!

Что ещё общего на этих письмах и карточках: неизменный штамп «Просмотрено военной цензурой». И становится ясно, что ни о какой конфиденциальности и тайне переписки тут и речи быть не может. Всё до предела открыто. И практически минимум сведений о том, как там, на фронте... Приветы, поклоны родным и знакомым, патриотические высказывания,

признания в любви и верности жене, наказания и наставления детям – едва ли не половина содержания каждого такого письма... Правда, динамика и содержание их несколько меняются в зависимости от места и времени написания.

В начале своих боевых действий, в мае – августе 1943 года, в целях конспирации свой боевой штурмовик Ил-2 он скромно называет «комбайном», а боевые вылеты – «уборочной». И лишь из наградного листа – представления к ордену Отечественной войны II степени командующим 999-м штурмовым авиаполком майором Гороховым чётко видно, что сделало звено П. И. Карманова и лично он сам всего за месяц такой «уборочной». Однако в письмах конца 1943-го и первого квартала 1944 года всё чаще появляются сведения и о том, чем занимался военный лётчик, командир звена (четвёрки) штурмовиков Ил-2 лейтенант Карманов Пётр Изосимович на Ленинградском фронте. У всех советских людей до сих пор едва ли не генетически сохраняется и передаётся устойчивая парадигма: Ленинград и блокада. Порядка 900 дней осады города фашистами. Миллионы погибших воинов и умерших от голода мирных жителей этого города-героя. Окончательный прорыв блокады – лишь к марту 1944 года. Так что фактически лётчик П. И. Карманов с 9 мая 1943 года и по 6 марта 1944 года являлся участником легендарной обороны блокадного Ленинграда. И в том, что город выстоял и стал городом-героем, есть и его заслуга!

Все письма, лежащие передо мною, имеют один и тот же адрес назначения: г. Кемерово, Новосибирская область, улица Угловая, 115. Часть из них адресована Александру Петровичу Карманову, отдельные – Аграфене Николаевне Гусевой (тёще). Остальные – Валентине Ивановне Кармановой. (Замечу, Александру Петровичу в то время было всего 3–4 года.)

Обратные адреса – различные названия городов и номера полевой почты или воинских частей. Адрес зачастую написан ровно, красиво, чего нельзя сказать о большинстве самих текстов писем и открыток. Чувствуется, что писались они порой наскоро, спешно, в неудобстве – абы весточку о себе домой направить.

Восемь месяцев заняла дорога от Кемерово до передовой, с 10 сентября 1942 года и до 12 мая 1943 года. По пути следования были города Новосибирск, Бердск, Курган, Муром, село Лопатино Муромского района Горьковской области, Саранск Мордовской АССР, Алатырь Чувашской АССР, Москва, село Борки Кимрского района Калининской области. И повсюду – напряжённая и упорная учёба и боевая подготовка с лётной практикой и освоением новой боевой машины – штурмовика Ил-2.

Опустим содержание многочисленных писем и посланий лётчика за этот период и перенесёмся сразу на поле жестокой брани...

Здесь приводятся письма, как правило, сохраняющие орфографию отправителя, исключены обращения и повторы – в виде приветов и поклонов любимой жене, детям, тестю, теще, родным и близким П. И. Карманова.

НА ПЕРЕДОВОЙ

12 мая 43 г.

Эх, как чертовски хочется видеть вас всех, и когда это время настанет? Но домой возвращаться ещё рано и совестно; враг ещё топчется по нашей земле. Но не далеко то время, когда он перестанет топтаться, а станет лежать под землёй. И вот тогда мы встретимся и заживём новой и по новому. А теперь здравствуй, мой друг жизни Валя! И результаты нашей горячей любви Алечка и Женя. Поздравляю вас с добрым утром, днём или вечером, и крепко целую вас всей глубиной своей души и сердцем. А также привет Мамаше, папаше и бабушке. Дорогие мои, все. Сообщаю вам, что я нахожусь жив и здоров, чего и вам желаю. Хочется знать, как вы живёте. Сообщайте. Пиши почаще, ибо сейчас до меня письма доходят очевидно с трудом. Я вам в мае пишу 6-е письмо. От вас получил последние письма – ответы на мои письма от 16-24/3, и больше пока не получал. Но особых изменений в моей жизни нет. Настроение отличное, работа тебе моя известна. На место назначения ещё не прибыл, прибуду числа 15-18 мая. Вот пока и всё. До свидания. Целую вас, тебя и детей, родным кланяйся. Адрес старый. Жду ответа. Искренне любящий тебя твой муж и ваш папа Пётр Карманов.

11 июня 1943 г. (Ленинградский фронт)

Пишу тебе 6-е письмо, от тебя пока нет... Со 2 мая по 2 июня произошли особые изменения. Это то, что присвоено звание лейтенанта, повышен со старшего пилота на комзвена. И за короткий промежуток времени имею хорошие успехи. Поэтому уезжаю на днях на курсы, примерно на месяц, на штурмана эскадрильи. И также с июня повысилась зарплата. Основной оклад

1 100 р. + 25 % полевых. Затем 5 % выслуга лет... В целях быстрого разгрома немецко-фашистских захватчиков подписался на 2-й военный государственный заем на сумму 1500 рублей...

15 июля 1943 г. (Ленинград, Кировский остров, Набережная Большой Невки, дом отдыха. Письмо написано очень мелким почерком на вырванных листках записной книжки)

Сегодня кончается срок путёвки и уезжаю в часть, готовиться к скорым грядущим боям с озверелым, коварным и ещё пока сильным врагом. Здоровье моё отличным назвать нельзя. В общем, ты помнишь, как было в Кемерово и в Канске <...> жить можно. Сейчас время 12 ч. 15 минут дня. Сходил в душ, рассчитался, жду аттестата. В час пообедаю, около двух отправляюсь на Финляндский вокзал и в 15.30 уеду домой.

Вчера вечером был в кино, смотрел картину «Жди меня». Картина очень понравилась. Я хотел бы обратить твоё внимание на такие слова, которые сказал один командир: «У настоящих мужчин такая традиция: если их ждут, то они обязательно возвращаются». Особенно понравился образ жизни Лизы, вот перед такой женой действительно при встрече нужно стоять 3 часа на коленях и целовать ноги... Когда я вышел из кино, то взволновался переживаниями и потрясён чувствами семейности, и сказал: «Вот так и меня ждёт жена». А один из приятелей мне возразил, тогда я ему в ответ так сказал: «Если только не так, я голову отдам». Тогда он поверил и тут же добавил: «А я за свою не ручаюсь...» Приеду домой, вышлю деньги и 4 фотокарточки. Фотографу везу пол-литра водки, здесь каждый день давали, я, конечно, не пил. <...> Я тебе не сообщил, что я шью себе хромовые сапоги и шинель, так как получал отрезом с кроем. За пошивку сапожнику и портному тоже по пол-литра везу. <...> С Ленинграда выслал денег 450–600–700 рублей. Затем уснул 4 заказных письма, 2 на сыновей с картинками зверей, и (в) два смотал по катушке ниток моточками. <...> Очень хотелось, чтобы дошли, так как ты смогла бы перешить сыновьям кое-что...

Из наградного листа:

1. Фамилия, имя и отчество – Карманов Пётр Иванович.
2. Звание – младший лейтенант.
3. Должность, часть – командир звена 999-го штурмового авиационного полка.
4. Год рождения – 1913.
5. Национальность – русский.
6. Партийность – член ВКП(б) с 1940 года.
7. Участие в боевых действиях по защите СССР – участник Отечественной войны против немецких оккупантов с 9 мая 1943 года на Ленинградском фронте.
8. С какого времени в Красной Армии – с 1941 года.

9. Чем ранее награждён – награждён медалью «За оборону Ленинграда».

24 июля 43 г. (Открытка. В верхней части текст: «Воин Красной Армии! Судьба родины решается твоим оружием, твоей стойкостью! Бей врага, не зная страха! Победа будет за нами!»)

Здравствуй, дорогие и любимые жена Валя, сыночки Алечка и Женя, мамаша, папаша и бабушка. С горячим приветом к Вам Ваш муж, Ваш папа, сын и зять Пётр. Дорогие мои, сообщаю Вам, что я нахожусь жив и здоров, чего и Вам желаю. Сегодня 24/7 43 г. За июль месяц я сумел послать Вам 20 писем и 2660 рублей денег. Я рассчитывал на днях ещё послать денег 600 р., но не получил это за испытание 2-х самолётов, но всё же скоро получу, так сразу ушло. Валя, я чем только располагаю, тем и помогаю. Когда был в Череповце, тогда так не мог помогать. Затем, Валя, переписал тебе аттестат на 820 р. И ещё помимо буду высылать. Пока до свидания. Крепко целую Вас Ваш Пётр.

3 августа 43 г. (На листках из записной книжки)

...На сегодняшний день имею 6 боевых вылетов. Сегодня не летал, и вчера...

16 августа 1943 г.

Вчера, 15 августа, был День авиации. Днём уборочной не было, был дождь, было торжественное заседание, а вечером – замечательный ужин... Было несколько увеселительных напитков. Я выпил 600 грамм вина. Но оно на меня что-то не очень повлияло, и вечером в 12 часов лёг спать. Сегодня встал в 9 часов утра и продежурил на своём комбайне. Но уборка не состоялась, так как погода была подобна вчерашней... Мне кажется, пишу (тебе) достаточно много, хотя письма одного содержания. Возможно завтра или послезавтра схожу сфотографируюсь и деньков через 4-5 вышлю фотографию...

17 августа 1943 г. (На листке из записной книжки)

...Сегодня день провёл, ничего не делаю. На комбайне своём не дежурил, на «уборочную» не летал. Возможно, завтра, сегодня уже нет. Сфотографировался, на днях вышлю фото...

18 августа 43 г. (На листке из записной книжки)

Письмо начинаю с того, поправляйся, не стоит болеть. Хотя это от тебя не зависит. Валя! Этот такое время чертовское настало – одна болезнь за другой, ты, очевидно, не бережешься, или уж этому быть. Я окончательно взволнован. Получая письмо – сколько радостей, а когда стал читать – одно сплошное горе и несчастья. Я сегодня получил письмо, которое ты писала 26 июля, это было 23 дня, как ты заболела, а завтра, 19 августа, – 1 месяц. Возможно, ты сейчас уже поправилась... За меня не беспокойся... И не думай, что жена болеет раз за разом, а я бы веселился. Это, как говорится, было бы от людей стыдно и от

бога грешно. Это помимо моего сознания и совести семьянина. Валя! Поверь, что нет того дня, и нет того обеда, завтрака или ужина, чтобы я вас не упоминал. Конечно, дорогая моя, письмами я тебя не вылечу. <...> Я пишу тебе каждый день или почти каждый день...

Сегодня один раз слетал на уборочную, полёт был удачен...

25 августа 1943 г.

Как видишь, здравствуй, моя дорогая жenuля, сыночки Алечка и Женя. С отцовским горячим приветом к Вам Ваш папа и твой муж. Валя, желаю тебе с сыновьями и родным такого здоровья, какое у меня ты видишь на фотографии. Эта фотография была сделана 23 августа, я только прилетел с боевого задания, и меня послали сфотографироваться. Возможно, вид угрюмый, но это отпечаток после переживания во время пребывания над противником (над целью). <...> Фото во весь рост ещё не готово, как будут готовы, так вышлю, а это фото я у них выпросил, это не сам я сфотографировался, а в приказном порядке, нужно куда-то для начальства. <...> Через неделю вышлю одну с другом, и одну с результатом своей работы, где буду сам сверху смонтирован.

Валя, сегодня должны уйти тебе деньги, которые я вчера выслал, 400 р. С августа должны получать 820 р. <...> И так с августа я выслал с Череповца 400 р. (8-го). 15 – 400 р. И 24 – 400 р.

25 августа 1943 г.

Ещё раз сегодня здравствуй, так как я сегодня уже писал одно письмо, в котором услал маленькую (4 6) фотокарточку. В 7 часов вечера сегодня получил от тебя письмо, которое проходило около 17 дней и ночей. <...> В тот день (8 августа), когда ты мне его писала, я был на половине пути в Череповец. <...> Ты пишешь, что получила письмо, в котором был (нарисован) самолётик, и что Женя с Алеком подрались за него. <...> А теперь посылаю обоим сыновьям самолётики, с подписью – кому какая картинка или силуэтик. Это кровный мой самолёт, на котором я летаю, Илюшин-2. Так и скажи сыночкам моим, пусть смотрят, с каких самолётов папа бьёт фрицов и гансов. А пока мои крошки до свидания, с фронтовым приветом к вам. Крепко целую Вас – Ваш Папа, твой муж Пётр, Ваш зять (сын) Карманов.

26 августа 1943 г.

Алечка, я посылаю тебе с Женей картинки – самолётики. Ты должен поделиться с Женей. <...> Завтра вышлю фотокарточки. Правда, вышли незавидно, но ладно. На следующий раз вышлю лучше.

27 августа 1943 г.

Валя, вчера я услал 2 письма, одно письмо с картинками самолётов – Алеку и Жене, так как я узнал, что они дерутся за такие картинки. <...> Пиши больше о детях, как они поделили картинки...

Из наградного листа (Представление командира 999-го штурмового авиаполка майора Горохова от **28 августа 1943 г.** на мл. лейтенанта Карманова Петра Изосимовича):

С 22 июля 1943 г. по 22 августа 1943 года авиазвено Карманова произвело 69 успешных боевых самолёто-вылетов, в результате которых уничтожено и повреждено: автомашин с грузами – 8, танков – 3, складов с боеприпасами – 4, складов с горючим – 2, миномётных батарей – 3, батарей ЗА (зенитной артиллерии) – 2, батарей полевой артиллерии – 2, пулемётных точек – 5 и до роты живой силы противника.

Лично сам тов. Карманов за период с 22 июля по 22 августа 1943 года произвёл 15 боевых самолёто-вылетов, в результате которых уничтожил: автомашин с грузом – 5, складов с боеприпасами – 1, миномётных батарей – 3, танков – 1, орудий полевой артиллерии – 4 и до взвода живой силы противника. Подавил огонь: батарей ЗА – 2, пулемётных точек – 4, артбатарей – 1.

21 августа 1943 года, выполняя боевое задание командования, тов. Карманов проявил исключительное мужество и отвагу, несмотря на сильный огонь ЗА противника, он умелыми маневрами подавил намеченные цели и дополнительно обстрелял два танка, из которых один танк прямым попаданием подожёл.

22 августа 1943 года тов. Карманов водил группу на штурмовку в составе 4 самолётов Ил-2, в результате смелой и решительной атаки нанесён немалый урон противнику. В районе цели, как подтверждает фотоснимок, взорвано два склада с боеприпасами и подожжён склад с горючим.

Эффективность боевой работы над полем боя подтверждена наземным командованием, фотоснимками и сопровождающими истребителями.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу тов. **Карманов достоин Правительственной награды ордена ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2-й степени.**

29 августа 1943 г.

Валя, 11 сентября будет годовщина, как мы с тобой расстались, т. е. я уехал из Кемерово. <...> Подводя итоги за этот прошедший год, чем я тебе мог помочь: выслал наличными 9970 рублей, не считая аттестата. Услал более 200 писем и десяток телеграмм <...> так что ты на меня обижаться не должна...

31 августа 1943 г. (Открытка Гусевой Евдокии Михайловне)

Здравствуйте, многоуважаемая бабуся Евдокия Михайловна. С горячим приветом к Вам Ваш внук или зять. Дорогая бабушка, я очень часто вспоминаю, как мы с вами, бывало, выпивали бражечку, винцо, и как бы мне хотелось снова повстречаться, тепло побесе-

довать с вами со всеми и много. Но теперь я Вам общаю, что я нахожусь жив-здоров, того и Вам желаю. Бабуся, передавайте привет мамаше, папаше, моим золотцам – Вале, Алечке и Жене. Пока до свидания, до скорого свидания. Будьте здоровы. Желаю счастья. Ваш Петя.

31 августа 1943 г.

Здравствуй, моя горячо любимая и дорогая Валюша...

Что произошло в моей жизни нового за август месяц? Имею 9 боевых вылетов, побывал 1 раз в командировке. Получил медаль «За оборону Ленинграда». И представлен к правительственной награде...

1 сентября 1943 г. (Почтовая карточка с репродукцией картины И. Шишкина «Корабельная роща». Открытка адресована Карманову Александру Петровичу)

Здравствуй, сынок Аля, сынок Женя. С горячим приветом к вам папа...

1 сентября 1943 г.

Валя, я до такой степени дописался, что писать (уже) нечего. <...> Я уже сегодня сыну писал открытку. <...> Сегодня был выходной, днём крепенько поспал, а вечером не знаю, куда время девать, возможно, займусь сочинением стихов, если не будет кино.

Пора мне задать несколько вопросов. Первый – как с уборкой картофеля, собрали или нет и хватит ли вам на зиму? Как насчёт угля? И самый большой вопрос – это в отношении пимов для тебя и одежды зимней. Сообщи, сохранилась ли у тебя доха? Смотри, ни в коем случае не сбывай, тебе необходимо беречь себя. И вообще, как вы подготовились к зиме?..

2 сентября 1943 года.

...Валя, а денег я копить не намерен, тем более возить с собой, случай неровен. И может получиться, что ни мне, ни вам, поэтому я так думаю: как появятся деньги, так высылаю немедленно...

Наверное завтра, 3 сентября, или послезавтра уеду в командировку в г. Куйбышев, а затем в Москву...

Заключение вышестоящих начальников от **2 сентября 1943 года:**

Достоин Правительственной награды ордена «Красная Звезда».

Командир 277 штурмовой авиационной дивизии полковник Хатминский.

ПРИКАЗ 277-й штурмовой авиационной дивизии 13-й воздушной армии Ленинградского фронта № 039/к от **4 сентября 1943 г.** СЕКРЕТНО

От имени Президиума Верховного Совета Союза СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество **НАГРАЖДАЮ:**

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Младшего лейтенанта Карманова Петра Изосимовича – командира звена 999 Штурмового Авиацонного полка.

Командир 277 штурмовой авиационной дивизии полковник Хатминский.

Начальник штаба 277 штурмовой авиационной дивизии полковник Богданов.

4 сентября 1943 г.

...Валя, меня очень беспокоит, почему ты до сих пор не получила деньги – 1750 рублей, и очень рад, что ты выздоровела. Я получил (письмо) в тот момент, когда садился в самолёт лететь на боевое задание. Сегодня слетал 1 раз на разведку. Вот за этот полёт и попали (меня) фашистские зенитки. Я маневрировал, маневрировал, а затем как вошёл в пикирование, как пустил р-сы (реактивные снаряды) и бомбы – так и взлетела фашистская зенитка и прислуга в воздух. В общем полёт исключительно удачный. Но, а завтра или послезавтра уезжаю в командировку...

Валя, мне очень понравилось изречение Алека, как он Жене говорил: «Не бей меня, я у тебя ведь родной единственный братик. А папа на фронте»...

6 сентября 1943 г.

Валя, сегодня я видел вас во сне так: будто бы прихожу домой и вижу, Алек играет на полу, а Женя лежит в кроватке, а кроватка стоит там, где стоял большой сундук. Я Алека взял на руки и к Жене подошёл. А он мне показался такой здоровый, что я стал сравнивать ручки Алека и Женину. Ручка Жени оказалась гораздо больше. А ты будто бы говоришь: «Это он похудел, у него ещё больше были ручки». А мама и бабушка стояли около двери. Потом как будто бы я сел и стал разговаривать. И снова очутился на фронте, готовлюсь на боевое задание. И тут вдруг стучится посылный, и разбудил меня. И вот я сегодня уже слетал 1 раз на боевое задание, жив-здоров.

16 сентября 1943 г.

...Сегодня на уборке не был. Правда, некоторые убрали, но мне не пришлось, испортилась погода и пошёл дождь...

(Приписка на отдельном полулистке)

Здравствуй, сынуля Женя, привет тебе горячий от папы. А также привет маме и братику Алечке. Крошечка моя, вот тебе игрушек-картинок высылаю, вместе с Алеком. Услал я вам 12 сентября. А также сообщаю, что жив-здоров, чего и вам желаю. С горячим приветом ваш папа.

20 сентября 1943 г.

...Валя, мне кажется, что теперь у тебя много нового, чтобы написать мне: как работаешь, как успеваешь или справляешься с работой. Это мне всего нельзя писать, да и нет надобности, ибо ты видишь по газетам, по радио слышишь, как идут дела на фронтах Отечественной войны... Мы трахаем! И фрицы драпа-

ют – вот факт! Сегодня ещё не перелетел на новое место. <...>

Хочется до безумия видеть вас и больше никого. Если бы ты знала, какой я стал сейчас! Я сам себя не узнаю. Я стараюсь быть прежним, таким бодрым... Даже, например, в отношении чтобы погулять вечером, так говоря откровенно – с женщинами, что ли, но у меня что-то на эту тему атрофировалось всё, или что не время этим заниматься, или чувствуется усталость, или уже отвык от такого удовольствия. Казалось бы, вольный казак, но что-то не то, я не знаю, куда что девалось, всё безразлично, всё это без внимания, одно на уме...

22 сентября 1943 г. (Почтовая открытка)

...Пишу открытку со старого места, чёртова погода не даёт попасть на место. И потому не получаю письма. Сам я чувствую себя прекрасно в отношении здоровья, только скучно...

16 октября 1943 г.

...Вчера получил письмо от Соловьёва, он лежал 3 месяца в госпитале, его подбили, и теперь (он) признан негодным летать на Ил-2, а только на самолёте У-2. У него нет сейчас одного глаза, как он сообщил мне, и сейчас уезжает с того полка, но куда – об этом мне пока неизвестно. Сегодня дежурю целый день, завтра тоже буду дежурить...

20 октября 1943 г. (Открытка)

...Сегодня целый день читал книгу: собрания сочинений Наумова. Завтра дежурю и, возможно, придётся разок слетать на разведку...

26 октября 1943 г. (Открытка. Ленинград, Халтурина, № 2, комната № 112)

...В данное время нахожусь в Ленинграде, в доме отдыха, с 23 октября по 5 ноября. Сильно мне понравилось в Ленинграде. В общем, целыми днями не нахожусь дома, разъезжаю по городу. Сегодня вечером иду в театр смотреть «Волки и овцы». В кино ходил позавчера, смотрел «Два бойца». Это новая современная картина, взята с Отечественной войны...

29 октября 1943 г.

...Вчера вечером был в театре, смотрел постановку, понравилась. А 30-го пойду смотреть «Кремлёвские куранты». Правда, можно каждый день ходить, но я приехал со скудной суммой, поэтому (хожу) не так часто...

2 ноября 1943 г. (Ленинград)

...В данное время я нахожусь жив и относительно здоров. Это потому, что я здесь, в доме отдыха, исследовал себя окончательно: (сдал на анализы) кровь, кал, мочу. Оказалось всё хорошо, за исключением желудка. У меня обнаружили язву 12-перстной кишки, что меня и мучает всегда: изжога и боль. Советы врача: ничего не кушать острого, т. е. солёного, кислого, горелого, жареного, всякие томаты, перцы и т. д. И особенно (нельзя) пить водку, вино, пиво и прочие наркотики, вплоть до того, что и не курить. Кушать только диету, т. е. молочко и всё лёгкое. В данное вре-

мя пью разную микстуру, порошки и питаюсь молочным и пресным. Водку, конечно, не пью, несмотря на то, что дают каждый день по 100 грамм. Но вот за всё присутствие меня в доме отдыха выпил 150 грамм, и это до моего результата, а после не пил. А теперь, как я провожу время здесь в Ленинграде.

Я уже 2 раза был в театре. И 30 октября тоже был, смотрел «Кремлёвские куранты». Это вещь неплохая, но не очень понравилась. Сегодня был в кино, смотрел «Георгий Саакадзе», 2-я серия, первую видел раньше, картина очень хорошая, очень понравилась...

Валя, ты не можешь понять, где я нахожусь. Я нахожусь в Капитоново, между Ладожским озером и Финским заливом, от Ленинграда в 18 километрах на север. А сейчас у самого Финского залива, на островах Кировских отдыхаю...

14 ноября 1943 г.

...Сегодня вечером у нас праздник – годовщина нашего <...> Возможно, грамм 300 водки выпью. Завтра дежурю на аэродроме, возможно, даже придётся разок слетать на разведку... Валя, в этом письме посылаю 3 фотоминиатюры.

16 ноября 1943 г.

...Вчера снова прибыл в город Ленинград, в дом отдыха, с 15 по 30 октября, а затем ещё продлят путёвку до 15 декабря. В общем, здоровье моё такое же, как было дома. Но дело в том, что тогда я знал одно, что изжога, и больше ничего. Поэтому относился так к себе, с прохладцей. А сейчас <...> язва 12-перстной кишки – болезнь, конечно, серьёзная, но при принятых мерах вовремя будет поправимо. В доме отдыха метод лечения таков: во-первых, режим, второе – принимаю кой-какие микстуры и принимаю электрические процедуры, к тому же всё это происходит в совершенно спокойной атмосфере, и питание диетное. <...> В общем, пока есть возможность отдохнуть и подлечиться, буду пользоваться всем, чем можно для улучшения здоровья...

18 ноября, 11 ч. 30 м. (вечера) 1943 г.

...Сегодня я абсолютно здоров, ибо не чувствую никаких признаков к нездоровью. Сегодня день прожил на молоке и сухариках <...> вечером ездил в город, в метро, смотрел постановку «Пиковая дама» и в 9 часов был уже дома, так как театр работает с 5 ч. <...> Числа 23 ноября поеду в часть, получу деньги, затем вышлю по телеграфу с Ленинграда. <...> Погода стоит ещё тёплая, снегу нет, а днями идут небольшие дожди...

20 ноября 1943 г.

Здравствуй, Валя. С добрым утром, так как я пишу письмо утром, а также горячий привет моим сыночкам Алеку и Жене. Но что можно сообщить тебе о своём отдыхе. Отдыхаю, поправляюсь, с угла в угол слоняюсь, играю в бильярд, принимаю процедуры: кварц, прогревания центральной нервной системы, так как больше всего врачи предполагают: язва возникла на почве нервной системы. Но вот о лечении всё. На днях

поеду к себе в часть, возможно, фото (будут) готовы, тогда вышлю. А с деньгами некоторая задержка будет – не потому, что финчасть не выдала, а потому, что я предполагаю некоторую комбинацию, так я считаю лучше послать позже, но больше, чем раньше, но мало. Это связано с подпиской на эскадрилью и присутствием в городе и в доме отдыха, хотя думаю, что это простительно мне, так как это не система, а как отдельный случай в моей фронтальной жизни. Ну, вот пока всё. До скорого свидания. Целую тебя и детей. Родным кланяйся. Твой муж Петя. И Ваш Папа. Ваш зять. П. Карманов.

На второй странице этого письма – рисунки. Сверху – кролик. Ниже – самолёт, бомбящий вражеский танк.

10 декабря 1943 г.

...Разрешите поздравить вас с наступающим новым 1944 годом. Пожелать вам <...> чтобы нам в новом году в первом полугодии повстречаться и больше не разлучаться на такие длительные сроки, а жить вместе радостно и счастливо. А в основном – это возвратиться домой с полной победой и невредимым.

...В Ленинграде я прожил, как видишь, порядочное время, побывал в театре, поверхностно познакомился с городом, но больше я сидел дома <...> мне осталось 5 дней жить в Ленинграде, а затем «домой», т. е. на старое место.

О здоровье своём: так себе, язва как была, так и осталась...

22 декабря 1943 г.

...Сегодня с утра и до 3 часов зубрил район и прочее. А после обеда один друг отдал долг. Я зашёл в финчасть и услал вам...

28 декабря 1943 г.

...С желудком дело обстоит так: кушаю всё молочное, на второе – рис или макароны с маслом и белый хлеб, и то употребляю очень мало <...> и наряду с таким режимом вроде ничего, даже хорошо. В отношении уха так: дней 10 слышу хорошо, затем дней 7 усиливается глухота до полного неслышания. И один день последний глухоты – заболит окончательно голова, появится шум в голове, тошнит и рвота. И после рвоты ухо становится нормально. Так стало со мной первый раз 9 ноября, второй – 29 ноября, третий – 12 декабря и в четвёртый – 25 декабря <...> Обращался к специалистам, говорят, ухо нормальное, с пониженным слухом. Вот так и ковыляю, но жду, как оглохну снова, тогда в этот (же) день поеду к профессору, может, выясню, в чём дело. А вообще это дело длится с 8 июня 43 года, во время резкого пикирования на цель так получилось. Но а в остальном всё хорошо <...> (Сегодня) «уборочной» нет...

30 декабря 1943 г.

...Вчера, после 2,5 месяцев слетал, отводил душу. Один полётик – 55 минут. Походил стройком, брею-

щим, затем под вечер чуть-чуть не пошёл на «уборочную» – убирать тех, которые создавали и создают плохую «метеопогоду», но уже было поздно, не успел. А сегодня плохая погода, снег, пурга, метель, плохая видимость... Когда был в доме отдыха, получал от тебя письмо, в котором был рисунок и который выглядит примерно так: мои и наши сыновья стоят взявши за руку друг друга и поблизости лежал футбол (рисунок с натуры) <...> Передать привет тому, кто меня рисовал, не могу ни при каких обстоятельствах, так как он погиб 22 декабря 43 года. В моей жизни сейчас изменений нет, жду грядущих боёв. Но одно воспоминание (о них) производит неприятное впечатление, но когда уже привыкнешь – тогда вроде ничего, а когда после большого перерыва – это аналогично первому крещению...

31 декабря 1943 г.

Валя! Сегодня 31 декабря 1943 года, последний день 43 года, завтра наступит 1944 год, год окончательной победы над врагом – это наши интересы и интересы общие всего народа. Но что нам принесёт с тобой в личной жизни этот новый 44 год – сказать невозможно. Правда, моё желание, а равно и твое – это вернуться домой и к своей семье, увидеть мне своих сыновей. Вот это желание целиком будет зависеть от моей судьбы, судьбы твоей и сыновей. Если написано на роду Жене знать своего папу, значит, увидит, а если не написано, то... Предстоящие бои будут жестокие и ожесточённые, поэтому гарантий на невредимость сказать невозможно. Борьба за жизнь, за победу зависят одно от другого, в войне такие дела решаются секундами, тем более – в воздушных боях и в противозенитных маневрах <...> Сегодня вечером встречаем Новый год, но мне пить вино нельзя...

Из наградного листа:

Тов. Карманов П. И. – участник Великой Отечественной войны Советского народа против немецких оккупантов с 9 мая 1943 года.

Будучи ещё инструктором-лётчиком, младший лейтенант Карманов отличался исключительной находчивостью. Много лётчиков подготовил он для действующих частей ВВС Красной Армии, смелыми атаками которых нанесён немалый урон противнику в технике и живой силе. Находясь в действующей армии, тов. Карманов упорно и настойчиво изучил тактику штурмовиков, готовясь к выполнению боевых заданий Командования. Не имея боевого опыта, он смело и энергично принялся за выполнение боевых операций, начатых полком 22 июля 1943 года по приказу Военного Совета Лен. фронта.

Командир 999-го штурмового авиаполка майор Горохов.

1 января 1944 г.

...Дорогие мои, поздравляю Вас с Новым, 1944 годом! Желаю счастья.

Пару слов о встрече нового года. В 6 часов (назначалось) торжественное собрание, в 8 часов ужин (банкет) с выпивкой по 300 грамм. Но у меня вышло иначе: как только зашёл в столовую, в голове стало так, как кто палкой ударил, зашумело в ухе, закружилась голова, тошнота и рвота началась. И ещё не началось в столовой угощение, а я чуть не умираю, промучился часа полтора, затем выпил соды и уснул до утра. И вот сегодня, 1 января, я (снова) здоров как положено, только шумит в голове. Аналогичный случай со мной произошёл (в последний раз) 25 декабря. И теперь меня врачи отстранят от лётной работы, пока не пройду комиссию <...> Сейчас чувствую себя просто хорошо, а бывают такие моменты, каким не завидую никому...

2 января 1944 г.

...Сегодня получил письмо, которое ты писала 19 декабря. Это письмо наложило на меня незавидное впечатление, в отношении 1 килограмма хлеба на троих. Я удивлён, с какого это времени так стало, но придётся однако мириться <...> А чем я могу помогать – этот ты ощущаешь, кроме денег, ничего не смогу сделать...

...Сегодня или завтра еду в Ленинград, в госпиталь, с ухом. Сколько проживу там не знаю, но пока от полётов отстранён...

4 января 1944 г.

На данный момент здоров, так как переболел 31 декабря. Жду очередного заболевания и кажется страшно, что пройдёт ещё дней несколько, и я должен (буду) снова заболеть. Правда, эта болезнь проходит через два с половиной часа, но она мучительна и неприятна. Сейчас стоит вопрос отправления в госпиталь. Но я туда не изъявляю желания, так как не благоприятствуют метеоусловия, т. е. «атмосфера». И со мной все соглашаются. Теперь стоит вопрос поездки в Москву, в госпиталь, но когда это произойдёт, не знаю. Но в Ленинград я пожалуй не поеду ни за какие условия, а посему сейчас я нахожусь дома...

5 января 1944 г.

5 часов вечера. Сижу дома, все мои братцы только что уехали в санчасть, на комиссию, но а мне там делать нечего, так как меня уже знают. Положение на сегодняшний день следующее: с 1/1 (1944 года) и по сегодняшний день было состояние здоровья хорошее, а сегодня начало шуметь в голове и увеличилась глухота левого уха. Встречался сегодня с врачом своим, он сказал, так: числа 9 января придётся ехать в Ленинград, в госпиталь, а затем он с армейским врачом договорится о перебросе меня в Москву, но это тоже не так уж точно. Возможно, будут ещё какие изменения. И вот сижу, пишу письмо. Настроение чертовски подавленное, навалилась тоска, голова ходит кругом и просто не знаешь, что делать, просто чёрт знает, просто душа ни к чему не лежит, не знаешь, за что братья, и

какая дальнейшая судьба моя, не знаю. А тут письма от тебя получаю такие неприятные для меня. И как вернуться из плохого положения в хорошее?

<...> И всё то, что думаешь, что соображаешь, всё это может быть только забвения, это только мечта. И когда на самом деле думаешь, что твоим желаниям есть противоречия, становится обидно жалко, и становишься слабей. Но в основном это не теряет бодрость духа и веру в преодоление трудностей. Вот пока и всё. Погода начинает(ся) зимняя, выпал снег см 30, мороз 8–5 градусов, похоже стало на зиму. Вот положение на сегодняшний день. Пока до свидания. До скорого свидания. Крепко целую тебя и сыновей. Привет родным. Будьте здоровы и счастливы. Ваш папа, твой муж. Жди, и я вернусь, только очень жди...

6 января 1944 г.

...Завтра в 6 ч. 05 минут уезжаю в Ленинград в госпиталь, на какое время – сам не знаю <...>

В январе пишу тебе 6-е письмо. Погода здесь сегодня такая: не видать белого света, сильная метель и буран, с морозом в 8 градусов. Да, в городе Алатыре одна центральная почта, так что совершенно верно, ведь ты, очевидно, помнишь, что я в прошлом году был в городе Алатыре, отгонял свою пташку из Муром Горьковской области в город Алатырь, где прожил 5–6 дней. Так что я знаю (*теперь*), где он (*Соловьёв*) находится после твоего письма, а то у меня связь с ним была утрачена, а теперь восстановил. А также узнал о гибели Куляева. Валя, пиши мне на полевую почту 36758, а письма мне будет привозить врач... Ложусь спать, время 12 ч., а вставать в 5 часов...

4 февраля 1944 г.

...Валя, хочу описать впечатления мои, оставшиеся о городе Пушкине. Во-первых, всё разрушено проклятыми фашистами. В городе ни единой души населения, ни старых, ни малых. Был я во дворце Екатерининском – всё разрушено, развалено и сожжено, а там, где остались комнаты уцелевшие, всё побито, понагажено, позахламлено. И где было самое хорошее помещение, видно была конюшня, потому что (*там*) конский наём, сено, мусор, грязь. Екатерининские тачанки стоят, но это только скелеты, кузова пооборваны – так как они были обиты бархатом, спицы из колёс повыпилены, библиотека вся разграблена и сожжена, валяются церковные книги, полы выдраны и паркет увезён, весь мрамор побит, вся архитектура побита или покинута и увезена. Я этот дворец живым не видел, но (*по тому*) что уцелело и побито, можно себе представить, что это был за красавец! Там, где были комнаты и кабинеты, фрицы устраивали склады боеприпасов. И так, как не успели всё убрать, осталось большое количество патронов, мин, взрывателей, бомб и прочее имущество. И мало того что ни крыши, ни полов, ни стен и окон нет, так ещё и заминировали больше десятка 500-килограм-

мовыми минами. Наши минёры при мне 2 февраля достали 5 замаскированных 500-килограммовых мин и обезвредили их.

В подвалах этого дворца поймали 8 фашистских извергов: (*те*) сидели в подвале, пекли картошку и жрали. И когда мы зашли, они трусливо подняли свои кровожадные лапы вверх, выговаривая ломано русские слова: «Русь, здаёмся!».

Екатерининский парк повырублен или бесхозьяственно подпилен с пнями в 2,5 метра. В бывших казармах Екатерининской армии все окна повыбиты и полы повырваны, с печей сняты и увезены изразцы. Поблизости деревни все сожжены и развалены. В общем, описать эту картину невозможно, а только можно посмотреть, запечатлеть. В общем, ужас и варварство – так только могут делать изверги средневековые...

Да, Валя, Женюку Беспалова сбили около Пушкина, самолёт нашли, отремонтировали, а его нет. Или в плен попал, или может где ещё, у партизан, но гарантий мало...

8 февраля 1944 г. (*Открытка. Ленинград, Набережная Невки, № 22*)

...Во всех отношениях в данное время без изменений. Продолжаю находиться в доме отдыха, получаю уколы. 9 февраля иду в театр смотреть «Беспокойная старость»...

28 февраля 1944 г.

Здравствуй, Валя. Привет и наилучшие пожелания. А также привет Люде, если она здесь, и всем родным, мамаше, папаше и бабушке. Но, родная, начну с того, что вчера, т. е. 27/2 (44 г.) в 4 часа покинул Ленинград, ехал в кабине, правда, было холодно, но терпимо. И только приехал домой, вернее в часть, зашёл в комнату, где живёт братцы, в это время вдруг закружилась голова и началась рвота. Промучился часа 2,5 – и снова здоров. Так что я чувствую, что это будет продолжаться, пока богу душу не отдам. Но всё равно, коль комиссия допустила, летать придётся; конечно, если буду чувствовать себя плохо перед полётами, то не полечу, а если случится в воздухе такой приступ, буду стараться держаться в сознании, добраться до аэродрома, сохранить себя, экипаж и матчасть. И как крайность – только экипаж. Но летать нужно. Сегодня не летаю и завтра, а в марте начну летать. Валя, возможно, твои письма возвратились домой, это потому, что думали, я не приду в свою часть, и нашлись такие мудрецы отправить (*эти письма*) обратно. И вот только два письма от тебя сохранились у приятелей: одно от 20/1 и одно от 12/1 44 г. И одна открытка от 4/2 44 г. С Ленинграда я услал 6 книжечек сказки и услал телеграмму о выезде в часть. Синицкий (Канский), когда был в Пушкино, я его видел 2/2, а 3/2 (*он*) нашёл гранату, вертел в руках, и она взорвалась и вырвала (*ему*) живот, он умер. В. Холодов летает, жив-здоров. Сегод-

ня получил открыточку от дружка, он сейчас в Москве, т. е. был в Москве 20/2 44 г., получал Золотую Звезду (*Героя*). Но изменения большие, о которых ты можешь знать по ходу действий. Вот, пожалуй, и всё. Да! Денег не получал за февраль, как получу, так сразу вышлю в сумме 600 рублей. Но теперь письмо будет ещё дольше идти, а также и деньги.

Пока до свидания, до скорого свидания. Крепко целую тебя и детей, и всем родным кланяюсь. Ваш: папа, муж, зять, брат Пётр Карманов.

1 марта 1944 г.

...Моя дорогая голубушка, сообщу, что я сегодня 1 разок слетал за Нарвочку. Должен тебе сказать, что сейчас я летаю очень низко, не выше 30-40 метров. Не то, что летом, от 1000 и выше <...> на такой высоте отлично видно всё до основания, и с такой высоты гораздо больший эффект. За этот полёт я увёз фрицам подарок: 300 килограмм бомб, 4 эрэсса, 1500 пуль и 300 снарядов. Нападение на них было неожиданно для них, так что они метались, но спасения им не было.

В этом полёте я уничтожил больше 2 десятков фрицев, поджёг один танк и 2 автомашины. И безвредно вернулся, но на 3-м заходе чуть не врезался в землю. Увлёкся целью и не заметил, как подошла земля, выхватил машину у самой земли, даже оставил царапину винтом на снегу. Но это научило осторожности. (*Ко всему*) погода была исключительно сложная, малая видимость...

3 марта 1944 г.

...Сегодня день прошёл следующим образом: слетал два раза на боевое задание, и горе тому, кто сегодня попадал под наши штурмовые удары. Налетели на один немецкий опорный пункт, с брьющего полёта сбросили за один раз 2500 кг бомб и пушечно-пулемётным огнём обстреляли фрицев. И всё это так внезапно потому, что где поляна или болото – идёшь над землёй; подходит опушка леса – идёшь над макушками, и внезапно налетаешь, что фрицы не успевают даже развернуть пушки и сделать выстрел. Правда, стреляют частенько, но уже бесполезно. Оглянешься назад – пламя, огонь, дым и сплошной очаг пожара... Сегодня услал денег 600 рублей...

...Работал за далёкой Нарвской заставой, штурмовик там прошёл удалой...

4 марта 1944 г. (*Письмо воспроизведено полностью*)

Здравствуй дорогая и любимая жена Валя! А также любимые сыночки Саша и Женя. С горячим приветом к Вам Ваш папа. Дорогие мои, сообщаю Вам, что я в настоящее время жив-здоров, чего и Вам желаю. О сегодняшнем дне: сегодня слетал 2 раза на боевое задание, один раз на дзоты и (по) пехоте, а один раз по дорогам, громил колонны немцев. И засекли на шоссе автомашины, разбомбили дорогу. Машины стали, фрицы убежать, а мы давай их обстреливать и бом-

бить. Сожгли до 10 машин. И я лично угодил в штаб соткой бомбой так, что канцелярские бумаги взлетели выше леса. За сегодняшнюю работу получили благодарность от наземных войск. В общем, слетали удачно и благополучно. И все эти полёты были в сложных метеоусловиях, в пургу и дымку. Но вот на сегодня всё. Сегодня получил от тебя письмо от 10 января, в котором ты пишешь, вернее, спрашиваешь, чем я занимаюсь и чем заняты мои мысли. Но в то время, 10 января, я читал книгу Толстого «Воскресение». А сейчас летаю, воюю, с утра до вечера. А вечером пишу письма. Вот всё. Пока до свидания, до скорого свидания. Крепко-крепко целую тебя и детей, родным кланяюсь. Валя, если здесь Нюра, передай ей привет.

Ваш папа Пётр и твой мужёнок Петушок.

Бывайте здоровы. Желаю счастья.

5 марта 1944 года (*Текст письма воспроизводится полностью*)

Здравствуй, моё золотце Валя! А также мои золотнички Алечка и Женя. С горячим приветом к Вам Ваш папа. Дорогие мои, сообщаю Вам, что я жив-здоров, чего и Вам желаю. А также горячий привет Мамаше, папаше и бабушке. И если находится Нюра здесь, то также ей горячий братский привет.

Валя, сегодня получил от тебя открыточку, которая опускалась в Москве, и на ней стоит печать Москвы от 23 февраля, так что она проходила дольше, обычно письма идут от 13–17 дней, а она проходила 26 дней. Потому, что ты её писала 8 февраля 44 года. Далее, телеграммы в госпитале не получал.

Сегодня моя четвёрка не летает, отдыхаем дома. И вот принесли открытку, и я на неё отвечаю. Сегодня получил письмо от Маруси, пишет, что 7 дней не дают хлеба, сидят на одной картошке. Я им послал сегодня 100 рублей денег, а тебе на днях вышлю 600 р. Жди, должна скоро получить. Но вот, моя дорогая, конечно писать. Будь здорова, не скучай. Монашкой не живи, но живи умно. В общем, тебя учить нечего, у тебя есть разум, чувство совести и ответственности перед собой и перед...

Жди меня, и я вернусь, только очень жди!!

До скорого. Крепко целую тебя и детей, родным кланяюсь. Ваш папа, зять, муж и брат Пётр Карманов.

27 марта 1944 г. (*Почтовая карточка от В. И. Кармановой. На лицевой стороне приклеен квадратик бумаги с текстом «Кармановой В. И. Адресату доставить невозможно»*)

Кемерово, 27 марта 1944 г.

Привет и тысячу наилучших пожеланий шлём тебе, Петя! Родной, давно нет от тебя писем. Как ты чувствуешь себя и где? Мы не знаем. Мы живём по-старому. Дети здоровые. Нюра не приехала, и вообще нет никаких вестей от них. Тётя не пишет. Погода стоит тёплая, серая. Грязи как и всегда. Сейчас готовимся к посадке в огороде. Нынче буду садить картошку

вместе с учреждением. Семян своих нет. Петя! Пиши, я так привыкла к твоим письмам – очень беспокоюсь долгим молчанием. Кончаю. Подробнее напишу в письме. Будь здоров и весел. Крепко целуем. Твои Валя, Женя, Сашек.

Выписка из Книги Памяти:

38. Лейтенант Карманов Пётр Изосимович – командир звена 999-го штурмового авиаполка. Не вернулся с боевого задания 6.3.44 г.

Выписка из архива, присланная военкоматом:

Карманов Пётр Иосифович (Изосимович), 1913, пос. Асинкритово, Барабинский район Новосибирской обл., призван Кемеровским РВК, лейтенант, командир звена, 999 штурмовой авиационный полк, 13 воздушная армия, пропал без вести 06.03.1944, р-н Кунингакюля ЭССР. (ЦАМО РФ. Оп. 11458. Д. 312. Л. 72. № в эл. архиве 13227.)

Стихотворение В. И. Кармановой

П. К.

Пишу тебе, любимый мой,
Я говорю с твоей душой.
В моём сердце ты жив всегда,
И не исчезнет никогда
Милый образ твой.
Я сохраню в себе,
Я расскажу сынишкам о тебе,
Что отец их был герой;
Что смело шёл он в бой,
Что защищал он Ленинград
И храбро вёл он самолёт,
Жестоко мстил он за сирот,
Но жизнь отняли у него
Враги во цвете лет.
Оставив двух сирот,
Погиб наш папа за народ.

Подготовил Виктор АРНАУТОВ

Участники шествия Бессмертного полка
сыновья Петра Изосимовича Александр и Евгений

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ПОВОДЫРЬ

Юрий Кузнецов многое сказал о русском человеке, о его сердечном труде, о его своеволии – земном непослушании небесному совету, о его недругах и бедах. Кузнецовский поэтический строй на редкость органично сохраняет в себе мифопоэтическую народную традицию: множество стихотворений поэта созданы как современные легенды и сказки о русской жизни. Подобно фольклорным образцам, они схватывают чрезвычайно верные приметы нашего характера и мироощущения.

Русский ум здесь найдёт себя, а русское сердце – сквозь слёзы узрит Бога...

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА

Юрий Кузнецов и православная культура

Читая последние произведения Юрия Кузнецова, прежде всего, проникаешься мыслью о том, что искусство, ¹³⁷делаящее хотя бы один шаг по направлению к Богу, тем самым уже прибавляет себе толику гармонии, сообщённой Создателем миру. Но литература, говорящая об Истине, приближается к ней с иной стороны, нежели монашеский подвиг, в основе которого молитва о чадах Божиих, о родной земле и милосердии Господнем.

Так, русская классическая литература не позволила атеистическому советскому человеку забыть о христианской нравственности, которая, не называемая прямо, присутствует в произведениях старых отечественных писателей. С точки зрения аскетического православия в тех книгах почти всё было неправильно, смутно, искусственно. Их катехизаторское значение, очевидно, невелико, хотя духовно-нравственная роль сочинений русских поэтов и писателей огромна.

Современный человек в массе своей существо мирское, хотя и старается соизмерять собственные поступки с заповедями Христовыми. Однако мир исключительно провокационен, и поэтому подлинно художественная литература служит неким буфером между повседневностью, которая переполнена до предела житейской суетой, и церковным пространством, приоткрывающим человеку вечность. Цивилизация не позволит человечеству поголовно уйти в монахи, ибо тогда она прекратит своё существование. Но и сейчас нам известны миряне-праведники, простецы, принимающие подаяние и произносящие волшебное звучащее слова: «Во славу Божию, ангелочек бархатный!...». Не кано-

нически, но от сердца и от дивной русской речи звучат они и заменяют иную церковную проповедь.

Не в борьбе искусства и православия мы должны искать главные для себя смыслы, но в их союзе, взаимно бережном, но и строгом.

В последних стихотворениях Юрия Кузнецова звучат многие мысли поэта по поводу высказываний Святого Игнатия (Брянчанинова). Не стоит забывать, что эти святые поучения были написаны полтора века тому назад, и их буквальное применение к сегодняшнему дню и современной литературе может быть на руку только начётчикам и вчерашним комсомольским функционерам, сменившим красный членский билет на нательный крест. Прошедший день для таких людей – повод для неустанной молитвы о собственной душе, в то время как сегодня они уверенно берут на себя роль православных наставников. Непрерываемым тоном эти новоназначенные христиане озвучивают тексты святых отцов – точно так же два десятилетия тому назад с их губ слетали цитаты из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и очередных генеральных секретарей коммунистической партии.

Творчество поэта всегда таинственно. Но великий русский поэт – это и великая русская тайна. В его духовном пространстве соединяются самые разные черты отечественного существования. Он стягивает в одну точку и характер человека, и родную природу, и земную любовь, и рождение детей, и ратный подвиг, и мирской грех, и таинство покаяния. Так Вселенная была до времени непостижимой точкой, из которой затем появились галактики и планета Земля, прекрасная и удивительная.

Поэмы Юрия Кузнецова о Христе – это художественный акт русской православной культуры, иссохшей в пустыне атеизма, поруганной в своих родовых истоках и в эпоху смуты вновь испившей живой воды христианского Предания. Стоическая фигура поэта напоминает нам о мужестве, великодушии, любви к Отечеству, щедрости таланта и остроте ума. В начале XXI века это должно стать для нас благородной данностью, а вовсе не дразнящим личное тщеславие литературным раздражителем.

Уйдут бранные слова хулителей и забудутся их имена. А поэзия Юрия Кузнецова останется, потому что она – равновелика русскому веку.

Доколе он длится, будет звучать и гениальное кузнецовское слово.

2008

НАСЛЕДНИК ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПЕСНИ

*Поэма Юрия Кузнецова «Путь Христа»
и её место в современной литературе*

Три поэмы Юрия Кузнецова под общим названием «Путь Христа» при их первой публикации вызвали шквал нареканий со стороны тех, кто счёл себя призванным к борьбе за чистоту евангельского слова в нашей литературе. Было много и восхищённых отзывов, и дельных разборов «Детства», «Юности», «Зрелости», однако глухая вражда по отношению к этим творениям мастера не утихла до сих пор, спустя десяток лет после их появления в печати.

Эти критические упрёки по большей части носят идеологический характер. Собственно литературные претензии к поэмам были, скорее, вздорными и почти всегда свидетельствовали лишь об уровне поэтического таланта непререкаемых судей. Само художественное слово Кузнецова при цитировании защищало себя, тогда как суетные попытки уличить поэта в написании «плохих», «искусственных» стихов попросту рассыпались при соприкосновении с высокой фактурой кузнецовского текста. Ущербность этих вторых обвинений во многом самоочевидна, тогда как первая линия критики трёх евангельских поэм до сих пор весьма сильна. И потому стоит взглянуть на неё более пристально.

Очень часто позднее творчество Кузнецова представляется как возмутительное соединение его прежнего, изначально языческого миропонимания и неглубокого, катехизаторского христианства, которым поэт «заинтересовался» на склоне лет. Утверждением этой критической позиции дружно занимаются новоначальные христиане с литературным образованием и клирики-трибуны, совершенно лишённые художественного чутья и вкуса. Хорошо бы таким литераторам-фарисеям обратить свой взыскательный взор на собственные деяния, никак не сочетающиеся с евангельской правдой в жизни, а церковным книжничаньем – вслушаться в звуки народной духовной поэзии и быть ближе к душе русского человека.

Стоит напомнить, что в храм приходит грешник, на лице и в повадках которого видны черты его родовой принадлежности, будь то татарин, осетин, еврей или русский. Свойства его национального характера не отменяются принятием православной веры; также и культура народа, к которому он принадлежит, не изымается из его сознания и сердца, но во многом очищается и приводится в соответствие со светом христианской истины. Эта родовая печать не отменяется ни в Грузии, ни в России, ни в Японии, где великий православный миссионер святой Николай (Касаткин) с огромным уважением относился к традициям местной культуры. Более того, с началом Русско-японской войны он известил свою паству, что теперь они будут молиться порознь, каждый о победе *своего* оружия, поскольку христианин должен быть ещё и сыном собственной родины. Православный эфиоп не должен отречься от культуры Африки, несомненно, отринув все её колдовские культы. При этом сказки, которые он станет рассказывать детям и внукам, будут с отчётливым местным колоритом.

Вместе с тем вся дохристианская Русь негласно полагается некоей страной-полуфабрикатом, так же как и древние славяне, её населяющие, ибо только потом, с Крещения как будто началась подлинная русская история. Эта резекция русского народного сознания, исторической и нравственной правды делает русского православного христианина совершенно беззащитным перед многими церковными нестроениями. Ужасны признания бежавшего из церкви прихожанина, который столкнулся с чёрствостью настоятеля, со своекорыстием приходского старосты, с бюрократической ротацией клира. Этот человек поистине одинок, у него нет ничего, что составляло бы его родовую историю, некую базу, от которой стоит сделать

мировоззренческий и духовный шаг ко Христу. Даже разбойник, раскаявшийся и ушедший в монашество, со слезами вспомнит волшебную сказку и народную песню, которую в полузабытом детстве он слышал от матери своей. Родовой русский человек с православной душой, столкнувшись с церковными испытаниями в одном месте, уйдёт от искушения злобой и безумием критиканства, исповедуется и примет причастие из рук другого пастыря – доброго, искреннего, не затронутого стяжательством.

Разумеется, линия соединения православного и древнего, народного взгляда на мир не может быть прочерчена раз и навсегда, обозначив границы сочетания первого со вторым отчётливо и непререкаемо. Когда речь идёт о христианском каноне, ни в коем случае нельзя поступать его строгостью. Но если мы говорим о живом Христе, образ которого до сих пор живёт в русских духовных стихах, во внимание должна приниматься вся совокупность слов и мнений, пронизанных любовью к Спасителю и чувством собственного, сокровенного сораспятия с Ним. Наша Церковь, будучи водителем русского человека ко Христу, должна любить свое чадо. Но иной раз она берёт на себя роль сухого и безжалостного учителя, бьющего ученика линейкой по рукам и категорически не желающего познакомиться с его семьёй.

Юрий Кузнецов стремился соединить народное представление о Христе с Преданием. Ещё раз отметим, что его триптих – это литературное произведение, а не рассуждение на каноническую тему. Как и в народной поэзии, в кузнецовской «словесной иконе» мы найдём мимику Христа, Его боль, гнев, печаль и юмор. В четырёх Евангелиях подобные приметы жизни Сына Человеческого едва обозначены. И потому поэтический текст так насыщен психологическим осмыслением текста евангельского.

Как правило, мистические произведения в поэзии склоняются к картинам отчётливо прорисованным. Такая определённость в описании мира исподволь выдаёт склонность автора к дидактике. У Кузнецова читатель регулярно сталкивается с бытийной мистикой происходящего, когда наглядный сюжетный поворот вызывает смутный, тревожный, а подчас и грозный отголосок в природе и времени.

Подобно евангельским повествованиям, «Путь Христа» Кузнецова пронизан совпадениями действий, предметов и слов. Так, «пощёчина Христу» трижды возникает на страницах поэмы, причём не только как свидетельство злобы мира, но и как абрис его житейской ограниченности. Всё земное обижает и бьёт Спасителя, и в том – едва заметные знаки Его грядущей смертной муки. Но иной читатель раздражённо скажет, что Магдалина не по праву заносит руку на Христа, тут – кощунство и недопустимый творческий произвол автора. Хотя – имеющий глаза да увидит... Иосиф с семьёй бежит, захватив с собой «лесину», из которой намеревался сделать гроб умершему старейшине Назарета, но вскоре рубит из неё «колыбель для дитяти». Вот маленький образ уходящего ветхого мира, нарождающегося мира новозаветного и их соединительного звена.

Кузнецов населяет поэму дополнительными персонажами, вводит новые события – и это не только приближает фигуру Христа к простым людям, но и человечески оте-

плет многие Его суровые смыслы. Причём эти авторские лица и происшествия исключительно органичны как фигуры в реалистическом развитии новозаветного сюжета. Таков бедуин у костра, дымом которого играет маленький Иисус; упавший с крыши и разбившийся мальчик, которого Он воскресил, будучи ребёнком, задолго до первого публичного чуда на свадьбе в Кане Галилейской.

По словарю и интонации поэма сближается с народными духовными стихами. В её тексте много ласкательных слов, анафорических приёмов и иных примет народной лирической поэзии. Пожалуй, это видимое соприкосновение с фольклором в эпической поэме очень часто действует на антагонистов Кузнецова, как красная ткань на быка. Русификация интонации кажется им возмутительной, она будто бы умаляет надмирный пафос священного сюжета. Так католики в Японии, обратив местных жителей в свою веру, дали им иконы, на которых лица святых были изображены с раскосыми глазами – дабы аборигены воспринимали угодников Божиих более прочувствованно. Но у Кузнецова – не «умозрение в красках», а «словесная икона». Причём – авторская, «моя». Не изменён антураж, идентичны лица, адекватны смыслы – лишь голос рассказчика резко индивидуален. И такая икона, словно вытолкнутая на поверхность жизни из трёхвековой толщи русской литературы через слова, голос, ум и сердце Юрия Кузнецова, достойна понимания, уважения и любви со стороны соотечественников.

В предсмертном кузнецовском стихотворении «Поэт и монах» можно увидеть знаки положительного отношения поэта к живописи Рафаэля и Микеланджело. Но если для художников Возрождения было важно выявить чисто человеческую личность и показать, что все глубины библейских сюжетов вполне доступны всякому человеку (об этом замечательно написал А. Ф. Лосев*), то Кузнецов поставил перед собой совсем иную задачу.

Мистика его поэмы не нуждается в доказательствах и не сводится к набору простых тезисов и приёмов, под стать руководству для начинающего фокусника. Сохраняя священную Тайну, он старался приблизить её к русскому человеку. Бережно относясь к его духовному и культурному прошлому, он хотел показать дорогу, уходящую за горизонт и никогда не кончающуюся.

И всё это – вымолвить на родном языке как наследник древней русской песни и подлинный литературный гений сумрачного рубежа двух христианских тысячелетий.

2009

ПРИМЯТЫЙ ЦВЕТ

Художественные черты поэмы Юрия Кузнецова «Рай»

Мистериальная поэма Юрия Кузнецова «Рай» содержит практически только первую главу неосуществлённого авторского замысла. В произведении нет такой развёрнутой галереи персонажей, как в поэме «Сошествие в Ад», по художественной хронологии предваряющей послед-

нюю часть гениальной кузнецовской трилогии. Однако в авторском неоконченном тексте есть множество смысловых и эстетических знаков, позволяющих судить о нём как о лирическом целом. В первую очередь это касается приложения «райской» сюжетной завязки к реальной жизни, к месту в ней alter ego поэта, к динамике разворачивающейся картины, по масштабу – вселенской.

Надо сказать, что динамической пружиной всех трёх мистерий Кузнецова является изначальная авторская подача событий как происходящих «здесь и сейчас». В отличие от многих подобных произведений своих поэтических предшественников, в том числе и от дантовской «Божественной комедии», у Кузнецова поэт-рассказчик попадает в надмирное пространство не как турист, которому демонстрируют устройство мистической вселенной в виде когда-то сложившейся и к настоящему моменту «устоявшейся» структуры. В трилогии Поэт выступает как свидетель череды грандиозных событий. Он движется вслед Христу, проходя все этапы земной жизни Сына Божьего, следуя за Ним сначала в Ад, а затем уже – в Рай, наблюдая его великое «второе заселение».

*Рай перед вами. Ступайте! – промолвил Христос.
Реяли светлы вдали. Участь Рая решалась.*

Элементом такого связующего пунктира можно назвать, к примеру, присутствие Поэта на свадьбе в Кане Галилейской, о чём в поэме «Сошествие в Ад» Иисус напоминает ему. Или фигуру Разбойника, который впервые появляется в сцене распятия, затем будет развёрнуто прорисован автором в «Сошествии», и, наконец, вот он замыкает сонм праведников, входящих в Райские Врата. Подчеркнём, что в последнем эпизоде Поэт на прощание обнимается с Разбойником как товарищ по греху, избывающий земную жизнь духовным движением ко Христу. Здесь почти буквально отобразены слова причастной молитвы: «...но яко разбойник исповедую Тя».

В «райском» сюжете заметна скованность и неуверенность в себе кузнецовского Поэта, когда он приближается к Вратам, говорит с Христом, находится вблизи от страшного и притягательного Древа Познания. Здесь нет ничего, что было бы устроено по желанию Поэта автоматически. Он выступает малым просителем, для которого возможный отказ в просьбе и порицание, скорее, привычны, чем неожиданны.

Вместе с тем Христос понуждает Поэта просить больше, чем подобает, и выше положенного мыслителю и художнику по его земной принадлежности. «Я дам тебе зренье», – говорит Поэту его Проводник. И эти слова характеризуют творение Кузнецова как духовное наблюдение, а совсем не как умозаключение.

Чувство собственного нравственного положения удивительно приближает не только главного героя, но и всю поэму «Рай» к читателю. Автором соблюдена важнейшая для этого повествования духовная дистанция между обычным земным человеком и Царством Бога, между художником, по-земному ограниченным, – и Христом, Беспредельным и Всеблагим.

* Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 388.

Если вспомнить кузнецовскую «Атомную сказку», в которой грех разрушения красоты и тайны жизни целиком возлагался автором на Иванушку, то есть на человека, то в «Рае» Поэта к Древу Познания притягивает, кажется, непреодолимая сатанинская сила, которую в одиночку, без помощи Ангела ему не превозмочь.

*...Ангел, хранитель печалей твоих.
Если узнаешь его, то на малое время
Он облегчит и потом, как в Раю, твоё бремя.
«Бремя в Раю!..»*

И вот тут перед нами – кузнецовская поправка собственных давних слов, причём она не отменяет однажды сказанное, но проявляет ранее незримое. Кроме того, автор показывает, что в Раю искушения и бремя возникают по отношению к телесному человеку – святые угодники в своём духовном воплощении этого не ведают. Таким образом, мы видим словно бы повтор адамова преступления, Кузнецов даёт возможность каждому примерить проступок первого человека на себя – не с помощью благоразумной авторской сентенции, а вводя читателя в круг действия, позволяя ему почувствовать свою слабость перед безмерностью высших сил. Это проекция мистического прошлого на сиюминутное настоящее.

Фигура Ангела-хранителя, спасающего Поэта от дьявольского искушения, не имеет видимых очертаний. Тем не менее Ангел чуток и неотделим от порученной ему души. Он призывает на помощь в минуту необходимости Святого Георгия Победоносца, который поражает Ворона со змеиным взглядом, искушающего Поэта, что к Древу Познания «шёл, как слепец на обрыв, упираясь в молитву». Отметим, что молитва, не имеющая зримого образа, здесь показана как нечто материально осязаемое («**упираясь** в молитву»), тогда как Ангел, изображение которого знакомо нам по иконописи, дан автором в виде голоса:

– Так покажись. Я твой образ имею в виду.
– Голоса будет довольно. Я рядом иду...

Для верующего человека такой порядок вещей обычен: и молитва как посох, сопровождающая тебя по жизни; и голос ангела, который слышит твоя душа, обиходно порой называя его «внутренним голосом». Но насколько лаконично это обозначено Кузнецовым в тексте – ясное, как Божий день, и глубокое, как откровение! У поэмы «Рай» огромная плотность смыслов на строку, на картину, на образ.

Сходя в Ад, Христос и его сопровождение летят в Божественном мраке «под Вселенной». Устремляясь в Рай, их путь лежит «над Вселенной». В окрестностях Эдема простирается голая местность, покрытая туманом, – это «долина печали и гнева», сотрясаемая вечным рыданием Адама о первом грехопадении. Райское пространство, напротив, предстаёт в виде «цветущей долины».

Кузнецовский текст насыщен противоположностями, однако они даются поэтом как-то исподволь, вне лобового столкновения. Автор чувствует огромность Божественного мира, неявные взаимосвязи его частей и примёт, по-

нимает, что всякому предмету соответствует его единственное место, и потому нет нужды в наглядном противопоставлении высокого и низкого, светлого и тёмного. И это тем более верно, что мистический Божественный мир наполнен прощением и волей Христа.

Нет ничего раз и навсегда определённого, даже из Ада можно попасть в Рай по молитве на земле или в райском Саду. Так град Китеж, первоначально низвергнутый в Ад, впоследствии, сияя куполами, внутри «вечной тучи» прилетает «к светлой звезде своего назначения».

Плач покаяния наполнил скорбную долину, «твердь отворилась, и хлынули тайные воды», смывая остатки «несвятости» с прибывших праведников.

*– Эта святая вода вас омоет, народы! –
Молвил Христос. Все народы омыл водопад.*

Однако земной и телесный Поэт не по праву находится рядом с Христом и святыми душами, и потому очистительная влага его не касается («мимо и тайно падали воды»). Но по воле Христа одна капля окатывает Поэта до пят и, высыхая, даёт ему странную одежду из трав волшебного узора. Так он предуготован к тому, чтобы молить Бога о возможности хотя бы на одно мгновение увидеть Рай. Сквозь просвет в игольное ушко он проникает в Сад, идёт, приминая цветы, оставляющие вечное благоуханье.

*Скоро ли, долго ли шёл я в цветущей долине,
Запахом скажет тот цвет, что примят и поныне.*

Замечательна деталь, характерная для стиля поэмы: протяжённость пути и его временная долгота показываются через запах примятых цветов, то есть косвенно и как бы отстранённо от картины происходящего. А хронологическая метка «поныне» определённо принадлежит другому времени, иному пространству, свидетельствуя уже о днях написания поэмы: путешествие состоялось, Поэт вернулся в земной дом и слагает повествование о судьбах мира. Но реально – он умер, ушёл от современников, однако былые следы его отчётливы: помимо земной поверхности они остались навечно в Раю, где только телесный человек может примять траву, ибо души праведников легки, практически невесомы (достаточно вспомнить рассказ Сергея Нилуса о батюшке Серафиме Саровском, страницы, где описывается его пребывание в Духе Святом).

Многие «райские» приметы Поэт сближает с явлениями здешними, материально плотными и вполне конкретными.

*Время летело, как лунь среди белого дня,
И, задремав на излёте, задело меня.*

На практике, разумеется, так и должно быть: непознанное, как правило, описывается через знакомое. Но в христианских поэмах Кузнецова этот обычный приём становится художественным принципом, позволяющим дать Бога в соприкосновении с человеком – окаянным и низвергнутым, прощённым и просветлённым, будто проявленным этой мистической связью.

Отношение Бога к человеку и человека к Богу, поиск Божиего образа в себе самом – вот основа, на которой

словами вышивается мистериальная картина, или иначе – та доска, на которой пишется «словесная икона» Кузнецова. Эпическое и мистериальное начала здесь сливаются воедино, и «склеивает» их особый лиризм поэта, изначально содержащий редкую способность органически сопрягать великое и малое.

Кузнецов нарисовал контуры Рая, но персонифицированных фигур в отрывке поэмы нет. Были бы они в райском Саду, и кто бы в него попал – вопрос журналистский по определению. Вряд ли жители Рая предстали бы перед читателем в подробностях, будто продолжая в ином контексте и ракурсе галерею грешников. Такой контраст автора, очевидно, не устраивал, и это подтверждает стилистическая канва всей трилогии. Кроме того, претенциозные, «школьные» пятёрки, наглядно поставленные душам праведников морализирующим поэтом, неминуемо разрушили бы грандиозный кузнецовский замысел.

Но конкретные человеческие характеры в поэме были бы обязательно. Наверное, Кузнецов показал бы в Раю «ситуационных» людей, в земном образе которых, несмотря ни на что, хранится Спасительное зерно, впоследствии становящееся залогом Вечной Жизни.

2010

ЗЕЛЁНАЯ НИТКА

Стихотворение «Узоры» как дальний пролог
к поэмам Юрия Кузнецова о Христе

*В последнее время мою дремоту
тянет к строгой русской классике.
...Однако все её корни остаются
в народном эпосе.*

Юрий Кузнецов

Кузнецовские «дремоты», или назовём их более широко и привычно – видения, отличаются от почти всего поэтического массива, наработанного русской литературой за минувший век.

Можно отражать реальность в узнаваемых формах, рефлексировать по поводу и без повода – но при этом поэт будет неизбежно идти рука об руку со своим временем и обществом, в котором он живёт.

Напротив, Кузнецов отделён от реальности той прослойкой мифа, о которой так много говорят в связи с его поэзией и о чём писал он сам. Этот способ связи поэта с действительностью будто проходит через некий волшебный ящик, в котором непрерывно рождаются сюжеты, соединяющие в себе художественную волю певца, его человеческую повадку и отжатые до шутности приметы мира социального.

Если вспомнить больших поэтов, то практически у каждого есть произведения, о которых можно говорить как о небывалых прежде литературных сюжетах. У Кузнецова, особенно позднего, почти все стихотворения – такого качества. Он непревзойдённый сказитель XX века, соединивший христианское предание с народным эпосом.

Сколько было с упрёком говорено о «двоeverности» русского народа церковными публицистами, однако никто

как будто не отметил это свойство как особенную черту художественного сознания наших великих поэтов. Именно они брали образ русского человека как некий идеал, в котором живёт волшебная архаика древнего славянства и православная этика нового русского времени.

Более того, в поэзии трудно найти положительного героя, который не соединял бы в себе черты народности во всём её неканоническом многообразии и черты души христианской – в той её ипостаси, которую принято обозначать словом «простец». Именно простец с мудрой рассудительностью и сердечной мягкостью воспримет как народную мистику, так и поэмы Юрия Кузнецова о Христе, в которых светятся образы народной духовной поэзии. А также – удивительные кузнецовские стихи-сказки, напоминающие пушкинские по свободе развёртывания небывалой истории.

Вместе с тем сказочные кузнецовские сюжеты обладают редкой словесной компактностью. Это связано с тем, что у Кузнецова в таких сюжетах важен не столько сам герой, его характеристики и развёрнутая картина происходящего, а глубинный смысл того, что возникает перед читательскими глазами. И потому авторский слог лаконичен, но не в ущерб пристальной точности описания предметов и событий.

Каждое слово у Кузнецова значимо в каком-то объёме, надмирном значении. Нет ни одного определения, которое выполняло бы только функцию внешнего ряда. Это говорит даже не об огромности кузнецовской мысли о мире, а о невероятной интуиции поэта, которая улавливала взаимосвязь вещей и действий. И в результате появлялось стихотворение, которое, по существу, затрагивало мистические мировые струны, пронизывающие наше бытие и нашу очевидную жизнь.

Стихотворение «Узоры», написанное в 1998 году, есть отголосок библейского сюжета о первом грехе. Его можно назвать дальним прологом к кузнецовским поэмам о Христе. Примерно таким же, как стихотворение «Красный сад» – интонационный пролог к незавершённой поэме «Рай», о чём вскользь упоминал и сам автор.

В «Узорах» показано, что ветхозаветное падение происходит постоянно, будто эхо, повторяющееся в веках. Хотя смысловое зерно сказочной истории отодвинуто на второй план и, по видимости, теряется в необычных коллизиях происходящего.

Сидя на крыльчке, девка вышивала тёмной ниткой на белой холстине «тайные девические грёзы и узоры жизни осторожной». Ничего не получалось, и светлый Ангел бросил ей три волоса из голубиной книги. Девка сплела их в «радужную нитку» и три дня вышивала «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры». А потом призвала «на погляденье» народ. Люди назвали увиденное счастьем, дети – радостью, самый старший – Божьей тайной. Сатана покусился на чудо и зачернил зелёную нитку. И в «узорах» это повреждение осталось навсегда. Духовно зоркий человек его видит – глаза счастливых тёмного следа не замечают.

Перед нами не совсем понятная по смысловой отсылке история, и потому для её верного истолкования так важны мельчайшие детали.

Прежде героиня стихотворения была кроткой и просто-душной, жила бедно («крылечко», «низкая ступенька»), вышивала при свете дня на пороге родного дома. Мечтала об удачном замужестве, о робком вхождении в мужний дом, тревожилась о будущей доле – трудной и уступчивой. Но терпения у вышивальщицы не хватало, и она заливалась слезами. Примерно так можно пересказать «тайные девические грёзы и узоры жизни осторожной».

Но вот окончена чудесная вышивка («мудрые священные узоры»):

На четвёртый день вставала девка:
Всё готово! Где хвала и слава?..
Распахнула душу и ворота
И сказала: «Вот мои узоры!..»*

Как меняется поведение героини: теперь ей требуется «хвала и слава», она говорит гордо, громко и призывно. В горести ей помог Ангел, осенил её труд, но в торжестве эта божественная помощь забыта: «Вот мои узоры!..». Тут определённо слышится ветхозаветное эхо: «...откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). А ведь вышивала девка «узоры жизни терпеливой, мудрые священные узоры».

Прежде она «не могла увидеть даже нитки, а не то чтоб ангела на небе», у неё даже не было мольбы и надежды на помощь, лишь одна кручина. И этого оказалось достаточно для того, чтобы «светлый ангел порадел о девке»:

*Постучал по голубиной книге –
Выпали три волоса на землю,
Три закладки меж страниц священных.
Первый волос золотой, как нива,
А второй серебряный, как месяц,
Третий волос синий и зелёный,
Словно море в разную погоду.
А меж ними облака стояли,
Полыхали тихие зарницы.*

Лишь когда смотрела на золотой волос, напоминающий о колосьях в поле, сотворила героиня «свят-молитву» и «отпустила душу» – то есть освободилась от забот, предав себя воле Божьей. Когда же смотрела на серебряный волос, о котором напоминали ей «месяц, зимний снег и седина разумных», перекрестилась и «облегчила душу» – то есть попросила прощения за прошлое. Перед странным волосом, в котором играло синее с зелёным, закрыла глаза и затворила душу – будто иконописец, сосредоточенный на своей задаче.

К слову, в стихотворении заключён и образ художника-творца, крайне опрошенный и сниженный автором совершенно сознательно, дабы патетика земного творчества не заслоняла размышления о человеке как таковом.

Третий волос – самый загадочный, его цвет меняется, видимо, в зависимости от внешних действий и слов. Чертёнок, что «прошмыгнул между хвалой и славой», царапает

зелёную нить, и она темнеет. Однако, по существу, именно «заблудшая воля» героини «чернит» ангельский подарок.

Таинственный волос игрой своих оттенков похож на описание Древа Познания добра и зла в поэме Кузнецова «Рай»:

*Крона играла цветами. Они волновали
Красным, оранжевым, жёлтым отливом в начале,
А фиолетовым, синим, зелёным – потом.
Каждый узор выступал то цветком, то плодом.*

*Рядом стояло, мерцая плодами познанья,
Вечное древо – таинственный знак мирозданья.*

Обратим внимание на изменение цвета волшебного волоса: зелёное становится более тёмным, попутно и голубизна неба теряет свою просветлённость. Таким образом, богатство красок в результате духовного падения героини сужается, а в пределе – стремится к черноте. Она уже была показана вначале в образе тёмной нитки на фоне белой холстины – как символ нелёгкой и скудной жизни. Девичьи очи в слезах не видели этой земной нити. «Глаза счастливые» в упоении «хвалы и славы» и в отречении от ангельской помощи не различают уже нить небесную, в которой частично погашен цвет: «...и царапнул по зелёной нитке. // Где царапнул, там и след оставил, // Где царапнул, там и потемнело...».

В стихотворении скрыто присутствует постоянно обновляющийся роковой цикл: человеческая кручина; божественный дар; ангельская помощь; просветление жизни; человеческая гордыня; потемнение жизни; почти неизбежная будущая кручина.

Словесно волшебный сюжет выписан Кузнецовым филигранно, смысловые переключки пронизывают стихотворение повсеместно.

Вместе с тем необходимо сделать некоторые оговорки.

В традиционном народном костюме чёрный цвет не несёт однозначно негативного оттенка, напротив – это краски земли-кормилицы. Помимо отсылки к тьме, печали, отрешению и даже трауру, в нём содержится символ покоя, постоянства, плодородия. У Кузнецова в определении нитки, которой вышивает девка белую холстину-рубашку, определение «чёрная» заменено характеристикой «тёмная». При этом не подвергается сомнению народная символика цвета, прикреплённая к земному распорядку и одушевлению природных сил. Поэт поднимает взгляд – и в сопоставлении небесного начала с земным показывает «тёмное» как опрощённое до смертного предела «светлое». Как одну из примет отпадения человека от Бога, и земли – от неба, как знак слепоты земного счастья.

Это почти впрямую подчёркнуто совпадением первой строки «Узоров» с началом лермонтовского «Ангела» («Светлый ангел пролетал по небу...» – «По небу полуночи ангел летел...») и совпадением духовного акцента стихотворения Кузнецова с заключительными строками шедевра Лермонтова: «И звуков небес заменить не могли // Ей скучные песни земли».

Говоря о печальной цикличности событий, показанных у Кузнецова, стоит иметь в виду их некую временную привязку: это случилось однажды, и с тех пор в мире что-то без-

* Примечательно, что по Преданию, на Четвёртый День создал Бог светила и поставил их на тверди небесной, чтобы управлять днём и ночью и отделять свет от тьмы.

возвратно изменилось? Но тогда можно сказать, что до описанных событий человеческая жизнь была более высока, чем в дальнейшем, после того, как «зелёная нитка» «потемнела». В этом случае земная история предстаёт как неудержимое стремление к апокалипсическому финалу.

Однако мы знаем, что есть на свете необъяснимая удерживающая сила. Её олицетворением является и кузнецовский Ангел, который, откликаясь на кручину человека, вносит в мир светлую поправку и, образно говоря, тормозит его сползание во тьму.

Прежде и потом в духовном отношении происходило нечто подобное кузнецовской истории. Она множится в слоях времени и присутствует в нём всегда – как развёрнутый образ человека, беспомощного в отсутствии Бога, самонадеянного в чудесном успехе и слепого в конечном и эгоистичном земном счастье.

2011

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛЬ

Юрий Кузнецов и христианство

*Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц.*

Юрий Кузнецов

Перед каждым исследователем, который с тревогой всматривается в образ русского человека, разительно изменившийся на протяжении последнего столетия, сегодня с особенной остротой возникает проблема русской духовной преемственности. Так случилось, что художественный и идейный мир стихотворений Юрия Кузнецова оказался той ментальной территорией, где эта проблема рассматривается поэтом с самых разных сторон – без противопоставления прошлого и настоящего, русского и советского, без жёсткого, непримиримого конфликта родового и православного начал.

Творческий путь Кузнецова, в каком-то самом общем смысле, повторяет духовный путь русского народа. Первоначально погружённый в мистическое пространство родовой стихии, с течением времени поэт всей душой воспринял православную картину мира. Однако, как и в народной вере, живое прошлое в его поэзии неразрывно соединилось с трепещущим настоящим, мир славянской природы причудливо сочетался с христианством.

Народный мистицизм в церковной публицистике получил название «двоеверия». В нём содержится определённый элемент духовного осуждения, по бытовому примеру – некая попытка усидеть на двух стульях. Между тем всякое новое укореняется в нравственном и бытовом укладе лишь тогда, когда оно развивает уже сложившийся распорядок, вычленяет в нём главное, кристаллизует ещё только нарождающееся, освещает реальность и придаёт ей внутренний импульс к развитию.

Разумеется, прежний уклад в этом контексте не должен быть порочным, по сути – безверным, требующим отречения и покаяния. К слову, именно таким мы представляем римское общество времён его языческого упадка.

Православная вера вращалась в славянское миропонимание, отчасти переплеталась с ним и проясняла христианские координаты, в соответствии с которыми русский человек теперь старался жить и верить во Христа и своё Спасение. Очевидно, с теми или иными отличиями, так происходило везде, где была проповедана евангельская Истина. Но на Руси взаимопроникновение христианского и древнеславянского обрело свои пропорции, не похожие ни на что другое. По прошествии веков, таким образом, сложились два взгляда на русскую православную веру.

Один – строгий церковный, догматически правильный и непримиримый к народным приметам, исток которых теряется в глубокой древности. Другой – сугубо народный, бережно сохраняющий осколки мистики архаических времён. Причём сухой церковной «букве» часто сопутствовала «неправильная» христианская доброта простых мирян. И напротив, жестокие нравы селян порой смиряла истинно апостольская последовательность деревенского батюшки. Здесь важно отметить, что «двоеверные» приметы во всей своей полноте проявляются в существовании «на земле», в городе они угасают, вырождаются и подвергаются самым разным вольным искажениям.

Между тем родовая славянская мистика для русской культуры имеет исключительно важное художественное значение. Не случайно А. Афанасьев назвал древние воззрения славян на природу «поэтическими». Также и всё христианское удивительно преобразует русское литературное и фольклорное слово. И потому стоит говорить о «двоеверии» русского народа не как о досадном недостатке, который с веками почему-то не исправляется и не исчезает, но как о корневом народном свойстве. Его стоит изучать, а попутно создавать художественные образы, которые будут утверждать то главное, что способно удержать и укрепить русскую жизнь – её родовое начало. Потому что другого русского народа – «правильного», соответствующего догматическим «прописям», христиански стерильного, – у нас нет. А тот, к которому мы принадлежим, обладает рядом особенностей, и они сообщают его облику удивительное обаяние и глубину.

Так художественный мир Юрия Кузнецова оказывается в эпицентре дискуссий о народном русском характере и духовной принадлежности русского человека.

Известно, что, приступая к созданию поэм о Христе, Кузнецов стремился показать живого Спасителя. В этом намерении нет авторского желания представить Сына Человеческого «плотью и кровью» (к чему тяготеет, скорее, западное католическое сознание) – в противовес Его исключительно книжному облику. Главным в творческой задаче было другое: нарисовать «словесную икону», которая явила бы читателю **живой характер** Иисуса: Его грусть, смех, жалость, гнев, задумчивость, принадлежность к бытовому человеческому миру и одновременно – высоту Божественного парения над этой обителью страданий и горечи, лжи и минутного торжества.

Поэмы полны скрытых знаков и предзнаменований, смыслы множатся и никогда не превращаются в плоскую дидактику, что так свойственно протестантской литературе. Повествование же отличается определённой русификацией Предания, она сказывается очень часто в бытовых

наблюдениях автора, в движениях характера главного героя, в стиле авторской речи. И здесь строгие евангельские сюжеты отчётливо сближаются с фольклорными русскими духовными стихами.

В евангельских текстах крайне мало знакомых каждому по обыденной жизни мимических и душевно-психологических черт Христа. Погружённый в бытовую среду человеческого существования, Сын Божий, по логике земных событий, должен уставать, радоваться, проявлять нежность, быть молчаливым, шутить, сокрушаться...

Народ восполняет этот информационный пробел в духовных стихах, приближая Бога к каждому маленькому человеку, прекрасно владея чувством меры и не скрадывая дистанцию между погружённым в суету обычным смертным и Победившим смерть. Небо оказывается рядом с простолоудиним, ангел может разговаривать как-то по-житейски, демоны являют свою злобу в узнаваемых земных формах, предметы полны скрытых до времени значений. И всё это связано воедино лиризмом повествования, разговорностью ритма и практически полным отсутствием высокопарности.

В такую христианскую канву вплетается таинственный мир старой славянской мистики, которая связана с природными явлениями и прежним укладом, на протяжении веков сохранявшим связь человека с землёй, водой, огнём и воздухом. Однако это причудливое духовное соединение родового и христианского лишено всякого упоминания о старом языческом пантеоне славянских богов. Удивительным образом народное сознание переустроило образ Вселенной, срастив органическое присутствие человека в мире с нравственной иерархией бытия.

Сегодня, говоря о народной вере и православии, необходимо ценить их взаимное присутствие в русском ментальном пространстве.

Приближаясь к земле, **всё небесное** испытывает её тягу, появляются тонкие корневые нити, которые нельзя предусмотреть заранее. В свою очередь, **всё земное**, устремляясь к небу, освобождается от второстепенного – в самом последнем, апокалипсическом смысле такого определения. Это напоминает контур рождественской ели: нижние ветви стелятся по земле, растут по-над почвой, а вершина, будто стрела, оттолкнувшись от земли, смотрит в небо. Подобный образ похож на русское родовое древо, к которому привито православие.

Юрий Кузнецов первым осознал смысловую широту и художественное богатство целостного восприятия славянской традиции и христианской веры. Ещё звучат запальчивые обвинения поэта в кощунстве, в нарушении «буквы» Предания. Однако с каждым годом читатель всё более понимает: трагическая сложность русской жизни, загадочный космос русской мистики, простота и искренность русской православной веры – были поняты и художественно воссозданы Кузнецовым, как никем другим в отечественной литературе.

Русское бытие в его безбрежности и русский характер в его теплоте, удали и стоицизме – вот два важнейших вектора поэзии Юрия Кузнецова и одновременно – никем и никогда не отменяемая задача нашей великой литературы: вчера, сегодня и завтра.

НА ЛАДОНЯХ МАТЕРИ-ЗЕМЛИ...

Родное в стихотворении Юрия Кузнецова «Птицы»

В поэзии Юрия Кузнецова отчётливо внимание автора к родовым связям. Тема отца долгое время не уходила из зоны его художественного внимания. А образ матери сохранил в себе смысл некоей пуповины, соединяющей лирического героя не только с родом, но и с евангельскими заповедями. Молитва, зашитая материнской рукой в подкладку кубанки, называется поэтом «молитва родины святой». И здесь уже есть приметы соединения общего, родового и личного, христианского.

Две стороны духовной организации русского человека были важны для Юрия Кузнецова – чувство рода и чувство нравственной правды, которая отражена в фигуре Христа-Спасителя. Отрекаясь от этих двух идеалов, русский человек теряет себя и становится частью толпы, лишённой как лица, так и души.

Небольшое стихотворение «Птицы» написано в 1996 году. Возможно, его образная канва основана и на вполне реальном случае: на раскрытую Библию опустились несколько птиц, раскричались и стали клевать друг друга.

Между тем, взор художника видит знаки бытия, которые свидетельствуют об ином пространстве и ином течении времени. Конкретные события становятся ключом к масштабным явлениям, а поэзия оказывается единственным духовным инструментом, который позволяет раскрыть большие смыслы и поведать о них доступными словами, опираясь на простые предметы и уже знакомые коллизии.

177

*То не шум семейного совета,
То не камень веры пал на грудь, –
На страницы вечно завета
Птичья стая села отдохнуть.*

*Отдохните, птицы, отдохните,
Подремлите, милые мои,
На страницах самой мудрой книги.
На ладонях матери-земли.*

Развёртывая сюжет о птицах, в финале Кузнецов уточняет этот мифологический образ и упоминает о пролетающих душах: по определению, бессмертных, одна из которых «осталась умирать». Появляются новые фигуры, придающие стихотворению трагический «человечий» смысл. Причём возникают они контрастными парами: деды – внук; дети – мать. Через них проходит линия разлома русской жизни:

*...И кричат все птицы как одна.
Все они клюют большую птицу –
Им такая в стае не нужна.*

*Пролетали души, пролетали,
А одна осталась умирать...
То ли деды внука заклевали,
То ли дети заклевали мать.*

«Трепещут в ужасе страницы» вечной книги: заповедь, утверждающая родовую связь – «почитай отца твоего и

мать», разрушается. И перечёркивается её важнейшее следствие-обетование: «да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле».

Не случайны анафорическое соседство и образная перекличка мистических страниц с материнскими ладонями, будто лелеющими своё дитя. В повествовательном («птичьем») контексте стихотворения очень чётко обозначены акценты, обладающие родовыми признаками – «семейный совет»; «стая»; «ладони матери-земли». Конфликт возникает именно в этом пространстве, когда забываются правда и справедливость, воплощённые как в образе «завета», так и в древнем славянском олицетворении: «мать – сыра земля».

Умирает не только человеческая душа, кажется, сама почва теряет плодородные свойства, становится пылью, и высыхает способность возобновлять жизнь в пределах русского космоса.

Последним словом-фигурой в развитии сюжета становится «мать», которую «заклевали» дети. По существу, перед читателем – образ отречения от прошлого. В нём есть отблеск апокалипсической конечности бытия, когда утрачена любовь и торжествует эгоистическое, беспощадное своеволие. Разрываются кровные узы, старики поднимают руку на вчерашних младенцев, а подросшие дети отрекаются от материнского лона. Исчезает связь времен, и пресекается всякое продолжение: старому никто теперь не наследует, молодое лишено самой главной своей опоры.

В стихотворении «Птицы» Юрий Кузнецов иносказательно ведёт речь о русском человеке как о главном действующем лице в истории своего рода и в границах своего духа. Чувство правды – вот подлинный проводник для русской души, изнурённой нравственными поисками. Не общий враг призван объединить русский мир, не битвы с ветряными мельницами, которым нет конца, – но понимание родовой судьбы, готовность подставить плечо и возвысить голос в роковой час, способность любить родное и никогда от него не отречься.

2013

ПРОЛЕТАЯ НАД ЧАСТЯМИ СВЕТА...

Пространство и действие в стихотворении Юрия Кузнецова «В воздухе стоймя летел мужик...»

У Юрия Кузнецова есть стихотворение, датированное 1990 годом, которое на фоне высших достижений поэта кажется вполне неприязательным, – ещё один литературный оттиск парадоксального художественного дарования автора, и не более того... Речь идёт о 12-строчном сюжете «В воздухе стоймя летел мужик...». Однако на фоне любопытных характеристик героев и всего происходящего в этой истории в ней есть некий ключ к пониманию метафизики пространства у Кузнецова и своеобразного определения места художника в координатах мироздания. Приведём текст целиком – так и детали будут ясны в рамках полного художественного высказывания, и станет прозрачней логика нашего рассуждения. А очередной миф поэта окажется показательно ярким соединением многих других важнейших черт его индивидуальной вселенной.

*В воздухе стоймя летел мужик,
Вниз глядел и очень удивлялся
И тому, что этот мир велик,
И тому, что сам не разбивался.*

*Так-то так. Но он не знал того,
Пролетая над частями света,
Что таким представила его
Дикая фантазия поэта.*

*Между тем поэт о нём забыл:
Голова на выдумки богата,
А мужик летит среди светил,
И, пожалуй, нет ему возврата.*

Здесь есть отголосок философии деизма, согласно которой Бог однажды сотворил мир и более участия в его судьбе не принимает. В какой-то мере фигура поэта сопоставима с образом Создателя, как минимум в том, что художник воспроизводит мир, будто соревнуясь с Вышними силами. Это так, и сама судьба земного творца представляется двусмысленной – изначально сопряжённой с самыми разными искушениями.

Обратимся к приметам пространства, которые возникают в стихотворении Юрия Кузнецова.

Мужик летит, не глядя вперёд, на воздушную дорожку, словно подчиняясь чьей-то воле, и напоминает пассажира авиалайнера, который вглядывается в земные картины под крылом самолёта. Мир для него велик, главным образом, потому, что конца этим картинам не предвидится, и пространство необъятно по направлению движения – иных деталей здесь просто нет, боковое зрение, кажется, вовсе отсутствует. Это очень важная характеристика человека – и реального, погружённого в суету текущего дня, и «образного», действующего внутри литературного произведения, в нашем случае – поэтического мифа.

Для автора очерченное пространство поверяется узнаваемыми приметами существования, отчётливо земными, но главный мерилло этого космоса становится мужик, оторванный от родового корня и несущийся в смутную даль. Он лишён притяжения земли, которое представляется в контексте стихотворения почти косным, и воодушевлён переменами, произошедшими с ним по воле поэта – впрочем, о том он не знает практически ничего. Интересно, что многочисленные глаголы небольшой фантазмагорической кузнецовской истории мало определяют действия героя в пространстве. А глаголы, которые бы эту (нами узнаваемую, но чуть *изменённую*) вселенную зафиксировали бы отчётливо, здесь совсем нет. За исключением одного: ведь мужик-то всё-таки в ней летит, а это вещь – диковинная!

И перед нами возникает отпечаток или видение пространства совсем другого, в котором обретается мысль поэта – плодотворная и неуёмная в своих устремлениях. У Кузнецова образ пространства физического (с которым он, как художник, в пределах реальности может вытворять всё, что ему угодно) соединён с пространством потаённым, внутренним, крайне трудно определимым снаружи – будь то соглядатай или аналитик. Оно напрямую связано с бытованием духа автора (в стихотворении – «дикая фанта-

зия поэта») и является важнейшей и ни на что не похожей чертой его художественного мира.

Практически любое сюжетное пространство внешнего мира Кузнецов через отдельные точки соприкосновения соединяет с пространством собственного творческого «я». И знакомая читателю действительность предстает изменённой в существенных деталях и странной, что понимается как некая поэтическая особенность автора.

Однако многие диковинные штрихи картин, возникающих под пером Юрия Кузнецова, имеют отсвет бытийных смыслов. Эти последние дают нам истинное понимание происходящего вокруг нас, а также – происходящего в границах стихотворного сюжета. Мы не можем сказать: вот мистическое предназначение Кузнецова-поэта, – тут всё не так очевидно, как хотелось бы восторженному читателю. Но внутреннее пространство его напрямую подключено к бытийным процессам, которые сопряжены с таинственным перетеканием смыслов и скрытыми акцентами в наглядных событиях. Такова специфика зрения поэта, и таково его движение через наш мир.

Обычный человек видит только внешнюю канву изменений окружающего мира. Тогда как поэт наблюдает истинные значения предметов, людей, действий. И выстраивает случившееся в соответствии с его сокровенным началом и ввиду его отдалённого результата, исторического эха.

Можно представить поэтическое пространство Юрия Кузнецова как сферу, в которую заключён действительный мир, довольно свободно в ней перемещающийся. Точно так же этот космос поэта вложен в Божественную сферу-пространство, в которой сам земной творец и его пределы относительно малы. Отчасти они похожи на тот первый мир, реальный, облакаемый поэтической метафизикой.

Эти три условные сферы могут дать нам хоть какой-то ответ на вопрос, кем был Юрий Кузнецов – визионером, живущим на земле; навигатором земных процессов; проводником читателей по дебрям современности, когда только миф может внести некоторую ясность в происходящее, пронизанное абсурдом; посредником меж мирами? Совсем нет.

Отодвинем в сторону Кузнецова-человека и посмотрим на его поэзию иначе. Вся она похожа на луч, соединяющий края Божиего замысла и края человеческой жизни, когда грандиозность метафизических событий становится неотделимой от человеческих чувств, когда знак свыше находится рядом со знаком живой теплоты и конкретной детали. Эхо подобных умозаключений можно найти в земном присутствии Христа, в его душевных движениях навстречу ученикам, родным, грешникам, врагам... Неслучайно Юрий Кузнецов всем сердцем старался «увидеть» Спасителя,

*Что ходил по росе
И сидел у ночного костра,
Освещённый, как все.*

Его поэзия устроена высшей силой именно так, чтобы этот конечный замысел, устремление поздних лет, оказался не только венцом всего созданного Кузнецовым, но и ключом ко всем его стихотворениям, от «а» до «я», к его личности – удивительной, противоречивой, до конца не разгаданной и земной лишь отчасти.

РАЗОРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

Сюжет стихотворения Юрия Кузнецова
«Деревянные боги»

*Бредёт и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.*

Юрий Кузнецов

У Юрия Кузнецова есть стихотворение «Деревянные боги», датированное 9 мая 2003 года. По историко-литературным приметам этот текст перекликается с иными вещами автора: во-первых, посвящёнными военной теме, роковой, страшной для русского человека; во-вторых, тематически он сопряжён с последним периодом творчества поэта, когда взаимоотношения древнего русского бытия и православия вступили в его стихотворных сюжетах в напряжённый диалог.

Русский человек в поэзии Кузнецова, по существу, является образом всего народа. Об этом уже говорилось не раз, однако многие качества главных героев стихотворений словно бы и не расширялись до категории народа даже при внимательном прочтении авторских строк. Опасение быть поверхностным в этом вопросе вполне резонно, однако одновременно исследователь тем самым ограничивает круг своих наблюдений над поэтическим текстом локальными характеристиками, тогда как поэта занимали вопросы фундаментальные, проясняющие черты русского бытия, русского менталитета, русского обыкновения и характера русского человека.

В «Деревянных богах» перед читателем возникают обозначенные лёгкими штрихами черты Большой войны и солдата-защитника Отчизны; древней веры и европейского христианства, во многом пребывающего на русской почве в виде буквы церковного учения; растерянного народа, который после великого испытания вновь стал населением; наконец, мистической Дороги – по ней бредёт одноногий воин вслед за невидимыми старыми Учителями, отринутыми в прежнее, уже давнее время.

Нужно сказать, что поэзия Юрия Кузнецова беспощадна к читателю: здесь не обходятся острые углы, в повседневности заботливо задрапированные массой оговорок, – противоречия являют себя так, что кажется, снять их и прийти к разумному соединению взаимно спорящих сторон русской жизни совершенно невозможно. Однако поэт совсем не стремился к столкновению противоположностей, он видел себя наследником прошедших эпох, которому необходимо правильно распорядиться «бытийным имуществом», чтобы в духовном отношении построить завтрашний день прочно и в согласии с главным содержанием минувшего времени.

Обратимся к событиям и персонажам стихотворения «Деревянные боги».

По старой разбитой дороге бредёт солдат с деревянной ногой. Впереди идут странные и непостижимые «деревянные боги», издающие загадочный скрип, отзывающийся в самодельном протезе путника.

*Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого тёмного пня.*

Скрипучие «вздохи труху по дороге метут», и встречный народ в страхе разбегается. Деревянные боги идут «в неведомый тёмный конец» из старого «тёмного дня». Наконец, они «прошли на великий покой», навсегда отделив себя от солдата и «народа». На дороге остался только одноногий странник.

В этом контексте все смысловые детали имеют расширительное значение. К примеру, солдат, потомок народа, отказавшегося от старых богов, вдруг потерял телесную гармонию и утратил способность передвигаться, преодолевать трудный путь. И вот в помощь ему даётся «новая нога», изготовленная в мифологическом пространстве и времени из старого деревянного идола, – так христианское вероучение называет богов языческого пантеона. Над этим сюжетным поворотом витает семантическая дымка: тело христианина – его храм; православный воин защищал родную землю, и тело после боя стало ущербным; помочь солдату смог только пень, из которого когда-то было вырублено изображение языческого бога; теперь солдат может с трудом идти, опираясь на деревянную ногу, подаренную ему древним божеством. И так, медленно преодолевая разбитую в веках дорогу, он движется вперёд, попеременно ступая на уже искусственную «языческую» и на оставшуюся живой «христианскую» ногу.

Конечно, подобный, во многом одномерный интеллектуальный ракурс весьма уязвим. Он не может выступать в качестве главной художественной фиксации смыслов и положений в стихотворении. Однако перед нами – несомненный отсвет русского бытия, в образном виде он содержится в этом мифологическом сюжете Юрия Кузнецова.

Обратим внимание на восприятие солдатом происходящего:

- он не видит деревянных богов;
- он не видит России, христианской, православной страны;
- «он слушает скрипы пространства»;
- «он слушает скрипы веков».

Солдат «потерял свою ногу в бою», «вырубил новую ногу <...> из пня» и теперь бредёт «по старой разбитой дороге». Если посмотреть на действия героя, раскрывая их значение в реальном смысловом поле, то перед нами предстанут жестокий бой, горький мирный труд и лишения, путь к неведомой цели.

Вместе с тем сама дорога здесь кажется пунктиром исторического движения европейской цивилизации, чьё христианство «голодным огнём» сожгло старых богов родной земли. Кроме того, Великая война случилась в самом центре христианского мира – в поэтических координатах «белого дня». Мучительные шаги почти вслепую по разбитому пути всё ещё связаны с ощущением присутствия деревянных богов, которые тоже перемещаются в этом направлении. Их движение – определённо вынужденное, но они, кажется, подсказывают солдату, как идти: так проводник ведёт странника по болоту, указывая кочки и топь. Но

очень скоро деревянные боги удалятся «на великий покой». Истекает время их присутствия в русском пространстве – теперь уже окончательно, бесповоротно...

Примечательно, что солдат в сюжете оказывается тонким образом русского народа, а сам «народ» превращается в население, забывшее о собственных корнях – и родовых, и православных. Очевидно, «солдат» – главная характеристика русского человека, отодвигающая любые другие его приметы и качества в стихотворении Юрия Кузнецова.

И вот в эпоху христианства защитник отчего края бессознательно обращается к древнему родовому укладу. Ещё вчера на поле сражения добра и зла он пролил собственную кровь, принеся эту жертву самоотверженно и безоглядно, готовый по-евангельски «положить живот за други своя». Теперь же солдат прислушивается к давним векам, не собираясь отказываться от горького настоящего. Он являет собой фигуру, по внутреннему душевному устройству близкую нам *сейчас*, и одновременно – фигуру *древнюю*, соединённую с «нервной системой» старой Руси, где природа, человек и семья составляли одно целое.

Деревянная нога, когда-то бывшая сакральной частью природного окоёма, помогает солдату, но не приживается к его «христианскому телу». Эта позиция в стихотворении исключительно важна: деревянные боги опекают православного воина на русской земле, однако не становятся вновь частью его естества. Они могут быть в очередной раз отринуты – так в суеверном ужасе бросается прочь встречный люд, увидев хромого путника и заслышав ни на что не похожий скрип. Но древние божества не исчезнут бесследно, не превратятся в прах и пепел, даже если сжечь их древесные изображения.

В стихотворении мы слышим не только сдержанный голос автора, но и некий гул христианской цивилизации – раздражённый и досадливый. Он прорывает ткань балладного повествования и, не принимая возражений, комментирует русское прошлое и *неправильно* воплощённое русское настоящее:

*Мы раньше молились не Богу,
А пню среди тёмного дня.*

*.....
Идут деревянные боги.
Когда же пройдут наконец?..*

Но вот, по сюжету, они «прошли»: прошествовали, исчезли, отошло их время, утрачено их понимание, растворилась связь русского человека с окружающей природой. Одноногий солдат остался в нынешнем пространстве-времени, когда православная мистика во многом отодвинута церковной буквой. А сама эта буква, к сожалению, часто становится лишь сухой формой, теряя великое нравственное содержание подвига Спасителя.

Как же чувствует себя одинокий увечный герой на изъезженном и исхоженном тракте:

– странник остался на дороге в полном одиночестве – реальном и мистическом, ему не слышен голос небес (хотя в данном сюжете он не звучит вовсе);

– солдат, возможно, уже и не идёт по дороге, а застыл на ней – динамика событий в стихотворении останавливает наш внутренний взгляд именно на такой картине;

– эта дорога внезапно стала непонятной – куда она ведёт и зачем по ней идти?

– у солдата теперь есть только личная судьба – в отрыве от земного существования она неизъяснимо и тайно устремлена к Христу, что пока ещё непонятно и самому путнику;

– всё земное для солдата становится чужим и холодным, единство земли и неба окончательно расщеплено на две взаимно враждебные части.

Ассоциативно здесь прочитывается состояние русской души на исходе последнего тысячелетия. Для Юрия Кузнецова проблема органичного присутствия русского человека на своей земле и под своим небом – физическим и духовным – была самой важной. Он старался обозначить её приметы и главные нервные точки средствами поэтического мифа, когда всё самое существенное автор читателю показывает, а не называет.

В «Деревянных богах» неявно присутствует мысль о «недостаточности» христианства для органического русского человека, лишённого исторических корней, в том числе и в результате крещения. У других европейских народов подобного провала исторической и духовной памяти не найти. Вот почему русский так одинок в этом мире: прежде он был вписан в контекст природы, а теперь существует рядом с ней. И даже наперекор ей, полагая себя земным владыкой, в действительности – ущербным, глухим и незрячим.

Перед нами вовсе не православные признаки богооставленности – уныние, маловерие. Но отчётливые черты «природооставленности» – отсутствие опоры на земной распорядок, который ныне оторван от русской души и закреплён в статусе враждебного, чужого. Нет уверенности в привычном и простом, способности воспринимать зверьё и растения по-родственному, входить во времена года с интуитивным крестьянским и охотничьим чувством окружающих перемен. Вот почему телесная жизнь русского человека оказывается во многом рассеянной, лишённой своего естественного начала.

Стихотворение, по существу, является трагедией: победитель в Великой войне за отчий край не находит внятного языка, который позволил бы ему общаться с родной землёй. Солдат улавливает только малопонятные «скрипы», и для него это единственный способ услышать голос почвы. Подобная безъязыкость русского человека гнетёт автора, рисующего в финале картину почти космического одиночества главного героя.

Юрий Кузнецов в центре стихотворения «Деревянные боги» наметил абрис европейской цивилизации, христианства буквы, а не дыхания. Тогда как живой фигуре Спасителя уделил огромное внимание в своих последних поэмах и стихах. Он старался не сводить в духовном сражении старую русскую веру и православие, но как мудрый художник и наследник всех эпох отечественной истории пытался восстановить в русском сердце разорванные страницы древности. Не разделять и доводить до чистоты, но понимать и беречь достигнутое, видя в этом единственный путь русского самопознания.

РОДОВЫЕ ПРЕДАНИЯ И ПРАВОСЛАВНАЯ СУДЬБА

Юрий Кузнецов и духовный стержень его поэзии

Вот уже почти двенадцать лет прошло со дня кончины Юрия Кузнецова. Его творчество обрело биографическую законченность и теперь рассматривается как путь от одной вехи к другой, от первоначального поиска главной поэтической идеи – к высказыванию окончательному, в свете которого всё предшествующее приобретает особый смысл и динамику развития.

До сих пор не прекращается глухой спор вокруг эстетики и духовного стержня поэзии Кузнецова. Одни считают его гениальным поэтом, другие с пренебрежением, достойным лучшего применения, отзываются о его попытке стянуть разрыв дохристианской мистической жизни русского человека – и его более поздних евангельских трудов и подвигов.

Мы знаем, что, по существу, на пустое место в архаические времена пришёл к евреям Ветхий Завет – когда и нравственных привычек не было у этого древнего дикого племени, когда отсутствовала сокровенная общая жизнь с природой и прежние верования и начатки философии не спорили с Откровением, ошеломляющим и часто зримым. Другое дело – поздние славянские века: со своей мистикой, соединением в общий круговорот жизни человека и окружающей его среды. Глубокие взаимоотношения с полем, лесом, водой, небом отличали принявшего крещение русского крестьянина или охотника от древнего еврея, жившего порой в скудном пустынном месте, где всё внешнее служило лишь удовлетворению практических нужд, составляло часть его бытовой жизни.

Такое несовпадение обстоятельств, в которых произошли явления Ветхого и Нового Заветов, для славянства нуждается в дополнительном осмыслении. Во внимании к душевному устройству наших предков, в поиске тех человеческих качеств, что нашли своё продолжение в последующих поколениях, для которых православные подвижники стали безусловными фигурами русской жизни. Невозможно начать заново историю рода с момента его преломления в духовном и мистическом смысле. И нельзя требовать от православного человека достоинств русского воина, землепашца, строителя без объяснения его родовых черт, общих и для «крещёной» эпохи, и для былинных столетий.

В самом общем, «контурном» смысле Юрий Кузнецов занимался именно этой стороной нашего бытия, которое чуткое око поэта видело в сиюминутных проявлениях современной жизни. Его перо обращалось к мифу, и таким образом снимались пунктуальные стяжки времён и событий, а существование героев соединялось с общим иррациональным полем, где мистика происходящего органически связана с непрерывностью русского и славянского рода.

Поэмы о Христе венчают художественный путь поэта. В них в полной мере отразилось его представление о главном смысле человеческой истории. Надо сказать, что современность перенасыщена самой положительной

дидактикой, с одной стороны, и неустанным навязыванием всякой низости – с другой. Причём падение в нравственную бездну очень часто сопровождается сострадательной и психологически убедительной риторикой, которая отвлекает человека от высоких задач и убеждает его в необходимости постоянного внимания к собственной личности. Это вербальные координаты нашей эпохи, и с ними необходимо считаться. Потому так важно было для Юрия Кузнецова воссоздать облик «живого» Христа, обладающего психологическими приметам, которые, несомненно, присутствуют в Евангелии, но как будто спрятаны за значительными событиями и кажутся мимолётными и почти необязательными. Так, в Кане Галилейской Спаситель не хотел являть чудо, но Мать попросила его об этом, – и здесь подразумевается некая скрытая от внешнего взгляда коллизия. Христос отвечает Иуде в момент пленения: делай, что решил. И можно только догадываться, какие чувства охватывают Его в эти мгновения. Лишь тоска в Гефсиманском саду стала психологическим источником, получившим дальнейшее художественное развитие, все иные оттенки переживаний, вполне понятные подготовленному человеку, отодвинуты на второй план. Они нуждаются в тонкой расшифровке и объяснении, которое станет очевидным для любого читателя священного текста.

Стоит заметить и то, что описание Райского Сада у Кузнецова насыщено символами и знаками, а происходящее

отличается зримыми деталями и характеристиками. Сам же образный срез мистического мироздания в поэме «Рай» находится в полном согласии со всеми другими произведениями поэта. Перед нами – панорама прошлого, настоящего и будущего, с которой сдёрнута плотная пелена материального, и обнажена бытийная суть. В этой непостижимой картине есть место человеку и миру, Богу и великому замыслу о Создании.

Однако и теперь встречаются суждения, в которых имя Кузнецова предстаёт в каком-то творчески-бытовом контексте, а интонация разговора о нём носит приятельский и снисходительный характер. Нет сомнений, всякое воспоминание о мастере дополняет его портрет. Тем не менее есть вещи вторичные и по значению обманчивые, которые время от времени претендуют на «последнюю правду» о художнике, снижают значение созданного им, а саму его фигуру составляют из черт ничтожных, очень часто являющихся отражением личности повествователя и специфики его приземлённого зрения.

Поэзия Юрия Кузнецова – парадоксальная художественная вселенная, которую можно понять лишь изнутри. Но прежде – уяснив собственную роль: и в соотношении с родовыми преданиями, и в контексте общей православной судьбы. Только тогда этот таинственный и чудесный мир откроется внимательному и бережному читателю и обнажит свои законы.

2015, Воронеж

Критик Вячеслав Лютый на встрече с читателями и преподавателями Иркутского национального исследовательского технического университета. Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Иркутск. Сентябрь 2016 года

Рисунок Наги Ручевой

Алёна ГОЛЕВА

16-летняя Алёна Голева из Юрги – самая молодая среди участников литературного клуба «Откровение». Ученица 10-го «Б» класса школы № 6. Алёна смело заявляет, что литература для неё «не просто увлечение, а смысл для совершенствования и развития». Мечтает поступить в Санкт-Петербургский государственный университет на факультет журналистики.

НОТЫ, СПАСАЮЩИЕ ЖИЗНЬ...

(Странички из дневника женщины, которая верила)

Сентябрь, 1941-й

Война настала без предупреждений. Жили, отводя горестные мысли. Каждый вздох был наполнен трепетом к завтрашнему дню...

Как прекрасно жить, просто жить! Верить, ждать чего-то, любить и находить себя. Но многие посчитают тебя «не таким, как все», ведь ты не живёшь под копирку и хочешь быть собой, выделяясь и создавая новое. Всё было так, пока дикий крик сердец не разорвал прежнюю жизнь...

Все ждали «чёрных карателей», а я верила в светлое будущее и иногда молилась в незаметном уголке нашей швейной. Тогда были в запрете «женские цацки», приходилось их держать в суровой тайне, даже от родственников. После каждой молитвы я добавляла: «Боже, сохрани Марьюшку мою, дай ей просто жить, не зная врага в лицо и страшных дней». Моё тело содрогалось от представленной картины, но тут же всё проходило, и я продолжала... И только по-предательски тихо катилась слеза. Нас страшно гоняли, пугали отменой выдачи продуктов и увольнением, все боялись и мирились с военными законами.

...А для меня это были лишь пустые слова, ведь вера во мне, как уголёк во время бури разгорается с каждым порывом всё сильнее! Ведь ничто не сможет сломить женщину, которая верит...

Июль, 1942-й

Снова пишу...

Просыпаюсь утром и понимаю, что я счастлива! Ведь что может быть лучше лёгкого покачивания деревьев... Приятный шелест листьев под моим окном и мирное небо, охраняющее сон моей малышки, спокойно сопящей рядом. Моё сердце переполняет любовью ко всему, что меня

окружает, и даже соседский щенок, вечно лающий, мне кажется умильным – ведь он счастлив! Я живу в постоянной молитве, чтобы жизнь не прерывалась и ты была рядом, мой ангел.

Да, моё сердце замирало именно в тот момент, когда я представляла, что могу потерять весь смысл жизни, так до конца и не поняв его.

Для любой матери ребёнок – это то, что придаёт смысл её существованию. А моя Мариночка для меня – больше, чем смысл. Когда сына забрали, я думала, что сгинем, ведь он был единственный кормилец, а дочь ещё мала. Но я смирилась и продолжала наблюдать за происходящим в мире, без укора и двусмысленных фраз. Люди смотрели на меня и думали, что я рождена такой, и я слышала их мысли, они громче душевного крика... Нет! Меня воспитали те суровые времена, а не мать.

Не прошло и месяца, как слёг муж, пришла похоронка о смерти сына, любая бы сломалась! А я стала только сильнее, ведь у меня осталась надежда – вот она, спит мирным сном, нежно обнимая мою руку. Что может быть лучше?

Август, 1942-й

Трудно.

Все грёзы были оправданы, мы живы, а значит, не умрём! Вчера была дикая буря, выбило стёкла, но страх покинул нас. Сегодня предстоит трудный день – переживания прочь! В нашу швейную поступил звонок о том, что надо выполнить наикрупнейший заказ... Годовой...

«Война должна постучать и в наши двери, но мы не откроем», – тихо шепчут наперёд мои мысли. Молитва... Сон... Мне предстоял нелёгкий разговор с дочерью, к которому я готовилась с трудом, и слёзы душили, не давая покоя.

– Мамочка, почему ты такая грустная? Меня вчера забрала тётя Валя, у неё в зале стоит огромный рояль. Мамочка, ты не представляешь, как красиво тётя играет! Я попросилась научить меня, и она согласилась... Почему ты плачешь, родная?! Я тебя люблю, не плачь. Ты же говоришь, что плохая война не достанет до нас? Так ведь?

– Да, дорогая моя...

– Мамочка... И тётя Валя так говорит. Всё будет хорошо! Тётушка придёт за мной завтра, и мы опять будем играть на рояле. Можно?

– Марьюшка, я сама тебя отведу к Валентине, я с ней договорилась.... Понимаешь, сейчас нужна помощь на фронте.

– Нет, мамочка, ты так же уйдёшь, как мой брат, и мы тебя больше не увидим! Не уходи!

Я не смогла ответить и только поцеловала её в голову, каштановые кудри, наивно рассыпанные по плечам, как это бывает у ангелочков. На этом наш разговор закончился, и Марьяна тихо заснула под капель плачущего неба...

30 августа, 1942-й

Стояла пасмурная осенняя погода. Прошло лето, и уже неделю лили холодные проливные дожди. Все животные прятались, не выходя даже за едой.

Я молча разбудила дочь, минутная готовность – и я отвела её в безопасное место, где точно с ней ничего не слу-

чится. Сегодня мы понимали друг друга без слов, мысленно. «Валя, я вернусь... Сбереги её...» И я ушла. Дождь спрятал мои слёзы, понимая меня.

«Чем может помочь слабая женщина на такой войне, смешно! Ты и день не протянешь без ваших бабских погрешушек. Иди домой», – усмехнулся как-то мужчина, когда ходила в приёмный пункт... Но я рискнула всем: своей жизнью, любимой дочерью. Я стояла в очереди! Да-да, сотни моих земляков, в том числе и женщин, стояли с самого утра до глубокого вечера, чтобы пойти воевать за Родину, а если нет, то хоть спасти жизни в полевых больницах! Не думала, что наступит время, когда покину дом и пойду на защиту Отечества, ведь с детства я боялась крови и терпеть не могла даже рогатки. Но жизнь удивляет и поражает, так что я стою в этих рядах.

Моё внимание привлекла женщина примерно моих лет. Она была одета в простое рваное платье... Заметив мой взгляд на себе, она прикрыло лицо руками и зарыдала, присев на камень... Она продрогла насквозь. Я подошла к ней, и мы тихо плакали вместе, обнявшись.

– Меня Зиной зовут, – прошептала она.

Я назвала своё имя и услышала историю из её жизни, так похожую на мою.

– Знаешь, год назад у меня забрали сына на фронт, как ты поняла, он не вернулся. И только похоронная открытка! Боже! Что они могут знать, когда говорят: «Мы сожалеем, примите наши искренние соболезнования». Что?! Вот именно ничего! Он был единственный кормилец в семье, моей дочери сейчас даже шести лет нет, а жизнь её на волоске! Каково мне лгать на её проникновенные вопросы: «Мамочка, война ведь скоро закончится, и я пойду в школу? Мамочка, когда братик придёт?» И не объяснишь ведь, она еще очень мала, чтобы знать правду. Жестокою правду. Знаешь, а ведь у неё прекрасный голосок... Поёт вечерами мне, говорит, что брат её слышит и подпевает ей. Каково, а? Я ей глала, когда говорила, что поеду за братиком, а сама...

Было около одиннадцати вечера, и очередь дошла до нас. Принимали всех, и это радовало меня: «Не умру, так спасу!» Но всё произошло не совсем так, как хотелось бы. Зинаиду сразу же отправили, а мне было сказано: «Останешься здесь. Будешь работать в поликлинике, иди на распределение». И я отправилась знакомиться с новым местом работы.

Меня определили в коллектив, в котором трудились прекрасные женщины, у нас с ними похожие судьбы.

12 мая, 1943-й

Я была на седьмом небе от счастья! Ведь я буду рядом с дочерью и смогу спасти жизнь...

Быстрее степного ветра бježала в дом Валентины, а там моя Марья сидит за роялем и тихо напевает что-то! «Ты пришла! Я верила, мамочка. Верила», – звонкий голосок Мариночки разбудил во мне жизнь, и я поняла, что не простила бы, если умерла бы и оставила моё голубоглазое чудо один на один с кровожадной бойней! Хотя до нас война, слава богу, пока не добралась. Пока что...

«Марина быстро учится. Днями сидит за роялем. Я горжусь ей! Способная девочка, живёт и рождает своим голоском жизнь вокруг», – закончила монолог Валентина.

Я была рада видеть эту стройную женщину, всегда мило улыбающуюся. Моя дочь цела, окружена заботой и теплотой этой бескорыстной женщины. «Доченька! Я больше никогда тебя не оставляю. Я обещаю, скоро всё закончится и мы поедим на море, о котором ты всегда мечтала!» Да-а-а... Веру женщины ничто не погубит, даже пуля, это я понимала точно.

Август, 1943-й

Долгое время не оставляла записей в своём дневнике, и в ближайшее время не получится... Времени нет даже строчку черкнуть, напряжённые будни, но привыкли... К нам прислали ещё одну женщину. Милая, молоденькая, с очень красивым голосом, поёт нам, даже больные полюбили Кудрявое Чудо. Так ее прозвали в госпитале.

Впервые с начала войны мне приснился сон. Необычный...

Идём с Мариночкой по парку, и тёплый весенний ветер доносит аккорды песни. Марьян дергает меня за руку... И тут картина меняется. Я стою над пропастью, вокруг всё затянато то ли дымкой, то ли туманом. И вроде бы выжженное кладбище. Холодно, и стоит пугающая тишина. Доли секунды, чтобы понять, где я. Всё вокруг закружилось, замельтешило перед глазами, и я начинаю дико кричать в недоумении, где же моя дочь?! Опять слышатся те же самые музыкальные нотки, но уже как будто кто-то поблизости играет... Я падаю в эту пропасть и вижу чёрный рояль, а за ним Марина, облачённая в траурные одежды...

Разбудила меня напарница, мол, «нужна срочно твоя помощь, я одна не справляюсь», и я очнулась в холодном поту, не понимая, к чему этот сон.

Уже давно глубокая ночь, но к нам по-прежнему поступали бойцы, говорят, на фронте дела ухудшаются. Но это для меня было обычным. Из головы так и не выходил сон, и я ещё и ещё раз его вспоминала, прокручивала, как киноленту, так и не найдя его смысла, но беспокойство закралось в мою душу, ведь там была моя дочь. Помолюсь после перевязки за здоровье моей девочки. Ах! Ещё машина подъехала...

Сильные порывы ветра, и мне кажется, что я слышу нежные звуки рояля, доносящиеся издалека. Марина ли это?!

1944-й

Недавно только выпал прекрасный серебристый снежок. Он покрыл землю девственной чистотой, напоминая, что спасение близко... Я уже три дня не приходила домой: живём рядом с ранеными. Местный почтальон рассказывает, как там солнце моё... Говорит, что не может наслушаться ею, талантливая очень. Этим и живу, но сегодня волнение одолело мое сердце, и ничего поделать не могу. Не такое, как в первые дни войны. Не такое... Вспомнила сон, который увидела недавно, стало ещё хуже.

К нам в больницу каждый день привозят раненых бойцов. Моя боязнь крови давно улетучилась, мы с напарницей в день спасаем по 5–10 солдат каждая!

Однажды к нам поступил парень, я его сразу узнала. «Чем может помочь слабая женщина на такой войне, смешно!» – эти слова занозой сидели в моей памяти. У

него осколочное, сквозное... Мы и этого паренька спасли в тот вечер, но он меня не узнал. Контузия. Лишь искрящаяся улыбка и проникновенное: «Спасибо, ты мне жизнь спасла. Если бы не ты, то сгинул бы сразу». Так приятно получать слова благодарности за свою работу!

Но снова волнение, что-то тревожит моё существо... Да что же это такое?! И, как назло, вспомнился сон...

Достала из старого узелка фотокарточку, на которой была изображена вся наша семья: я, муж, ещё живой сын и доченька Мариночка. Тихая молитва помогла мне побороть отчаяние и спокойно подумать о дальнейших действиях. «Сегодня нельзя плакать, поддаваться страху и отчаянию!» – точно решила я для себя.

Вечерело, снежинки, вальсируя, медленно ложились на землю. После взбалмошного дня, суетливых разговоров, бесчисленных процедур тихой надеждой легла на сердце мысль: «Почему у меня такой страх на душе сегодня? Может, Валентина вернут и скажут, что по ошибке похоронка. Пусть хромого, слепого, но лишь бы...».

Не успела выйти на улицу, как слышу: «Ложись, война и к нам пришла! Готовь больных!» И тут я поняла, что материнское сердце никогда не обманет и волнение было не напрасно. Не больше десяти минут я потратила на сборы раненых, которые могли худо-бедно воевать.

...Машина отъехала. Я рванула что было сил в сторону дома: оврагами, избегая открытых мест, чтобы не убили. До дома было порядка пяти километров, не знаю как, но я не была замечена, и вон уже дом виднеется за горизонтом. Я спряталась за дерево, вдаль не было видно военных: все они отправились в соседнюю деревню...

«Марьюшка! Марьюшка! Господи, спаси!» – сердце билось мелкой дробью, но кричать нельзя, даже у деревьев сейчас были уши. Незаметно перебежав до ямы, увидела, как в противоположной стороне прерывается жизнь моих медсестричек... Боже! Ведь и я могла быть в их числе.

Закат сделался кровавым отблеском в глазах караемых, я отвернулась... Понимая, что у меня мало времени и, возможно, дочурка ещё жива, я побежала в направлении дома Валентины. Да-да, я должна во что бы то ни стало спасти Мариночку! «Умереть, но спасти!» – непрерывно стучало в висках, когда я, глотая пыль, спотыкаясь, неслась к родному дому.

Вбежала, забыв про осторожность, но Марины в доме не оказалось, там вообще никого не было, и лишь стены, издробленные пулями, тихо стонали... И темнота... Кровь... Слезы... Тихий крик... И... О счастье! Да-да, вспомнилось, как почтальон говорил, что Валя собиралась спрятаться с моей дочуркой у своей сестры до тех пор, пока я не вернусь. Во мне зажглось что-то, и я знала, что всё так будет?

Дом Валиной сестры находился в соседней деревне, до которой ещё не дошли страшные крики смерти, а значит, надежда есть и надо бежать. На старых часах стрелки показывали 19:20.

«Надо же, полностью изрешеченные, а идут», – покидая пустой дом, думала я.

Тишина, даже соседский пёс не лает, как это обычно с ним бывало. Я прокрадусь и буду не замечена под покровом темноты. Время летело, а мне показалось, что прошла целая вечность, пока я добралась до места! По дороге к заветному дому не встретила ни души, что повергло в тихий пугающий страх. Все мои молитвы были только о спасении ангела моего, Марьюшки.

Боже! Что это? У меня начинаются галлюцинации?! Снег закружился, но уже в другом ритме: ритме счастья... Нет, это не галлюцинации – это действительно голосок Марины и рояль! Рояль! Да, это определённо он! Как красиво.

Отдышавшись, я приблизилась к дому. За старым роялем сидела Марина. Тоненькие пальчики играли прекрасную изящную музыку.

– Доченька, ты жива... Доченька.

Доли секунды, и восклицание, разогнавшее все сомнения:

– Мамочка, ты жива. Мамочка, я люблю тебя! Я верила. Мы думали, ты умерла. Мамочка, где ты была?! Я играла тебе каждый вечер, но ты не приходила.

– Всё-всё, успокойся, милая, я больше никогда не оставлю тебя. Никогда. Почему ты ещё не легла спать, ведь уже так поздно? – вытирая слёзы с детского личика, спрашивала я.

– Тётя Валя сказала, что пока тебя нет – играть, чтобы ты слышала и смогла нас найти.

В этот момент я проклинала себя всё сильнее и сильнее: «Как я могла оставить её одну, второй раз? Мой наивный цветочек, который не знает слова «плохой».

152

Июнь, 1945-й

В воздухе пахнет победой. Великой Победой. В деревню вернулся только Толик (из 150 ушедших на фронт один возвратился, вот такая арифметика!), с перевязанным глазом и без ноги. Страшно. Но прожито.

– Это не люди, это звери. Мы шли до Берлина босыми по снегу и доказали, что достойны жить непобеждёнными и с мирным небом над головой. Я попал под распределение в *** отдел, нас там было много, мужчин разных возрастов. Самому младшему было шестнадцать, а так сказать, «старшине» Петру Ивановичу, царствие ему небесное, семьдесят восемь лет. Старик, а ведь ни его, ни девчонок наших не щадили. Когда напали на полевую больницу, всех на «красную поляну», даже детей из деревень туда же, они ещё и жизни не успели увидеть! Звери!.. – рассказывал о войне Анатолий с лицом смирившегося человека, не проронив ни одной слезинки, что вызывало уважение.

Мы в свою очередь тоже поведали о том, что творилось в наших деревнях, потом в комнату вбежала Марина и тихонечко шепнула Анатолию:

– Дядя Толя, а давайте я вам сыграю... Тогда ваши друзья услышат и придут к нам, меня мама так нашла: услышала и пришла домой, на зов сердца...

И она начала музицировать, полились тихие лиричные звуки. Мы сидели часа два, разговаривали, казалось, вечности будет мало, чтобы описать всё то, что пережили люди за долгие годы войны...

Да разве ж можно такое забыть! Это – преступление!..

31 декабря, 1946-й

Судьба нам часто представляет различные испытания, а мы либо справимся с ними, либо сгинем от этих пыток навсегда. Чтобы выжить, нам требуется, так сказать, стимул. Для меня таким стимулом была дочь, ради которой всё было пройдено и пережито... Та невероятно тяжёлая и кровавая война закончилась, а память осталась, память о наших героях и Родине, не поддавшихся гнѣту врага.

...Просыпаюсь утром и понимаю, что счастлива! Моё сердце вновь переполнено любовью ко всему. Понимаю, что судьбы наши были надломлены и подготовлены к другой, новой, жизни, за что я и благодарна всему, что способствовало этому!

Моя дочь стала известной пианисткой. Благодаря своей детской вере, упорству, желанию, чтобы я её поскорее нашла, она, не останавливаясь, играла в те страшные дни и дождалась-таки, и сбылась её заветная мечта!

Я до сих пор в ужасе представляю, что было бы, если я не пришла бы к ней или погибла... О! Тот жуткий сон, я поняла его смысл. Поняла!

Марина спасла нас своей верой и молитвами жалостливых нот, играя для простых людей... И она иногда обращается ко мне со словами: «Ничто не может сломить верящую женщину. Я не потеряла веру в тебя. Я не потеряла веру во спасение...»

Дарья ТАРТЫШИНА, 153

г. Кемерово, школа № 10, 8-й класс, 14 лет

МА-МА

* * *

*Первые шапочки, первые слова,
Крошка ручки тянет:
– Ма-ма, ма-ма, ма...
И малыш не знает,
Что от «ма-мо-му»
Сердце мамы тает
От любви к нему.*

*Первые тетради, первые оценки,
Взлёты, неудачи, сбитые коленки...
Первая пятерка! Первое «ура»!
И домой вприпрыжку:
– Мама, мама, ма!
Первое свидание, слёзы и цветы.
– Что случилось, крошка? Полюбила ты.
– Что-то грустно, мама. Что-то не до сна...
И подушка мокрая...
Ма-ма, ма-ма, ма...*

*Я глаза открою – мамина улыбка:
– Просыпайся, солнышко! Просыпайся, рыбка!
– Мамочка, родная, я уже не сплю,
Господи, как сильно я тебя люблю!*

* * *

*Отчего ж сегодня ты не спишь опять?
– На войну ходила сына провожать.
Стук колѣс безжалостно заглушал слова.
Сердцем уловила:
«Ма-ма, ма-ма, ма...»
Мчатся письма-голуби – пуле не догнать.
«Сбереги их, Господи», – закликает мать.
А в ответ: «Родная, скоро буду, жди!».
Почему же плачут за окном дожди?
Как сдавило сердце, как сдавило грудь.
«Н-е-т! – в висках стучало. – Нет, не может быть!»
И рванула створки старого окна,
И пронзило сердце:
– Ма-ма, ма-ма, ма...
Матери, Великие Матери Земли!
Хрупкие и нежные, как терпеть могли?
Ну откуда столько ласки и любви?
Где берѣте силы – только позови?!
Поклониться низко, на колени встать,
Потому что свято – потому что
Мать!*

Анастасия СЕЛЕТКОВА,
г. Кемерово

САЛЮТ ПОБЕДИТЕЛЯМ

Майский вечер близился к закату, но многочисленных посетителей Комсомольского парка угасающий день не пугал. Действительно, зачем ребятам бояться заката? Особенно когда сразу в трёх торговых палатках в День Победы идёт оживлённая торговля всевозможной светящейся китайской ерундистикой. Стоит отметить, не самой дешёвой.

Впрочем, разве детям есть дело до того, сколько родители заплатили за их радость?

Счастливая мелюзга, сияя огоньками своего восторга, мелькает и носится. Размахивает своими ручными «салютиками на палочках» и вопит от счастья. Многих из них родители обещали свозить на площадь, посмотреть настоящий праздничный салют. Для кого-то этот салют победителям будет первым знакомством с историей Родины.

Моей дочке пока ещё рано в её полгода смотреть салют. Свернув в боковую аллею, справа за памятником молодым патриотам России, я медленно покатила детскую коляску вдоль дорожки. Подальше от шума.

– Стоять! – раздался за моей спиной бойкий девичий голос. – Ну что, победитель, мы прибыли в пункт назначения. Снимай рюкзаки.

Я машинально обернулась.

Невысокая длинноволосая старшеклассница в чёрном спортивном костюме, слегка склонив голову набок, повелительно снизу вверх смотрела на довольно высокого парня в потёртых джинсах и красной толстовке.

– Рюкзаки снимай, победитель и правнук победителя, – строго повторила девушка в чёрном.

Парень снял с могучих плеч рюкзаки и уточнил у девчонки:

– Насть, а почему победитель-то?

– Стыдно не знать значение своего имени, Виктор, – присев на корточки и доставая из рюкзаков какие-то свёртки вместе с большой пластиковой бутылкой, укоризненно произнесла Анастасия. – Кто мне рассказывал, что тебе дали имя в честь прадеда?

– А-а, точно. Виктор же значит победитель! Я и забыл историю своего имени, – обрадовался пацан.

– Историю нельзя забывать, – назидательно сообщила она, возводя указательный палец к макушкам парковых сосен. – Тем более нам. Ты почему проволоку не взял? И для чего ты тащил сюда молоток с гвоздями?

– Ты же сказала, что будем делать кормушки, – пряча обратно в рюкзак молоток, виновато пожал плечами высокий правнук победителя.

– И именно для этого я поручила тебе принести сюда пустые пластиковые бутылки. Чтоб ты их прибил к дереву гвоздями? – съехидничала длинноволосая, протягивая парню моток верёвки. – Держи вот и иди привяжи к дереву для начала пятилитровую. Покрепче привяжи! А я пока семечки и крупы в остальные насыплю.

Победитель послушно кивнул и молча удалился на пару метров от девушки к ближайшей берёзе. Наблюдая за его манипуляциями с верёвкой и пластиковой бутылкой, которые он на моих глазах превращал в будущую комфортабельную столовку для птиц, я поймала себя на мысли, что очень давно не видела, как дети делают кормушки. Точнее, я вообще никогда этого не видела за гранью телевизионного экрана. Старые добрые отечественные мультфильмы... Где вы, герои из них?

– Насть, а почему именно в этой аллее нам надо вешать кормушки? – прервал мои размышления голос Виктора.

Но девочка, казалось, проигнорировала вопрос. Она с задумчивым видом крошила буханку белого хлеба птицам, шумно слетающим к ней изо всех краёв парка и что-то шептала пернатым.

Со стороны выглядело так, как будто девушка разговаривала с птицами. Я даже разобрала несколько фраз из её тихих то ли молитв, то ли заклинаний. Что-то похожее на «сержант, лейтенант, рядовой» и, кажется, слово «строй». Возможно, какая-то считалочка или стишок. На всякий случай, я решила развернуть коляску и подкатила спящую дочку поближе к этой парочке тимуровцев XXI века.

Меня наконец-то заметили. Девчонка молча кивнула мне и протянула пакет пшёнки, жестом бесцеремонно призывая помочь ей наполнить будущую птичью кормушку – пустую пластиковую бутылку с большим круглым отверстием, аккуратно прорезанным с одного бока. На земле рядом с двумя большими рюкзаками стояли ещё несколько таких же бутылок. Пустых и уже частично наполненных крупой и семечками.

«Всё-таки очень странная девица-тимуровка» – недовольно подумала я про себя, тем не менее послушно присоединяясь к доброму делу и помогая ей заполнить остальные кормушки.

Наконец, не поворачиваясь к парню, девушка тихо ответила:

– Знаешь, когда я была совсем маленькая, мы с мамой часто гуляли в этом парке по дороге из детского сада. Так вот, на этой аллее раньше всегда собирались несколько ветеранов. В основном дедушки. Но бабушки иногда тоже были. Здесь раньше водились белочки, и добрые пенсионеры их подкармливали. Белки были фактически ручные. Ели с ладошек. И очень потешно умывались, сидя на плечах у своих кормильцев. Не представляешь, какая это радость была для ребятшек, что гуляли по парку.

– Но здесь же нет теперь белок, – робко перебил её Виктор.

– И ветеранов тоже, – грустным эхом отозвалась девушка.

Я с ностальгическим налётом в душе вспомнила, как сама ещё ребёнком кормила в Комсомольском парке белочек. И немного расчувствовалась. Мысленно кляла технический прогресс и вандалов, что переловили и перестреляли из рогаток всю пушистую гордость нашего парка.

– Зато птиц, я смотрю, до сих пор здесь хватает, – возвращаясь к рюкзаку рядом с Настасьей и извлекая из него ещё одну пустую пятилитровую пластиковую бутылку, заметил наш с Настей помощник. – Ого, они тебя совсем не боятся, как белки тех ветеранов, да? Вот только не пойму, зачем мы с тобой в праздник сюда потащились, да ещё через весь город? В другом месте нельзя, что ли, покормить было птичек?

– Этих? Нельзя, – отрезала Настя.

– Не понял...

Судя по лицу, Витя действительно был удивлён такой категоричностью. Собственно, и я тоже. Тем временем вокруг нашей троицы собралась толпа зевак, подтянувшихся к зрелищу со своими детишками. Хорошо ещё, что, боясь распугать птиц, они не шумели и не будили мою дочку.

Девочка, не особенно реагируя на собравшуюся вокруг публику, снова снисходительно снизу вверх посмотрела на Виктора. И, выдержав довольно долгую паузу, наконец-то ответила:

– Понимаешь, победитель, это традиция. Однажды я тоже спросила у одного ветерана, который чаще других кормил здесь и белок, и птиц, зачем он это делает. Я хорошо запомнила его имя – Александр Высоцкий. Он не просто много лет кормил в этой аллее белок и птиц. Знаешь, он с ними разговаривал, называя птиц по именам и фамилиям: «сержант Иванов», «рядовой Храпов», «рядовой Котов». Мне показалось это забавным. Я была маленькая и думала, что дедушка просто глупый, раз птичек так смешно называет. Я совсем не понимала, почему моя мама над ним не смеялась, а вместо этого сама лезла в пакет или сумочку, доставала оттуда то булочку, то пакетик с орехами или семечками, чтобы отдать его старику. И ещё приговаривала каждый раз при этом: «А это от нас для ваших однополчан». Кто такие однополчане, я, разумеется, тогда тоже понятия не имела. Некоторое время я даже была уверена, что это что-то вроде второго названия птиц. У многих дедков на пиджаках были приколоты красивые значки. Я очень хотела с одним поменяться на мамину брошку. Была у меня такая красивая брошка с сиреневым камнем. Но мама на меня рассердилась, сказала, что на такие

значки с дедушками меняться нельзя. Потому что это не значки, а медали, ордена и нашивки, которые достаются только в награду тем, кто нас с ней и Родину защищал на войне...

– Хорошая история, – согласился с ней Виктор. – Но всё равно не понял, а птицы-то тут при чём?

– Ты не дослушал, – нахмурилась Настя. – Так вот, дедушка Саша Высоцкий мне тогда рассказал, что души павших солдат возвращаются на землю к живым в образе птиц. Понимаешь? И каждый год в этот день ветераны здесь всегда собирались поминать всех своих однополчан. Тех, кто с войны не вернулся. Тех, кто погиб там за нас. У них была традиция: каждый год на 9 Мая собираться здесь после парада и кормить птиц. Я верю в то, что сейчас и их души вместе с однополчанами возвращаются к нам. Все мои дедушки и прадедушки умерли до того, как я родилась. Но уверена, что моим родным было бы очень приятно почувствовать то, что я, их потомок, о них не забываю. И твоим родственникам тоже, победитель. Тем, кто погиб на войне, будет приятно почувствовать то, что ты о них помнишь. Это я называю связь поколений. Так что бери батон и кроши его вон в те старые кормушки. Их ещё ветераны к соснам прикручивали. Души всех павших воинов, как говорил фронтовик Александр Высоцкий, в этот день слетаются сюда в образах голубей.

Словно бы в подтверждение её слов на ближайшую кормушку один за другим спланировали два белоснежных голубя.

Мне стало как-то не по себе.

Похоже, мы одновременно с Виктором и ещё с несколькими притихшими слушателями негромкого рассказа Анастасии вспомнили строчки из старой песни о солдатах, что превратились в белых журавлей.

Бабушка в синей вязаной кофте при этих словах Насти полезла в объёмную кожаную сумку и, достав пакетик печенек, всучила его пухлому румянному мальчугану лет пяти или шести.

– Иди, Васенька, покорми птичек вместе с девочкой. Пусть твой тёзка прадедушка тоже увидит, что мы его помним...

Анна ГОРБОВСКАЯ,

Бийский лицей-интернат, 11-й класс

*Нет, я не Байрон, и не Пушкин,
И даже вовсе не поэт,
И мне забавы и игрушки –
Писать стихи в пятнадцать лет.*

*Мне жизнь пока – большая тайна,
Как сон младенца няюву,
Но я, конечно, неслучайно
Мечтами юности живу.*

*И я с бессонницей знакома,
И в звёздном небе, как пунктир,
Из окон дремлющего дома
Слежу глазами Альтаир.*

*Ищу ответы на вопросы,
Пытливо вглядываюсь в тьму,
И, как сквозь снежные заносы,
Бреду сквозь сотни «почему?».*

*Зачем я в мире существую?
Как примет этот мир меня?
Осуществить мечту любую
Мне хватит веры и огня?*

*А ночь всё длится, длится, длится,
И я с собой наедине.
Душа, как пойманная птица,
Трепещет крыльями во мне.*

*А утром солнечные дали
Мне мир навстречу распахнёт,
Живу и усомнюсь едва ли,
Что только радость в жизни ждёт.*

ОСЕННЕЕ

*Слышишь, как время стекает по крыше?
Видишь знаменья ржавеющей осени?
Кажется, звуки становятся тише
В редких проблемах пронзительной просины,
Быстро сменяются грустные мысли,
К ночи в душе наступает томленье.
Падают, падают жёлтые листья,
Не уловить ни часов, ни мгновений.
Осень, как спичка, в руках неумелых
Пламенем вспыхнет и быстро сгорит,
Изжелта-красная в отсветах белых,
Сереньким пеплом потом умирает.
Ветер развеет осенние тайны,
Небо склонится надо новым холстом,
Снова колдует, и неслучайно
День начинается чистым листом.
Белым заботливо за ночь покроет
Улицы, парки, машины, дома,
Всё примирит, утишит, успокоит
Новая гостья – старуха зима.
Словно в делах, в суете и в заботах,
Чтобы о главном нам вспомнить опять,
Добрый и мудрый неведомый кто-то
Дал нам возможность всё снова начать.*

Каролина МИТРОФАНОВА,
МБОУ «СОШ № 54», 6-й Б класс

«УТРО ДРЕМЛЕТ НА ВЕТКАХ РЯБИНЫ»

В русском языке огромное количество слов. Каждое из них имеет свою историю рождения, родственные связи, свою область применения. Когда я иду в школу, то встречаю на своём пути дерево с красивым названием – рябина. Однажды я задумалась, почему оно так называется, как давно слово живёт в нашем языке, какова его история. Так возникла идея моего проекта – исследовать всё, что связано со словом «рябина».

Оказалось, слово «рябина» имеет глубокую и древнюю историю. О древнем происхождении свидетельствует тот факт, что оно сохранилось в устном народном творчестве. Например, одна из самых народных и древних сказок «Сказка про Курочку Рябу». В песнях и легендах мы также находим слово «рябина». Кто не знает народную песню про тонкую рябину, что стоит, качаясь? А сколько загадок, пословиц, примет связано с рябиной!

*Весною зеленела,
Летом загорала,
Осенью надела
Красные кораллы.
Ягоды не сладость,
Зато глазу радость
И садам украшеньё,
А друзьям угощенье.*

А вот приметы. Хорошо рябина цветёт – к урожаю льна. Поздний расцвет рябины – к долгой осени. Если уродится рябина – рожь будет хороша.

Особенно часто слово и его родственники встречаются в художественных текстах и стихах. И это не случайно, так как слово обладает большой выразительностью и легко сочетается с другими словами. Достаточно вспомнить известные строки Сергея Есенина: «В саду горит костёр рябины красной, но никого не может он согреть»; Николая Алексеевича Некрасова: «На ручей, рябой и пестрый, за листком летит листок...»

Особенно ярко это слово звучит в творчестве Марины Цветаевой.

*Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.*

Это одно из первых стихотворений, и образ рябины связан с рождением поэта. А второе стихотворение написано в эмиграции. Это стихи уже состоявшегося поэта, человека очень сложной судьбы.

*Тоска по родине! Давно
Разоблачённая морока!
Мне совершенно всё равно –
Где – совершенно одинокой...
Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст.
И всё – равно, и всё – едино.
Но если по дороге – куст
Встаёт, особенно – рябина...*

Марина Цветаева рисует свой образ России. Этот куст рябины оказывается в нём – ярче, эмоционально богаче любых иных символов. Необходимо искать в России то, что станет мерой твоей любви к ней. Иначе к чему твоя безмерная любовь, если она пуста, беспредметна? Чувство Родины – безгранично, беспредельно, но оно и привязано к чему-то малому, наглядному, что и становится мерой... безмерности. Таким образом, одно слово «рябина» символизирует собой огромное понятие родины.

Эта тема нашла продолжение в творчестве В. Рождественского.

*Я знал тебя, моя рябина...
Ты на околице села
Над серой крышею овина
Под небом северным росла.
Тебя трепала непогода,
А ты – всем горестям назло –
Росла и крепла год от года,
Глядясь в озёрное стекло.*

Об этом же стихотворение Василия Фёдорова:

*Мне даже страшно –
Так она тонка.
Так высока!
При каждом резком звуке
Дрожит
И от любого ветерка
Всё гнётся
И заламывает руки.
Придёт гроза,
И буря налетит,
Всю до земли согнёт
И распластает...
Гром отгремит,
Громада туч истаёт.
**Взгляну в окно:
А тонкая стоит!***

156

Слово «рябина» в поэтических текстах кузбасских поэтов встречается довольно часто, многие поэты используют возможности слова, создавая особенные поэтические образы. Как известно, средствами выразительности языка являются тропы, синтаксические и стилистические приёмы. Одно из самых распространённых средств – метафора. С метафорой мы встречаемся в стихах многих поэтов, например, в произведении Юрия Михайлова «Рябина» цепочка ягод сравнивается с алыми бусами. Также метафора используется в стихотворении Валентина Махалова, из-за яркого и пёстро цвета рябину он награждает очень запоминающимся сравнением, таким как «жаркие костры». Очень необычно Владимир Поташов для ветки рябины подобрал метафору «Махая факелом рябины...». Яркий и очень запоминающийся образ зимней рябины создает Сергей Донбай в двустишии:

*Подробно, на каждую алую гроздь
Положена снега высокая горсть.*

Тесно связано творчество кузбасских поэтов и с фольклором, в котором у слова своя очень богатая жизнь. Так, в народе считается счастливой и обязательной приметой посадить у дома рябину. Об этом пишет в своем стихотворении Анатолий Иленко:

*Дом поставлю с колодцем и садом,
Чтоб рябина стучалась в окно.*

Слово «рябина» вдохновило и нас на создание собственных творческих работ в разных жанрах. Предлагаю вашему вниманию стихи и прозаические работы моих одноклассников.

РЯБИНА

Живём мы в мире, полном бед,
И это вовсе не секрет!..
То взрыв, то войны, ураганы.
За брег выходят океаны.
И в злом огне горят леса.
Людские гаснут голоса...
Но есть на солнечной равнине
Одна высокая рябина.
Она за много-много лет
Встречала не один рассвет.
Светили звёзды ей, как свечи,
Когда землёю правит вечер.
Родившись, дерево не знало,
В какой опасный край попало.
Но дан природой ей указ:
Начать расти здесь и сейчас!
Росток незримый дождь топил,
А град чуть было не убил!
Но время шло, росток подрос
И первые плоды принёс...
Рябину солнышко ласкало
И сил для жизни прибавляло,
Но счастья много не бывает,
И снова буря наступает..
Холодный ветер с громким свистом
Затронул каждый лёгкий листик!
Была упряма и строптивая
Несокрушимая рябина.
Вот так и люди, каждый знает,
На свете разные бывают.
Одни, найдя беды осколки,
Свои мечты кладут на полку,
Но есть и те, кто, ставя цели,
Пройти способен сквозь метели.
Закрыв глаза на все проблемы,
Стать королём иль королевой!
Тот, кто преграды все пройдёт,
Победы вкусит сладкий мёд.

Настя СТОЛЯРОВА, 6-й «б» класс

ПОДАРКИ ОСЕНИ

Щедра на подарки Осень,
Ничего в лесу ей не жаль:
То плащ золотой на ветви набросит,
А то накинёт цветную шаль.
Дорогое монисто подарит берёзе,
Клён оденет в жёлтый кафтан,
А осинки в платьях розовых
На пригорке танцуют канкан.
Но нарядней и ярче рябина,
Повезло ей, наверное, больше всех.
Богатые серьги, бусы рубиновые,
Сарафан из парчи на ней.
И стоит она, как невеста,
Украшая осенний храм.
Но, конечно, всем это известно,
Много ягод – к большим холодам.

Каролина МИТРОФАНОВА, 6-й «б» класс

КРАСАВИЦА-РЯБИНКА

Сказка

В недалёком краю на крутом берегу росла пышная, раскидистая красавица-рябинка. Такую ещё поискать нужно: ствол прямой, веточки тоненькие, листики – с зубчатой окантовочкой, а ягодки, что бусинки – одна к одной. И так нравилась себе эта рябинка, что день-деньской смотрела на своё отражение в реке да вслух себе дивилась.

Настала осень, стала рябинка ещё краше, ещё наряднее. Прилетели птички-невелички, хотели ягодки попробовать – хороши ли, можно ли зимой к рябинке прилететь да подкрепиться. Как рябинка встрепенулась, веточками замахала: «Что вы! Нельзя мои ягодки есть. Вот опадут листочки, чем я тогда перед другими деревьями похвалиться стану?» Так и улетели птички несолоно хлебавши, а с гордячкой-рябинкой больше ни дерево порядочное, ни зверь благородный, ни птица, себя уважающая, даже и разговаривать не хотели.

Вот уж осень миновала, зима пришла. Завыли ветра, закружили вьюги. Речку льдом сковало, давно ничего не отражает, о красоте своей рябинка и думать забыла. Холодно ей без листочков на ветру стоять, а без слова доброго ещё хуже. Повинилась она тогда перед всем лесным народом в жестокости своей, в гордыне и самолюбии. Простили ей глупую ошибку и деревья, и звери, и птицы, а мудрый дуб сказал: «Ну что же, теперь помни впредь, что не за красоту одну мы любим, а за доброту!» Лишь речка ещё нашёптывала что-то о неосмотрительной беспечности, только красавица-рябинка её не слушала – до пустых ли разговоров, когда нужно каждой птахе прилетевшей по веточке выделить да не обидеть кого ненароком.

Светлана ЯКОВЛЕВА, 6-й «б» класс

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2016 ГОД

КЛАССИКА И НАРОДНОСТЬ – ДУША НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Так что же? Соцреализм приказал литературе долго жить? В газете где-то мелькнуло (похоже, впрочем, на пародию): «капиталистический реализм!» Бесспорно одно, русская литература в такой же ситуации, как витязь на распутье в картине Васнецова. Витязю была хотя бы подсказка, что он найдёт, если пойдёт направо, налево или прямо... Правда, в современной литературе, как и в культуре в целом, идёт осмысление исторических координат и ориентация для движения.

Историческая пауза... Или бремя олигархов от культуры?

Очень интересно рассмотрел – в широком масштабе – ситуацию в литературе, хотя от прогноза отказался, Владимир Павлович Смирнов, литературовед, профессор Литературного института им. А. М. Горького в беседе с Еленой Семеновой (Порог изумления // ИГ-EXLIBRIS. 2016. 29 сент.). В начале XX столетия он отметил период Серебряного века (точнее, конец 90-х годов XIX века и первые 15–18 лет XX века). Метафору названия он отнес и к созданным произведениям, и к типу людей, их сотворившим. Конец XX века, по мнению Смирнова, ознаменовался совершенно грандиозной «крестьянской» литературой: Василий Белов, Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Юрий Казаков. «А сейчас возникла историческая пауза, – лаконично высказался литературовед. – Что будет за ней – трудно представить».

Литературовед, критик Сергей Казначеев в рецензии «Молчалинский архетип» (Литературная газета. 2016. № 44) на книгу Евгения Водолазкина «Дом или остров, или Инструмент языка» (М.: АСТ, 2016) сказал, кто, мол, сейчас ринулся в литературу, пользуясь «исторической паузой». Не пожалеем места для большой цитаты: «На смену дикому постмодернизму 90-х в нашей словесности явились авторы иного типа. Они не пугали публику, не дразнили гусей (власть), не матерились печатно. Ими стали, так сказать, молчалины от литературы, девизом которых являются бессмертные добродетели – умеренность и аккуратность. Их творческим кредо можно назвать своего рода гладкопись». С. Казначеев катком прошёл по этой «новой русской классике» (под такой рубрикой вышла книга Е. Водолазкина): «Главный отличительный признак таких литераторов – отсутствие чувства судьбы, своей личной сопричастности. Отсюда и проза: вялая, холодная, статичная... Для русского писателя, честно говоря, жидковато. Да и русская ли то литература – вот вопрос...»

Комментарии, как говорится, излишни.

Третья точка зрения ещё откровеннее и эмоциональнее, она принадлежит Б. В. Бурмистрову, поэту, председателю Союза писателей Кузбасса. В статье «Корневая система» (Огни Кузбасса. 2016. № 5) Борис Бурмистров размышляет над материалами семинара, который проводил в Кемерово лектор Министерства культуры в этом году. «Директивы» министерства поэта озадачивают: «Социодинамика подразумевает изменения, которые происходят в человеке под воздействием внешних и внутренних сил – констатация, и всё. А в какую сторону изменения... Изменения сегодня чаще всего ассоциируются с разрушением прежних устоев, добрых традиций».

Он продолжает листать «директивы»: «Другой автор, женщина (похоже, профессор) в статье «Экономика желаний в современной цивилизации досуга» – во как громко (!) – выносит определение о «прагматике культуры». Во дожили, культура стала прагматикой. А ведь всегда это было творчество, душевная потребность, на которой трудно было зарабатывать большие деньги. Сегодня же появились «олигархи» от культуры...»

Затем Бурмистров, начитавшись «директив», даёт такое правдивое осмысление «исторической паузы», у меня лично вызвавшее восхищение его прозорливостью: «Вот здесь несколько слов об олигархах от культуры, которых обслуживает целая армия чиновников госструктур, различных продюсеров, финансовых воротил. Они обслуживают друг друга, а на народ им наплевать. Олигархи от культуры, чиновники от культуры слились в экстазе. Живут в своё удовольствие в этом замкнутом шоу-боннде. Им – все мыслимые и немыслимые премии, награды. А настоящие творцы остаются с народом и помогают людям в этой вакханалии разгула пошлости и насилия».

Борис Бурмистров, отдадим ему должное, нашёл и ложку мёда в «директивах»: «Именно регионы сегодня являются источником создания уникальной культуры <...> именно регионы питают культуру государства <...> именно регионы формируют запросы на сложнейшие вызовы времени, и именно регионы дают на них ответы, принося свой уникальный культурный опыт в общее национальное богатство». «Ложка мёда» помогла ему сформулировать прогноз: «Давайте поддерживать провинцию с её действительно уникальной культурой. Может, это и сохранил наше древо, корни которого действительно в глубине земли, с названием – Россия. И здесь роль государства – очевидна. И от умных слов пора перейти к делам, умным и необходимым для просвещения народов, проживающих в России и считающих её своей Родиной».

На круги своя

Пятый номер «Огней Кузбасса» открывается на внутренней стороне обложки фоторепортажем о творческом юбилейном вечере поэта Бориса Бурмистрова в областной библиотеке им. В. Д. Фёдорова. Присоединяемся к поздравлениям Бориса Васильевича с 70-летием. Желаем успехов лично ему и Союзу писателей Кузбасса, который он возглавляет.

К поэтическим книгам, коих более десяти, прибавился новый сборник «Исихастское моление» (Кемерово,

2016), содержащий 70 новых стихотворений – по числу лет юбиляра.

Справедливо мнение кузбасских писателей, что Бурмистров – последователь классической русской литературы, традиция которой уходит корнями в тысячелетие православной культуры. Подтверждение – стихотворение «Божий глас», посвящённое православным поэтам.

*Бороды белы, белы виски,
Что вам мои глупые советы.
Рыцари печали и тоски,
Богом просвещённые поэты.*

*Что для вас недобрая молва,
Писк её не слышен в божьем храме.
Богом продиктованы слова,
Людям пересказанные вами.*

*Больно бьёт пронзительная мысль –
Есть вопросы – где на них ответы?
В этих муках проживают жизнь
Богом наречённые в поэты.*

*Божья милость. Это дар небес –
Вам дано за веру стать Христову.
И нести, не опуская, крест
На свою незримую Голгофу.*

Надо заметить, наряду с духовными стихами Бурмистров охватывает широкий диапазон тем – от публицистики и сатиры до любовной и пейзажной лирики. Вот стихотворение – на стыке двух жанров, духовного стиха и сатиры.

*Да будет свет! – сказал Пророк –
И нас из тьмы на свет извлёк.
Да будет свет! – изрёк Мессия –
И засиял свет над Россией.
Да будет свет! – сказали мы –
И натворили сколько тьмы...*

Впрочем, у Б. Бурмистрова хороша публицистика не только в стихах, но и в статьях о литературе и современной культуре, в чём нас убедили размышления поэта над «директивами» Министерства культуры. Статью «Корневая система» Б. В. Бурмистрова вполне можно считать манифестом журнала «Огни Кузбасса» и в целом Союза писателей этого мощного промышленного региона. Этот манифест утверждает главным направлением современной русской словесности народную литературу. Содержание 5-го номера «Огней Кузбасса» цель успешно реализует.

Если в 3-м и 4-м номерах было напечатано документальное повествование питерского прозаика Николая Коняева «Полковник Романов» о судьбе последнего российского императора Николая II, образ православного христианина на примере исторической личности, то в 5-м номере однофамилец питерца – уроженец Новокузнецка, сварщик на ЗСМК Виктор Коняев в отрывке из повести «Непогасимая лучинка» под заголовком «Лена и Юлень-

ка» живописует трогательный эпизод доброты христианина Егора Пахомовича Клетова к продрогшей от холода юной нищенке Лене: накормил, приютил на ночлег и т. д. Прекрасный получился рассказ.

Художник и писатель Александр Брюховецкий в рассказе «Без лица» умело использует приём фантастики в истории с персонажем Михаилом Притыкиным, потерявшим лицо (физически!) после смерти жены и от одиночества; смешные приключения Михаила и его друга с любовью в куклу, принятую было за вмёрзшую в лёд реки утопленницу, оживили его душу. От проснувшейся в душе любви (вначале к кукле, а затем к телеведущей Кате) лицо страдальца восстановилось. В юмористическом сюжете заложен глубокий смысл – любовь к ближнему сохраняет не только душу, но и плоть человека.

Блестяще владеет народным юмором Вячеслав Рукосуев, его короткие рассказы наполняют душу читающего бодростью, оптимизмом. Вспоминаются ранний Гоголь, наш Зошенко и др. А ведь и в самом деле народ при любых тяготах бытия сохраняет душевное здоровье (юмор) и устойчивость. Не будем пересказывать, советуем самим почитать 5-й номер журнала писателей России «Огни Кузбасса».

Да, это народный журнал! Подстать столичному журналу «Наш современник», отмечающему нынче 60-летие. Московский и кемеровский журнал идут по одной дороге, сохраняя классическую традицию русской литературы. Лаконично ситуация соответствует библейскому афоризму о возвращении «на круги своя».

Руслана ЛЯШЕВА,
Москва

СЛОВО О ПОЭЗИИ

Из многоликого числа литературных изданий я отдаю предпочтение журналу «Огни Кузбасса», но не только потому, что, несмотря на его статус всероссийского журнала и постоянно расширяющуюся географию, многих авторов знаю в лицо. Перелистывая вновь все номера журнала за 2016 год, я отметила, несомненно, настоящий профессионализм членов редколлегии и главного редактора Сергея Донбая, хороший вкус и разборчивость, с которыми они подходят к выбору авторов и публикуемого материала.

Раздел поэзии включает в основном публикации трёх-четырёх авторов в одном выпуске, реже пяти и более, то есть важная роль отдаётся не толщине очередного издания, а качеству содержимого. Все эти подборки яркие, интересные и всегда удивляют и воодушевляют, если не целиком, то обязательно какой-нибудь особенной строкой, например, как в стихотворении Виктора Коврижных:

*Как сплошной пчелиный улей,
День гудит над головой!
Верноподданный июля,
Сенокоса рядовой!*

«Поэзия не может не быть поэзией своего времени, и должна быть ею...», – говорил Луначарский. Это хорошо отразил в стихотворении «Оборонщик» поэт из Бийска Сергей Филатов:

*Когда в одночасье на сборище вздорном,
Предательском, что Беловежская пуца,
Страну развалили, как карточный домик.*

.....

*Стоит и торгует старьём из металла –
Ключи, заготовки... Другие детали...
И, словно молитву, бормочет устало:
– Я делал ракеты, ракеты летали...*

Образно и правдиво отражено время в стихотворении Бориса Бурмистрова «Девяностые»:

*В доме рама оконная выбита,
Белый свет с темнотой обнялись.
Перепутана, смешана, выпита
Поколения целого жизнь.*

«Поэт – дитя: он смеётся лучшим в мире смехом – смехом сквозь слёзы», – утверждал Лев Карсавин. Посмеяться сквозь слёзы получилось у Бориса Васильевича в стихотворении «Пятидесятые» о пацанах послевоенного детства.

*Пижонистая кепка
Да в дудочку штаны,
Им доставалось крепко
От уличной шпаны.
У них отцы – в завмагах.
А наши – в шоферах.
Мы все живём в бараках,
И туалет – в кустах.
На улице рабочей –
Мы, дети той войны...
Пират, Мамай да Боча –
Лихие пацаны...*

В этом же, четвёртом номере журнала есть подборка стихов, которые запали в самую глубину души. Это стихи Виталия Крёкова. Есть такое мнение, что «из европейской поэзии исчез крик. Осталось жонглирование словами, художества акробатов и эстетов. Эквилибристика опустошённых». В поэзии Виталия Крёкова есть этот крик:

*Всё чаще уходящим в спину
Глядит отчаянье полей...
Я, замерзая, не покину
Предела родины своей.*

Пишет ли он о живых или о людях, живших когда-то, этот крик проступает сквозь строчки:

*И люди, коих Бог на землю бросил, –
Пусть навсегда исчезли их следы, –
Но каждый жил и нёс в большую осень
Кто горькие, кто сладкие плоды.*

Будоражат вопросом строки Виталия Крёкова в стихотворении, что он посвятил Сергею Донбаю, обращённые к Богу:

*Всемогущий! На лике земли
Ты прости и хоть в малую тварность
На исходе пути посели.
Незабудками, веточкой вербы
Наши души проклянутся вновь,
Вопрошая: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле не любовь?»*

«Поэтический талант даёт многое, когда он сочетается с хорошим вкусом и направляется сильной мыслью» – цитируем мы В. Брюсова. И вот как сказал о величии слова поэт Виталий Крёков:

*И там, где замирают дни,
Высокое тревожит слово.
Как будто детство пронесли
Охалкой сена молодого.*

Очень удачно, на мой взгляд, сказал о вечности слова поэт из Калуги Вадим Терёхин:

*Мы рождены, чтоб пропасть.
Канут во мгле бесконечной
Слава, богатство и власть.
Слово и музыка – вечны.*

160

Веет несказанным теплом и домашним уютом от стихов Анатолия Иленко.

*В доме тихо, принаряженно.
Дед на лавке. Рядом кот.
Весь умытый и приглаженный
Дорогого гостя ждёт.*

Не оставляют без внимания его воспоминания о родном краешке земли, где он «взял своё начало»:

*Я иду, босой и русый,
По теплу несмятых трав.
Озорной, совсем безусый,
К солнцу голову подняв.*

.....

*Здесь земля меня качала
На руках счастливых лет.*

.....

*В сердце бьёт родник горячий
Нерастроченной любви
Ко всему, что примечталось,
Пело, плакало в груди.*

«Все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит», – писал А. Экзюпери. И уж точно не забыла об этом Нина Глушкова – поэт, пишущий для детей и о детях. Она чутко чувствует душу ребёнка и спо-

собна приоткрыть нам эту таинственную дверцу в мир детского восприятия, помочь нам хоть на несколько минут вернуться в то время, когда мы умели увидеть сквозь стенки ящика барашка.

*Только ранней весной, после стужи
Вырастают магнитные лужи.
И чем больше в тех лужах водицы,
Тем труднее от них уклониться.*

Здесь же, в пятом выпуске журнала, представлены стихи более молодого поэта Натальи Поляченковой. Её стихи играют разными оттенками, яркие, образные, живые. Они дышат, отображая восприятие автором его мира, в котором и радость, и грусть:

*За журавлиными кликами
Оклик пронзительный есть.*

Нежно и трогательно звучат её стихи о дочери:

*Жду, когда птицей юркою
В окно вспорхнёт весна,
К сердцу прижму дочурку я,
Розовую ото сна.*

Интересной, неподражаемой предстаёт перед нами подборка стихотворений «В раю, наверно, тёплые крылечки» поэта из Каменска-Уральского Веры Кузьминой. Её стихи реалистичны, понятны и близки простому народу. Жизнь в них отражена без приукрашенностей. Я бы сказала, это как раз тот пример, когда «всё гениальное – просто», как вот это женское:

*Не жду. Но тяжелей течёт Исеть,
Еранка вянет, блин печётся комом.
Что не срослось, тому всегда болеть,
Как переломам...*

Стихи Веры Кузьминой очень узнаваемы, в них проглядывает особый её слог, стиль, говор:

*Двухэтажки-двухэтажечки,
Алиментики, долги.
Что ж ты, маслице, не мажесси
На ржаные пироги?*

С Верой Кузьминой словно переключается Галина Золотина, поэзия которой жизненна, женственна. Это поэт, один из немногих, чьи стихи сказаны автором тихо, не восторженно, но звучат и слышатся далеко и долго.

*Пугали сны, но более – бессонье.
Под ветром тряпка билась на балконе,
Да трепыхалась робкая душа
На древке моего карандаша.*

Нина СУРОВА,
Ленинск-Кузнецкий

РАДУЕТ ПЛЮРАЛИЗМ

Прошедший год принёс читателям «Огней Кузбасса» немало примечательного как в стихотворном, так и прозаическом разделах. Обращаюсь к прозе, минуя, конечно, то, что написал сам.

Читатели, увлекшиеся романом Людмилы Чидилян «Лида в поисках любви», первая часть которого была опубликована в конце 2015 года, с нетерпением, наверное, ожидали появления второй части. Роман интересен сокровенной женской психологией и реальностью 1980-х годов, особенно в её кемеровской специфике.

Документальное повествование Николая Коняева «Полковник Романов» написано с чувством преклонения перед личностью царя Николая II. Это чтение, что называется, на любителя, в зависимости от социальных взглядов. Что касается содержательного наполнения, то знатоки революционной эпохи России вряд ли найдут в тексте что-либо новое – практически всё общеизвестно.

Повесть Юрия Тотыша «Светлая роса на чёрной броне» – о событиях Афганской войны (1979–1989). В ней вышедшие из военного пекла Он и Она соединяют свои судьбы. Красота созданной самой жизнью фабулы отлично схвачена автором и подчёркивается композиционно. Первая часть повествует от имени героини (медсестры), вторая – от лица персонажа, ставшего Героем Советского Союза. Правда, от военной прозы ждётся глубокого драматизма, а события повести протекают в мемуарно-элегическом ключе. Женские впечатления иногда переходят в сокращённо-дневниковый тон, мужские же фронтовые будни и батальные сцены написаны как сглаженные воспоминания, приятным, красивым языком (в чём нельзя отказать Ю. Тотышу).

В повести Виктора Арнаутова «Приоткрылись родимые дали» пацаны играют в войну. Выстрел из винтовки сбивает шапку с головы Мишки Штырбу – вот до чего они доигрались. А стрелял один из троих братьев Кубецких. В дальнейшем драматизм нарастает. Мишка и его друзья остро враждуют с Кубецкими. Доходит до того, что Мишку, этого хорошего и честного парнишку, обвиняют в краже. И взрослые так его заторкали, что вынудили сознаться в том, чего он не совершал. В общем, это отличный сюжет, психологически выписанный, с выпуклыми характерами. К сожалению, впечатление от повести смазывается концовкой. Она сворачивает в сторону ненужного лиризма. В последней главе Михаил Штырбу уже солдат и служит на границе. В марте 1969 года, когда разыгрался советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманском, он погибает. И довольно неубедительно В. Арнаутов пытается вложить в его последние переживания трепет воспоминаний о родных местах. Думаю, что в воле автора поправить главу.

Замысел повести «Вольтерьянец» Кирилла Леонидова оригинален. В московской школе появляется суперученик. Его идеи глобальны и в конечном счёте раскрываются как масонские. Благодаря вымышленному ученику мы видим мир сквозь призму современной школы с её нравами, лицами учителей и учеников. Финал оптимистичен,

но остаётся и зловещий осадок – с одной стороны, суперученик побеждён в символической драке и полностью исчезает с горизонта, а с другой – один из школьников умирает при загадочных обстоятельствах. Любопытная повесть с философским уклоном.

Действие повести петербуржца Георгия Панкратова «Чувство рохли» происходит в течение буквально одного трудового дня молодых работяг-грузчиков в большом магазине (рохля – погрузочное устройство). Языковой строй повествования основан на молодёжном сленге. Сквозь восприятие читателя проходит сознание обыкновенных молодых людей. Мы видим островок современной жизни. Очень симпатичное произведение.

Буквально все рассказы, опубликованные в «Огнях Кузбасса» в 2016 году, по-своему хороши и ярки. Интерес к ним зависит от личных пристрастий читающей публики – выбирай на вкус. Отмечу появление в «Огнях Кузбасса» таких «высоких гостей», как Елена Тулушева и Роман Сенчин, пользующихся всероссийской известностью, хотя и нельзя сказать, чтобы их рассказы как-то бы выделялись из общего массива прозы журнала.

Особо я бы отметил «Токи высокой частоты» Виктора Королёва. Герой сталкивается с бывшим палачом, истреблявшим «врагов народа». Сила рассказа в переплетении линии «невесты» (девушка, предлагаемой в жены молодому гостю) и линии её отца, идеология которого обнажается до самой отвратительной сути.

Михаил Казанцев живёт на краю земли, а если точнее, то в деревне под Калтаном. Трудно сказать, что у него за душой есть ещё, кроме воспоминаний молодости, на которых основан рассказ «Ожидание неизвестности», но написан этот рассказ в лучших традициях лирической прозы. Описания лаконичны, каждая деталь благодаря подтексту даёт наслаждение. Настоящее переплетается с прошлым, явь – с глубинами сна. Молодой человек, призванный в армию, то едет в поезде, то наблюдает в ресторане поведение девушек, то видит себя на свадьбе друзей-студентов...

Изображение действительности через внутренний мир человека объединяет Михаила Казанцева с Татьяной Ильдимировой, хотя образные системы у них совершенно разные. Журнал опубликовал два её рассказа. Тот, который называется «Пиковая Дама», начинается с игры девочек. Они весело дурачатся, затем игра переходит в мистический страх, а заканчивается рассказ видениями загробного мира, которые сливаются с будничной реальностью.

Утончённо, с интригующей отстранённостью написано начало рассказа «Любимая». Лёгкими тенями обозначены героиня – «я» и «Саша» (муж?). Героиня-я случайно находит письма паренька, лежащего в больнице, к девушке Оле, тоже из больных. И в этих письмах из прошлого такая смесь курьёзного и трагического, такая наивность и чистота любви! Действительность, проступающая в них, контрастирует с дачной обстановкой, описанной в начале, что и создаёт очарование рассказа. Героиня-я пытается разгадать тайну автора писем – кто же он, этот Володя? Но загадка так и остаётся неразгаданной...

Понимая, что обрисовать всех авторов было бы чересчур длинно, упомяну всё же Вячеслава Рукосуева с его весело-ироническими историями и коснусь Александра Брюховецкого, представленного этакой эстетически грубоватой притчей под названием «Без лица».

Деревенский мужичок не нашёл в зеркале своего отражения. Образ фантастический. А мысль проста до примитива. Умерла жена («Бабу он похоронил с полгода назад»), безликая, как и все деревенские женщины. А тут ещё телеведущая Катя исчезла с экрана. «Тяжело переживал Притыкин отсутствие желанной телеведущей, тешился мыслью, что Катя, возможно, пошла в отпуск, а может, и вовсе забросила телевидение. Ему показалось, что весь мир стал обезличенным без Кати, и эта страшная мысль заставила вновь лихорадочно ощущать себя: все части были на месте, вот только когда он проходил мимо зеркала...» В общем, в конце рассказа «любовь» восторжествовала. Катя вышла из отпуска, с лицом Притыкина всё в порядке. Ну, каждому читателю своё...

Много удачных материалов вышло в 2016 году под документальными рубриками. Перечислю, на мой взгляд, наиболее содержательные: Лада Одинцова (о Василии Фёдорове), Виктор Чурилов (о Николае Рубцове), Юрий Дубатов (о Сергее Есенине), Валерий Новиков («Байки сибирского киношника»), Владимир Сухацкий («Великий угольный век»), Владимир Старых («На реке в Заполярье»), Вероника Шелленберг («Переворот»), Виктор Арнаутов (о писателе Геннадии Круглякове), Гарий Немченко («Горбатый мост»), Олег Яценко («Путь сельского хирурга»), Александр Ярошук («Куда исчезла мумия фараона Сехемхета?»).

Удивительно, что кемеровский инженер и писатель А. Ярошук, многие годы отдавший химическому производству, настолько приобщился к египтологии, что начал выдвигать смелые и вполне жизнеспособные гипотезы. В своих теоретических взглядах он опирается на исследования Андрея Складорова, автора многих книг по альтернативной истории, причём написанных с самой добросовестной аргументацией. Возможно, в недалёком уже времени идея А. Ярошука об использовании при строительстве пирамид грузоподъёмных механизмов получит статус официального открытия. В публикации же о фараоне Сехемхете высказывается предположение об испарении его мумии в результате физико-химических процессов.

Журнал радуется плюрализмом, открытостью дверей для многообразных взглядов, тематических направлений и жанров. Однако не все попадания стопроцентны. Например, доктор филологических наук Наталья Налегач выступила с литературно-критическим эссе «Поэтический мир Андрея Правды». Поэтический мир – важная категория, позволяющая сделать обобщения, отличить одного поэта от другого в громадном потоке современной поэзии.

Цитирую: «В стихах Андрея Правды отказ от жалоб и упрямое стремление сохранить в душе способность переживать радость бытия оказывается, по сути, тем заветом, который предстоит обрести и исполнить поэту...» Или ещё: «Упрямая воля к творчеству дала возможность высветить новые грани созданного поэтического космоса...» Закан-

чивается статья мажором: «Сохранившаяся в творческой душе человечность трогательным и чутким теплом наполняет душу читателя, входящего во всё ещё расширяющуюся поэтическую Вселенную Андрея Правды». А что, у других поэтов с расширением есть проблемы?

Если подытожить, то профессор преподносит нам целый ряд удивительных открытий. Оказывается, у Андрея Правды творческая душа. Оказывается, в его душе сохранилась человечность. Он отказался от жалоб, упрямо стремится пережить радость бытия и не менее упрямо проявляет волю к творчеству...

Евгений ЧИРИКОВ,
Кемерово

РАЗНОВИДНОСТИ ПОДСНЕЖНИКОВ. КАКИЕ ОНИ НАВЕЯЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ?

Регулярный выход шести номеров «Огней Кузбасса» за прошедший год свидетельствует об ответственном отношении областного департамента культуры и национальной политики к писательскому сообществу. Не подвела своих учредителей и редколлегия журнала. В течение года на страницах «Огней Кузбасса» появилось не одно достойное внимания прозаическое произведение известных авторов (Николай Дорошенко, Роман Сенчин, Николай Коняев, Гарий Немченко, Виктор Арнаутов, Руслана Ляшева, Вадим Макшеев, Сергей Кузнецких, Елена Тулушева)... А какие замечательные поэтические подборки подарили своим поклонникам Виктор Бокин, Борис Бурмистров, Виктор Коврижных, Дмитрий Мурзин, Нина Ягодина! Об Анатолии Иленко прекрасную публикацию подготовила Руслана Ляшева.

Хочу вкратце остановиться только на некоторых из них.

По праву удачной публикацией считаю документальное повествование Николая Коняева «Полковник Романов». Это произведение хорошо отметила прозаик и литературный критик Руслана Ляшева. Поэтому не буду повторяться.

С большим удовольствием прочитал главы из романа «Душа» Николая Дорошенко. Они напомнили мне детские годы, то радостное и беззаботное время, которое только раз в жизни бывает у каждого из нас и (увы!) никогда не возвращается... Как можно дольше, на целый вечер, растягивал это прочтение. Параллельно вспоминалась публикация неоконченной автобиографической повести почти 50-летней давности известного украинского поэта-сатирика Павла Ключины. А как можно после этого забыть ещё со школьной (советских времён) программы незабываемую «Зачарованную Десну» Александра Довженко!

Вот какие размышления навеяли отрывки романа Н. Дорошенко. Считаю, что целесообразней было бы в этом же, 5-м номере журнала, не спешить с публикацией ничего не значащего отрывка повести Виктора Коняева «Лена и Юленька».

Также привёл как к детским, так и взрослым воспоминаниям рассказ Сергея Кузнецких «Подснежник».

Известно, в украинских лесах можно встретить голубоглазые подснежники. Редкость, если найдёшь белого цвета. Мой учитель и поэт Иосиф Дудка жил в украинском хуторе Широкий Яр возле скифских могил. Когда мы школьниками ходили вместе с ним на экскурсию, то собирали целые букеты голубых подснежников. А однажды Дудка нашёл растеньице белого цвета. Я впервые тогда такое увидел. Потом Иосиф Михайлович написал прекрасное стихотворение о белом подснежнике, которое я помню до сих пор.

А вот у нас на юге Кузбасса, наоборот, цветут только белые подснежники. Синих за многие десятилетия ни разу не встречал. Только кандыки, и то фиолетового цвета. Таёжники утверждают, что это тоже их разновидность как первых весенних цветов. Не спорю. Возможно, и так.

Что же касается второго значения слова «подснежник», то... и сам писал о таких специалистах, которые числились на производстве, а на работе не появлялись. Даже была в середине 1980-х годов серьёзная моя публикация в областной периодике – «Поверхностные» горняки», о тех шахтерах, кто был оформлен подземным горнорабочим, а в забой не спускался – отсиживался в каптёрках и мастерских и при этом получал льготный стаж.

Последние несколько лет на страницах «толстых» центральных журналов появляются рассказы молодой писательницы Елены Тулушевой. О них спорят. Высказывают разные, порой полярные, точки зрения. Отрадно, что несколько произведений из цикла «Подъезд» опубликованы и в «Огнях Кузбасса».

Перед тем, как сесть за размышления об этой подборке, я позвонил известной московской писательнице и редактору солидного журнала Лидии Сычёвой, чтобы и у неё узнать мнение о творчестве Тулушевой. Услышал, дескать, что это очерки, и их с натяжкой можно назвать рассказами. Возразил. Не согласен с таким утверждением. Сам, как говорится, наступаю на такие же грабли. Когда, скажем, пишу рассказ на шахтёрскую тематику, то ничего не выдумываю: перед глазами, как наяву, просматривается вся бригада моих бывших коллег по кайлу и лопате. Выбираю из десятка горняков только для одного героя свойственные черты характера и поступки его коллег.

Неоднократно и мне говорили, что и мои рассказы – тоже очерки. Но на самом деле это тоже не так. Здесь настолько прочно переплелась реальность с художественным вымыслом, что читателю тяжело определить их границу. Только автору известна эта тонкая черта, но стоит ли её обнажать?!

Хочется порадоваться, что в нашу литературу пришла молодая талантливая писательница со своим видением мира. Её рассказы интересны, читаемы. О них дискутируют. Будем надеяться, что и в последующих номерах журнала мы встретимся с её прозой.

Николай НИЧИК,
Новокузнецк

ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

Ваш журнал мне нравится. Тематика разнообразная: много авторов и хорошее сочетание стихов и прозы. Из прозы очень понравилась повесть Е. Чирикова «Дни солнечных идей. Дьяков – легендарный и документальный». Дай Бог, чтобы таких талантливых людей было побольше, и не только в этой сфере. Пусть будут и «Бог Медицины», и «Бог Экономики» и т. д. Ну, если уже не «Бог», то, по крайней мере, «Ангел». «Путь сельского хирурга» Олега Яценко: хирург – это всегда боль (где-то чужая, где-то своя). Вроде давно это было, а читаешь – как будто сейчас. Интересные рассказы В. Рукосова. А насчёт того, что жить трудно, так это не только в «наше» время, по-моему, так было во все времена. Очень тепло написано «Я никогда не ездил на слоне» Евг. Мельникова – прошедшее время часто интереснее, чем настоящее. Чего-то не хватало, зато стресса тоже было меньше. Из стихов мне понравилась «Баллада о поэте» Виктора Чурилова. Счастливых стран, наверно, не бывает – время меняет не только других, но и самого себя в первую очередь. «Бабушкин стол» Станилава Левинского – горькая действительность реальной жизни.

Украшают журнал картины художников – люди, природа, цветы. Творчество вроде как без времени, красота всегда красота.

Свободного времени мало, но продолжаю читать дальше. Успехов вам, журналу и много-много читателей. И пусть спонсоры и дальше остаются спонсорами.

Даниель ЯКОБСОН,
Берлин

ЗАМЕТКИ ПАРОДИСТА

В 2016 году исполнилось 80 лет со дня рождения известного советского поэта-пародиста Александра Иванова. Хочется почтить его память и поделиться с вами своими пародиями на некоторые стихотворные строки, опубликованные в журнале «Огни Кузбасса» в 2016 году.

Повод для пародии появился с первой же поэтической подборки первого номера журнала, где напечатаны стихи нашего известного поэта Александра Ибрагимова:

**Ай, как в баньке русской – да татарский жар!
Жалится-покусывает Змей Горыныч – пар...
Изморозь по коже...**

Эта неожиданная заснеженность поэта в жаркой бане и позволила написать такую пародию:

*Ай да мы, поэты, – непростой народ:
всем в парилке – лето, нам – на коже лёд!
Очень неприлично – от жары вспотеть,
лучше поэтично – взять заиндеветь!*

Кроме того, на пародию вдохновили и брутальные строки Александра Ибрагимова:

**...В оковах слов
Членится мысль моя,
Похожая на бронемуравья...**

А это пародия:

*Членистым мыслям ставлю я капканы,
чтоб не сбежали, выйдя из оков,
и пусть мой творческий процесс суров,
зато у всех в мозгах простые тараканы,
а я дорос до бронемуравьёв!*

В этом же номере опубликованы стихи иркутчанина Василия Козлова, в которых есть строки (от лица некоего сочинителя):

**...Мне стыдно стихи свои людям читать,
Не платят когда гонорара.**

Остаётся только ответить данному сочинителю пародией:

*Стихи свои читать не стану даром –
бесплатного позорища стыжусь,
зато когда утешен гонораром,
тогда и к сраму легче отношусь!*

Удивили в стихах этого поэта-филолога и такие выражения: «**Жизнь горела как жизнь**», «**мрак ползёт из мрака**».

Во втором номере вновь встретился стих Галины Золотайной (был напечатан в журнале «Огни Кузбасса» в 2009 году, № 2), где имеются уже семь лет назад спародированные строки:

**Полуприкрыт чугунной крышкой люк –
Ловушка для нетрезвого зеваки.
И – поделом: лови внизу свой глюк,
Жди помощи и сам с собой калякай!..**

Пародия так и называется – «Доброта».

*Всех пьяниц я хочу переловить
в полуприкрытые чугунной крышкой люки –
от доброты своей боюсь душой простыть
и по ночам вдруг будут мучить глюки!*

*Вот только помощи мне ждать откуда?
О ней напрасно в пустоту трублю, –
сама с собой тогда калякать буду,
ведь столько люда в люках погублю!*

Также во втором номере журнала напечатаны стихи нашего прославившегося творческими успехами поэта Дмитрия Мурзина, который смутил своими строками:

**Жизнь изменилась, пока я ходил за «Клинским».
И я изменился, пока я ходил «Клинским»...**

Надеюсь также смутить Дмитрия пародией:

*Глубокомысленно, кажись, хотя и непоследовательно
скажу: меняет пиво жизнь и нас внутриутробно.
И не стыдясь ничуть людей, для пущей философии
сошлюсь на тайный акт своей, пардон, физиологии.
Ведь лучшей темы не сыскать, дабы в стихотворении
так вдохновенно рассказать о тела отправлении!*

*P. S. А чтоб в дальнейшем вызвать больший интерес,
Я поэтично опишу и сам процесс!*

Во втором номере журнала опубликованы стихи москвича Александра Юдельсона, богатые на строчки для пародий. Вот, например:

**Жена спала, дыша свободно
Эфиром нежности моей,
Свидетель милый и безмолвный
Рождений сказок и детей.**

Этот образ женщины как безмолвного (!) всего лишь свидетеля (!) рождения собственных детей был бы очень интересен для пародиста, если бы основания для пародии не перечеркнула практика ныне популярного суррогатного материнства.

Но обойти пародией стихи Юдельсона невозможно, тем более что перешагнувший сорокалетний рубеж автор ставит под сомнение своё поэтическое творчество:

**В сорок лет не бывает поэтов.
Те, что были, уже в гробах...
...Всё лежат, всё молчат, как камни,
Всё тарашат свои глаза...**

Осталось только додумать за Александра возможное развитие темы:

*Я как-то эксгумировал поэтов
и поражался (святы небеса!):
лежат, молчат, не шлют родне приветов
и всё тарашат на меня глаза!*

*Спросил у них: «Стихи писать мне нужно?»
Они восстали (о, мой страшный сон!)
и закричали, возмущаясь дружно:
«Тебе уже за сорок, Юдельсон!»*

В четвёртом номере журнала напечатаны интересные для пародиста стихи калужанина Вадима Терёхина. Например, такая строчка:

Это я – худоцветный и чёрный!..

Также загадочны и следующие строки Терёхина:

**Последний раз мне будет сорок,
Ну то есть сорок девять лет...**

Эта неуверенность в собственном возрасте дала повод для пародии:

*Я перестал военкомат бояться
и бросил прятаться от армии совсем,
когда мне стукнуло однажды восемнадцать,
ну то есть это значит – двадцать семь.*

*А в старости моей любовный морок
вновь спутал долгих лет неровный ряд:
сказал я девушке, что мне слегка за сорок,
ну то есть ровным счётом – шестьдесят...*

*И чехарда в годах моих простительна
(далёк от точных цифр любой поэт),
ведь я свой возраст помню приблизительно –
с ошибкой мелкой в девять-двадцать лет!*

В пятом номере журнала, в рубрике «Поэтическая почта», есть стихотворение омички Дианы Лугининой, которое венчают такие строчки:

**Нужен хозяин в доме,
кто нанесёт дров, воды и ещё увечий...**

Этакая мазохистская женская мечта дала повод для пародии:

*Нет хозяина в доме,
и о счастье не может быть речи,
ведь валяюсь не в коме,
не в бинтах после разных увечий.*

*Милый чалит на зоне,
всё на мне зажило после встречи.
Жду его. Кто же кроме
сможет так хорошо искалечить?!*

В шестом номере журнала напечатаны стихи Дмитрия Филиппенко, у которого всегда можно найти строчки для пародий. Вот, например:

**Кто-то стихи пишет ради войны
И расстреливает одиночество.
Я же валяюсь среди тишины
И плюю, и плюю в потолокество...**

А это небольшая пародия:

*Расстреляю плевками родной потолок,
низковат он, – совсем не высочество,
но об этом стишок выйдет в дюжину строк,
вот такое, тьфу, плёвое творчество...*

Ольга ЯКОВЛЕВА,
Кемерово

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ – ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ И НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ

В молодогвардейской серии ЖЗЛ вышел загодя разрекламированный том «Катаев. Погоня за вечной весной». Автор биографической книги – писатель, а ныне ещё и депутат Госдумы Сергей Шаргунов.

В советское время о писателе Катаеве выходили достаточно унылые книги с красноречивыми зияющими умолчаниями – в этих работах бурлящая в творчестве, «многоцветная» суть личности Валентина Петровича никак не раскрывалась. В последнее же время о Катаеве, если и писали, то какие-то сплошь разоблачительные вещи. Писателя называют приспособленцем, упрекают в соглашательстве с властью. А ведь он, по большому счёту, чурался политики. Конечно, требовался серьёзный разговор, так как многие факты его биографии стали проясняться только в последнее время. Таким глубоким подходом и отличается книга, созданная Шаргуновым.

Валентина Катаева помню с начальных классов, ученикам задавали писать изложение по его повести «Сын полка». Перед этим, конечно, читали и обсуждали. Мальчику-герою сильно сочувствовали.

Затем в школе, на уроках литературы, разбирались с одним из лучших советских литературных произведений для юношества – «Белеет парус одинокий». И, конечно, писали о Гаврике и других главных героях, а мы в классе ещё и сценическую постановку задумали и сыграли...

Много позже Катаев раскрылся совсем с другой стороны: появились его непривычные книжки – моновистские, как определял сам автор. И множество мнений о том, что же это за зверь такой – этот самый моувизм (от французского *mauvais*, что значит – «плохо»). Писатель со свойственной ему иронией подковырнул: «В пору, когда все пишут хорошо, надо попробовать писать плохо». Он осмысленно и с долей издёвки основал литературное течение «плохизм», членом которого оставался в единственном числе, – поставил цель писать плохо, включая в произведения вздыбливающие текст словесные конструкции, как бы не думая о читателе, не обихаживая сюжетное построение, не заботясь о форме. И вот этот революционный для него творческий акт позволил Катаеву не только обрести «новое литературное дыхание», но и рекрутировать огромное количество новых поклонников.

А потом был поразительный для советского времени «Уже написан Вертер» в «Новом мире». Так проявить работников ЧК – это было что-то невероятное, возможно, даже самоубийственное, до сих пор помню

холодок внутри при описаниях расстрелов под музыку и прочих художествах людей, у которых, по словам их начальника Феликса Дзержинского, было «горячее сердце». Автор на примере персонажа описал собственный опыт ожидания расстрела в Одесском ЧК и чудесного спасения. Странно, но ничего об этом произведении не говорилось в печатных работах критиков, писателей, да и читательские мнения не обнаруживались. Автор биографии Катаева ставит точки над «и»: оказывается на сей счет – по поводу замалчивания – было специальное распоряжение ЦК КПСС. Видимо, не осмеливались выпускать джинна из бутылки. А разрешение на журнальную публикацию, как опять-таки утверждает в жэзэловской книге, давал лично второй человек в партийном руководстве Михаил Суслов. Кстати, в «полное» десятитомное советское собрание сочинений Катаева «Вертера» не допустили.

Шаргунов показывает, насколько искусно Катаев использовал свою собственную биографию в писательской работе над произведениями самых разных жанров. Думающие читатели получали эти сведения уже из его первых книг, раздолье для угадываний было в последних катаевских работах. Особо в этом ряду стоял «Алмазный мой венец», в котором автор прозрачно зашифровал реальных героев изобретёнными своей фантазией псевдонимами. Это было нечто: читатели пытались разгадать этих писателей, художников и всех прочих, расшифровывая их имена кто во что горазд. А какие восторги и, естественно, споры вызывали поступки героев, явленные без трафаретного глянца советского времени, того же Командора (Маяковского) или Синеглазого (Есенина). Но это, конечно, не мемуарная книга, хотя в ней значительная доза воспоминаний и реальных событий присутствует. Думаю, Катаев здесь приподнимает и собственную персону, ну как же – на одной ноге и с Маяковским, и с Есениным, и с Булгаковым, и с многими иными корифеями двадцатых-тридцатых годов...

Автор биографии тоже меряет катаевский писательский уровень, умение хорошо писать с талантом Ивана Бунина, Набокова и других известных современников: эти «примерки» позволяют увидеть взаимопроникновение и взаимоотталкивание этих писателей. Сотрудник «Нового мира» Александр Кондратович записал в дневнике в 1969 году: «Вкусы Катаева очень точно выражались во фразе: «Набоков, конечно, великий, величайший писатель». А с Буниным отношения были ещё любопытнее; не зря же Шаргунов считает: «Отныне и навек Бунин отпечатался во всей катаевской литературе...».

Катаев с детства любил опасные приключения, с пожарами и взрывами. Эти же травматические эксперименты он перенёс в литературное творчество. Пожары – это катаевские салюты. Таким образом он пробоval реальность на прочность, пытался разьять су-

щее и через этот процесс уже в творчестве хотел постичь в экстремуме жизнь во всех её проявлениях, провоцировал на яростные всплески, чтобы восхититься и отразить фейерверк собственных чувственных восхищений в полноте и красоте повествования. В его биографии сказано, что он «ребёнком возился с огнеопасными элементами», позднее, в своей литературе возился с резким цветом и острыми темами, так утверждая именно жизнелюбие. С каждым благополучно завершившимся «опытом» жизнь всё более казалась ему ярким сновидением.

А нежное ранимое нутро прятал в грубый панцирь. «Он был закрытым и при этом любил быть в центре внимания...» Вообще-то у него было и тёмное: о его цинизме напоказ рассказали в мемуарах многие, при этом оказывая помощь нуждающимся в ней, «вплоть до изменения их судеб». Сочетал в себе аннигилирующее: авантюризм и тягу к роскоши с бешеной трудоспособностью, бурлящую энергию и любовь к спокойствию.

Повзрослел умом рано – годам к девяти, что довольно часто случается в семьях, где любят литературу, часто о ней говорят, обсуждают политику и политиков.

Надежда Яковлевна Мандельштам сообщала в своих «Воспоминаниях» о Катаеве: «Мальчиком он вырвался из смертельного страха и голода и поэтому пожелал прочности и покоя: девочек, доверия начальства». Шаргунов с ней полемизирует, ласково так, глядя, демонстрирует как бы спор: «Отчего было ему не радоваться барскому уюту и писательской славе, к которым он всегда стремился и которых бы всё равно достиг, не случись революция?».

Вот как пишет в «Окаянных днях» Иван Бунин: «Был В. Катаев. Цинизм нынешних молодых людей невероятен. Говорил: «За сто тысяч убыю кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» Шаргунов подчищает: «Жизнелюб, не стесненный моралью <...> Жадность до процветания и славы была свойственна не одному Катаеву, но и всему поколению выскочек – особенно с темпераментного юга России».

Биограф с помощью катаевских современников пишет «живого» Катаева: со страстями, стремлением к материальным радостям быта, ошибками, предательствами. Особенно впечатляют как раз цитаты из подлинных публикаций и документов: это для тех, кто страстно тоскует по прошлому, – мочили друзей и недругов по-чёрному, строчили доносы через газеты и журналы, многие были репрессированы именно по этим самым печатным «не могу молчать»...

Вот пример катаевских рассуждений того времени о друзьях-писателях с то ли горячечной критикой, а может, расчётливым «отмежеванием»: «Некоторые следы декадентства – у Леонова. Весь в декадентстве – Олеша, весь – Вишневский... Проза Мандельштама – проза декадента...» И дальше «мочит» друзей и недругов во

всю Ивановскую. И это 1933 год, когда выводы со стороны власти могли быть уже зубодробительными.

А вот писанное в это же время о самом Катаеве: «Он не актуален для эпохи. Он никуда не зовёт, не будит, его дело скорей всего, чтобы усыплать».

Пауки в банке?.. Нет, совсем не зря сказал современный уже нам писатель: «...русская интеллигенция нагибается перед любой силой». И в разъяснение его же слова: «Интеллигенция – лучшая часть народа, но она несёт в себе, к сожалению, все родимые пятна этого народа. Она не может от него отличаться радикально, она им порождена».

Погружаясь в письма, дневники, воспоминания, читаты из документов и публикации того времени, архивные материалы, письма, впервые публикуемые Шаргуновым (он многие из них и нашёл), осмысливая реальные события, что всегда вызывает острый интерес, понимаешь, до чего же жутковато было жить в то время думающему человеку, когда можно было запросто попасть под каток смерти: случайно, по доносу, из-за недовольства начальников, о главном начальнике уже не говорю. Палачи и жертвы в те времена среди литераторов были взаимозаменяемы: сегодня ты топишь собрата по перу, завтра ты – изгой, он топит тебя. Политический контекст довлел над литературой.

Ведь и сегодня не утих спор о том, что с нами было и как к этому относиться, как трактовать XX век: осуждать, проклинать, раскаиваться или просто забыть, отодвинуть в прошлое.

Многие считают, что в истории нет смысла. Можно, конечно, поспорить, но история оставляет нам память о личностях, которые учат нас, волнуют, дают пример. Каков бы ни был Валентин Катаев – он, прежде всего, личность. И, безусловно, – великолепный писатель, настоящий талант.

Некоторым нынешним литераторам совсем не лишне было бы поучиться стилю у советского классика. Шаргунов восторгается своим героем: «Я исходил из своей любви к Катаеву, к его книгам, языку, удивительной стилистике... Писатель он первоклассный...»

Ах, как играет всеми красками спектра выдуманного катаевского мира!.. Он был «жаден до красок», «он жадно впитывал и щедро выплёскивал краски мира», был «перепачкан красками», а литература для него была «приключением красок».

А ещё в шаргуновской книге приводится множество стихов Валентина Катаева. Как поэта его знают мало, но ведь сколько у него просто достойных и талантливых поэтических строк.

Ну и попутно раскрываются тёмные пятна жизненного катаевского пути. За белых воевал? Шаргунов показывает подробно, с фактами и документами, как всё было. Воевал и за белых, и за красных, вновь за белых и опять за красных, впрочем, так со многими было, когда время разверзлось под ногами. Другое дело, что

одним удалось утаиться от бдительных чекистских расследований, другие, в том числе друзья Катаева, такие как Нарбут, пошли под расстрел.

Помните, как шолоховский Мелихов трагически метался, прислонялся то к одним, то к другим? Мелихову сочувствуешь. А Катаеву?..

Разве можно было раскрываться в ученичестве у Бунина, добрых отношениях с ним – злейшим врагом советской власти. Это сегодня нобелевский лауреат Иван Бунин – гордость русской литературы. Катаева пронесло мимо репрессий 1930-х, хотя удерживался буквально на волоске, ну и страх, конечно, который сидел тогда почти во всех, доводил до непредсказуемых поступков. Ведь недаром Муромцева, муза Бунина, записала: «Какая-то поэтесса сказала, что Катаев из конины...». Бунин, по словам той же Муромцевой, говорит Катаеву: «Вы злы, завистливы, честолюбивы...» Писатель Всеволод Иванов гуляку и франта эпмановской Москвы, собрата по перу Катаева удостоил пассажа: «Не столько бесчувственная скотина, сколько испорченный дурак...» По мнению художника Бориса Ефимова, природа или Бог отдали Валентину писательский талант, а «такие ценные черты, как порядочность, корректность, уважение к людям, целиком остались Евгению». Евгений – это младший брат нашего героя, которого мы знаем как соавтора Ильфа с псевдонимом «Петров».

Ранний Катаев в творчестве – это и «хихиканье», и бытовой гротеск, поздний – горечь и исповедальный «мовизм». Это вообще-то один и тот же писатель. Он ведь, повторим, ещё и помог многим: Олеше, Ильфу, ряду «шестидесятников».

Почему книга «Катаев. Погоня за вечной весной» достойна прочтения? Потому, что биография получилась удивительная, несмотря на её критику, да и книга эта является первой на сегодня полной биографической работой о признанном, но подзабытом классике советской литературы. По-моему, автору биографии удалось показать, как «литература не только отражала, но и подгоняла процесс перемен».

Возможно, после прочтения этого труда захочется снять с полки книги Валентина Катаева и погрузиться в катаевский мир – разнообразный, цветной, не чёрно-белый, в котором выпало жить нашему герою-писателю. Ведь настоящим-то он был только в своих книгах.

«Литература-то бесспорная», – такой вывод делает Сергей Шаргунов о книгах Валентина Катаева. Он же пишет: «История Катаева – это история человека, который умел находиться вне стаи, одновременно присутствовать в эпицентре бури и как бы витать над схваткой».

...Такую книгу о таком человеке хочется читать!

Валерий ПЛЮЩЕВ

ШАХТЁР И ПЛОТНИК С ДУШОЙ ПОЭТА: к 75-летию со дня рождения Дмитрия Клёстова

Дмитрий Петрович Клёстов родился 13 марта 1942 года в деревне Евтино Беловского района Кемеровской области. У матери, Ирины Филипповны Клёстовой, он был последним, двенадцатым ребёнком. Отца Петра Ивановича, служащего бухгалтером-кладовщиком на МТС, не стало, когда сыну исполнился всего один год. 1950-е годы были годами учёбы: начальная школа в деревне Евтино, семилетка в селе Коновалово, двухгодичное строительное училище в Сталинске (с 1962 года – Новокузнецк). В середине 1960-х получил десятилетнее образование в вечерней школе Белово. До службы в армии потрудился рабочим МТС, сплавщиком леса по горным рекам Алтая, крепильщиком на шахте «Южная» (новая).

С 1961 по 1964 год служил в рядах Советской армии, был командиром танка Группы советских войск в Германии. Из армии привёз две тетради стихов, некоторые из них были опубликованы в многотиражной дивизионной газете. 14 февраля 1965 года газета «Знамя коммунизма» (Белово) опубликовала стихотворение:

*Снежные кристаллики
Мерцают на горе.
Я бегу, как маленький,
К нашей детворе.
Сани быстрокрылые
Да глубокий снег.
Дайте, дети милые,
Прокатиться мне!..*

Это была первая серьёзная публикация 22-летнего поэта. В 1967 году по рекомендации поэта М. А. Небогатово стихотворение «Приходите к нам на стройку ночью...» опубликовала областная газета «Кузбасс». В областной молодёжной газете «Комсомолец Кузбасса» в 1976 и 1977 годах были напечатаны стихотворения «Убили дятла», «Мое крещение» («Кержаки»), «Старая церковь» (о Петропавловской церкви в Салаире).

После службы молодой поэт освоил несколько опасных рабочих профессий и полвека трудился забойщиком на шахте, респираторщиком горноспасательного отряда, взрывником Салаирского свинцово-цинкового рудника, бурильщиком в геолого-поисковой партии. Первая книга стихов «Земная ноша» вышла в 2002 году, в его 60-летие, а в 2007 году Дмитрий Клёстов был принят в Союз писателей России. К 75-летию юбилею сибирский поэт издал семь поэтических книг, в 2016 году его стихотворную подборку опубликовал московский журнал «Наш современник».

Поэт Дмитрий Клёстов пишет о красоте Сибири, Салаирского края, о людях, живущих и работающих в Кузбассе.

168

Многие стихи посвящены нелёгкому труду шахтёров. Поэт, живущий ныне в Гурьевске, достойно воспел вслед за Евгением Буравлёвым рабочего человека и его труд. Что же легло в основу формирования из деревенского паренька профессионального сибирского поэта-патриота большой и малой родины? Ответ найдём в стихотворениях из книги «Земная ноша». Любовь к чтению («Изба-читальня»), впечатления от советских фильмов («Кино из детства», фильм о Зое Космодемьянской), любовь к природе («Черёмуха», «Армейское»). В стихотворениях с рабочей тематикой мы видим нежную, творческую, впечатлительную душу шахтёрского поэта («Работу любую не хаю...», «В шурфе», «Шахтёрская «идиллия»).

Вторая книга Дмитрия Клёстова «Оглянись с большака», изданная кемеровским издательством «Сибирский писатель» в 2004 году, стала откликом поэта на лихие девяностые. Острой болью на обнищание народа проникнуты стихотворения «Нищий», «Торговка». Трудный период в жизни России в конце двадцатого столетия заставил поэта вспомнить трудное военное время, своё голодное детство («Старуха»). В эпоху всеобщих трансформаций и модернизаций по-новому прозвучала экологическая тема в стихотворениях «Мороз и морок в кратере карьера...»,

«Край таёжный – зелёная Мекка!..», «Опахнёт груздёмвым сентябрём...». Среди стихотворений с серьёзным социально-гражданственным звучанием во второй книге с удивительной чистотой зазвучала любовная лирика («Ночь светла, можно книгу читать...»).

Во многих стихотворениях четвёртой книги «Любо-дорого» (2007) представлена попытка лирико-философски осмыслить вечные созидательные основы русской жизни в своей и чужой судьбе, в природе («У памятника «Царь-плотник», «Когда заскрипит, запорошит...», «Откукует кукушечка скоро...», «Улепётывают дни...»). В сборниках стихов Дмитрия Клёстова «В родном доме» и «Улепётывают дни», изданных в Кемерово в 2012 году, всё сильнее звучит мотив любви к родной Сибири как части исторической России-Руси («Вечные заморские цветы...», «Не мороз, а морозко...»).

Поэзия Дмитрия Клёстова является одним из подтверждений того, что в двадцать первом столетии в Кузбассе живёт и процветает поэзия и продолжает существовать большая поэтическая школа.

Галина КАРПОВА,
Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

«Сибирские огни» для писателей живущих в Сибири особый журнал – родной журнал. У многих из нас здесь были первые журнальные публикации и связанные с ними – радость признания, заветные литературные планы и надежды.

Вот и сибиряк, ставший москвичом, Василий Шукшин, впервые был напечатан в толстом литературном журнале «Сибирские огни».

Рабочий, инженерный Кузбасс и крестьянский, научный Новосибирск всегда были близкими соседями и добрыми друзьями. Это относится и к писателям, судьбы которых неразрывно переплелись, мы земляки по месту рождения, по месту учёбы, по месту жизни.

Вот и наши журналы согревают читателей, надемся, не только общим словом «огонь». Мы – сибиряки!

Поздравляем родной журнал «Сибирские огни» с 95-летием!

7 февраля в филиале областной детско-юношеской библиотеки им. А. Гайдара состоялось представление сборника рассказов о животных «Братья наши», который презентовал его редактор-составитель Виктор Арнаутов. В сборник вошли рассказы, сказки и повести 18 современных писателей (из городов: Тайга, Новокузнецк, Берёзовский, Мыски, Юрга, Кемерово; сёл Кедровка и Смолино). В представлении участвовали В. Иванов, А. Ярошук, С. Павлов.

11 февраля, в Международный день женщин (и девочек), в Кемеровской областной библиотеке для детей и юношества состоялась творческая встреча «История про Историю» с читателями, которую провела Вера Лаврина. Писательница обсудила с участниками встречи значение исторической науки, представила свои историко-краеведческие книги.

18 февраля в рамках ежегодных Сретенских чтений состоялся цикл встреч «Может ли неверующий человек быть нравственным?». В КемГУ выступили поэт, редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Донбай, представитель Кемеровского областного театра драмы Анна Резцова и диакон Сергей (Сизов); поэт Борис Бурмистров – перед учащимися Кемеровского училища народных промыслов; в КузГТУ – священник о. Роман (Анкудинов), поэт Дмитрий Мурзин, актриса театра драмы Анастасия Остапенко.

18 февраля в ЦГБ им. Н. К. Крупской (Ленинск-Кузнецкий) состоялась творческая встреча с членом Союза писателей России поэтом Ириной Куртмазовой (Новосибирск).

Евгений Казаков и Вера Лаврина стали дипломантами Восьмого международного конкурса хайку в номинации «Современное хайку».

14 марта на Красной Горке отмечали 80-летие поэта Геннадия Юрова. Собрались родственники, друзья, поэты. Сотрудники музея подготовили рассказ о творческом пути поэта. Друзья вспоминали случаи из жизни. Звучали стихи. Во встрече памяти приняли участия критик В. Плющев, поэты С. Донбай, Д. Мурзин, А. Правда, В. Бровиков.

15 марта состоялись поэтические чтения «Поэты в Политехническом», стихи студентам читали Т. Кравченко, В. Бровиков, Л. Чидилян, Д. Мурзин, А. Правда, вёл вечер С. Донбай.

16 марта в Кузбасском центре искусств выступил поэт-палиндромист из Новосибирска Борис Гринберг с программой «Поэзия формальных ограничений». Поэт отмечает своё 55-летие серией выступлений. В Кемерово он также выступил на филфаке КемГУ, в антикафе «Кот да Винчи» и в эфире радиостанции «Кузбасс FM».

16 марта лауреат премии им. И. Киселёва поэт Елена Елистратова выступала перед школьниками 8-х классов в библиотеке им. И.М.Киселёва. Читала стихи и отвечала на вопросы.

16 марта работники Кузбасской полиции отметили славный юбилей – 80 лет со дня образования в России службы экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБ и ПК), ранее носившей название ОБХСС. Автор и редактор-составитель книг посвященных истории подразделений в Кузбассе Сергей Павлов – член Союза писателей России, подполковник милиции в отставке, ему вручена юбилейная медаль МВД РФ.

17 марта в библиотеке «Исток» состоялась встреча Веры Лавриной с учащимися 5-го класса школы № 37. В. Лаврина представила своё творчество, побеседовала с ребятами о поэзии, посвящённой красоте природы, воспитывающей в человеке бережное и заботливое отношение к ней.

19 марта 2017 года в библиотеке им. Н. К. Крупской г. Ленинск-Кузнецка состоялось представление книги «На побережье пульса» Дмитрия Филиппенко, члена Союза писателей России, главного редактора альманаха «Образ».

20–21 марта состоялось серия встреч редакции журнала «День и ночь» (Красноярск) с кузбасскими авторами и читателями. Встречи прошли в Ленинске-Кузнецком, в библиотеке им. Н. К. Крупской, и в Кемерове, в Кузбасском центре искусств. Журнал представляли поэты С. Кузнечихин и Т. Долгополова. Встречи вела поэт, главный редактор журнала Марина Саввиных.

21 марта кузбасские поэты приняли участие в кругло-суточном поэтическом марафоне, посвященном всемирному Дню поэзии. Во включении из Ленинска-Кузнецкого читали поэты С. Уланова, И. Надирова, Д. Филиппенко, Н. Сурова, В. Гуляев. В кемеровском блоке читали Д. Мурзин, А. Ибрагимов, Л. Чидилян, И. Тюнина, В. Соколов, С. Донбай, В. Бровиков.

21 марта в Кемеровской библиотеке «Надежда» в рамках III Региональной научно-практической конференции муниципальных библиотек «КЕМЛИБ-2017» состоялось выступление Веры Лавриной. На встрече присутствовали юные корреспонденты журнала «Родничок» Дома детского творчества Рудничного района, учащиеся школы № 16, библиотекари Кемеровской и Новосибирской областей.

22 марта в яшкинской районной библиотеке им А. П. Саулова состоялись сауловские чтения «Уходил я тихо, тихо...», посвящённые Дню поэзии и юбилею Анатолия Саулова. 24 марта 2017 года ему бы исполнилось 75 лет.

25 марта в Новосибирской областной публичной научно-технической библиотеке прошёл командный слэм поэтов Сибири. Участвовали команды из Омска, Томска, Кемерова, Новосибирска, Ленинска-Кузнецкого. Приняли участие поэты М. Черноскутова, А. Кондрина, С. Уланова, Д. Филиппенко, А. Шмакович, С. Логинов, И. Тюнина, В. Бровиков, А. Рыжова, Д. Мурзин. Победил Новосибирск, Ленинск-Кузнецкий дошёл до полуфинала.

29 марта состоялась творческая встреча учеников спецшколы деревни Верхотомка с поэтами Б. Бурмистровым и А. Катковым. Поэты читали стихи, вручили читателям свежий номер журнала.

30 марта в областной библиотеке им. В. Фёдорова прошли весенние поэтические чтения стихов о любви «Мартовские коты». Повязав на шею жёлтые шарфики, поэты Кузбасса на разные лады признавались в любви своим читательницам, коих в зале было большинство. Вечере приняли участие А. Катков, С. Донбая, В. Иванов, В. Шумилов, Д. Мурзин. Вели вечер Б. Бурмистров и В. Курзанцева.

В конце марта пришло известие о том, что писатель Юрий Софронович Тотыш стал членом Союза писателей России. Поздравляем нашего постоянного автора!

ИЗДАНЫ КНИГИ

Русских А. Мы созданы друг друга воскрешать. Коломна: Серебро Слов, 2017. 64 с.

Филиппенко Д. На побережье пульса: Стихотворения. М.: Вест-Консалтинг, 2017. 72 с.

Коляч Т. Вслед уходящему...: Стихи. Кемерово: Азия-Принт, 2017. 52 с.

Чернопятов С. Словно родом был из Рая...: Стихи. Кемерово, 2017. 92 с.

Мурзин Д. Новое кино. М.: Издательство Российского союза писателей, 2017. 216 с. (Серия: Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года»).

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Журнал «Подъём» (Воронеж) в первой книжке за 2017 год дал подборку стихотворений **С. Донбая** «Зелёная ветвь, небосвод голубой».

Альманах «Гостиный двор» (Оренбург) напечатал стихи участников Всероссийского семинара молодых писателей «Мы выросли в России» в г. Бугуруслан – **Ольги Солюдовниковой** (Прокопьевск) и **Д. Филиппенко** (Ленинск-Кузнецкий).

Литературная газета «Поэтоград» (Москва) в № 2 за 2017 год напечатала стихи **Д. Филиппенко** из новой книги «На побережье пульса».

Антология «Карта современной поэзии «Глагол» (Санкт-Петербург и Ростов-на-Дону) напечатала стихи кузбасских поэтов **С. Донбая** и **В. Коврижных**.

Малый журнал поэзии из Омска «Нобелевский тупик» в первом номере за 2017 год напечатал стихи кузбассовцев **Сергея Дьякова**, **Виктора Коврижных** и **Дмитрия Мурзина**.

Виктору Коняеву – 65 лет

Дорогой Виктор Фёдорович! Поздравляем с 65-летием. За короткое время вы завоевали место постоянного автора журнала и внимание читателей. Редакция ценит ваш талант и ждёт новых произведений.

171

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).
«Природа Алтая» (Барнаул)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово и ОАО «Кемсоцинбанк».

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **С. Л. Донбай**
№ 2. Дата выхода в свет: 02.05.2017
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 76. Цена свободная

Адрес редакции: 650099, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Издатель: ГУК КО «Кузбасский центр искусств», 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Отпечатано в типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650099, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»

Корректоры: **Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова**

Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**